

сказки центральной индии

**сказки
центральной
индии**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

Издательство «Наука»

СКАЗКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНДИИ

Перевод с английского и сантальского
Г. А. Зографа и З. Е. Самойловой

под общей редакцией

Г. А. Зографа

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»:

И. С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТинский,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ

Составление, предисловие и примечания
Г. А. ЗОГРАФА

С42 **Сказки Центральной Индии.** Перевод с английского и сантальского Г. А. Зографа и З. Е. Самойловой. Предисл. и прим. Г. А. Зографа. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1971.

376 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация повествовательного фольклора народов Центральной Индии, сопровождаемая предисловием и примечаниями. Сборник рассчитан на взрослого читателя.

7-3-4
275-70

И(Инд.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральная Индия, самое сердце большой древней страны... Обширное плато, окаймленное цепями холмов, местами сильно рассечено глубокими ущельями рек. В древности это была таинственная область девственных лесов, населенных, по представлениям жителей Северной Индии (об этом мы узнаем из их эпоса), лесными дикарями и различными сверхъестественными существами. Колонизация Центральной Индии пришельцами с севера началась уже в раннем средневековье, а в течение нескольких последних столетий во всех ее более доступных равнинных частях лес постепенно, но неуклонно сводился, и земли обращались в поля. Теперь леса в своем первозданном виде сохранились лишь там, где сильно пересеченный рельеф препятствует культурному земледелию. И все же Центральная Индия поныне остается одним из самых лесистых районов страны. Это здесь, в Сеони, родина прославленного Киплингом Маугли — именно здешние леса так красочно описаны в «Книге джунглей». Всего сто лет назад карта этой области была полна «белых пятен». И даже ныне здесь еще можно найти, хотя их с каждым десятилетием остается все меньше, уголки, почти полностью оторванные от внешнего мира; уголки, где не используют даже примитивной сохи и деревянного колеса, где нет не только железных дорог, но и проезжих грунтовых, а местные жители сохранили в своем быту немало черт первобытной родо-племенной организации общества.

Здесь, в нынешнем штате Мадхья Прадеш, что значит «Срединный штат», и соседствующих с ним на северо-западе и особенно на северо-востоке районах, рассеяны сравнительно небольшими группами (на фоне огромной массы населения Индопакистанской географической области, общая численность которого перевалила за полмиллиарда, группы в десятки и сотни тысяч и даже в миллион человек действительно выглядят небольшими) потомки древнейших жителей Индии — те, кого принято считать автохтонами, или коренным местным населением. В сегодняшней Индии их именуют «адиваси», что значит «первоначальные жители». Это — народно-

сти мунда, малые дравидские народности Центральной Индии, и сюда же можно отнести бхиллов. Хотя ныне каждая из этих групп пользуется языками и диалектами, принадлежащими к разным лингвистическим семьям: мунда — языками мунда, относимыми к аустро-азиатской семье, дравиды — дравидскими, представляющими обособленную группу, а бхиллы — индоарийскими диалектами, входящими в индоевропейскую семью языков, — сходство этнических типов, образа жизни и многих поверий всех этих народов позволяет предполагать доисторическую общность их происхождения. Наиболее вероятно, древнейшую группу представляли здесь мунда, значительная часть которых еще в древности подверглась глубокому влиянию дравидов, ныне населяющих Южную Индию, а позднее — арийцев, пришедших в Северную Индию с северо-запада примерно за полторы тысячи лет до нашей эры и вскоре частично подчинивших себе коренное местное население, с которым они впоследствии смешались, а частично отеснивших его из плодородных долин Инда и Ганга, главным образом к югу.

Достоверных свидетельств о ранней истории местных народов до нас не дошло. Упоминания о лесных племенах в древнеиндийском эпосе отрывочны и по большей части фантастичны. Каких-либо собственных исторических памятников древности у этих народов не сохранилось. Объектом внешнего изучения и описания они становятся лишь в ходе последних двух-трех столетий. Какие-то сведения о средневековом периоде, да и то весьма фрагментарные, имеются только касательно гондов. Ранняя же история этих народов может в той или иной мере быть восстановлена главным образом на основании внутренних данных — фольклора, религиозных систем и языковых реконструкций, но и этот материал на современном этапе его изучения не дает достаточно полной картины. Наконец, о некоторых процессах, действовавших в прошлом, удастся судить по тем социальным переменам, которые наблюдаются в настоящем.

В частности, настоящее помогает понять, как малые народы перемешивались в многоплеменном и многоязычном индийском котле. Переписи населения, проводимые в Индии с конца прошлого века через каждые десять лет, показывают неуклонную ассимиляцию малых лесных народностей окружающим индоарийским населением. Это выражается как в изменении их образа жизни — переходе от охоты и собирательства к земледелию, распаде замкнутых племенных группировок и перестройке общества по кастово-классовому принципу, так и в распространении двуязычия, ведущего в ряде случаев к отказу от родного языка. Согласно последней переписи (1961 г.), лишь половина гондов — крупнейшего из дравидских народов Центральной Индии — сохранила родной язык гонди. Остальные пользуются ныне диалектами либо хинди, либо маратхского.

Но и среди говорящих на гонди почти половина (45%) двуязычны — наряду с родным языком они используют упомянутые выше диалекты. Санталы, крупнейшая народность группы мунда, правда, в подавляющем большинстве сохраняют родной язык, но и у них весьма высок процент двуязычия: больше трети санталов говорит наряду с санталским на диалектах бенгальского, а также хинди и ория. Вполне вероятно, что бхили являют нам конечный результат такого процесса, завершившегося полным переходом народности на язык экономически и политически более сильных соседей (с точки зрения лингвистической классификации современный бхили может рассматриваться как группа диалектов соседствующего с ним индоарийского языка — гуджаратского).

Как у дравидских народностей Центральной Индии, так и у народностей мунда существует немало поэтических легенд, излагающих происхождение того или иного племени, причем начинают они обычно с самого сотворения мира. Вот как выглядит подобная легенда у гондов в изложении, опирающемся на запись, которая была сделана свыше ста лет тому назад миссионером С. Хислопом и с тех пор неоднократно использовалась исследователями Центральной Индии.

«...Сначала повсюду была вода, и Всевышний родился из лотоса, и жил он один. Раз потерял он себе руку и из грязи, что стерлась, сотворил ворону, которая уселась к нему на плечо. Он сотворил еще краба и пустил его в воду. Потом он повелел вороне облететь мир и принести ему земли. Долго летала ворона, но земли не нашла; увидела она только краба, который торчал из воды, опираясь ногой о дно морское. Ворона сильно устала, она и села на спину крабу. А спина у того была мягкая, и на ней от вороньих когтей остались отметины — их и теперь у любого краба увидишь. Спросила ворона у краба, где бы ей земли отыскать. Краб сказал, что он нашел бы земли, если бы господь сделал его тело твердым. Всевышний согласился сделать твердым кусок его тела — с той-то поры у крабов и появился на спине панцирь. Краб нырнул на дно, нашел Кенчуа — земляного червя, схватил его клешней и принес. А отметку от крабей клешни носят все черви и нынче. Червь выплюнул щепотку земли, краб отдал ее Всевышнему, и Всевышний рассеял землю по морю, и выросла на море суша. Спустился Всевышний на землю, и из нарыва у него на руке вышли Махадео и Парвати.

Начал Махадео мочиться, и из мочи его пошли расти всякие овощи. Поела их Парвати и понесла. Родилось у нее восемнадцать кругов брахманских богов и двенадцать кругов гондских богов. А по всему лесу развелись гонды. Все заполнили они: и лес, и долины, и горы — под каждым

деревом прятался гонд. И все живое, что попадалось им на глаза, они убивали и пожирали. Всех они убивали и ели — будь то шакал, или олень, или лань. Все им шло за одно: и свинья, и перепелка, и голубь, и ворона, и коршун, и гриф, и лягушка, и ящерица, и жук, и корова, и теленок, и буйвол, и буйволица, и крыса, и белка — всех они были готовы убить и сожрать. Вот что делали гонды. Поедали они все сырое, незрелое; по полгода не мылись, валялись в грязи и навозе. Вот какие были те гонды. Вонь пошла от них по всем джунглям, и стал гневаться на них Махадео. «Плохая эти гонды порода, не стану я их беречь», — сказал он и задумал их извести.

Созвал он к себе гондов и, когда они все собрались, сотворил из грязи со своего тела белку и пустил ее в их круг. Все гонды бросились на нее — каждый хотел ее схватить и сожрать. Белка вырвалась из кольца и бежать, а гонды за ней. И завела она их в Железную пещеру на Красной горе. Тут Махадео взял да и завалил устье пещеры огромным камнем и запер там всех гондов. Только четверо остались снаружи. Они убежали и спрятались на Красной горе. Тем временем чует Парвати, не стало больше гондского духа, что был ей так мил. Принялась она творить пост и молитву, чтобы вернуть их обратно. Шесть месяцев она так постилась, и нарушило это покой Всевышнего. Он послал Нараяна — солнце — посмотреть, кто там постится. Нараян пришел, увидел Парвати и спросил, чего она хочет. Она отвечала, что осталась без своих гондов и желает вернуть их обратно. Нараян доложил о том Всевышнему, и он обещал их вернуть ей.

А в горах Дхавалгири рос на дереве желтый цветок. Всевышний послал гром и молнию, и цветок зачал. Сперва из него выпал на землю ворох шафрана. Утром, когда взошло солнце, цветок открылся, и из него вышел Линго. На пупке у Линго сверкал алмаз, а на лбу был сандаловый знак. Он упал из цветка прямо на шафран. Он играл в нем, а спал в гамаке. Стало ему девять лет, и он увидел, что нет вокруг ему подобных, и решил их искать. Влез на высокую гору и увидел вдали четырех гондов у Железной пещеры. Он пошел к ним. Они увидели, что он такой же, как и они, и приняли его словно брата. Ели они только мясо. Линго их попросил поймать ему такого зверя, у которого нету печени. Они обыскали весь лес и ничего похожего не нашли. Тогда Линго научил их срубить лес и выжечь поле. Стали они рубить деревья, да руки натрудили до пузырей и остановились. Всего два дерева и срубили. Линго сам взял топор, срубил много деревьев, потом сжег их, и открылась черная земля. Линго обнес поле забором и сделал калитку. Пошел дождь и не прекращался три дня. Вода в ручьях и реках поднялась до берегов, а поле зазеленело рисом.

Дальше говорится о том, что на поле пришло стадо нильгаев — синих

антилоп — и потравило весь рис. Линго выследил нильгаев и вместе с братьями всех их пострелял из луков. Потом стал учить братьев разводять огонь и жарить мясо. Высечь огонь кремнем братья не сумели. Пришлось идти за огнем к костру, который разжег великан людоед Рикад Гавади. Братья долго отговаривались, пока наконец младший не решился пойти. Линго пустил из лука стрелу, и она понеслась вдоль земли, валя деревья и срезая траву, и проложила прямую дорогу к самому полю великана. Подкрался по ней младший из гондов к костру, увидел, что великан спит, схватил головешку и пустился бежать, да второпях обронил искру на великана. Тот проснулся и кинулся в погоню — хотел похитителя изловить и съесть. Тот еле ноги унес, а головешку прочь бросил.

Братья-гонды перепугались, и никто из них не решался попытать счастья снова. Пришлось идти за огнем самому Линго. По дороге Линго взял тыкву, вставил в нее бамбуковую палку, натянул два собственных волоса — и вышла скрипка. Подошел он к костру, где спал великан, забрался на вершину высокого дерева и принялся играть на скрипке. Так сладко запела скрипка, что все вокруг застыло в молчании. Проснулся старик великан и заслушался. Стал он смотреть, кто же это поет, и никого не увидел, а тем временем ноги сами понесли его в пляс. Той порой рассвело. Вышла из дому старуха — жена великана — и тоже услышала дивную музыку. Пошла она к полю, увидела, как ее старик пляшет, и сама в пляс пустилась. Тут Линго открылся им, и великан принял его как родного, стал звать племянником и предложил ему своих семь дочек в жены. Линго сам жениться не стал, но согласился взять их для своих братьев. Каждому дал он по две жены, только младшему досталась одна. Братья в благодарность решили принести ему из лесу плодов и дичи, и Линго остался один с их семью женами — те качали его в гамаке. Только начали у него глаза слепляться дремотой, жены братьев вздумали с ним заигрывать. Он встрепенулся, стал совестить их, называл сестрами и матерями, а они все свое. Увидел Линго — лежит длинный пест, чем рис в ступе толкут, схватил его и отлупил их хорошенько. Заплакали они, разбрелись по своим хижинам и задумали отплатить Линго. Вот, как братья вернулись из леса, они и нажаловались, что Линго хотел их всех обольстить и обесчестить, и сказали, что жить рядом с таким они не согласны. Братья поверили и в гневе решили убить Линго. Зазвали они его в лес — будто помочь им крупного зверя загнать, там осыпали его стрелами, и он упал мертвым. А они еще у него глаза вырвали и принялись ими друг у друга кидаться.

Не услышал Всевышний обычной молитвы, которую Линго ему возносил, и послал свою ворону разузнать, не приключилось ли с ним чего. Вернулась ворона и доложила, что Линго умер. Тогда Всевышний опять

послал ее на землю с живой водой. Спрыснула ею ворона мертвое тело, и Линго ожил.

Теперь Линго решил отыскать тех гондов, которые, как четверо братьев ему говорили, были заперты где-то в пещере. Он шел через горы, продираясь сквозь чащу лесную, пока не настала ночь и землю не окутала тьма. Тогда он взобрался на высокое дерево. Внизу рычали дикие звери и лаяли шакалы, а Линго все думал о своих братьях-гондах, томящихся в заточенье. Между тем взошла луна, залила лес своим молочным светом, и Линго пришло на ум спросить у нее, не видала ли она, где его гонды. Да только луна ему ничего не сказала — она не знала сама. Замерцали на небе звезды. Линго спросил их о том же и тоже ничего не узнал. Настало утро, звезды поблекли, поднялось ослепительное солнце и озарило всю землю. Стал его спрашивать Линго, но и солнце не видело гондов. Вот и пустился Линго опять через лес. Шел он, пока не пришел к пещере отшельника, мудрого старца, знающего волшебство. Спросил его Линго про гондов и тут только узнал, где заточил глупых прожорливых гондов великий бог Махадео.

Стал тогда Линго совершать подвиги воздержания. Возлег он на терния и стал поститься. Постился он целый год и ослаб так, что не только рукой или ногой шевельнуть, даже веки поднять сил у него не осталось. Мясо на его теле иссохло, и кости проступили наружу сквозь кожу. Так велик был его подвиг, что зашатался сам трон Махадео. Встал Махадео, спустился со своей горы Дхавалгири и пошел по земле — посмотреть, кто там так подвижничает. Увидел он Линго на ложе из терний и спросил, чего он хочет. Тут Линго и потребовал освободить пленных гондов. Предлагал ему Махадео взамен что угодно — и богатство, и земли, и славу, да Линго не согласился. Тогда Махадео поставил ему условием такую задачу: пойти на берег моря и принести оттуда птенцов громадной птицы Биндо.

Линго пришел на берег моря, нашел гнездо с птенцами, но самих птиц-родителей не было в нем — они улетели в леса охотиться на слонов, потому что птенцов они выкармливали слоновьими мозгами. Показалось ему нехорошо взять птенцов тайком, по-воровски, без родителей, и он, ожидая возвращения птиц, прилег на песок и задремал. Тем временем из воды вышла громадная морская змея и полезла в гнездо за птенцом. Она и до того не раз приходила и успела семерых птенцов утащить. Услыхал ее Линго, вскочил, наложил стрелу на тетиву и пригвоздил чудовище к земле. Потом разрубил змею на семь кусков и бросил их в море, только голову оставил валяться под гнездом, а сам снова лег и заснул. Прилетели птицы Биндо, принесли птенцам мозги слонов и верблюдов, а те есть не хотят, говорят: «Отдайте их Линго. Он убил змею, чудящее морское,

спас нас от неминуемой гибели». Стали птицы спрашивать Линго, чем бы им его наградить, а он от всего отказывается, просит только птенцов — отнести их к Махадео. Приуныли сперва птицы Биндо, потом согласились, посадили его и птенцов на свои широкие крылья и через полдня принесли их на гору Дхавалгири ко вратам Махадео, а пути туда было от моря пешему на полгода.

Увидал Махадео Линго и птиц — нечего делать, пришлось ему выпустить гондов.

«Ну и досталось тут нам, батюшка Линго, — говорят гонды. — В этой грязной дыре ничего не нашлось нам в рот положить». Вывел их Линго к реке, водой напоил и накормил рисом и просьяными лепешками.

Потом Линго увел гондов в леса, там они заложили город, и стал этот город процветать и расти. Линго разделил гондов на кланы, а самого старого сделал пардханом — жрецом, и закон такой положил, чтобы в клане своем не жениться, и научил, как праздновать свадьбу. Сотворил он и гондских богов и велел гондам приносить им жертву вином и скотом и плясать перед ними. А когда все это было сделано, сам Линго ушел от людей и стал богом».

И действительно, имя Линго у гондов окружено ореолом божественной святости. Но легенда не только показывает истоки происхождения одного из специфических гондских культов; она дает достаточно яркое представление о синкретизме гондской религии, включившей в себя элементы, заимствованные из индуизма. Вместе с тем здесь нашел отражение целый ряд традиционных фольклорных мотивов, со многими из которых читателю предстоит встретиться в сказках данного сборника. С другой стороны, легенда практически не дает сведений, касающихся реальной истории гондской народности. Даже локализовать сколько-нибудь удовлетворительно место действия оказывается невозможно. Если, например, отнести Дхавалгири — Белую гору — к Гималайской горной области, что можно сделать, опираясь на общендийскую традицию помещать обитель Шивы (он же Махадео) именно в этом районе, то и это не поможет выяснить дислокацию интересующего нас в первую очередь места земного действия — района Красной горы, т. е. предполагаемой родины гондов. Слишком неявно выражена связь между обеими точками. То же касается и хронологии. Несомненно одно — легенда в ее нынешнем виде сложилась не ранее первого тысячелетия нашей эры, поскольку в ней явственно отражены уранические концепции.

Первые проблески в завесе тьмы, окутывающей раннюю историю интересующих нас районов Центральной Индии, появляются около VI—

VII вв. н. э. Известно, что в эту пору в Центральной Индии установилось господство раджпутских династий. Они властвовали здесь, пока в XII в. не пали под ударами более сильных соседей. В частности, Мандла (на северо-востоке) была завоевана властителем княжества Рева, находившегося южнее нынешнего Аллахабада. Впоследствии большая часть области попала под власть гондских династий. В средневековых индомусульманских исторических хрониках эти районы так и стали известны под общим наименованием Гондваны — страны гондов. Среди наиболее сильных и продолжавшихся дольше других здесь могут быть названы династии, правившие в Гарха-Мандле, Деогархе и Чанде. Военские доблести и ратные подвиги гондских раджей воспевались профессиональными гондскими бардами-пардханами. К числу героических баллад подобного рода относятся помещенные в предлагаемом сборнике сказания о Лохабандхе (№ 46) и Сингхисурве (№ 47). Как видно из этих примеров, конкретного исторического материала подобные произведения не содержат. Исторически достоверны и родословные гондских династий, включающие в себя явно легендарные факты. К тому же и те и другие в течение ряда веков передавались только устно. Наиболее надежными оказываются те скудные сведения, которые можно почерпнуть из хроник могольских историков.

Власть гондских раджей просуществовала до середины XVIII в., когда в Центральную Индию вторглись маратхи. Это ускорило начавшуюся уже много раньше колонизацию Центральной Индии индоарийцами — раджпутами и маратхами с запада и хиндиязычными группами с востока. Местное гондское население частью осталось на равнинных участках. Смешавшись с пришельцами, оно перешло к культурному земледелию и в качестве одного из составных компонентов включилось в кастово-профессиональную структуру индуистского сельского общества. Другая его часть, сохраняя прежнюю племенную организацию и традиционный способ хозяйства, отошла в менее доступные лесные районы с сильно расчлененным рельефом. Немногом больше ста лет тому назад, в 1853 г., когда Центральная Индия перешла под контроль британской колониальной администрации, такая солидная английская востоковедная организация, как Королевское Азиатское общество, к тому времени весьма активно занимавшаяся изучением Индии, констатировала, что нагорья и джунгли Гондваны представляют собой обширные совершенно не исследованные пространства и выглядят на ее картах сплошным белым пятном. И совсем уже в недавнее время, в отчете о переписи 1931 г., указывалось, что ряд районов Центральной Индии, в первую очередь таких, как покрытая густыми лесами Мандла на севере или удаленный и труднодоступный Бастар на юге, остается основным местом расселения коренных и некоторых смешанных народностей и племен, сохранивших в своем образе жизни и организации

общества максимум первобытных черт. А большинство гондских (включая сюда и родственные гондам племена и народности) сказок, вошедших в наш сборник, было собрано как раз в Бастаре и Мандле.

Иначе освещают происхождение своего племени санталы. Согласно их преданиям, родоначальниками санталов были муж и жена Пильчу-харам и Пильчу-бурхи, вышедшие из двух яиц, снесенных диким гусем. От их детей пошло семь основных санталских родов, к которым впоследствии прибавилось еще пять. Своей прародиной санталы называют Хихири (Ахири) Пипири, что некоторыми исследователями идентифицируется с районом Ахури, расположенным на плато Хазарибаг, юго-западная оконечность которого заходит на территорию современного штата Мадхья Прадеш. В легендах рассказывается о странствованиях племени, о том, как санталские «раджи» (очевидно, племенные вожди) обратились в индуизм и стали вести себя «по-раджпутски» и как в результате племя, сохранившее верность прежней религии, оставило их править индусами, а само ушло на возвышенность Раджмахал, туда, где Ганг, огибая ее, резко меняет направление своего течения с восточного на южное. Эта местность — нынешний округ Сантал Паргана и прилегающие к нему районы — поныне служит основным центром расселения санталов.

Как и в случае с гондами, санталские легенды дают мало достоверного материала для того, чтобы определить истинную родину этой народности. На основании одних и тех же свидетельств различные исследователи делают прямо противоположные заключения о первоначальных путях их движения. Ясно, однако, что еще в позднем средневековье санталские племена занимали в основном районы, лежащие западнее современной территории их расселения, в частности нынешний округ Хазарибаг, откуда их постепенно вытесняли волны хинди- и бихариязычного земледельческого населения, мигрировавшего на юг из перенаселенной Пригангской низменности. Общее направление движения санталов, ведущих в связи с их традиционным способом подсечного земледелия полукочевой образ жизни, в течение нескольких последних веков было северо-восточным. Об этом, кроме всего прочего, убедительно говорит та важная роль, которую в обрядовой системе санталов играет река Дамодар, почитаемая ими священной.

Вся жизнь как гондов, так и санталов первоначально была связана с лесом: охота и сбор дикорастущих плодов и корней, а впоследствии вдобавок к этому и подсечно-огневое земледелие в течение многих веков служили им основным источником пропитания. Лес снабжал их всем необходимым в их пезамысловатом быту. Хотя в ходе последних столетий

образ жизни этих народностей существенно изменялся — особенно сильное влияние оказывало на них помимо все более тесных связей с индуистским кастовым обществом оскудение лесов, повлекшее за собой почти повсеместный переход к пашенному земледелию, специфические черты быта и мировоззрения, возникшие в ходе длительного существования среди девственных лесов, у них во многом еще сохранились. Эти черты, отличающие санталов и гондов от масс земледельческого индоарийского населения, заметно сближают тех и других, несмотря на многие частные расхождения.

Так, если сантальское общество конца прошлого века выглядит достаточно однородным как в этническом, так и в социальном отношении, хотя и здесь классовое расслоение уже дает себя знать, то национальный комплекс, определяемый общим названием «гонды», далеко не столь целостен. Здесь различаются отдельные этнические локальные группы, среди которых особый интерес для нас в связи с приводимыми ниже сказками представляют населяющие Бастар марии и мурии. Выделимы и сословно-профессиональные группировки, статус которых в гондской общине в некоторых чертах напоминает позицию каст у индуистов. Таковы, в частности, агарии — лесные кузнецы и кустари-металлурги, умеющие плавить железо, и пардханы — гондские барды и жрецы, нередко занимавшие должности первых советников у гондских раджей. Любопытно, однако, что традиционный социальный статус последних ниже, чем у обычных гондов: пардхан принимает пищу из рук гонда, но гонд не возьмет ее у пардхана. Тесно смыкаются с гондами близкие им и по этническому типу и по языку малые народности: байга, курук, дханвар, дхоба, пандо и др. Уровень общественного развития у разных групп и племен неодинаков. Наиболее отчетливо родо-племенные отношения проявляются у байга, муриев и мариив. Но и образ жизни собственно гондов различается в зависимости от местных условий и окружения. В небольших деревушках, разбросанных среди гор и лесов, обычно прослеживаются те или иные черты племенной организации. Равнинные гонды, проживающие в смешанных поселениях бок о бок с индуистами, утрачивают этнические черты и встают в один ряд с низкастовыми индусскими профессиональными группировками или выступают в роли внекастового элемента индусского общества. То же можно сказать и о санталах: в маленьких, затерянных в глуши деревушках племенные обычаи и традиционный бытовой уклад сохранились в большей степени, чем в окруженных полями больших поселениях, жизнь в которых перестраивается по образцу обычной индуистской деревни.

Место для деревни выбирается недалеко от воды — речки или пруда, но достаточно высоко, чтобы ей не грозило затопление в пору муссонных дождей. Маленькие лесные деревушки состоят из какого-нибудь пятака или

десять хижин, в больших деревнях число домов, тянущихся вдоль единственной улицы, достигает многих десятков и даже сотен. Дома строятся из местного материала. На безлесной равнине они обычно саманные, а у немногих состоятельных жителей могут быть каменными или кирпичными. Но у санталов и гондов, чья связь с лесами еще не утрачена, дома сооружаются из дерева. Конструкция их большей частью весьма несложная. Ставятся четыре столба по углам — на них держится стропильное строение крыши, которую кроют тростником, изредка, у богатеев, — черепицей. Стены плетутся из сучьев или из полос расщепленного бамбука. Окон в них нет — свет проникает в дом через дверь и через щель, оставляемую под самой крышей. Иногда стены обмазываются глиной, но нередко они остаются и без обмазки. Дверной проем невелик. Он может закрываться легкой, плетеной из древесных ветвей или бамбуковых планок дверцей, приставной или подвешенной на веревочных петлях. Пол — земляной или глинобитный. Прямо в полу, в углублении, обмазанном глиной и снабженном глиняными же выступающими краями, на которых держатся горшки над огнем, устраивается очаг. Иногда очаг целиком лепится из глины. В этом случае он имеет форму прямоугольного ящика. Отверстие в горце служит топкой, на верхней стенке — ряд отверстий-конфорок с выступами по краям. Числом таких конфорок определяется величина очага. Чаще всего их две: на одной варится основное блюдо — рис или просяная каша; вторая нужна, чтобы одновременно готовить приправу из овощей или бобовых, а при случае и из мяса. Комната в таком доме обычно только одна — это и кухня, и столовая, и спальня для холодного времени года. Меблировка в высшей степени скромная — она состоит из одной или нескольких кроватей. Такая кровать представляет собой прямоугольную раму с веревочной сеткой, укрепленную на четырех простых ножках. Иногда к этому добавляются «стулья» — плоские куски дерева толщиной в 15—20 см или невысокие табуреты с сиденьем из веревочной сетки. Гонды часто не имеют и такой мебели — они спят и сидят на травяных циновках.

Кроме жилой комнаты у гондов и у санталов нередко выделяется небольшое добавочное помещение, которое служит божницей, или молельней. У гондов это пенкхоли — пристройка снаружи, имеющая отдельный вход; у санталов — отгороженный внутренний угол, именуемый бхитар. Там хранятся домашние боги, там приносятся жертвы богам и духам предков. Божница строго охраняется от непосвященных, и допускаются в нее обычно только мужчины.

При минимальном достатке хозяин сооружает вдоль одной или нескольких стен дома веранду — невысокую террасу, над которой нависает скат крыши, опирающийся по наружному краю на ряд столбиков. Здесь принимают посетителей, устраивают на ночь гостей, да и сами хозяева

спят в жаркую пору. У землепашцев, которые обрабатывают свое поле с помощью воловьей упряжки и вдобавок к этому держат коров или буйволиц, на усадьбе стоит еще хлев. Он строится так же, как дом, но плетеные стены не имеют обмазки; передняя стена обычно отсутствует, нередко нет и боковых, а простейший вид хлева — это навес на четырех столбах. Кроме коровника во дворе может быть и овчарня — строение того же типа, в котором держат коз и овец. В состоятельных хозяйствах службы ставятся вплотную к дому, замыкая с трех сторон внутренний дворик, используемый для хозяйственных нужд. Хлев может быть и удален от дома, находясь на противоположном конце небольшого двора, обнесенного плетнем. Народ победнее, особенно те, у кого крупного скота не имеется, обходятся вообще без хлевов — мелкий скот (коз, свиней) и домашнюю птицу они держат у себя в доме. За домом может лежать огород, используемый под овощи или кукурузу. Это самый плодородный участок земли у крестьянина, так как он постоянно удобряется естественными отходами хозяйства. Основное же поле обычно расположено в некотором удалении от деревни, иногда довольно значительном, поскольку выбор его диктуется местным рельефом.

До самого недавнего времени в жизни сельского населения Индии господствовали принципы натурального хозяйства. Это особенно относится к отсталым районам. Деревня здесь сама себя обеспечивает всем необходимым в быту. Землепашцы растят зерно, масличные, овощи, хлопок. В тех местах, о которых речь идет в сказках, львиную долю урожая составляет рис — под него отводится больше половины посевных площадей. За рисом следуют разные сорта проса, преобладает среди них баджра — неприхотливое «колючее просо». Гонды и санталы обычно обходятся без распространенного в Индии искусственного орошения. Санталы широко практикуют террасное рисосеяние, и есть мнение, что именно народы мунда принесли в Индию этот вид земледелия. Рис высевается с началом муссона, в июне — июле, на тех участках, где хватает естественного увлажнения; участки посуше отводятся под просо. Летне-осенний урожай собирается в ноябре — декабре. В сухой зимне-весенний сезон поля засеваются масличными, хлопком и бобовыми, представленными в Индии огромным числом сортов гороха и чечевицы; они идут на приготовление самой распространенной приправы к рису. Пока земледelec трудится в поле, пастухи-ахиры, состоящие на службе у деревни, а то и просто деревенские ребятишки пасут в зарослях коров и буйволиц, коз и овец.

Продукты земледелия и скотоводства обрабатываются на месте. Деревенские ткачи ткут суровые ткани, а красильщики красят их растительными пигментами, добываемыми ими самими на лугах и в лесах. Золотых дел мастера изготавливают золотые и серебряные украшения для тех не-

многих, кому они по карману; шире спрос на продукцию специалиста по дешевым стеклянным браслетам, столь популярным у женщин. Сапожник-чамар тачает обувь, правда, желающих носить ее здесь немного: ортодоксальные индусы высокой касты избегают соприкосновения с кожаными изделиями и предпочитают деревянные сандалии, а большинству других они недоступны — те ходят всю жизнь босиком. Маслоделы-тели на своих неуклюжих деревянных масляных прессах, приводимых в движение парой быков, жмут масло из горчичного, хлопкового или кунжутного семени — это масло идет на приготовление пищи, на умачение кожи, а у тех, кто посостоятельней, на освещение — его жгут в лампах-плошках. Винокур-калары гонят вино из цветов дерева махуа и снабжают им к праздникам свою округу. Помимо того в домах варят пиво из рисового зерна или из проса. Плотники и кузнецы поставляют соседям незамысловатый земельческий инвентарь — сохи, мотыги, серпы, топоры; изготавливают двери к домам и тяжелые телеги на двух высоченных колесах, которые потом скрипят по дорогам, влекомые медлительными волами. Правда, у гондов и санталов не часто встретишь телегу — в тех местах, которые они населяют, до недавнего времени проезжих дорог почти не было. Горшечник-кумхар лепит горшки и кувшины, прессует кирпич и черепицу из глины, добываемой им под обрывом у ближней речки или ручья. Могут быть тут и корзинщики, и мастера, которые вяжут веревки, и медники, изготавливающие металлическую посуду для состоятельных индусов из высших каст, и сукновалы, поставляющие крестьянам грубошерстные одеяла, и многие другие. Для разного рода услуг тоже есть свои профессионалы, состоящие обычно на содержании у деревни: метельщики, стражники, брадобреи, музыканты, знахари, прорицатели и всякие прочие.

Конечно, далеко не в каждой деревне представлены все эти профессии. Чем меньше деревня, чем дальше она затерялась в лесах, тем слабее в ней ощущается разделение труда, достигая минимума в чисто санталовских или гондских селениях, где еще сохранились четкие следы племенной организации общества. Жителям маленьких деревушек приходят на помощь базар и странствующие торговцы.

Базарные деревни, по роли своей соответствующие дореволюционным русским ярмарочным селам, и поныне служат в сельской Индии центрами местной экономической жизни. К этим сравнительно большим деревням, отстоящим в Центральной Индии одна от другой километров на десять-двадцать, тяготеют мелкие окрестные поселения. Там ведь не только много разных ремесленников, там и лавочник, и ростовщик, он же меняла. Хотя объем торговли на обычном деревенском базаре в денежном выражении оказывается на удивление невелик, всегда найдется желающий разменять серебряную монету на медь, уплатив за размен какую-то долю. А при

скудости наличных средств в сельском доме заем под будущий урожай — обычное дело. Это туда в базарные дни, которые бывают раз или два на неделе, отправляются избыток натуральных продуктов и ремесленные изделия, не находящие спроса на месте, и там же приобретается то, чего нельзя достать или изготовить у себя дома. В базарный день мелкие деревушки выглядят вымершими — весь народ из округи, от мала до велика, тянется на базар. Прежде вся торговля велась под открытым небом, только в последние десятилетия стали появляться рынки знакомого нам типа — с прилавками, с навесами, защищающими от дождя и палящего солнца, и, естественно, с платой за место. Продавцы, скрестив ноги, усаживаются прямо на землю и раскладывают перед собой свой незамысловатый, но незаменимый в деревенском обиходе товар. Тут сидят огородники с тыквами, луком и всякой зеленью. Там — бакалейщики; они торгуют солью, разными пряностями, без которых не обходится индийская кухня, и куркумой. Последняя и в пищу идет, и служит лекарством, и дает желтую краску, столь важную принадлежность свадебного обряда. Маслоделы продают ароматное постное масло, ткачи — домотканые сари и дхоти. Мастера украшений торгуют кто стеклянными запястьями, кто дутыми браслетами из дешевого серебра, которые носят не только на руках, но и на щиколотках, кто серьгами для ушей и для носа, кто резными гребнями, кто маленькими кустарными зеркальцами. Найдутся тут и пестрые туфли с загнутыми носами, изделие местных кожевников, и табак, и бетель, и тележные колеса, и резные двери, и кнуты, и ремни, и веревки — все, что производит округа. Нередко крестьянин приносит с собой корзинку зерна — распродать в розницу, а на выручку совершить свои скромные покупки — денег-то в доме не водится. На большие базары пригоняют и скот, старый и молодой. Здесь можно купить и рабочих волов, и молочную корову, и телку, и коз, и овец — хочешь в стадо, хочешь на убой, потому что санталы и гонды в отличие от ортодоксальных индуистов не накладывают ограничений на потребление мяса. Порой на базар приезжают скупщики зерна и разных других сельских продуктов, например топленого масла, для вывоза их в города, а то и в другие районы страны.

Идут на базар не только затем, чтобы что-то купить или продать, но и просто развлечься — людей посмотреть и себя показать. Тут можно встретить родню и знакомых, узнать местные новости, посудачить о соседях и соседках. Особенно тянет на базар женщин — они идут туда толпами, разодевшись получше, навесив все свои украшения. И вправду, если не считать свадеб и праздников, еженедельный базар — главное, что вносит какое-то разнообразие в монотонный ход сельской жизни.

Детализованное разделение труда, подобное описанному выше, присуще в первую очередь равнинной деревне с преобладающим индуистским

населением. Профессионализация здесь основывается на кастовом делении общества, сохранившемся в полной мере до завоевания Индией независимости. Социальный статус той или иной группы лиц определяется не столько материальным достатком, сколько профессиональным занятием, которое является наследственным и принадлежит человеку от рождения. Таким образом, и материальный достаток, если не считать возможности большего или меньшего преуспевания той или иной индивидуальности в своей профессионально-кастовой группе, в значительной мере обусловлен рождением. Статус касты в обществе определяется уровнем ее социальной коммуникабельности, т. е. традиционно допустимой степенью свободы общения данной социальной группировки с окружающими ее группами населения. Практическим эталоном обычно служит уровень отношений данной группы с брахманами — высшей кастой индуистского общества. Здесь выделяются пять основных градаций. Первую, высшую, ступень занимают «благородные» касты — потомки трех «чистых» древнеиндийских сословий, или варн: жреческого (брахманов), воинского (кшатриев) и торгово-земледельческого (вайшьев). В наших сказках эту группу наряду с брахманами представляют, в частности, раджпуты, возводящие свой род к древним воителям-царям, и торговцы — бани. Общение между членами этих каст не подвергается сколько-нибудь серьезным ограничениям.

На следующей ступени стоит группа земледельческих каст, также признаваемых «чистыми». Свидетельством этому служит тот факт, что брахманы могут принимать воду из рук их членов. Сюда входят, например, курми, лодхи, пастухи — ахиры и занимающиеся цветоводством и огородничеством мали. Именно эти касты, чаще какая-нибудь одна из них, и составляют основное население деревни, владеющее на общинных началах землей. Наряду с ними во вторую группу входят ремесленники высшего ранга, такие, как сонар — золотых дел мастер, тамера — медник, бархаи — плотник, халваи — кондитер и пр.

Третья ступень принадлежит группе каст, не обладающих той ритуальной чистотой, которая отличает упомянутых ранее, но и не оскверняющих своим прикосновением. Поэтому их представители допускаются в деревенские храмы. Тем не менее из их рук брахман воды уже не возьмет. Исключение в этом смысле делается, по соображениям практического удобства, только для некоторых категорий слуг, таких, например, как водоносы. Ядро этой группы составляют обслуживающие касты, чей более низкий по сравнению с земледельцами статус обусловлен, в частности, тем, что первоначально они экономически полностью зависели от общины, состоя у нее на содержании, которое выплачивалось им в виде небольшой доли с урожая. Помимо таких каст, как водоносы — дхимары, прачки — дхоби, носильщики паланкинов — кахары, цирюльники — наи, горшечники — кум-

хары, кузнецы — лохары, маслоделы — тели, винокуры — калары и им подобные, сюда входит целый ряд каст, члены которых несут обязанности деревенских стражников, а также касты странствующих подвижников, кормящихся подаванием, и деревенских жрецов низшего ранга, исполняющих повседневные ритуальные обряды, связанные со свадьбами, наречением имени, началом основных сельскохозяйственных работ и т. п.

Четвертую ступень занимают представители неарийских народностей. Сюда входят санталы, гонды и родственные им этнические группы, которые были перечислены выше. Строго говоря, в той мере, в какой они сохраняют традиционную племенную организацию и отказываются исповедовать индуизм с его строгими ограничениями в потреблении мяса и признанием безусловного социального приоритета брахманства, они стоят вне индуистского общества. Вместе с тем история показывает, что в ходе обращения в индуизм представители этих народностей занимают различные ступени описываемой здесь социальной лестницы. Влиятельные племенные вожди, известные под именем гондских и сантальских раджей, вошли в высшую группу. Ко второй группе в качестве отдельных каст присоединились те немногие родо-племенные объединения, которым удалось сохранить право собственности на принадлежавшие им ранее земли. Однако большинство малых народностей и племен лишилось своих земель и вошло в круг каст, выполняющих служебные функции, заняв, таким образом, место на третьей ступени, а еще чаще на низшей — пятой, о которой речь пойдет ниже. Таким образом, на четвертой ступени стоят те представители национальных меньшинств, которые еще не адсорбировались индуистским большинством и живут обособленно собственными поселениями преимущественно среди холмов и лесов, занимаясь охотой и обрабатывая оставшиеся в их владении земли. Видимо, именно владение землей ставит их, несмотря на недопустимую, с ортодоксально-индуистской точки зрения, неразборчивость в пище, выше низших каст индуистов — неприкасаемых.

Последние и занимают пятую, низшую, ступень социальной лестницы. Сюда входят ремесленники и наемные слуги, по роду своей деятельности связанные с ритуально-нечистыми субстанциями — телами павших животных, особенно их шкурой, и всякого рода отбросами. Это кожевники — чамары, разного рода танцоры и музыканты (они играют на барабанах, обтянутых кожей), метельщики и уборщики мусора. К этой группе относятся также ткачи, выделяющие грубые ткани, и корзинщики, изготавливающие разного рода плетеные изделия из тростника и бамбука. Помимо исполнения своих профессиональных занятий все они обычно занимаются на полдневные сельскохозяйственные работы к состоятельным земледельцам. Это самая бесправная и обездоленная группа населения, подвергающаяся наиболее безжалостной эксплуатации. Ритуальная нечистота (например, для

брахмана всякое соприкосновение с ними считается оскверняющим: не только телесное касание, но даже падение на него тени от неприкасаемого заставляет брахмана совершать омовение и подвергать стирке одежду) ограничивает их контакты с более высокими слоями деревенского населения исключительно деловыми, профессиональными отношениями. Им не разрешается посещать деревенский храм и ходить за водой к общественному колодезю — они роют себе отдельный. Если же колодец в деревне один, неприкасаемым разрешается подходить к нему только с определенной стороны — при обычном для индийских колодезев диаметре в несколько метров выделить им какой-то участок его борта несложно. Часто и жить им приходится в стороне от самой деревни, на выселках, представляющих собой кучку жалких хижин.

Такова самая общая схема социальных отношений в индуистской деревне. В зависимости от местности она может в тех или иных деталях меняться. Поскольку в реальной структуре общества нет четко выраженных грапей между выделенными выше ступенями, его схему можно представить себе не только как лестницу, но и в виде сплошной наклонной плоскости — статус тех или иных каст колеблется соответственно локальным условиям. Однако такие колебания заходят не дальше соседней ступени.

Социальная структура чисто гондской или сантальской деревни значительно проще. Все члены общины здесь обычно относятся к одному экзогамному роду, только в очень больших равнинных деревнях могут быть представлены несколько родов. Таким образом, население деревни состоит из одной или нескольких групп, внутри которых оно связано кровным родством. Владение землей у них первоначально было совместным. Каждой семье выделялся определенный участок; по мере изменения состава семьи происходило перераспределение земли. Ныне землевладение все более принимает индивидуальный характер. Административную власть в деревне осуществляет староста. Помимо этого имеется общинный совет, разрешающий споры между членами общины и наказывающий за проступки. Большие деревни в сравнительно ровной местности, где достаточно пригодной для обработки земли, приближаются по своему типу к описанным выше. Население здесь занимается пашенным земледелием и ремеслами. В горных и лесных деревушках экономической основой жизни до недавнего времени оставались охота, собиранье дикорастущих плодов и корней и подсечное земледелие, продолжавшее существовать в глухих уголках, несмотря на запрет, наложенный на него около ста лет назад английской колониальной администрацией (об основных его типах см. примечание к сказке № 10). Эти деревни невелики, и уровень жизни в них значительно ниже, чем на равнине. Типичный пример такого существования дают байги.

Житейские потребности их в высшей степени скромны — они обходятся минимумом одежды, посуды и инструментов: набедренная повязка, грубошерстное одеяло, оно же «плащ» и «пальто», циновка, два-три горшка для воды и приготовления пищи (остальная посуда делается из листьев), топор, мотыга и серп, лук со стрелами — это чуть ли не все. Живут они в примитивных хижинах с плетеными стенами и тростниковой крышей, мало отличающихся от шалаша. В прошлом, когда земледелие у них носило исключительно подсечный характер, они не держали никакого скота, кроме кур и свиней. Когда под давлением властей им пришлось переходить к пашенному земледелию, они начали заводить волов и коров, но пашут землю они весьма примитивно, сея главным образом просо, и не питают к этому занятию большой склонности, предпочитая ему свои традиционные промыслы. В пору муссона, когда в разлившихся реках появляется много различной рыбы, они бросают поля и идут на рыбную ловлю. Как только начинают созревать лесные плоды, все отправляются их собирать. Кроме того, круглый год, невзирая на все запреты, они промышляют охотой. Будучи искусными стрелками из лука, они вместе с тем не брезгают никакими ловушками и западнями, и изобретательность их в этом плане не знает предела. При всем том пропитание у них весьма скудное, и они постоянно живут на грани голода. По-видимому благодаря своей близости к природе, байги пользуются у окрестного населения репутацией колдунов и прорицателей. Им принадлежит роль официальных жрецов в гондских деравнях.

Религиозные верования дравидских народов и санталов представляют собою любопытную смесь анимистических культов с элементами индуизма, как весьма ранними, так и заимствованными в сравнительно недавнее время. Различаясь в деталях у разных народностей и племен, эти верования в структуре своей достаточно сходны, чтобы можно было говорить о них в целом.

Большинство народностей признает существование Всевышнего — вездесущего и всеведущего, творца и владыки мира и всего в нем живущего. Он устанавливает моральные нормы и карает за их нарушение. В конечном счете он же владеет жизнью и смертью. Гонды и их соседи именуют его Бхагаван, как индуисты, или Махапуруб. У санталов, неся те же атрибуты и функции, он именуется Тхакур, или Чандо, и в последнем случае часто отождествляется с солнцем. Интересно, что ни гонды, ни санталы, несмотря на верховную роль этого божества, не совершают ему поклонений; у них нет ни каких-либо посвященных ему ритуалов, ни его изображений или символов; ему не приносятся жертвы.

Следом за Бхагаваном идет другое высшее божество, которого гонды зовут Бара-дэо, а байги — Тхакур-дэо. Его символизирует каменная плита,

устанавливаемая вертикально на краю деревни. У этой плиты совершаются поклонения и жертвы перед началом посева и в некоторых других важных случаях жизни. Названное божество нередко идентифицируется со Всевышним. По-видимому, оно служило верховным божеством племени до того, как индуистский Бхагаван стал своего рода главой пантеона. Подобная двойственность прослеживается и в трактовке Чандо у санталов.

В обыденной жизни главная роль принадлежит племенным, деревенским и домашним богам. Им служат, обтирая и обмывая символизирующие их каменные столбы или примитивные фигурки из дерева и металла. Им приносят жертвы зерном, для них производят заклинание домашних животных и птицы. В одном ряду с домашними богами стоят духи предков, к которым постоянно обращаются за помощью и защитой. Кроме того, к ним примыкают и некоторые индуистские божества, среди которых выделяются Махадео (Шива) и Парвати.

Помимо божеств носителями сверхъестественной силы, способными творить больше зла, чем добра, являются, по представлениям санталов и гондов, всевозможные духи и бесы. Это в первую очередь души людей, умерших без положенных очистительных обрядов. Они населяют леса и воды и служат постоянной угрозой для неосторожного путника. Одухотворяются также многие животные, растения и силы природы, особенно те из них, с которыми тесно связаны быт и хозяйство.

Эти поверья, равно как и реальные условия жизни народа, нашли яркое отражение в гондском и сантальском фольклоре. Хотя, как справедливо отмечает собиратель гондских сказок известный этнограф-индианист В. Элвин, индийский фольклор не содержит тех «автобиографий» племен и народностей, какие находит Ф. Боас в фольклоре американских индейцев, эти сказки служат богатым источником сведений о поверьях и быте их создателей и рассказчиков. Это относится в первую очередь к сказкам бытового характера и сказкам о животных. Но даже классические волшебные сказки, в которых рассказчик стремится увести слушателя вслед за героем как можно дальше от рутины обыденной жизни, содержат немало штрихов, дополняющих образ народа. Своей этнографической достоверностью особенно отличаются собранные П. О. Боддингем сантальские сказки. В большинстве из них одна за другой проходят картины повседневной жизни сантальской деревни: расчистка поля, посев, охрана и сбор урожая; прием гостей, заключение дружбы, сватовство и женитьба; семейные ссоры и примирения; суд, творимый общинным советом, и многое другое. Порой подобные описания могут показаться растянутыми, динамизм центрального действия сказки снижается, но описываемые детали и ситуации столь характерны и красочны, столь ярко рисуют самобытную жизнь далекого от нас народа, что это с лихвой вознаграждает любознательного

читателя. В этом смысле сказки П. О. Боддинга могут быть названы энциклопедией сантальского быта.

Одно, в чем и Боддинг и Элвин находят решительное несоответствие сказки действительности, это широко распространенный отход от принятых в соответствующем обществе этических норм. Убийство, надувательство, похоть, столь часто — и порой с нескрываемым удовольствием — описываемые в сказках, вовсе не признаются нормальным явлением. Напротив, в жизни они осуждаются и наказуются.

* * *

Предлагаемые вниманию читателей сказки почерпнуты из двух коллекций, которые с полным правом должны быть признаны лучшими из существующих собраний фольклора соответствующих народностей. Сантальские — собраны в конце прошлого и начале нынешнего века миссионером П. О. Боддингом, проведенным среди санталов значительную часть своей жизни и бывшим в свое время крупнейшим знатоком этого народа. Подавляющее большинство сказок, представленных в его собрании (P. O. Boddin g, Santal Folk Tales, vol. I—III, Oslo, 1925—1929), записано его постоянным спутником и помощником Саграмом Мурму — одним из первых грамотных санталов. Ему, в частности, принадлежит двадцать восемь из тридцати пяти сантальских сказок, отобранных для настоящего издания. Четыре сказки рассказаны Бхуджу Мурму, остальные три — разными другими лицами. В издании Боддинга текст сказок, записанных в оригинале приспособленной к сантальскому языку латиницей, сопровождается английским переводом и обстоятельным комментарием, который был в немалой мере использован при составлении примечаний к русскому переводу.

Сказки гондов и родственных им народностей были собраны В. Элвином в тридцатых годах нынешнего столетия в восточных районах современного штата Мадхья Прадеш, носящих местное наименование Махакошал, главным образом в Мандле и Бастаре. В его издании (V. Elwin, Folk-tales of Mahakoshal, Bombay-Madras, 1944) сказки даны в переводе на английский язык. В этих переводах, сделанных с оригиналов на чхаттисгархи, а частично с гонди через параллельное толкование, обычно самим же рассказчиком, на чхаттисгархи или халби (это относится к сказкам, собранным в Бастаре), исследователь стремился насколько возможно сохранить своеобразие подлинника. Исходя из стилистического сопоставления его переводов с немногими доступными нам в оригинале образцами гондских сказок, можно сказать, что поставленную задачу решил он с успехом. Имен рассказчиков В. Элвин не называет, но всегда точно указывает их принадлежность к определенной этнической или социальной

группе и место, где записана сказка. В число отобранных из его сборника для русского перевода вошли двадцать три собственно гондские сказки (в том числе семь пардханских и четыре сказки агариев), восемнадцать сказок муриев и три мариев. Девять сказок принадлежат байгам, еще девять — другим небольшим родственным гондам народностям из числа упоминавшихся выше.

Таким образом, предлагаемый читателю сборник содержит немногим более трети сказок из издания Боддинга и примерно такую же часть материала сборника Элвина. Он включает количественно небольшую, но достаточно репрезентативную долю центральноиндийского фольклора, поскольку отбирались для него в первую очередь те сказки, которые наиболее отчетливо отражают специфику духовной и материальной жизни санталов и гондов. Ввиду того что сборник предназначен для широкого круга читателей и охватывает уже известный специалистам по оригинальным публикациям и достаточно учтенный в фольклористике материал, составитель за редкими исключениями не вводил в него параллельных вариантов, а также тех сказок, которые в какой-либо из своих индийских разновидностей уже представлены на русском языке в ранее опубликованных переводах. По этой же причине, а также учитывая значительную типологическую близость сказок, принадлежащих перечисленным выше народностям Центральной Индии, они даются здесь единым корпусом, без членения по этническим группам носителей. Располагая их в сборнике, составитель в значительной мере следовал классификации сюжетов по Аарне. Данные об этнической принадлежности рассказчика и местности, где записана сказка, содержатся в примечаниях.

Нельзя сказать, чтобы центральноиндийские сказки резко противостояли сказкам из других частей Индии. В большинстве из них мы сталкиваемся с теми же сюжетами и мотивами, которые свойственны индийскому фольклору в целом. Вполне очевидно, что санталам и гондам издавна было знакомо устное творчество их индоарийских соседей, с которыми они живут в длительном и достаточно тесном контакте. Более того, некоторые из рассказываемых ими сказок имеют литературные параллели, зафиксированные в санскритских сказочных сборниках около тысячи лет тому назад. Примером тому служат две помещенные здесь сказки о незадачливом мечтателе, ищущем, как бы получше употребить еще не заработанные деньги (№№ 90 и 91), прототип сюжета которых нашел отражение еще в «Панчатантре» и «Катхасаритсагаре». Это, однако, достаточно редкое исключение. В основной своей массе индийское народное устное творчество весьма далеко отстоит от «классической» сказочной литературы, несмотря на общность целого ряда мотивов. Особенно это относится к фольклору малых неарийских народностей. И все же специ-

фика последнего заключается не столько в своеобразии сюжетов и мотивов, сколько в характере их подачи — в том материальном и духовном фоне, на котором они воплощаются и развертываются. Весьма показательным, что подлинной оригинальностью здесь обладают как раз наименее характерные, наименее «сказочные» (в узком смысле этого слова) жанры сказки — те, что ближе всего стоят, с одной стороны, к легенде, преданию или балладе, а с другой — к бытовой новелле, житейскому анекдоту. Образцами первых могут служить гондские сказания о Лохабандхе и Сингхисурве (№№ 46 и 47). Круг вторых значительно шире. Сюда относится, в частности, целый ряд сантальских сказок, опирающихся на реальные житейские ситуации, например сказки о пьяном хвостуне (№ 83), о продажных свидетелях (№ 84), о сироте, которого обобрала родня (№ 85), о недогадливом зяте (№ 86), об украденной козе (№ 87) и др. К ним примыкают и сказки муриев, в первую очередь те, которые посвящены выбору невесты (№№ 53, 54 и др.).

Среди более «типических» сказок выделяются определенным своеобразием цикл, связанный с поползновением брата жениться на родной сестре (№№ 56—58; ср. № 43), и цикл, касающийся браков с животными (№№ 29—36).

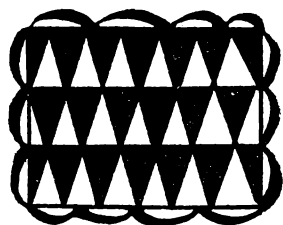
В числе сказок о животных центральное место принадлежит двум циклам — шакальему и тигриному. Не будучи особо специфичными — сказки этого типа широко распространены по всей Индии, — они содержат немало оригинальных деталей и поворотов сюжета. В то же время эти сказки показывают, насколько большое место в сознании людей, чья жизнь тесно связана с лесом, занимают два зверя: шакал, выступающий здесь в двух традиционно-индийских своих ипостасях — мудрый благожелательный советчик сочетается в нем с бессовестнейшим пройдохой, — и жестокий убийца-тигр, постоянно угрожающий человеческой жизни.

Наконец, своей формой привлекают внимание те гондские сказки, в которых большое место принадлежит песенному элементу. Крайне незамысловатые по сюжету, они покоряют таящейся в них поэтичностью. Таковы, например, сказка о девушке Дасмотин, похищенной змеем (№ 35), сказка о съеденной рыбе-девушке, завершающаяся весьма жестокой развязкой (№ 29), и особенно сказка о безответной невестке (№ 45).

Здесь мы ограничились самыми беглыми замечаниями о характере центральноиндийского фольклора. Тем же, кто захочет ознакомиться с ним более глубоко, можно порекомендовать обратиться к упоминавшейся выше книге В. Элвина. Читатель найдет в ней и специальные характеристики основных типов сказок, и очерк истории изучения индийского фольклора, и исчерпывающую библиографию вопроса.

Г. А. Зограф

**сказки
центральной
индии**

1. Птичий раджа

Давным-давно птицы решили сделать павлина своим раджей. Вот они и попросили его пойти и одеться во все самое лучшее, прежде чем воссесть на престол. Павлин удалился и возился так долго — свои перья раскладывал так и сяк, что птичий народ устал его ждать.

Среди птиц сидела сова, и все птицы дивились ее огромным глазам. Говорят все друг дружке:

— Надо нам ее сделать раджей.

Время идет, а павлина все нет — вот они и возвели сову на престол.

Все уже кончилось, тут выходит горделиво павлин.

— Ты такой шеголь — ну прямо ганда! — кричит ему воробей. — С нынешнего дня ты будешь наш ганда.

И они прогнали его из собрания, потому что гандам положено держаться отдельно.

2. Лягушка-неудачница

Пошла раз лягушка в гости к гонду. Прискакала к его дому и говорит:

— Рам-Рам, дядюшка.

— Рам-Рам, племянничек, — отвечает гонд. — Омыть тебе ноги теплой водой или холодной? ¹

— Холодной,— говорит лягушка.

Гонд притащил горшок холодной воды и только хотел омыть лягушке ноги, она вдруг сама туда прыг, искупалась и назад вылезла.

— Умная ты лягушка,— говорит гонд,— мало воды расплескала.

Потом гонд усадил ее со всем почетом и спрашивает:

— Что я сегодня могу для тебя сделать?

— Дядюшка,— отвечает лягушка,— я иду навестить раджу. Почему бы тебе не послать свою дочку вместе со мной?

Гонду это пришлось по душе, и он послал свою дочку вместе с лягушкой. Лягушка скакала впереди, а девушка шла сзади. Скоро лягушка устала, вскочила на девушку и уселась у нее на груди. Девушка только рассмеялась, и они весело прошли всю дорогу до дворца раджи.

Увидела лягушка раджу и говорит:

— Рам-Рам, раджа-сахиб.

А радже очень понравилась девушка. Он и думает: «У этой лягушки жена милее, чем у меня». Ввел он девушку в дом, а лягушку оставил сидеть на веранде.

Потом раджа спрашивает:

— Омыть тебе ноги теплой водой или холодной?

— Холодной,— отвечает лягушка.

А раджа принес горшок кипятку. Лягушка-то думала — вода там холодная,— прыгнула прямо в горшок и сварилась. Тут раджа женился на девушке, а дохлую лягушку бросил в реку.

3. Шакал и кабан

Раз мучил шакала голод. Думает он: «Пойду-ка я к дядюшке тигру, чего-нибудь у него поесть раздобуду». А по дороге ему повстречался кабан. Шакал говорит:

— Братец, этот мой грязный дядюшка тигр сегодня тебя оскорбил.

— Ладно. Что он сказал?

— Он сказал: «Дай мне только встретить этого грязного кабана — от него и хвоста не останется. Не съем я его, так пусть кто угодно усы мне обрежет».

Вот что сказал шакал. А кабан говорит:

— Если я увижу этого грязного тигра, я его одной ногой уокошу.

Вот приходит шакал к своему дядюшке. Морду совсем скривил.

— Что это ты нынче морду кривишь, племянничек?

— Я встретил кабана по дороге. Он мне сказал: «Дай мне увидеть этого грязного тигра, я его одной ногой уокошу».

Тигр говорит:

— Сведи-ка меня туда.

Пришли они на то место, а кабана там уже нет.

— Ты зачем, племянничек, меня обманул?

— Если я тебя обманул, пусть мне зад смолой вымажут и топором по макушке бьют.

Потом шакал пошел к кабану. Морду на сторону скривил.

— Ты что нынче морду кривишь, приятель?

— Когда я был у дядюшки тигра, он снова сказал: «Дай мне только увидеть этого грязного кабана, я от него и хвоста не оставлю».

— Сведи меня туда, приятель.— Так сказал кабан.

Приходят они на место, а тигр уже ушел.

— Ты зачем, приятель, меня обманул?

— Если я тебя обманул, пусть мне зад смолой вымажут и топором по макушке бьют.

Раз кабан встретил тигра и убил его. Да и самому кабану сильно досталось — он смерти ждал. Пришел шакал, думал сожрать и дядюшку и приятеля.

— Обожди, приятель, пока я умру,— говорит кабан.

А рядом был пень дерева сал. Дерево только срубили, и пень слезился смолой. Шакал и вздумал присесть на пень, пока смерти кабана ждать придется. Сел он и прилип задом к пню. Шел мимо охотник. Увидел кабана и добил. Шакал хотел убежать, да не смог оторвать зад от пня. Вот охотник и прикончил шакала-обманщика — топором его по макушке стукнул. А зад у него уже был в смоле.

4. Шакал-пройдоха

Раз в прежние времена, говорят, шакал и курица надумали завести дружбу до конца жизни и договорились считаться отныне родней¹. Назначили день, чтобы это дело отметить. Каждый наварил пива и, как пиво перебродило, стали звать друг друга в гости. Сперва у шакала выпили пиво, а потом пошли к курице.

Курица скоро напилась допьяна и принялась клевать носом. Как ни пищали ее цыплята, ей не до них было. Тут шакалу и вздумалось: «Съем-ка я эту курицу». Схватил он ее, пьяную и беспамятную, зубами за шею, отволоч в сторону да и съел там. А цыплята остались сиротами.

На другой день цыплята распищались вовсю, а у шакала от их голоса слюнки текут. Курица ему так по вкусу пришлась, что он только и думал, как бы их всех сожрать. Вот он пришел к ним и спрашивает:

— Послушайте, племяннички, чего вы так распищались?

— У нас матушка умерла и оставила нас одних, дяденька,— отвечают цыплята.

— А где вы спите?— спрашивает шакал.

— В нише в стене²,— отвечают.

Узнал шакал, что ему было надо, и ушел. А цыплята говорят между собой: «Этот самый шакал съел нашу матушку. Теперь он нас расспрашивает, чтобы нас тоже съесть». И порешили они: «Не будем мы нынче ночью спать в нише». Договорились так и засунули в нишу ножи и бритвы. Как стемнело, шакал пришел и полез шарить в нише лапой. Изрезался об ножи и бритвы так, что кровь не унять. Заохал от боли. Так ни с чем и ушел.

На другой день пришел снова и опять спрашивает:

— Слушайте, племяннички, чего вы пишете?

— Наша матушка умерла и оставила нас одних, дядюшка,— отвечают цыплята.

— А вы где спите?— он спрашивает.

— Мы спим в очаге³,— говорят.

Поговорили они так, и шакал ушел. Только за вечерело, он вернулся, да цыплята еще не спали, и пришлось ему уйти снова. А цыплята, рассказывают, развели в очаге огонь и, как нагорело побольше углей, присыпали их сверху золой. Немного

погода шакал пришел опять и уселся перед очагом. Засунул лапу в очаг — там пошарить — и обжегся. Выдернул поскорей лапу обратно, да второпях выгреб целую горсть горячих углей прямо себе на брюхо. Обгорел так, что завизжал в голос.

Цыплята это услышали и стали смеяться. Они в этот раз забрались в тыквенную бутылку⁴, там и ночь провели. А шакал загородил им выход и говорит:

— Это вы виноваты, что я так обжегся — весь обгорел. Я вас съем, всех до единого.

Цыплята ему говорят:

— Послушай, дяденька, ты нас съешь, это мы знаем. Только сделай милость, не ешь нас здесь, в нашем доме. Ты ведь не стал есть нашу матушку прямо в доме. Вот мы и просим тебя: не ешь нас здесь тоже. За огородом у нас лежит большой ровный камень. Снеси нас туда и съешь нас всех там.

— Так, племяннички, так, — отвечает шакал. — Неплохо придумали. Там, на большом камне, сяду я поудобнее и всех вас съем.

С такими словами он и вправду взял тыкву и потащил ее вместе со всеми цыплятами. Только забрался на камень, тыква у него невесть как выскользнула из лап и с громким треском разлетелась в куски. Раз такой случай, цыплята ждать себя не заставили и бросились наутек — кто бегом, кто вприпрыжку, а кто и на крылышках — в разные стороны. Шакал прямо-таки остолбенел от изумления — он только голову успевал поворачивать. А один цыпленок был в самом низу, все другие на него гадили и до того его пометом измазали, что ему и не вспорхнуть. Шакал говорит:

— Вот хорошо-то. Все-таки Чандо позаботился, чтобы я не остался без пищи. Те цыплята были, видно, неправедные — вот он и дал им разбежаться. Теперь я себя ублагоотворю.

А цыпленок ему:

— Ты меня съешь, это верно. Только годится ль тебе есть меня такого испачканного? Лучше сперва отмой меня дочиста, тогда уж и ешь.

— Верно, — говорит шакал. — Я тебя съем, когда вымою.

Вот он и вправду вымыл цыпленка. А цыпленок опять:

— Послушай, дяденька, ты ведь все равно меня съешь, так дай мне малость подсохнуть. Дай мне сперва подсушиться немного.

— Ну нет,— говорит шакал.— Если ты обсохнешь, ты убежишь.

— Да нет, дяденька,— отвечает цыпленок.— Раз ты мне так мало веришь, подсуши меня у себя на губе. А я, как обсохну, сам тебе скажу, чтобы ты рот открывал.

Сказать по правде, шакал послушался цыпленка и посадил его к себе на губу. Обсох цыпленок как следует и говорит:

— Открой, дяденька, рот пошире — я высох.

Только шакал пасть разинул, цыпленок нагадил ему прямо на язык и вспорхнул. И полетел он, ух как он полетел! Лишь далеко-далеко, там, где термитник стоял, он опустился на землю. Шакал — за ним. Язык на бегу то и дело вываливает — пасть от помета почистить. Добежал до термитника, начал обыскивать все вокруг. Видит: дыра в термитнике — такая, что рука в нее свободно пролезет. Вот он и говорит сам себе: «Не иначе, как он залез в эту дыру». Стал он изо всех сил засовывать лапу поглубже в дыру, да никак ему до дна не достать. Он и когтями скреб глину и зубами пробовал грызть — ничего у него не выходит. И бросить это дело никак не хочет. Цыпленок-то тем временем убежал невесть куда. В конце концов шакал говорит:

— Ну ладно, цыпленок. Ты облегчился мне в рот и убежал. Я от тебя теперь не отстану, пока не съем.— Ну а раз достать цыпленка ему не удалось, он добавил: — Ты, цыпленок, такой-сякой, долго ты думаешь там сидеть? Ладно, я за тобой присмотрю. Я буду сидеть и сторожить эту дыру. Скоро ты мне попадешься. Жизнью заплатишься за свои проделки, негодник.

Правду сказать, он как решил, так и сделал. Сел напротив дыры и стал ее сторожить. И пока он так сидел, кто его знает как долго, термиты проели насквозь шкуру у него на задку. Наконец ему надоело сидеть, да и голод дал себя знать. Он встал и сказал: «Мясо ушло у меня изо рта. Я сидел здесь впустую. Этот цыпленок меня снова надул. Съесть бы мне его тогда сразу, все было бы хорошо. Чего ради я дал такому куску ускользнуть изо рта?»

Приуныл шакал и поплелся к нижнему полю — поискать там рыбы или крабов⁵. А там ловила рыбу старуха. Шакал увидел ее и говорит:

— Эй, бабушка, дай мне тоже половить рыбки.

— У меня и так сил больше нет отливать воду,— отвечает

старуха.— Не дам я тебе ловить рыбу. Лучше вычерпал бы остальное.

— Ах так, старуха зловредная! — говорит шакал.— Раз ты не даешь мне поймать хоть рыбешку, я тебя укушу.

— Что ты, не надо,— испугалась старуха.— Я дам тебе половить, только не кусай. Иди, сделай милость! Давай ловить вместе, а улов поделим.

Спустился шакал на поле, и они принялись ловить рыбу. Старуха ему говорит:

— Ну-ка, иди и ты, замути воду. Надо их погонять хорошенько.

Тут и шакал стал мутить воду: он барахтался, и окунался, и прыгал. Поймал небольшую рыбешку и проглотил ее целиком. Старуха вышла на сухое местечко, а шакал все барахтается и окунается, прыгает и воду мутит. Тут, говорят, рыбешка, что он проглотил, выскочила у него сзади. Он ее цап и опять проглотил.

— Смотри, бабка,— кричит.— Что это ты ничего не поймала? А я одну съем, другую хватаю.

— Да то все одна, сам, что ли, не видишь? — отвечает старуха.— Ты ее который раз снова хватаешь.

— Вот и нет,— спорит шакал.— Я разных ловлю.

— Да нет,— уверяет старуха,— это та самая. У тебя дыра на зад, она из нее и выскакивает. А не веришь — воткни ей в жабры соломинку, пусть она будет меченая. Проглотишь — сразу увидишь: она или не она.

Шакал так и сделал, как сказала старуха. Пометил рыбешку соломинкой и проглотил. Только начал барахтаться и нырять, чтобы воду опять замутить, рыбешка выскочила. Шакал глядит — она и верно с соломинкой. Начал он щупать зад лапой, а там дыра.

— Гляди, бабушка,— говорит.— Кто бы мне это зачинил?

— Пойди к сапожнику,— отвечает старуха.— Он тебе поставит заплату.

— Хорошо,— сказал шакал.— Я пойду.

Пришел он к сапожнику и говорит:

— Сапожник, зачини-ка мне зад. Я за это принесу тебе петуха.

И в самом деле сапожник поставил ему заплату, да еще нарезал ее бахромой с одного края, так что при всяком движении она колыхалась, а когда шакал шел, слышался шелест и лег-

кий треск. Шакалу это очень понравилось. Он изловил петуха и отнес сапожнику.

Немного спустя понадобилось шакалу опорожниться. Старается, а ничего у него не выходит. Побежал он снова к сапожнику и говорит:

— Слушай, сапожник, я не могу справить нужду. Что же ты мне дырки для этого не оставил?

— Пойди к кузнецу,— отвечает сапожник.— Он мигом проткнет тебе подходящую дырку каленым железом.

Шакал, правду сказать, побежал к кузнецу и говорит:

— Послушай, кузнец, сделай милость, прожги мне железом дыру на зад. За это я принесу тебе петуха.

— Ладно,— сказал кузнец.— Сперва принеси петуха, а там я прожгу тебе какую хочешь дыру. А иначе я ничего делать не стану. Кто тебя знает, принесешь ты или нет; вы, шакалы, известные обманщики. Принеси сперва петуха, тогда я прожгу тебе дыру каленым железом. А нет — ничего и делать не стану.

Тут, сказать по правде, шакал убежал и мигом принес в своей пасти невесть откуда огромнейшего каплуна.

— На, смотри, что я принес,— сказал он кузнецу.— Ну теперь скорей делай мне дырку. Один шакал оказался обманщиком, так вы уж всех готовы такими считать. А что до меня, я не обманываю, вернее, много таких нас, кто людей не обманывает.

Кузнец и впрямь взял петуха, а потом раскалил докрасна железное веретено и воткнул его шакалу под хвост. Только он это сделал, из шакала так и брызнуло струей прямо в грудь кузнецу. А шакал пустился бежать и никогда туда не возвращался.

Как-то потом, кто его знает, сколько времени прошло с той поры, случилось шакалу пойти в деревню за курами. Бахрома у заплатки на ходу развевалась, похлопывала и шелестела. Шакалу это так нравилось, что ему вспомнилась старинная военная песня, и он запел на бегу:

Вон скачут жестокие всадники-турки ⁶,
Вон скачет раджа Коэнды ⁷.
Берегись, гляди в оба, беги!
Не то они растопчут тебя!

Услышали в деревне эту песню, и все побежали прятаться, все до единого. Шакалу приволье: рыщет он по деревне, хватает кур и тут же их ест. Наелся досыта и пошел прочь, а там и народ стал возвращаться.

На другой день шакал опять побежал в ту же деревню за курами и на бегу снова, как и в тот раз, запел свою песню. И опять вся деревня поразбежалась. Только одна старуха не убежала. «Куда мне бежать? — думает. — Пусть они, разбойники, убивают меня. Пусть делают со мной что хотят». Подумала она так и не побежала, а взяла да и спряталась в свинарнике.

А шакал, ворвавшись в деревню, принялся гоняться за курами что было сил. Он гонял их по всей деревне. Выберет самых больших да за ними и гонится. За одним петухом он гонялся дольше всего и загнал его как раз туда, где сидела старуха. Петух мимо нее проскочил, а шакал увидел старуху и остановился.

— Эй, бабуся, — говорит. — Поймай мне этого петуха, а то я тебе зубы выбью.

— Лови сам, — отвечает старуха. — Это дело мне не под силу.

Раз старуха не захотела помочь, шакал сам наловил кур и наелся досыта. Потом пошел к старухе и говорит:

— Ну, бабуся, ты не стала ловить мне петуха, так теперь я к тебе пришел. Скажи, бабуся: «Шакал».

Повторяет старуха:

— Шакал.

Взял шакал скалку и выбил ей зубы. Потом опять говорит:

— Бабуся, скажи: «Шакал».

Хочет старуха сказать «шакал», а зубы-то выбиты, и выходит «сакал». Очень шакалу смешно, что она не может чисто сказать. Он снова требует:

— Скажи, бабуся: «Шакал».

А она снова:

— Сакал.

И побегал шакал прочь, кто его знает куда. Бежит, а сам смеется.

Вечером весь народ, что поразбежался, вернулся в деревню. Старуха и говорит:

— Жестокие всадники-турки! Как бы не так! Их и духу тут не было. Это шакал, негодник. Кур наших ловит, неужто

не видите? Мне тоже велел кур ловить, да я не стала. Так он, поглядите, мне все зубы повыбил.

Тут все решили: «Завтра мы никуда не побежим. Спрячемся по домам, а как он сунется, забьем его насмерть». А один человек говорит:

— Нет, так не годится. Так мы его ни за что не изловим. Я вот что придумал. Давайте-ка слепим из воска женщину — совсем как эта старуха. Отнесем ее в тот конец улицы и посадим там, как положено, а руки ей вытянем в стороны. Шакал не удержится, чтобы ее не задеть, а мы уж будем готовы.

Тут все сказали:

— Правильно. Ты это ловко придумал. Так мы и сделаем.

Собрали весь воск, какой нашелся в деревне, и целую ночь провозились — лепили чучело. Как рассвело, отнесли его в конец улицы, а сами пошли за боевыми топорами, за луками и за стрелами, за рабочими топорами, за палками и всем прочим, что у кого было, — так они приготовились сами.

Ну а шакал уж вошел во вкус, сами знаете. Немного времени прошло, и все услышали: бежит он по дороге и песню свою распевает. Пел он точно как раньше и шел безо всякого страха. Вся деревня попряталась по домам и ждала наготове. Шакал дошел до конца улицы и видит: сидит женщина и руки расставила. Он сразу начал браниться:

— Поберегись, бабка! Иди прочь с моей дороги! Ты что мне путь загораживаешь? Вчера я тебе зубы повыбил, так неужто ты не боишься? Берегись, уйди с дороги, не то я тебе так поддам, что тут тебе и конец придет.

А раз она не сдвинулась с места, он и вправду дал ей пинка. И тут, сказать правду, его задняя лапа увязла в воске, да так, что и не выдернуть.

— Поберегись, бабка, отпусти! — кричит он. — Ах, матушки, эта старуха меня поймала! Ты, бабка, такая-сякая, если ты меня не отпустишь, я тебя стукну.

И вправду, как увидел шакал, что угрозы не помогают, взял да и стукнул ее. Передняя лапа тоже увязла.

— Матушки! — взвыл он. — Эта старуха меня за руку схватила.

Он стукнул ее другой лапой — и та увязла. Все его лапы увязли.

— Матушки, вот ведь старуха, такая-сякая! — кричит. —

Она схватила меня за руки и ноги! Берегись, бабка, лучше пусти, а то я тебя укушу!

И вправду сказать, раз он не мог убежать, что ему еще оставалось? Взял да и укусил. Тут и зубы его крепко увязли в воске — он и речи лишился. Так он здесь и упал обессиленный.

А народ подождал, подождал, да и говорит: «Ну-ка, не пора ли пойти посмотреть, что там с ним. Мы ведь слышали, как он пришел, а теперь уж давно ничего больше не слышно». Вышли все из домов, стали осматриваться. Слышат — да как тут не услышишь, — пыхтит он и отдувается в конце улицы. «Вон он там, в той стороне», — говорят. Подошли все поближе, видят: лежит он на земле рядом с восковым чучелом. Подбежали к нему и зарубили его топорами, а для верности еще и палками измолотили.

Тут и конец сказке про шакала — они его вправду прикончили.

5. Шакал и сантал

Жили в деревне мать с сыном. Сына звали Ануа. Сын на заре шел пахать, и мать носила ему завтрак в поле. Выходит она раз из дому, а ей навстречу шакал.

— Бабушка, — говорит, — что ты несешь? Поставь на землю. А не поставишь, я тебя так укушу, что ты упадешь и я тебя всю истопчу.

Старуха испугалась и поставила корзинку — в ней она завтрак носила — на землю. Шакал сожрал почти весь рис с чечевичной подливой, что для Ануа был приготовлен, а остатки старуха понесла сыну. Ануа и съел, что осталось, — где ему знать, что это шакальи объедки. Он это сделал не ведая¹. А шакал с той поры взял в обычай стращать старуху.

Вот раз сын и спрашивает:

— Матушка, почему ты мне нынче приносишь жалкие крохи, да и те вроде нечистые? Готовить ты разучилась?

— Нет, сынок, — отвечает старуха. — Еду я несу тебе из дому хорошую. Только, как выйду я из деревни, подбегает шакал, заслонит мне дорогу и говорит: «Бабушка, ставь наземь, что несешь. А не поставишь, я тебя так укушу, что ты упадешь

и я всю тебя истопчу». Я его боюсь. Я ставлю корзинку на землю. Он ест, пока не останется совсем немного. Это я тебе и несу. Мне боязно было, что ты меня заругаешь, вот я тебе ничего и не рассказывала.

Парень говорит:

— Ладно, матушка, завтра ты отведешь волов на поле, а завтрак я сам понесу.

— Хорошо, сынок, хорошо,— говорит мать.— Завтра ты положи соху на ярмо ², а я повяжу повязку на бедра, как у тебя ³, и отведу волов в поле.

— Так, так,— говорит парень.— Последи там за ними, пока я приду.

— Хорошо, сынок, хорошо,— сказала старуха.— Как прокричат петухи, ты иди запрягать волов, а я состряпаю завтрак. Ты и понесешь его, когда придет время.

— Хорошо,— сказал сын.

Вот запряг он быков, как договорено было, и старуха погнала их в поле, а сам Ануа оделся по-женски — повязал один кусок ткани вокруг поясницы, а другим грудь прикрыл — и сложил еду в корзинку. Пришло время завтрак нести, он поставил корзинку на голову ⁴ и пошел. Идет, на палку опирается, словно старуха.

Вдруг откуда ни возьмись шакал.

— Поставь еду наземь, бабушка,— говорит,— а то я тебя так укушу, что тут и свалишься.

Парень корзинку с головы снял, шакал — за еду. Тут Ануа возьми да огрей его своей палкой, так что тот кувырком полетел. Вскочил шакал на ноги и наутек. Кричит на бегу:

— Ой-ой! Это ведь Ануа! — Потом начал браниться:— Погоди, Ануа, погоди, такой-сякой. Раз ты, негодник, меня побил, я обгажу твой плуг и оботру зад об его рукоять.

Обругал его шакал такими словами и убежал.

А парень пришел в поле к матери и рассказал ей все, как было. Посмеялись они оба досыта и погнали волов домой. На другой день Ануа привязал на рукоять сохи бритву.

Раз ночью шакал прибежал и обгадил соху. Начал тереться задом об рукоять да и порезал себе ягодицы.

— Ой-ой! — кричит.— Это все Ануа. Это из-за него я порезал себе ягодицы. Ну погоди, Ануа, негодник, я за это у тебя бобы съем.

Ануа взял и вокруг кольев, по которым бобы вились, на-

тыкал побольше всяких колючек⁵. Шакал ночью пришел, полез за бобами и угодил мордой прямо в колючки.

— Ой-ой! — кричит. — Ну и кусаются бобы у этого Ануа!

Он так ничего и не съел и на прощанье сказал:

— Ну, Ануа, ну, негодник, здорово у тебя, такого-сякого, бобы кусаются. Зато кур твоих, негодник, я всех поем. Погоди только до завтра — всех передешу.

На другой день Ануа взял серп и спрятался с ним в птичьем углу⁶. Ночью явился шакал. Вошел в хижину — и напрямик в птичий угол. Потянулся он мордой к курам, а Ануа его острием серпа тук — словно клюнул. Шакал отскочил. Полез снова — и снова на серп. Так и пришлось ему идти восвояси. Вылез он во двор и сказал:

— Ну, негодные куры этого Ануа, вы меня совсем заклевали, а Ануа сам так подстроил, что я порезал себе ягодицы. Что ж, Ануа, такой-сякой, теперь ты у меня сдохнешь, да — сдохнешь.

С такой бранью он и ушел прочь.

Тогда, говорят, Ануа притворился, будто он помер. На другой день его старая мать принялась горевать — это она делала вид, будто горюет, — и пошла с плачем в лес и там причитала. Выскочил к ней шакал.

— Эй, бабушка, — спрашивает, — ты чего плачешь?

— Это ты проклял моего сына, — отвечает старуха. — Вот Ануа у меня и помер.

Тогда шакал говорит:

— Поделом тебе, поделом, негодник Ануа. Ты меня бил очень больно. Не помри вовремя, ты бы еще пожалел. Ну, бабушка, поминки-то когда будут?⁷

— Нынче, — отвечает старуха. — Нынче вечером я хочу справить поминки. Вот я и пришла тебе сказать. «Ох, — говорю я себе, — я ведь кормила его, словно сына, значит, надо мне его позвать на поминки». Вот, сынок, я так подумала и пришла дать тебе знать. Я сварю рису, сготовлю острой подливы, лепешек напеку. А кому я все это подам, прежде чем самой есть? Раньше, когда он был живой, я сперва кормила его, а после уж ела сама. Теперь, как не стало его, мне не найти места от горя.

— Не горюй, бабушка, — говорит шакал. — Я тебе буду вместо него. Теперь будешь давать еду первому мне.

— Ладно, — отвечает старуха. — Ну идем.

— Может, мне лучше попозже, поближе к вечеру — спрашивает шакал.

— Хорошо. Только приходи обязательно, не обмани,— говорит та.

— Будь спокойна, не обману.

Старуха домой, а шакал пошел рыскать по лесу — созывать своих соплеменников. Собралась их целая стая. Под вечер пришли все к дому Ануа.

Старуха выходит к ним и говорит:

— Садитесь, сынки, садитесь.

Сели они, а старуха как начнет причитать:

— Ой-ой! Помер мой сынок Ануа! Ой-ой! Помер мой сынок Ануа!

Так, говорят, она причитала. Тут шакал говорит:

— Не плачь, бабушка. Успокойся, кончай. Хватит плакать. Кто умер, того не воротишь. Кончай плакать. Лучше стготовь нам поесть.

Ну, она ополоснула горшки, в хижину их унесла, стала огонь разводите. А шакал ее просит:

— Бабушка, ты бы нас пока привязала, а то мы, неровен час, передеремся.

— Верно, сынок,— отвечает старуха.— Ты правильно говоришь. Дай-ка я сперва вас всех привяжу.

Взяла она веревки — чем волов запрягают — и привязала всех шакалов, а того нахального шакала связала крепко-накрепко.

— Сперва, сынки,— говорит,— я напеку лепешек, и мы сразу их поедим. А рис варится долго, я стготовлю его потом.

— Ладно! Хорошо! — закричали шакалы.— Только не медли с лепешками.

Старуха поставила на огонь сковородку и, когда та хорошенько нагрелась, начала на нее водой брызгать. Вода зашипит, а шакал приговаривает:

— Слышите, ребята, как там вкусно шипит. Ох как нас сейчас угостят!

Этот нахальный шакал даже подскакивал от нетерпения.

А Ануа до той поры лежал в бхитаре. Тут он встал потихоньку, отыскал палку, сжал ее покрепче в руке да как выскочит наружу, как примется бить шакалов — только успевай поворачиваться. Шакалы погрызли веревки и разбежались. Один этот нахальный шакал не смог справиться со своими верев-

ками, и Ануа исколотил его до беспамяත්ства, а потом так и оставил валяться во дворе всю ночь до зари.

Под утро Ануа стащил его вниз к реке на гхат и привязал там к колу, а рядом положил хорошую палку. Тут и пошло: как придет женщина за водой, первым делом угощает шакала палкой. Исколошматили его так, что он весь распух.

Ночью пришли напиться другие шакалы. Попили и спрашивают:

— Слушай, ты. Чем это ты кормишься, что так разжирел? На чем можно так раскормиться? Мы вот ничуть не жиреем.

— Я кормлюсь рисом,— говорит им шакал.— Кто ни придет сюда за водой, всяк несет мне горстку риса.

— А нам тоже дадут, если нас к колу привязать? — спрашивает один.

— Дадут, как не дать,— отвечает шакал.— Станут ли всех вас кормить, не скажу, а одному-то непременно дадут. Если не веришь, отвяжи меня, а я привяжу тебя на свое место этой же самой веревкой. Будь спокоен, завтра, едва рассветет, тебя кое-чем угостят.

Тот шакал обрадовался.

— Хорошо,— говорит.— Я попробую сделать, как ты говоришь.

И вправду, сказал он так и отвязал нахального шакала, а сам встал на его место. Наутро, только заря загорелась, он видит: пять женщин спускаются за водой. «Ну,— говорит он сам себе,— пять человек сюда идут. Уж пять-то горстей они принесут. Эх и поем я!» Только успел так подумать, женщины подошли и горшки на землю поставили⁸. Одна взяла палку да и вытянула его по спине. А за ней все остальные по очереди. Шакалу это пришлось совсем не по вкусу. Начал он прыгать, стал рваться изо всех сил — лишь бы освободиться. А тут подошло еще несколько женщин. Видят, шакал скачет, и принялись бить его снова и снова, пока не забили до смерти.

А тот нахальный шакал вовремя унес ноги.

Вот и конец.

6. Вор, тигр, медведь и шакал

Жил-был богач. Было у него много коров и большой-пре-большой бык. Когда его стадо гнали пастись в лес, тигр всегда говорил: «Если б мне съесть этого быка,— он такой жирный,— я много дней был бы сыт».

Был там еще вор. Он тоже всегда говорил: «Если бы мне украсть этого быка, я бы продал его и получил кучу денег».

Как-то раз в месяце бхадор тигр и вправду решил утащить быка. То же задумал и вор.

Тигр еще днем забрался на кукурузное поле, спрятался там и стал ждать. «Пусть-ка люди уйдут спать,— говорит он сам себе,— тогда я мигом схвачу быка и утащу его в лес». А вор заприметил тигра и думает: «Бык-то сам из коровника вышел. Мне его и красть не приходится. Он сам ко мне пришел». Взял да и накинул на тигра веревку. Обвязал его веревкой за шею и принялся лупить и тянуть. Утро уж близко, а он все его тащит к лесу и лупит по голове изо всех сил, так что тигр совсем обалдел.

Стало светать. Вор глядит: матушки, да это тигр! Разом бросил веревку и бежать без оглядки. Он в одну сторону, а тигр — в другую, прямо в лес со всех ног припустил.

Увидел его шакал и спрашивает:

— Куда это, дядюшка, ты так торопишься?

— Сам не знаю, племянничек,— тот отвечает.— Нынче ночью попался я головобойцу. Всю ночь напролет он меня по голове колошматил.

— А на кого он похож, этот головобоец, дядюшка? Подика, покажи мне его.

— Будь уверен, сынок,— говорит тигр,— к головобойцу я не пойду. Взгляни-ка туда, вон он там. Сам и иди.

— Интересно мне, дядюшка. Пойду погляжу,— сказал шакал и ушел.

А вор сидел неподалеку и думал со страхом: «Ведь он мог меня сожрать, этот тигр-то. Не пойму, отчего он меня не сожрал». Тут он заметил шакала, лег плашмя и одеждой сверху укрылся.

Шакал вокруг него обошел и говорит сам себе: «Какой он из себя, этот головобоец? Хорошо бы на него посмотреть». И двинулся к его голове.

Той порой вор незаметно высунул руку, схватил шакала за хвост у самого корня да как примется его крутить — точно так, как узел с ракушками крутят, когда известь жгут¹. Крутил, крутил, пока не устал, и швырнул прочь.

Шакал ужас как перепугался. Пустился бежать, а сам весь дрожит. Прибежал к тигру и говорит:

— Дядюшка, это не головобоец. Это захвосткрутильщик. Ты меня обманул.

Бегут они вместе и встречают медведя.

— Куда это, племяннички, вы так торопитесь? — спрашивает медведь.

— Ты, дядюшка, не поверишь, — отвечает шакал. — Захвосткрутильщик меня за хвост так страшно крутил, что я думал — помру.

— Ну-ка, из каких он, племянничек? — спрашивает медведь. — Не из тех ли, кого я поел немало?

— Что ты, дядюшка, верно уж нет! Тебе такого не съест, я-то знаю. Хочешь, попробуй, съешь ты его или нет.

Пошел медведь, куда ему показали. Вор сидел на старом месте. Увидел медведя и думает: «Он идет прямо ко мне. Он меня съест. Заберусь-ка я на дерево, а то он меня обязательно съест». Полез он на дерево, а медведь лезет следом. Вор себя от страха не помнит, дрожит и лезет все выше и выше. А медведь за ним. Как забрались на самую верхушку, где совсем тонко, вершинка подломилась, и оба хлопнулись оземь. Медведь-то первый шлепнулся, а вор на него сверху. Кое-как медведь выпутался и наутек.

Встретил после медведь шакала и говорит:

— Ну и шутник же ты, племянничек! Здорово ты меня обманул — сказал, что это захвосткрутильщик. Он не захвосткрутильщик, а сверхухлопник.

7. Тигр и краб

Пришел тигр к ручью напиться, а краб хватя его за нос. Одолеп тигра стыд, и он спрятал нос в воду. Той порой шел мимо старый рыбак. Увидел тигра и готов был бежать, да тигр стал его звать подойти и помочь.

— Нет, племянничек, я к тебе не подойду, ты меня съешь.

— Клянусь моей матерью, я тебя не съем.

Услыхал такое старик, подошел к тигру и спрашивает:

— Зачем ты морду под водой прячешь?

— А ты посмотри,— говорит тигр.

Увидел рыбак, в чем дело, и стукнул тигра палкой. Тот подскочил и мордой тряхнул — ну краб и сорвался, шлепнулся в воду.

— Добрый человек,— говорит тигр,— в награду ты можешь съесть этого краба.

— Конечно, съем,— ответил рыбак.

Пошел рыбак домой, а тигр за ним.

— Эй, дядюшка! — кричит.

Рыбак остановился. Тигр говорит:

— Дядюшка, голод меня одолел. Думаю, я тебя все-таки съем.

— Ты ведь клялся мне своей матерью,— отвечает рыбак.— И я избавил тебя от большой неприятности. Как же ты меня съешь после этого?

— Ладно,— говорит тогда тигр.— Я тебя не стану есть до тех пор, пока ты кому-нибудь не расскажешь об этом.

Старик пришел домой, сел в угол и смотрит уныло. Собрались вокруг него дети, спрашивают:

— Батюшка, что случилось? Почему ты такой невеселый?

— Сегодня,— отвечает рыбак,— я сделал большое дело, только о нем рассказать я никому не могу.

— Нет уж, придется тебе нам сказать,— говорят дети.

Вот рыбак и рассказал им все, что было, и дети помирили со смеху.

Ну а тигр стоял за домом и слушал. Услышал, как дети хохочут, разозлился и решил отомстить. А рыбак помнит, что он не сдержал обещания, и за порог носу не кажет. Да раз пришлось ему выйти — пойти налог заплатить. Тут-то тигр его и поймал. А с рыбаком была его дочка. Увидел тигр девушку и говорит:

— Отдашь мне свою дочку в жены — я тебя отпущу.

Вот тигр и женился на его дочке, а рыбак себе жизнь сохранил.

8. Тигр и заяц

В стародавние времена, говорят, зайцы тигров ели.

Пошел раз кузнец в лес — дров нарубить, чтоб потом угли жечь. Как раз в эту пору заяц гнался за тигром. Загнал его туда, где кузнец дрова рубил. Тигр притаился, а заяц вокруг рыщет.

Тут тигр и говорит — кузнецу, значит, говорит:

— Эй ты, спаси меня.

— Нет, не стану, — отвечает кузнец. — Ты ведь меня сразу съешь.

— Не буду я тебя есть, — говорит тигр.

Ну, кузнец его и спрятал. Потом тигр ему сказал:

— Не смей никому про это рассказывать. Если скажешь, так и знай, я тебя съем.

Что тут делать бедному парню? Сперва он тигра спрятал, а теперь тигр ему такие слова говорит. Он и отвечает невнятно, гундосенько так:

— Конечно не расскажу.

А пока они говорили, подбежал заяц. Кузнец как запустит в него топором, сразу попал и убил его насмерть. На прощанье тигр снова сказал:

— Никому не рассказывай. — И убежал.

Кузнец нажег угля, взвалил его на плечи и зайца туда же и пошел домой. Как пришел, было уже довольно после полудня. Сам опалил зайца и нарубил мясо, а жена сварила рису и приготовила мясную приправу. Сели они есть, жена и спрашивает:

— Где ты зайца убил?

Кузнец не отвечает. Жена опять:

— Скажи же, где ты его убил? Он такой вкусный. Завтра я пойду с тобой. Ты будешь зайцев ловить, а я тем временем дров тебе нарублю.

Тогда муж ей говорит:

— Я тебе скажу кое-что. Только ты остерегись, никому не пересказывай.

— Будь спокоен, не скажу, — отвечает.

Тут муж ей все рассказал.

— За тигром, — говорит, — заяц гнался. Тут я топор кинул в зайца и убил его на месте. Тигр мне тогда и говорит: «Ни-

кому не рассказывай, а то я тебя съем». Вот я тебя тоже предупреждаю: никому не пересказывай.

Ну а тигр под вечер сам пришел к его дому, лежал под стеной и все слышал. Только они легли спать, тигр вошел в дом, схватил кузнеца и потащил сперва во двор, а потом за деревню. Кто его знает, как уж он ухитрился тащить, только ничего кузнецу не повредил. Отнес его подальше и положил на землю, а у кузнеца ляжки так и трясутся от страха. Видит это тигр, удивился и спрашивает:

— Слушай, как у тебя ляжки трясутся. С чего бы это?

— Да я только что,— отвечает кузнец,— зайца в желудок отправил. Вот он наружу и просится.

— Погоди, погоди,— просит тигр.— Ты его не выпускай. Дай я сперва отойду малость.

— Ладно,— говорит тот.— Я его подержу. Только ты поспеши, не задерживайся.

Тигр убежал, а кузнец пошел домой. Его догадка спасла.

9. Тигриный обет

Два паренька — кавар и гонд — были большие друзья. В поле они никогда не ходили, только играли да озорничали. Возьмут свои луки и стрелы, спрячутся у реки и бьют горшки у девушек, что за водой идут. Стреляли они тоже коз и кур у соседей. Не выдержал народ, и наконец вся деревня пришла к их родителям жаловаться. Родители отлупили парней, а тем хоть бы что. Вот и кончилось так, что народ выгнал их прочь из деревни, прямо в лес.

Шли они по лесу и пришли в такое узкое место, где с обеих сторон подымался обрыв. Гонд шел впереди и увидел — тигр им тропу загораживает, спиной к ним стоит. Он тихонько подкрался, прыгнул на тигра, ухватил его за уши и пригнул к земле мордой. А кавар шел сзади — он схватил тигра за хвост. «Что нам теперь делать? — думают парни.— Отпустим его, так он нас сожрет». А тигр сам гадал, что с ним приключилось.

— Кто вы? — спрашивает.

— Мы — тигроловы,— говорит гонд.

Тигр испугался, спрашивает:

— А что вы делаете, как поймаете тигров?

— Мы их в соху впрягаем,— говорят парни.

— Вы с ума сошли, тигров в соху впрягать! — кричит тигр.

— Нет,— говорит гонд.— Когда мы на волах пашем, у нас рис родится, а когда на тиграх — золото и серебро.

Тигр еще сильнее испугался.

— Если спасусь, я задам пир двенадцати тиграм! — кричит.

А потом снова спрашивает:

— А чтобы в соху запрячь, сколько вам тигров надо?

— Один у нас уже есть,— говорят парни.— А теперь, с тобой вместе, как раз хватит на одну соху.

У парней при себе было зеркальце. Они положили его перед тигром, тот посмотрел в него, увидел там тигра и думает: «Парни-то, видать, говорят правду». Тогда он сказал:

— Можно добыть золота и серебра полегче — без пахоты. Я съел немало раджей и их сыновей, и все их золото у меня в пещере осталось. Отпустите меня — я отдам его вам.

Дали они тигру встать и пошли с ним в пещеру, а сами его за хвост держат. Пещера и впрямь полна была золота и серебра. И тигр дал им столько, сколько они унести сумели.

Потом тигр пошел обет исполнять. Убил он оленя и позвал двенадцать тигров на пир. Идут парни домой, а им навстречу тринадцать тигров. Гонд мигом на дерево влез и уселся на самой вершине, а его друг и до первых сучков не добрался. Обхватил он ствол и повис. Тигры остановились под деревом, и самый старый сказал:

— Я устал. Давайте здесь передохнем.

Другие говорят:

— Так лучше оленя съесть сразу, пока он еще свежий.

Разделили мясо на тринадцать кусков, и каждый взял свой кусок. Тут старый тигр говорит первому тигру:

— Прежде чем есть начнем, ты нам Расскажи, зачем такой обет дал.

Первый тигр долго отнекивался, потом все-таки начал рассказывать. Тут-то кавар и шлепнулся с дерева прямо на тигров, в самую середину. А гонд сверху кричит:

— Держи того, старого. Он мне на ужин сгодится.

Услышали тигры такое, перепугались и убежали. Тогда и гонд с дерева слез. Сготовили они оленину, и вышел у них ужин на славу.

На другой день они вернулись в свою деревню, ну а раз теперь они стали богатые, соседи их встретили радушно.

10. Ленивый байга

Жил-был старый байга. Он был очень ленивый. Пошел он с женой рубить лес под новое поле¹. Поваленный лес сожгли и по гари посеяли, а как настало время полоть, байга уселся на краю поля, зевает и приговаривает: «Кабы тигр пооткусал мне руки и ноги, не было бы мне больше нужды работать!»

А тигр-то жил недалеко от той вырубki и услышал, что сказал байга. На другой день он приходит к нему и говорит:

— Давай, я откушу тебе руки и ноги и съем их ради тебя.

Байга ужас как напугался и говорит:

— Вот съем я мой рис, тогда стану много жирней. Что бы тебе потом меня съесть? Сейчас-то во мне нет ничего, одни кости. Не будет тебе от меня радости.

Тигр согласился и ушел. Как созрел урожай, байга собрал рис, стал его есть. Пришла пора снова идти лес рубить. Говорит байга жене:

— Сегодня тигр съест меня.

Жена ему отвечает:

— Я тебя выручу. Только сперва смастери мне ружье.

Байга сделал жене ружье из черного дерева, одел ее во все черное и голову ей покрыл черным платком.

— Иди сядь на поле, — говорит он. — А я приду после. Как скажет тигр: «Теперь я тебя съем!» — я крикну: «Кто там?» — а ты скажешь, что ты великий охотник.

Жена байги пошла вперед и спряталась на поле. Она вся была в черном — вот никто ее и не заметил. Следом явился байга. И тигр вышел — его съесть. Жена байги кричит:

— Эй, старик! Что ты там делаешь? Ты не видел где-нибудь тигра?

Тигр спрашивает:

— Это кто?

— Сдается мне, это великий охотник, — отвечает байга.

Тигру стало страшно. А жена байги снова кричит:

— Ты не видел где-нибудь тигра, старик? Я сегодня ни одного не добыл, а я никогда не возвращаюсь без тигра.

Тигру стало еще страшнее. Он говорит:

— Спрячь меня где-нибудь.

На поле стоял стог соломы, вот байга и спрятал тигра под ним. Тут жена подошла, снова кричит:

— Найди мне тигра!

И тигр тоже требует:

— Затолкни мою голову подальше, а то охотник меня заметит.

А байга взял да и отрубил ему голову своим топором.

Приходят байга с женой домой, оба собой довольные, и байга говорит:

— Это дело нам надо отпраздновать. Зарежь-ка мне петуха.

— Пошел ты вон, немочь ходячая,— отвечает жена.— Лучше я петуха на базар отнесу. Продам и на эти деньги себе браслетов куплю. Дерьма моего ты не хочешь попробовать?

В досаде байга снова ушел в лес. Там он нашел дуплистое дерево, залез в дупло и провертел внизу дырку наружу. Как пришел домой, говорит жене:

— Я нашел молодых попугайчиков. Давай вырастим их и говорить научим.

— А как они говорят? — спрашивает жена.

— Они говорят: «То-то, то-то».

— А чем их кормить будем?

— Они едят курятину с рисом,— сказал байга и повел жену в лес. Показал ей дырку в дереве и говорит:

— Каждый день клади корм в эту дырку. Они будут есть, а как подрастут, мы их домой заберем.

Жена пошла домой готовить рис и курятину, а муж спрятался в дупло и там притаился. Как поспела еда, жена принесла ее к дереву и кричит: «Митху, митху!» Муж отвечает: «То-то, то-то». Вот она и сунула корм в дыру, а он его мигом уплеп. Вернулся старик из лесу домой и вязанку дров с собой приташил — жена ничего и не заподозрила.

Что ни день она несла рис и курятину и совала в дупло. Старик стал жиреть от такой кормежки. Да раз попалась ему в еде косточка, он подавился и начал кашлять. Жена диву далась, полезла на дерево, заглянула в дупло и видит — там муж сидит. Тут она поняла, какую шутку он с ней сыграл, и вышла у них добрая ссора.

11. Сумерки

Жил в одной деревне купец. У него был сын. Раз под вечер трое воров притаились у дома купца. И в тот же самый вечер пришел к дому тигр — хотел утащить купецкого сына.

Как в доме поужинали, сын отцу говорит:

— Я нынче хочу к тестю сходить.

А купец говорит:

— Сынок, не ходи сегодня. Ночь близко, на дворе сумерки.

Тигр это подслушал и говорит сам себе: «Ночь — это я знаю. А что такое Сумерки?» И тигр задрожал от страха: он подумал, что сумерки — это кто-то сильнее его самого.

Улеглись домашние спать, а трое воров набрали полный мешок серебра и потащили. Да мешок-то вышел им не под силу. Вот они и пошли в хлев, думали взять вола, чтобы на нем мешок увезти. А там сидел тигр, и в темноте воры приняли его за вола. Обвязали ему шею веревкой и мешок на спину положили. Один вор пошел впереди, двое других тигра тащат. «Это — Сумерки», — думает тигр и идет за ними покорно.

Утром воры разглядели тигра и бросились бежать со всех ног. А дорога тут шла узким оврагом, и тигр в нем застрял. Невдалеке пастух пас свое стадо. Тигр закричал, стал его звать на помощь. Пастух сперва не хотел идти, да тигр клялся, чем мог, что вреда ему не причинит, и наконец он подошел. Снял пастух с тигра мешок, и тигр освободился. Говорит пастуху:

— Сложи все эти деньги в корзину из листьев и неси домой. Если кто-нибудь спросит, что у тебя, скажи — это говядина, ты ее себе домой на ужин несешь. Только никогда не поминай имя Сумерки. Помянешь — я тебя съем в тот же день.

Сказал так тигр и в лес убежал, а пастух потащил домой корзинку с деньгами. Теперь он стал богачом и сам держал батраков. Так прошло много дней.

Раз жена пастуха говорит:

— Хочу пойти отца с матерью поведать.

А он ей:

— Не ходи нынче. Ночь близко, на дворе сумерки.

А за домом стоял тигр и подслушивал. Услыхал он слово

«сумерки», и гнев его охватил. Подождал, пока все уснули, забрался в дом и унес пастуха. Наутро тигр говорит пастуху:

— Теперь я тебя съем.

Пастух говорит:

— Тебе лучше бы есть меня в подходящее время. Сейчас холодно, у меня мясо задеревенело. Подожди, пока я согреюсь на солнце и стану помягче. Тогда меня и съешь.

Тигр сел ждать, а пастух лег и уснул.

А дома жена пастуха, как увидела, что ее владыка куда-то пропал, всполошилась. Взяла она горшок, пробила в нем семь дырок, а в середину светильник поставила. На ноги надела браслетов побольше, взяла барабаны дхолки и мандар и вышла на улицу. Звон и гром от нее шел такой: джиг-джаг, буг-баг, джхумук-джхамак, титрихи-тинг-донха, тандак-латак. Так она пошла искать мужа.

Вот и пришла она туда, где были муж с тигром. Увидел ее тигр и спрашивает у пастуха, кто это такой. А тот отвечает:

— Это Сумерки.

Тигр перепугался и просит:

— Спрячь меня. Если спрячешь, я тебя не съем.

Тут жена говорит:

— Эй, пастух! Ты здесь тигров не видел случаем, чтоб сгодились на завтрак Сумеркам?

Пастух отвечает:

— Не знаю, попадется ли тебе хоть один.

— А что там на земле, возле тебя? — она спрашивает.

— Это куча тряпья.

— Ну-ка, ударь по ней камнем,— говорит она.

Тигр говорит пастуху:

— Ударь меня. Осторожненько, но ударь.

Пастух начал легонько стучать тигра камнем по голове.

А жена кричит:

— Бей сильнее! Бей сильнее!

Тигр говорит:

— Ударь чуть посильней.

Пастух ударил изо всех сил и убил тигра.

И пошли муж и жена домой со смехом и с песнями.

12. Заяц и сантал

Давным-давно, говорят, поспорил заяц с санталом. Заяц сантала одолеть не сумел, и сантал ему сказал:

— Теперь я тебя буду есть, всего тебя вместе с пометом.

С той поры и по нынешний день санталы едят заячий помет.

А случилось вот что. Шел раз сантал куда-то в гости. В одном месте вдоль дороги тянулся сбоку лесок, а там сидел заяц. Увидел заяц, как сантал на ходу рукой машет, и подумал: «Видать, не раньше, так позже она у него оторвется и упадет». Вот почему заяц побежал вслед за санталом. Сколько он ни бежал, рука все не отрывается. Тут сантал ненароком обернулся назад и заметил зайца. Остановился он с зайцем поговорить, и старый заяц поближе к нему подскакал. Стал ему сантал задавать вопросы. Спрашивает его:

— Слушай-ка, старый заяц, ты зачем за мной сзади скачешь?

Заяц ему про себя рассказал и говорит:

— Я за тобой следом иду.

— Зачем за мной следом идешь? — опять сантал спрашивает.

— А я так подумал, — отвечает заяц. — Рука у тебя скоро отвалится и упадет. Тогда я ее съем. Вот почему я так долго шел за тобой следом, ты ведь сам видел. Я уж совсем из сил выбился, а она все не отваливается.

Сантал ему говорит:

— Никчемный ты заяц, дурень невиданный, поди сядь под финиковой пальмой и жди, пока с нее листья свалятся. Как дождешься и принесешь мне, так и моя рука отвалится — сможешь ее съесть.

Старый заяц побежал и сел под финиковой пальмой. Кто его знает, на сколько у него терпенья хватило, только он не дождался, чтобы хоть один лист упал. Вернулся заяц к санталу и говорит:

— Не падают они, листья, с пальмы.

— Ну так запомни, — отвечает сантал. — Как с пальмы листья не падают, так и у меня рука никогда не отвалится. Вот когда я умру, рука моя сгниет и рассыплется. А для тебя я отныне вот что решил: как убьет тебя кто-нибудь из людей,

он тебя съест — всего с потрохами и пометом. Так это навсегда и останется.

И вправду, как убьет сантал зайца, он все его потроха вместе с пометом разомнет и варит. Выходит с горчинкой, а вкусно.

13. Две змеи

Давным-давно был у муриев раджа. Звали его Джагатпал Сингх. Он всегда сидел дома и никогда не ходил в поле работать. Раз жена ему говорит:

— Мы ведь земледельцы по касте, а ты все сидишь дома и не ходишь в поле работать, как тебе положено¹.

Много дней она его так корила, вот раджа и вышел в поле — урожай от зверей и птиц стеречь. Сидит и видит над лесом дымок — верно, там хворост жгли. А потом выползает из леса змея, вся в огне, и кричит:

— Остуди меня! От жары помираю.

Раджа говорит:

— Братец змей, у меня нет воды. Забирайся мне в рот — остынешь у меня в животе, а после пойдешь, куда захочешь.

Открыл раджа рот, и змея туда влезла. Думает раджа, змее хватит стынуть, и говорит:

— Выходи, братец. Иди, куда хочешь.

А змея говорит:

— Нет, здесь вдоволь доброй еды и питья тоже хватает. Я не хочу уходить. Я здесь останусь.

Вот и осталась змея в животе у раджи. Она там все толстела и толстела, а раджа все сох и сох, пока не ослаб так, что не смог больше править страной. Отдал он царство сыну и ушел в лес подвижничать.

Бедный раджа ходил и бродил, пока не пришел в чужое царство. Там он встретил садовника и говорит:

— Дай мне работу.

— Какую работу тебе, такому хворому, дашь? — отвечает садовник.

— Ну хоть сад возьми сторожить, — просит раджа. — Платить мне не надо, накормишь — и ладно.

На том и решили. Ну а у раджи в том царстве, куда раджаниций пришел, было шесть сыновей и одна дочка. Раз их отец спрашивает:

— Откуда у вас еда и весь достаток берется? Чьими трудами вам все достается?

Все сыновья один за другим говорят:

— Это твоим трудом и заботами мы одеты и сыты.

А дочка сказала:

— Я себя сама содержу.

Услыхал раджа такое, сильно разгневался и говорит советнику:

— Подыщи этой девчонке такого мужа, чтобы он ее через три дня вдовой оставил².

Советник пошел искать девушке мужа подрыхлей. Начальник стражи ему говорит:

— Я вчера видел настоящее пугало в саду у садовника. Может, он подойдет?

Советник пошел посмотреть, увидел бедного раджу и женил его на дочке раджи. Кончилась свадьба, отец новобрачной повелел в гнев:

— Гоните их в лес. Ничего им с собой не давайте. Пусть там помирают. Мне все равно, что с ними станется.

Стража их в лес отвела и бросила там без еды и питья. Долго пришлось идти бедному радже с молодой женой, пока не пришли они в другой город.

Раджа сказал жене:

— Я старик, мне пора умирать. Не живи со мной. Пойди найди себе другого мужа. Пусть он даст тебе счастье.

А девушка отвечает:

— Я — твоя жена. Какое бы горе нас ни постигло, я останусь с тобой. Ведь нас с тобой поженили.

Вот и построили они себе за городом хижину. Жена по домам ходила работать — рис чистила да пшеницу молола соседям. Тем она мужа кормила, умереть ему не давала.

Раз, когда раджа спал, села она рядом с ним. Глядит на него и умом раскидывает, как бы ей его на ноги поставить. Вдруг видит: вылезла из муравейника, что за домом стоял, змея. Подползла к ним поближе и завела разговор со змеей, которая у мужа ее в животе поселилась.

— Грешница ты, — говорит. — Этот великий раджа спас тебе жизнь, а ты утexas ради его самого жизни лишаешь. На-

шелся бы кто, положил бы патоки на уста радже. Он бы тебя выманил и убил.

— Ты сама грешница,— отвечает змея у раджи из живота.— Сколько денег ты держишь зря у себя в муравейнике! Найдись человек помудрей, копни он муравейник да тебя убей — и стал бы он богачом.

Жена слышала все, что сказано было. На другой день пошла она плату брать за работу и попросила патоки вместо денег. Только раджа лег спать, она ему патокой губы обмазала. Сладкий дух дошел до змеи — она вылезла. Тут жена ее топором и убила. Потом пошла к муравейнику, раскопала его, нашла другую змею и ее тоже убила. А там — большой горшок, полный золота.

Проснулся раджа, чувствует — здоров он. И скоро стал он опять крепким и сильным. И богатство теперь к ним пришло — золота целый горшок. Раджа вернулся в свое царство и жил там счастливо с двумя женами.

С того дня мурии едят змей. Когда-то они нам беспокойство чинили, а теперь мы их беспокоим.

14. Благодарные звери

Жили муж с женой, и был у них сын. Сын этот умер, и в горе отец ушел из дому. Идет он, а боги увидели его и спрашивают:

— Зачем ты идешь к нам? Уходи прочь.

Он говорит:

— У меня сын умер.

А они ему говорят:

— Поди принеси воды из колодца.— И всё.

Пошел он, значит, к колодцу. Стал тащить воду — идет мимо обезьяна и говорит:

— Дай мне напиться. Ведь может и такой день настать, что ты придешь ко мне в дом и будешь искать моей дружбы.

Он дал воды обезьяне. Потом пришел тигр и говорит:

— Дай мне напиться. Ведь может и такой день настать, что ты придешь ко мне в дом и будешь искать моей дружбы.

Он дал воды тигру. Потом змея приползла и говорит:

— Дай мне напиться. Ведь может и такой день настать, что ты придешь ко мне в дом и будешь искать моей дружбы.

Он дал воды змее.

Боги не дождалась воды и ушли. Вернулся он на то место с кувшином и никого не нашел. «Что же мне делать?» — спрашивает он сам себя.

Пошел он к обезьяне. Она выбежала из дома, усадила гостя и омыла ему ноги. Накормила она его, чем сумела, и дала ему с собой немножко живой воды¹.

Потом он пошел в гости к тигру. Тигр выслал из дому свою тигрицу, чтобы гость ее не пугался. Он тоже омыл ему ноги, усадил его на почетное место и угостил на славу. На прощанье тигр дал ему золотое ожерелье.

Пошел он дальше, пришел в чужое царство и устроился у реки — обед себе приготовить. А золотое ожерелье положил рядом на землю. Мимо шел стражник. Увидел он ожерелье, схватил путника и говорит:

— Ты украл ожерелье у нашей рани.

Отвел его стражник во дворец. А он стал звать своего друга — змею, чтобы она его выручила. Ночью змея приползла, ужалила раджу, и раджа умер.

Народ в деревне переполошился. Пошли все бегать взад да вперед — лекарство искать, а путник говорит:

— Я могу его спасти.

Все ему в ноги попадали, стали молить, чтобы он это сделал. Вот он и велел своему другу — змее высосать яд из тела раджи. Змея высосала, и раджа воскрес. Тут раджа и говорит сам себе: «За того, кто мне жизнь спас, надо мне отдать мою дочку».

Весь народ в деревне принялся пшеницу молотить и рис от шелухи чистить. Приготовили куркуму и пряности — что надо для свадьбы. Были там две женщины-бхатра — они пошли стирать к свадьбе одежду. А в дхоти у жениха была завязана живая вода. Развязали они узелок, нашли эту воду, выпили и сразу стали молоденькие и собой хороши. Приходят обратно с одеждой, рани их спрашивает: «Вы кто?» Не могла их узнать.

— Мы, — говорят, — выпили воду, что была завязана в дхоти у твоего зятя.

Рани тоже захотелось молоденькой стать. Вот тот человек

и пошел опять к своему другу — обезьяне, принес еще живой воды и дал ей, и сына своего тоже оживил. Потом с сыном и с молодой женой он вернулся к своей глупой гондке. Раджа дал им деревню без налогов, и они счастливо зажили вместе.

15. Милосердный агария

Шел раз летом паренек-агария. А у дороги ламана свалил огромной кучей пшеницу. Прилетела птица и стала ту пшеницу клевать. Ламана схватил палку и погнался за ней — убить вора хочет. Агария говорит:

— Не убивай птицу. Убыток я тебе оплачу.

Ламана птицу оставил, а паренек ему заплатил за пшеницу. Вот и видит агария — летит птица за ним. Обернулась она вдруг красавицей и говорит:

— Я теперь тебя не оставляю.

Пошли они дальше вместе и видят — змея схватила лягушку. Агария говорит:

— Не ешь лягушку. Я тебе дам молока.

Змея отпустила лягушку, а паренек дал ей молока.

Идут они дальше, а лягушка за ними скачет. Она тоже девушкой обернулась и говорит:

— Я теперь вас не оставляю.

Приходят они в деревню, а там народ бьет смертным боем оленя. Агария говорит:

— Не убивайте его. Я вам за него заплачу.

Народ оленя пощадил, а парень отдал им десять рупий.

Пошли они дальше, и, пока шли, олень превратился в коня. Говорит им:

— Садитесь все ко мне на спину.

Они сели и сразу очутились в Джайтапуре. Парень поставил шатер на берегу пруда раджи. Раджа послал своих солдат сказать ему так: «Если к рассвету все деревья вокруг пруда не покроются плодами, раджа тебя убьет». Парень не знает, что делать, а жена-птица ему говорит:

— Не бойся. За ночь я их все покрою плодами.

К утру деревья согнулись под грузом плодов, и раджа остался доволен.

На другой день раджа повел парня к огромному озеру — оно было шириной в десять косов — и говорит:

— Если твой конь через него перепрыгнет, я тебе дам десять тысяч рупий.

Конь говорит:

— Не бойся.

Посадил он парня к себе на спину, взлетел под самое небо и легко опустился на другой стороне. Увидел раджа такое, испугался и думает: «Как бы мне сгубить этого парня?» Он взял кольцо и бросил его в глубокий колодец. Потом говорит парню:

— Достань мне кольцо из колодца, и я тебе половину царства отдам. А не достанешь — я тебя самого туда брошу.

Стал парень гадать, что ему делать, а жена-лягушка говорит:

— Не бойся.— И обернулась снова лягушкой.

Прыгнула она в колодец и принесла кольцо.

Пришлось радже отдать парню полцарства и свою дочь в придачу. Повел парень молодую жену домой. Идут они все по дороге, дошли до деревни, где парень оленя от смерти избавил, и конь его пал. Пришли они на то место, где он лягушку спас, и жена-лягушка умерла. Дошли дотуда, где он птицу выручил, умерла жена-птица. Осталась с ним одна дочка раджи. Зажили они с ней счастливо и вместе у горна работали.

16. Рыба-помощница

В великом городе было двенадцать лакхов копий.

Плодоносящее дерево махуа! Гнущее дерево чар!

Три тысячи детей там играли.

Краб там шел вниз по реке.

Буйволы валялись в горохе, словно в грязи.

По рисовому отвару плавали в лодках.

Дороги в том городе шли по крышам домов.

Жил в том городе сирота-паренек из рыбацкой касты кеват. Он был совсем нищий, и не было у него никого, кто бы поплакал над ним, случись ему умереть. Наконец нашлась ему работа в доме у богатого кавара, и стал он каждый день пасти

скот. В месяц картик, когда весь народ пошел на поля и на тока убирать урожай, паренек отправился со всеми вместе. Стали они носить зерно домой — жене кавара. И она сделалась к парню добра, начала ему каждый день рис давать, чтобы он себе поесть готовил. А парень риса не ел, он его про запас складывал, а кормился листьями да кореньями, что в лесу собирал. Вот и накопился у него понемногу хороший запас риса.

Раз хозяин ему говорит:

— Ты, сынок, на меня поработал немало, теперь я тебе свадьбу устрою.

А кеваты увидели, сколько у парня риса, и много их захотело отдать за него своих дочек. Вот и женился он на дочери богача. Ну а работал парень усердно и сам бы разбогател, да жена его съедала все, что он ни добудет. Придет он усталый с работы, а жена ему говорит:

— Пойди мне дров принеси! Воды принеси! Почисть рису на ужин!

Откажется он, так жена его бьет.

Вот и обеднели они, и парень совсем исхудал от тоски да от нищеты.

Раз велел он жене поджарить ему рисовых зерен¹. Она говорит:

— Я к тебе в дом пришла не работницей тебе быть, а себя улаждать.

Схватила она деревяшку и избила его без жалости. Он заплакал, взял сеть, чем рыбу ловил, и пошел подальше от дома к реке. Сидит на берегу и горько плачет. Потом забросил сеть в воду. Тут как раз плыла мимо рыба — Рагхуман ее звали, — и попала она прямо в сеть. Паренек побежал камень взять, чтобы ее пришибить. А рыба ему говорит:

— Не убивай меня. Я пришла тебе помочь. О чем ты плачешь?

Парень рассказал рыбе все про жену, а она говорит:

— Жена у тебя дано. Придет день, она тебя съест.

Потом рыба дала парню дорогой самоцвет, велела его в уху спрятать и говорит:

— Принеси кокосовый орех, и я буду тебе вечным другом. Случись какая беда, ты меня позови, и я приду тебе помогать.

Кончили они братанье², и большая рыба Рагхуман пригнала ему на еду полную сеть мелкой рыбы. Парень снес рыбу домой жене, а жена разозлилась, говорит:

— Рыбу я не люблю.

Рыбу прочь швырнула и мужа из дома выгнала. Парень пошел и спрятался в храме Махадео на берегу озера.

У раджи в том городе была красавица дочь. Жил там один слепой брахман, и его сын ходил учить дочку раджи читать и писать. Они и влюбились друг в друга. Дочка раджи говорит:

— Давай мы с тобой убежим, а то я убью себя.

И они договорились встретиться ночью в храме Махадео.

А брахман прослышал об этом, испугался и уговорил сына не гневить раджу. Вот он и остался дома. А дочка раджи с подружкой пошла ночью в храм. Вошли они внутрь, ищут сына брахмана. Паренек-кеват сидит там и носу не высовывает — думает, это жена его ищет. Дочка раджи выволокла его из храма, вскинула на коня и с ним ускакала. Наутро видит — это совсем не тот парень. Что тут было делать? Домой идти страшно. Вот и сели обе девушки с парнем у реки, на берегу — не знают куда деваться. Приплыла к ним большая рыба Рагхуман и сказала, чтобы девушки шли замуж за паренька-кевата. Поставила она им дом у реки и дала все, что надо в хозяйстве.

17. Как сосватали леопарда

В прежние времена, говорят, свахи не торопились довести дело до свадьбы, пока не подъедят куль риса в двенадцать манов весом. А как подойдет рис к концу, тут и заспешат свадьбу устроить. В те поры, говорят, все их очень боялись и обходились с ними с большим почтением: неровен час, возьмут да ославят и отпугнут сватов. Вот для того чтобы свахи женихов не отпугивали, их и встречали с почетом.

В прежние времена, сами знаете, везде леса были. В те поры тигры и леопарды поедали много людей. Жил тогда один человек, сватовством занимался¹. По этим делам ему много случалось ходить из деревни в деревню, а дорога шла через лес. Тут, говорят, и заметил его леопард. «Дай срок,— говорит,— я его съем». Вот что решил леопард.

А тут как раз этого человека послали за рисом. Говорят ему:

— День свадьбы подходит. Поди попроси у них и принеси нам два куля рису, чтобы было чем гостей встретить.

— Раз так,— отвечает тот,— я сегодня сразу пойду. Давайте мешок.

Тогда они его покормили, а как кончил он есть, отыскивали мешок. Вскинул он мешок на плечо и пошел. Ну а леопард, который его съесть надумал, был самкой, и человек этот, конечно, не знал, что леопард его хочет съесть в тот самый день. Идет он себе по дороге, по сторонам не оглядывается, а леопард, только его заметил, забежал вперед и лег, притаился.

Тут и случилось, друзья,— видно, то Чандо чудные дела свои показал,— что человек вдруг увидел леопарда, который в засаде лежал. И сразу же тут, говорят, будто что-то толкнуло его заговорить.

— Не ешь меня, леопард,— сказал он.— Я из одного двоих делаю.

Тут леопард, видно, смекнул, в чем дело, и спрашивает:

— Ты и вправду двоих из одного делаешь?

— Истинная правда,— говорит тот.

— А из меня двоих можешь сделать?

— Да,— говорит.— Я бы мог из тебя двоих сделать. Только давай сперва отойдем отсюда немного.

— Зачем?— спрашивает леопард.— Разве здесь, на этом месте, ты из меня двоих сделать не можешь?

— Могу,— отвечает он.— Только, видишь, здесь ведь дорога. Я свое дело начну, а тут кто-нибудь подойдет, помешает. Вот я тебе и говорю: пойдем отсюда в сторонку. Там я из тебя двоих сделаю.

Видит леопард, он не зря так говорит, и согласился:

— Ладно, пойдем.

Остановился человек около речки и говорит леопарду:

— Иди сюда и залезай в этот мешок.

Сказать по правде, леопард к нему подошел и забрался в мешок. А тот завязал мешок крепко-накрепко и говорит леопарду, говорит, когда его в мешок посадил:

— Смотри, что ни стану я с тобой делать, ты ни слова не говори. Если хоть чуть голос подашь, знай: вся моя волшебная сила пропала зазря — двоих из тебя не получится. А будешь молчать — сразу станет вас двое.

Сказал он так, говорят, завязал мешок крепко-накрепко, приволок его на самый берег и швырнул прямо в речку.

И вот — чудны дела твои, Чандо, — леопард, говорят, не захлебнулся в воде; поплыл он в мешке по течению — только покачивает его вверх да вниз.

А ниже по речке лежал самец-леопард, ждал добычи. Увидел мешок, в котором самка плыла, и подумал: «Не корову ли это несет?» Как мешок с ним поравнялся, он прыгнул в воду, схватил его зубами и выволок на берег. Оттащил подальше на сушу, стал рвать, а оттуда самка как выпрыгнет. Встретились они, поговорили и стали мужем и женой. Так из одного леопарда два стало.

Тут самка и говорит:

— И впрямь тот человек правду сказал. Сама вижу, была я одна, а теперь нас двое. Такая я стала счастливая.

И велела она, чтобы об этом рассказали всем леопардам, и сама им сказала: «Отныне не ешьте свих. Не будем их есть».

С той поры, говорят, свахи могут всюду ходить в самое позднее время, какая бы тьма ни стояла, — ничего с ними не приключится. И ходят они спокойные, безо всякого страха.

Вот как сосватали леопарда.

18. Шакал и молодые супруги

В давние времена женился, говорят, один парень. От поры до поры стал он с женой хаживать родителей ее навестить. Вот раз шли они из гостей домой. На дорогу девушке дали поджаренных рисовых зерен¹, и она их в полу² завязала. Это так уж положено — вроде гостинца. А масло³ в те времена не носили в бутылках; женщины для масла брали кувшинчик из глины, а мужчины — коленце бамбука. Это нынче масло носят в бутылках — от сахибов такое пошло. А в ту пору, когда дело было, были глиняные кувшинчики.

Вот жена и несла узелок с рисом на голове, а кувшинчик висел на шнурке у нее на запястье. И шли они от ее родителей к себе домой. Муж-то шел впереди, а жена шла сзади⁴. И как раз, когда она спускалась в ложбинку, невесть откуда взялся бхут, принял человечесье обличье и пошел за ней следом. Женщина думает: «Верно, это какой-то сантал. Тоже куда-то идет». Она ему ничего не сказала, и он ей ничего не сказал. А солнце

до заката всего на два кола не дошло — время-то было к ночи.

Тут вышло, так или иначе, что муж обернулся и видит: за его женой идет кто-то чужой. Остановился он. Только он остановился, бхут сразу схватил женщину и не пускает. Муж бегом к ним, палкой замахивается. Кричит:

— Ты чего чужую жену хватаешь? Я тебя мигом пристукну.

Бхут говорит:

— Ты что? Жена-то моя. Ты сам ей чужой. Потому и идешь впереди, а она сзади. Была бы она твоя жена, ты разве не шел бы сзади и не смотрел бы за ней? Гляди, раз она моя жена, я иду сзади и смотрю за ней. Что ж, я и тронуть ее не могу, что ли? Иди-ка своей дорогой. Я веду ее домой.

Пока он так говорил, муж ухватил жену за руку. А бхут-то все держит ее за другую. Муж ее тянет вперед, а бхут — назад. Тут жена как закричит:

— Эй, путники! Эй, твари лесные! Идите сюда все, кто поблизости. Идите, спасите меня, а то они меня разорвут.

Говорят, в ту пору рыскал рядом шакал — искал, чего бы поесть. Услыхал он ее крик, мигом подбежал и спрашивает:

— Что такое? Что такое? О чем спор?

— Это моя жена, — говорит парень. — Я иду с ней домой. Мы идем от тестя с тещей. А этот паскудник невесть откуда взялся и хватает ее.

— Вот и нет, — говорит бхут. — Это моя жена. Я и иду с ней: она впереди, а я сзади. Я ее позади себя не оставляю. А этот паскудник шел, кто его знает куда, впереди нас. Как увидел нас, побежал к нам, палкой машет, грозитя меня прикончить. Схватил мою жену за руку и потащил. А с чего мне ее ему уступать? Вот о чем у нас спор.

— Погодите. Не спорьте. Разобраться надо, — говорит шакал.

Он-то догадался, что один из них бхут. Вот он и спрашивает женщину:

— Что это у тебя висит на руке? Дай посмотреть.

Она дала ему кувшинчик. Шакал вылил из него масло на землю, вернул кувшинчик женщине и говорит:

— Кто сумеет влезть в этот кувшинчик, тому жена и достанется; а кто не сумеет, тот ее не получит.

— Ладно, — говорит парню бхут. — Давай полезай.

— Мне не влезть,— говорит парень.

Тут бхут сам в кувшинчик полез, только свист пошел. Как влез туда целиком, муж с женой возьми да и заткни горлышко. Заперли его там.

— Не берите кувшинчик с собой, бросьте тут,— сказал им шакал.

Так они и сделали. Кувшинчик оставили и пошли своей дорогой. А шакалу дали рису поесть.

19. Мщение сына

Был у вдовы один сын. Отца у него убил дикий бык — на рога его поднял. А сын себе взял в привычку ходить с луком стрелять воробьев. Раз спрятался он у колодца, а туда пришли за водой семь девушек — у каждой кувшин на голове. Вот мальчик одной стрелой и разбил все семь кувшинов.

— Ах ты, дурак, безотцовщина! — стали ругать его девушки да и побили еще.

Прибежал мальчик домой и спрашивает у матери:

— Где мой отец?

— Сынок,— говорит она,— когда ты был совсем маленький, твоего отца убил дикий бык и унес его тело у себя на рогах.

Смастерил мальчик двенадцать охапок луков и двенадцать охапок стрел и с железным луком и стрелами пошел в лес искать быка. Дошел он до озера, опустил на берегу свою ношу и присел отдохнуть. Вскоре прибежал напиться шакал. Мальчик ему говорит:

— Эй, шакал, не пей здесь воды. Иди пришли мне оленя, у которого на рогах шестнадцать отростков.

Шакал убежал. Вскоре на водопой пришел олень.

— Эй, олень, не пей здесь воды! — кричит ему мальчик.

Олень убежал и говорит быку:

— Пришел великан. Сел у озера и никого пить не пускает.

Услыхал бык такое и сам отправился к озеру, а мальчик кричит:

— Не пей здесь воды!

— Я тебя одним рогом подкину, а на другой подхвачу,— говорит бык.

А мальчик ему:

— Поди подкинь.

Побежал за ним бык, а догнать не может.

— Ладно,— говорит,— теперь твой черед бить.

И мальчик из своего железного лука убил быка с первого выстрела. Подошел он к быку и видит: тело отца еще висит у него на рогах. Увидел мальчик такое и принялся горько плакать.

Той порой наверху, в небесах, Махадео играл с Парвати в кости. Как принялся мальчик плакать, Парвати услышала и говорит:

— Там, внизу, кто-то плачет.

Соскребла она с груди у себя щепотку грязи, сотворила из нее ворону и послала ее вниз посмотреть, в чем там дело. Ну а ворона слетела на землю, нашла себе там, что поест, и не вернулась.

Тогда Парвати взяла со своей груди еще щепотку грязи, сдула ее прямо в воздух, и получилась пчела. Полетела пчела вниз, увидела — мальчик плачет — и прилетела назад.

— Человек умер,— говорит,— а над его телом мальчик сидит и плачет.

Махадео и Парвати спустились на землю и говорят мальчику:

— Подожди немного, повернись к отцу спиной.

— Нет,— говорит мальчик.— Не могу я от него отвернуться.

А Махадео и Парвати говорят ему это опять и опять, много раз, ну он наконец повернулся и спиной к отцу сел.

Тогда Махадео коснулся тела волшебной палочкой, sprыснул его живой водой, и покойник ожил. А Махадео и Парвати поднялись обратно на небо.

Мальчик с отцом вернулись домой, и жили они все вместе счастливо.

20. Двенадцать братьев

Жил старый байга с женой. У них было двенадцать сыновей и одна дочь. Всех они поженили, только самому младшему сыну да дочке судьбу не устроили. Как скончались родители,

стало детям нелегко добывать себе пропитание. Они жили охотой — били оленей и кабанов да еще копали лесные корни. Жилось им голодно, и решили они наконец, что надо им отправиться в лес и расчистить там себе поле.

Каждый день они шли лес рубить, а младший брат в полдень носил им поесть. Приправу он клал в глиняный горшок, рис — в корзинку, а воду наливал в кувшин из листьев и все это нес в двух сетках на коромысле. По дороге он всегда бросал на землю немного рису и приправы — если, случаем, братья начнут его утеснять, так выросли бы у него там дворец и войско¹. Откуда было знать братьям, что он их едой разбрасывается?

Но однажды старший брат спрятался в корзине для зерна² и увидел, какую гору еды сготовила сестра. Пошел он вслед за младшим и видит, что тот бросает на землю рис и приправу. Забежал он вперед другой дорогой. Приходит на вырубку младший брат, а старший уже там — работает со всеми вместе и братьям успел рассказать, что увидел. Те обозлились и готовы были парнишку убить. Паренек зовет их:

— Идите есть, братья.

— Идем, — отвечают они и накинулись на него с топорами. Стукнули его, бросили в грязь и ушли, а на прощанье сказали:

— Руби теперь сам все одиннадцать полосок. Мы больше сюда не пойдем.

Долго лежал там паренек и плакал, и вот Махадео и Парвати — они играли в прятки в лесу — услышали его плач. Парвати говорит:

— Слышишь, у кого-то тут горе. Пойдем посмотрим, в чем дело.

— Ну и привычка у женщин, — говорит Махадео. — Всегда им надо соваться в чужие дела.

И все-таки они подошли к пареньку, и он рассказал, что с ним случилось.

— Не плачь, хватит, — говорят они ему. — Положи в ряд все двенадцать топоров, возьми в руки первый и скажи: «О учитель Махадео и Парвати, помогите мне вырубить все наше поле».

Сказали так и ушли.

Младший брат положил топоры в ряд, как ему было велено, взял первый в руки и говорит:

— О учитель Махадео, помоги мне вырубить все наше поле.

Тотчас все топоры взлетели с земли, сами принялись рубить лес и рубили, пока не расчистили весь участок. Управились со всем еще засветло, а как солнце стало садиться, паренек засеял всю вырубку рисовой половой. Потом пошел домой. Утром разбудил братьев и говорит:

— Идите смотрите, готово поле или нет.

Они не хотели идти, да вспомнили про топоры. Пришли на вырубку, смотрят — рис уже побеги пустил. Тогда они поставили тринадцать вышек — кабанов и птиц отгонять³.

С того дня еду в поле носил старший брат. Ходил он с луком и стрелами. Раз встретились ему две старые птицы — сокол с женой. У них была красавица дочь и свинья Лару. Самка сокола говорит мужу:

— Этот парень убьет нашу свинью. Положим его спать с нашей дочкой — он про свинью и забудет.

Так она сказала, и сокол крикнул старшему брату:

— Эй, старичок! Заходи, погости у нас в доме.

Самка засмеялась и говорит:

— Какой он тебе старичок? Он — наш зять.

Старший брат пошел к ним, и они ради него зарезали курицу и устроили большой пир. Как пришла ночь, хозяин с хозяйкой легли у дверей, а гостя с дочкой положили у очага, где потеплей. Ночью хозяйка говорит мужу:

— Сделай что-нибудь с его стрелами.

Вот сокол и начал долбить его стрелы: долбил, пока не выклевал всю сердцевину. Наутро старший брат попрощался и ушел.

На другую ночь, когда старший брат сидел на своей вышке и сторожил поле, из лесу вышла дикая свинья и с шумом принялась вскапывать рис. Старший брат выстрелил, да стрела-то у него стала хрупкой, потому что сердцевина в ней не было, — она и сломалась. А свинья рассвирепела, бросилась к вышке, свалила ее и убила старшего брата.

Такая судьба постигла одиннадцать братьев. Каждый поспал с дочкой сокола, и у каждого стрелы оказались испорчены. Наконец остался один младший брат. Да еще было одиннадцать жен.

— Что нам делать? — они спрашивают. — Теперь мы все будем твоими женами.

Младшему брату это пришлось по душе, и он велел первые четыре дня готовить старшей жене.

Сам он пошел на север, где жили двенадцать братьев ляхасуров, тринадцать братьев тамесуров и четырнадцать братьев агьясуров⁴. Он им поклонился и рассказал о своем деле.

— Сделайте мне,— говорит,— такой могучий лук, чтобы меньше чем двенадцать мужчин его поднять не могли, и к нему разные стрелы.

Они принялись за работу и сделали ему огромный лук и восемь огромных стрел. Они сделали Агинбан — огненную стрелу, и стрелу Курпабан, острую, словно коса, и стрелу Би-слабан — ядовитую, и Чакарбан — стрелу-вихрь, и Бутчибан — тупую стрелу, и стрелу Баккарбан — всё сметающую, и стрелу Бинднaban — пробивающую дыры в стене, и стрелу Билопинбан — разрушительницу.

Потом он пошел к мастеру золотых дел и заказал ему одежду из золота. Все эти вещи он спрятал.

На пути домой его встретил старый сокол и позвал переночевать у себя. Было поздно, младший брат сильно устал — вот он и согласился остаться. Ночь он проспал, как и братья, с хозяйской дочкой в тепле у очага. Начал сокол стрелы долбить, да они были такие крепкие, что он полклюва себе обломал. Не вытерпел сокол боли и позвал жену, чтобы она его утешала.

Поутру младший брат встал и пошел на свое поле. Видит, вышки поломаны, а на земле кости братьев разбросаны. Он спрятался за колючим кустом и стал ждать свинью. Сперва пришел олень и спел ему:

Маленький братец, если тебе надо кого-то убить,
убей меня.

Только не бей, пока я пью.

Потом пришел лающий олень⁵ и сказал то же самое; потом — павлин со своей самкой и другие разные птицы; даже муравьи приходили и пели ему эту песню.

Наконец пришла с громом и треском свинья. Младший брат стал звать по именам свои стрелы, и отозвалась Бутчибан: «Пусти меня». Она ударила с такой силой, что свинье почудилось, будто на нее весь мир обрушился.

Младший брат взял покрывало, семь раз сложил и собрал на него кости братьев. Накрыл он их сверху другим покрыва-

лом и велел костям срастись и мертвым встать. Поднялись они, взяли тушу свиньи и домой понесли. Там они ее порубили, мясо сложили в один дом, сало — в другой, а кости — в третий. Был тут и старый сокол с дочкой — все мяса просил хоть немножко. Дали они ему малость и пошли в лес за кореньями. А дочка сокола осталась. Как уходили, они ей сказали:

— Мяса ешь сколько хочешь, только не ходи в дом, где сало.

Начала она жарить мясо и видит — нужно ей сала. Вот и пошла туда и взяла. Поставила его на огонь, оно растеклось и огонь загасило. Испугалась она. «Где бы мне огня взять?» — думает. Все обыскала, а огня не нашла.

Наконец подошла к хлопковому дереву, такому высокому, что оно доставало почти до самого неба. До неба ему всего одного локтя не хватало. Она и кричит:

— Если правду говорят, что ты доброе хлопковое дерево, нагнись ко мне.

Дерево нагнулось, она села на верхнюю ветку, и дерево подняло ее под самое небо. Оттуда она стала смотреть по всему миру, где бы огонь раздобыть. Видит, далеко над лесом дымок поднимается — это ракшас себе обед готовил. Говорит она дереву:

— Если ты и вправду доброе хлопковое дерево, нагнись и спусти меня на землю.

Дерево ее спустило, и она со всех ног побежала к дому ракшаса. Видит, сидят вместе с ним его дочка, жена и невестка. Подкралась девушка сзади, да невестка ее тень углядела. Стали ее ловить и поймали.

— Я пришла за огнем,— говорит она.

Старуха ей отвечает:

— Тебе нельзя брать огонь моего мужа, или мой, или моей дочки. А вот огонь нашей невестки ты можешь взять. Бери его на палку и носи домой.

И еще дала она ей горстку зерна.

— Как пойдешь, бросай его на дорогу,— говорит.— Тогда огонь от тебя не уйдет.

Пришла она домой и стала готовить. Вечером все двенадцать братьев и их одиннадцать жен вернулись из лесу. На головах они принесли полные корзины кореньев. Всю ночь они пропировали, а утром опять ушли. Той порой начался дождь. и по всей тропке, где девушка шла, зерна проросли. Так не-

стка ракшаса смогла ее выследить. Пришла она к ним в дом и заколдовала девушку — в муху ее обратила. Сама стала стряпать, а муха-девушка села на стенку.

Вечером братья вернулись домой, и только младший из них догадался, что приключилось. Невестка ракшаса их позвала: — Идите есть.

Поели они, она говорит:

— Я хочу выйти замуж за старшего брата.

Вот он и сделал ее своей второй женой. Пожила она с ним сколько-то времени, а потом говорит, что ей надо пойти родителей навестить. Пошли они вместе с мужем. Как пришли к ней домой, ракшас его съел. Так она выходила замуж за всех братьев по очереди, а ракшас их ел. Вот и остался в живых опять один младший брат. Приходит она за ним, а он сидит на коне, держит лук и стрелу наготове. Как увидел конь невестку ракшаса, бросился на нее и начал топтать. Помял он ей копытами плечи. Потом они все вместе пошли к дому ракшаса. Стали проходить мимо озера, девушка говорит младшему брату, чтобы он умылся. А вода в том озере была нехорошая — от нее люди слепли. Конь и шепнул ему, что умываться не надо. Он отказался. Стала она предлагать съесть чего-нибудь и водой запить, а он опять отказался. Стали подходить они к дому, она как закричит:

— Эй, я поймала большого козла, только мне его не удержать, он убегает.

Услыхали домашние ракшаса и выбежали ловить парня. А он пустил в них стрелу Курпабан и всех их убил, всех, кроме девушки — ее он обратил в муху. Спрятал он муху на дереве и лег у озера отдохнуть. Во сне увидел он стрелу Бутчибан.

— Берегись,— она ему говорит,— еще один ракшас остался.

Он вострепнулся, положил рядом с собой стрелу Бинднабан. Невестка ракшаса подкралась, чтобы напасть на него, а он пустил в нее стрелу Бинднабан, да так сильно, что у нее кровь ручьем полилась. Только больше стрел у него не осталось. Она схватила его, повалила на землю, и кровь ее ему прямо в рот льется. Тут он своим волшебством обернулся стрелой Билопинбан и через женские части прошел ей прямо в живот. Там он начал расти и все рос, пока ее в клочья не разорвал. Собрал он свои стрелы, отыскал кости братьев и еще раз вернул им жизнь.

Еще осталась в живых младшая сестра того ракшаса. Она была девушка славная, и младший брат надумал на ней жениться. На пути к дому он заметил дочку сокола — она мухой сидела на дереве. Он превратил ее снова в женщину-птицу. Когда пришли домой, он женился на молоденькой сестре ракшаса. Да только вскоре, когда все двенадцать братьев ушли на охоту, а жен дома оставили, одиннадцать жен — они ведь с давних пор сохли по младшему брату — убили его жену и закопали ее.

На охоте старшим одиннадцати братьям удалось добыть одного оленя на всех, а младший брат один убил одиннадцать таких оленей. Разозлились они и испугались, побили младшего брата и прогнали его прочь.

Пошел он в царство к гондскому радже, и дочка раджи влюбилась в него. Ни есть ни пить она не хотела, пока раджа не согласился выдать ее за него. Еще до свадьбы они спали вместе, и любовь их стала от этого только сильнее. Младший брат повел новобрачную на то место, где он разбрасывал рис и приправу, а там вырос богатый дворец и при нем войско. Увидел он и своих братьев — они совсем в бедность впали, дрова да лесные коренья на продажу носили. Он их позвал, купил у них того да сего, а заплатил чуть побольше, чем они спрашивали. Они его не узнали. Стал он их расспрашивать, и они перепугались — думали, он их хочет убить. Под конец он послал за пастухом, велел ему принести теплой воды и самых лучших одежд. Тут он им открылся, и они плакали вместе от радости. Так и оставил их младший брат у себя во дворце.

21. Дворец у ручья

Жили в деревне пятеро братьев-байга. Были они очень бедные, торговали дровами и тем на хлеб зарабатывали. Пошли раз братья дрова продавать, видят — ручей у дороги. Они уж устали — вот и положили свой груз и сами присели передохнуть и воды выпить. Тут, на отдыхе, начали братья хвастать. Один кричит:

— Я поставлю дворец вон там!

— Нет, там будут мои хоромы! — говорит другой.

А самый младший вот что придумал:

— Здесь, посередке, у меня будет дворец, там будет ко-нюшня, слоновник вон где поставлю, а тут вот слуг поселю...

Тут другим стало завидно, они его оборвали да еще об-смеяли:

— Где уж тебе, заморышу, дворец выстроить!

А как продали они дрова и домой шли, старший брат вдруг сказал:

— Очень мне пить хочется. Пойдемте к колодцу, напьемся.

И повел он их всех к колодцу, что у дороги стоял. Там он сел и говорит:

— Устал я. Не под силу мне воду тащить.

Другие то же сказали, вот и пришлось доставать воду млад-шему брату. Только он ведро потянул, братья его в колодец толкнули.

Рано поутру — темно еще было — шел мимо колодца ци-рюльник. Слышит — чей-то голос оттуда. Он подбежал взгля-нуть, что случилось, и спустил вниз ведро. Младший брат вы-лез наверх по веревке. Цирюльник отвел его ко дворцу раджи и там оставил его.

Раджа проснулся, смотрит — лежит у него перед домом человек без движения. Позвал он своих лекарей и велел при-вести его в чувство. Оправился младший брат, и раджа взял его к себе в услужение. Понемногу младший брат крепко сдру-жился с цирюльником — с тем, кто его выручил. Раз цирюль-ник ему говорит:

— Брось ты служить у раджи. Денег ты малость скопил. Купи себе лошадь и начинай торговать.

Младший брат и сделал, как цирюльник советовал. Раз шел он со своим другом куда-то в деревню, и довелось им идти через один город. Город тот весь был пустой. Всех, кто там жил, сожрал дано. А большие богатства остались — их сын дано сторожил.

Младший брат с цирюльником обошли весь этот город, ни-кого не нашли — и везде кучи денег. Младший брат нагрузил коня золотом, сам еще взял, сколько мог унести, и скорей прочь из города. А цирюльник замешкался — все выбирал, что получше. Тут застал его дано и проглотил.

А младший брат пришел к ручью и построил себе там бо-гатый дом. И старшие братья пришли к нему службы и жало-ванья просить.

22. Блестящий козел

Был некогда город и вот какой город. Было в нем восемьдесят лакхов крыш, и люди там жили рыбой котри и лимонным соком. Безрукие там на ходу задевали друг друга, плешивые там терлись плешью о плешь, слепые там глядели на рупии, безносые там цветы нюхали, базар там шел посереде улицы¹, а дарбар свой раджа устраивал сидя на траве. Столбы в этом городе все были кривые. А правил в городе раджа.

У того раджи было семь рани, у каждой рани было по сыну. Самую младшую рани раджа с чего-то выгнал. Пошла она жить с сыном в конюшню.

А потом оба глаза у раджи закрылись, и он ослеп. В те поры спустился с гор Асакбан руси-байраги и развел свой огонь на морском берегу. А пока он там подвижничал, термиты всего его землей обложили, так что на виду от него только лицо и осталось.

Раз одна служанка раджи пошла к морю купаться. Увидел ее руси и крикнул:

— Эй, женщина!

Она поглядела по сторонам, а его не заметила.

— Кто меня зовет? — спрашивает. — Я не вижу тебя. Где ты?

— Здесь я сижу, — говорит руси. — Ты мое лицо можешь видеть.

Увидела его девушка и подошла. Он ее спросил, какой это город, а она ему сказала, что это великий город раджи:

— Тут семь парган и восемнадцать крепостей, тут раджа на двенадцать косов.

— Какой это раджа! — сказал байраги. — Столько времени я провел здесь, а он ни разу не пришел мне поклониться. Пойди скажи своему радже, что руси-байраги пришел с гор Асакбан. Скажи ему, пусть позовет меня во дворец, я ему дам лекарство — глаза открыть.

Услыхала девушка такое, кончила поскорее купанье и пошла сказать радже. Раджа послал на берег моря своих слонов и коней — привезти руси-байраги. Слуги раджи вылили на байраги семь кувшинов теплой воды и семь кувшинов холодной и смыли землю, покрывшую его тело. Потом доставили его во дворец, и там его приняли с великим почетом. Раджа спросил, как ему глаза исцелить. Руси говорит:

— У тебя семь сыновей. Пошли их за лекарством.

— Нет,— говорит раджа,— не смогут они принести мне лекарство. Никогда они такого не сделают.

Руси ему говорит:

— А ты откажись от еды. Пойди ляг в углу и не вставай, пока они не пообещают пойти за лекарством. На горах Каджлибан,— сказал: он еще,— живет Блестящий козел, у него шкура пылает огнем. Пусть они поймают козла и сюда приведут. От его печени твои глаза исцелятся.

Раджа так и сделал, как велел руси, и шестерым его сыновьям пришлось пуститься в дорогу — за Блестящим козлом. Тут и седьмой сын сказал своей матери:

— Матушка, шесть моих братьев уходят, надо и мне пойти тоже.

— Не ходи, сынок, с ними,— говорит мать.— Они тебя побьют.

Только сын ее не послушался. Нацепил на себя ломаный меч и поехал следом за братьями на загнанной кляче. Увидели его братья, стали по-всякому обзывать и хотели убить, да старший брат сказал:

— Ладно уж, он наш брат. Оставьте его. Мы его служить нам заставим. Пусть поит коней.

Наконец братья добрались до гор Каджлибан. Там пасся Блестящий козел. Окружили они его и попробовали поймать, да козел вырвался из их кольца и пропал — провалился сквозь землю.

Братья собрались вокруг дыры, куда он ушел, и стали гадать, что им делать. Никто ничего придумать не мог, один младший брат говорит:

— Давайте созовем весь народ с нашего царства. Велим им взять кирки и лопаты и выкопать здесь глубокую яму.

Они созвали народ, и все рыли землю, пока кирки и лопаты не полопались, а люди из сил не повыбились и не сказали:

— Больше мы не можем копать.

Тогда старший брат спросил остальных:

— Что нам теперь делать?

Никто ему ничего не ответил, только младший брат снова сказал:

— Пошли весь народ в лес. Пусть надерут лыка и совьют подлиннее веревку — мы ее в дыру спустим.

Старший брат первым полез вниз по веревке. Только в дыре

было полно змей и скорпионов, и он вылез обратно. Так все шесть братьев лезли в дыру один за другим и каждый кричал: «Тяните меня скорее наверх!» Все за свою жизнь боялись. Наконец полез младший брат, и сразу все змеи и скорпионы, все тигры и медведи разбежались в разные стороны. Под землей он увидел мощеную дорогу и пошел прямо по ней. Шел он и шел, пока не пришел к тому месту, где на золотых качелях качалась Амбавати.

«Если я прямо так подойду и появлюсь перед ней, она меня возьмет да и проклянет»,— подумал он. Взял и спрятался за столб от качелей. А Амбавати качается взад и вперед, увидела его тень и говорит:

— Вот тень от качелей, а вот тень от столба.

Пересчитала тени, и одна тень вышла лишняя. Тогда она говорит:

— Бхут ты или прет, масан или чурелин? Выходи! А то я тебя проклянну, и останется от тебя одна зола.

Юноша вышел из укрытия и стал перед Амбавати.

— Откуда ты пришел? — спрашивает она.— Если моя мать тебя увидит, она тебя съест.

Сказала так и повела юношу к себе во дворец, омыла его семью кувшинами теплой воды и семью кувшинами холодной, усадила на кровать и накормила сладкими лепешками. Как подошло время матери возвращаться, она его спрятала в железный ларь для зерна, что стоял там.

Мать у Амбавати была ракшаси. Вошла она в дом и как зарычит:

— Человечий дух! Человечий дух!

— Человечий дух! — отвечает Амбавати.— Что с того? Мне двенадцать лет. Не знаешь разве, что от меня человеком пахнет?

— Ладно,— говорит мать,— тебя я не стану есть. Лучше ноги и руки себе изгрызу.— И опять говорит:— Весь день я искала подходящего человека, чтобы тебя за него замуж выдать.

— Не по душе мне те люди, что ты приносишь,— говорит ей Амбавати.— Ты все приносишь каких-то объединенных. У того руки нет, у другого ты ноги отгрызла. А раз притащила юношу с выеденными глазами. Хочешь, я тебе покажу, за кого бы я пошла замуж, только обещай, что его есть не станешь.

— Я к нему не притронусь,— говорит мать.

Тут Амбавати выпустила юношу из ларя. Ее мать его увидела, и он ей так понравился, что она поцеловала его и говорит дочери:

— Дочка, через двенадцать дней я устрою вам свадьбу. Приготовь все, что надо, а я позову твоих бабушку с дедушкой.

Девушка взялась за дело: пригнала двенадцать раз по двадцать² буйволов на угощение ракшасам — их ждали на свадебный пир — и все, что еще надо было, приготовила. Скоро собрались гости, растянули шатер³ и стали праздновать свадьбу. Как подошла пора накладывать тикку, девушка и говорит юноше:

— Последним наложит тикку мой дедушка. Он тебе скажет: «Я тебе дам, что захочешь». Ты скажи, тебе хочется старое дхоти, что надето на нем. Новое не бери, проси только старое.

Вот, как все положили им на лоб тикку, подошел старый ракшас и спрашивает у юноши, чего бы ему хотелось.

— Дай мне твое старое дхоти,— говорит тот.

Как ни старался старик, чтобы он чего-нибудь другого спросил, юноша стоял на своем и в конце концов заставил деда отдать ему старое дхоти.

А потом был большой пир. Всех буйволов съели и разошлись по домам. Тут мать Амбавати говорит:

— Ну, дети, я ухожу. Будьте счастливы.— И ушла.

Амбавати с юношей счастливо прожили несколько дней, а потом он сказал:

— Теперь мне надо дальше идти.

Она говорит:

— Я пойду с тобой. Куда ты идешь?

Юноша ей рассказал про своего слепого отца.

— А ты знаешь, как поймать Блестящего козла? — спрашивает девушка.— Возьми мое кольцо. В пути ты встретишь Чампавати — мою сестрицу. Покажи ей кольцо, и она скажет тебе все, что надо.

Вот так взял он кольцо и пустился дальше в дорогу. Через несколько дней пришел он туда, где на золотых качелях качалась Чампавати, и, как в первый раз, спрятался за столбом. Чампавати тоже пересчитала тени и закричала:

— Кто там? Выходи, или я тебя прокляну, и ты рассыпешься в прах.

Тогда юноша вышел из-за столба и бросил к ее ногам кольцо Амбавати. Увидала она кольцо и гогзрит:

— Значит, ты муж Амбавати.

Повела его в дом и угощала там с великим почетом. А перёд тем как прийти ее матери, посадила его в железный ларь. Старая ракшаси как вошла, сразу заревела:

— Человечий дух! Человечий дух!

— Человечий дух! — говорит ей Чампавати. — Не знаешь ты, что ли, что мне уже двенадцать и от меня человеком пахнет? Да, ты не ошиблась. Пришел муж Амбавати. Вот он.

Сказала так, выпустила его из ларя и к матери подвела.

Мать ее, ракшаси, грызла горошек, а горошек у нее был из кусочков железа — она их жевала. Она говорит:

— Раз он и впрямь муж Амбавати, пусть пожует моего горошка. Не то я его съем.

Девушка насыпала в чашку настоящий горошек, а сверху железного бросила и матери показала. Потом мигом железо откинула, а настоящий горох юноше подала. Он сел рядом с ракшаси и принялся есть: хруп да хруп. Кончил есть, девушка говорит:

— Смотри, матушка, он все съел.

Обрадовалась ракшаси, расцеловала юношу и женила его на Чампавати.

Как со свадьбой покончили, ракшаси им сказала:

— Ладно, дети, я ухожу. Будьте счастливы. — И ушла.

Сколько-то дней они жили вместе в довольстве и счастье. Потом юноша говорит:

— Мне надо идти за Блестящим козлом.

— Найти Блестящего козла не так-то легко, — говорит девушка. — Ты встретишь медведей, и тигров, и змей. Они убьют тебя. Этот Блестящий козел живет у Махапуруба. Как ты достанешь его?

А юноша говорит:

— Нет, я пойду. Мне его надо найти.

— Возьми мое кольцо, — говорит тогда девушка. — Покажи его медведям, тиграм и змеям. Они увидят кольцо и не тронут тебя. Тогда иди к Пхулмалин⁴ и там получишь Блестящего козла.

Юноша так и сделал, как сказала Чампавати. Пришел к Пхулмалин и говорит:

— О мать моя, великая мать!

Она говорит:

— Кто ты, мой новый сын?

— Моя мать мне сказала,— говорит юноша,— что ее старшая сестра живет здесь и плетет гирлянды для шести дочерей Махапуруба.

Он показал Пхулмалин кольцо, и она сразу повела его в дом. На другой день началась у нее лихорадка.

— Сынок,— говорит она,— лихорадка меня одолела. Не под силу мне плести гирлянды для дочек Махапуруба. Они меня отсюда прогонят.

А юноша ей говорит:

— Я сплелу за тебя.

Сел и сплел из цветов шесть прекрасных гирлянд и положил их в чашки из листьев⁵.

Оправилась Пхулмалин, сама сплела шесть гирлянд и понесла все двенадцать дочерям Махапуруба. А юноша ей велел сказать им, что половину гирлянд сплела ее внучка. Дочерям Махапуруба гирлянды те приглянулись, и они велели Пхулмалин в другой раз, как придет, привести с собой внучку. На другой день Пхулмалин надела на юношу сари, навесила разные украшения и повела его к ним. Юноша притворился, будто он очень смущается, и прикрыл лицо краем сари. Дочкам Махапуруба он очень понравился, и они велели Пхулмалин оставить внучку у них на несколько дней.

Вот Пхулмалин оставила юношу там и вернулась домой. А юноша каждый день прибирал в доме и стелил постели дочерям Махапуруба. Днем эти девушки сидели дома, а по вечерам на летающей колеснице отправлялись навестить Махапуруба и танцевать перед ним. Юноше они говорили:

— Мы уходим, а ты из дому не выходи. Не ходи ни к закату, ни к восходу.

Только ушли, юноша вышел и пошел к закату. За домом с той стороны стояла лодка. Увидела лодка юношу и говорит:

— Эй, сын брошенной рани, зачем ты пришел сюда? Не тронь меня, а то ты меня осквернишь. Сперва спрысни ноги живой водой и коснись их волшебной палочкой.

Глядит юноша: возле лодки живая вода и волшебная палочка. Сделал он, как лодка велела, потом сел в лодку, и она разом поднялась в воздух и понесла его к отцу с матерью. Облетел юноша вокруг своего царства и вернулся назад. Вышел он из лодки, прибрал в доме, как всегда, и сидит одетый

по-девичьи — девушка девушкой. А дочери Махапуруба, уставши от танцев, прилетели назад и говорят:

— Вот хорошо ты сегодня подмела дом.

И сказали друг дружке:

— Нельзя нам ее отпускать. Надо, чтобы она осталась у нас.

Вечером, как искупались и закусили, они опять отправились к Махапурубу.

В тот раз юноша на запад от дома нашел лодку, что же теперь он найдет, если пойдет на восток? Пошел он туда и нашел колесницу. Колесница ему говорит:

— Эй, сын покинутой рани, зачем ты сюда пришел? Не тронь меня, а то ты меня осквернишь.— А после добавила: — Хочешь тронуть меня, так сперва sprысни ноги живой водой и коснись их волшебной палочкой.

Юноша сделал, как было велено, и поднялся на колесницу. Колесница разом взлетела в небо и понесла его туда, где шесть его братьев сидели у края дыры. Облетел он вокруг них, и они его ясно видели, а потом колесница показала его Амбавати и Чампавати и принесла назад к дому. Юноша сошел с колесницы, подмел в доме и сел — опять девушка девушкой.

Шесть девушек вернулись от Махапуруба и говорят:

— Ну и славная девушка! До чего хорошо она смотрит за нашим домом.

Тут пришла Пхулмалин, и шесть девушек ей сказали:

— У тебя такая хорошая внучка. Мы хотим ее здесь оставить.

Пхулмалин ушла, а девушки целый день просидели дома. Вечером они полетели на своей колеснице, а юноша уцепился за нее снизу, и она принесла его вместе с ними во дворец к Махапурубу.

Сошли девушки с колесницы и направились к Махапурубу. Юноша тайком пошел следом за ними и спрятался позади двери. Там шесть девушек танцевали перед Махапурубом. Кончили петь, юноша кашлянул. Сделал он так три раза подряд, пока Махапуруб не услышал и не спросил:

— Кто это там?

Тогда юноша вышел, встал перед ним, сложив руки, и говорит:

— О Махапуруб, танец всем был хорош. Вот только тот, кто играл на барабане табла, видно забыл, как надо играть.

— Раз так,— говорит Махапуруб,— садись за табла ты вместо него.

Только он сел к барабану, вдруг все поднялись на четыре йоджана в небо. Потом назад опустились. Девушки кричат:

— Мы устали. Нам больше танцевать не под силу.

— Хорошо,— говорит юноше Махапуруб.— Очень хорошо у тебя получилось. Проси у меня, чего захочешь,— я все тебе дам.

— О Махапуруб,— говорит юноша.— У меня много твоих даров: царство, власть и большие сокровища. Ничего мне больше не надо.

— Нет,— говорит Махапуруб,— проси чего-нибудь.

— А ты дашь мне все что угодно? — спрашивает юноша.— Вправду дашь?

Три раза он так спросил, и Махапуруб ему обещал. Тогда юноша сказал:

— Сперва я хочу Блестящего козла.

— А потом? — спрашивает Махапуруб.

— Потом я хочу в жены твоих шесть дочерей.

— Это немного,— говорит Махапуруб.— Проси еще.

— Нет,— говорит юноша.— Это все, чего я хочу.

— Я дал тебе это,— сказал Махапуруб.

Шесть девушек поднялись на колесницу, а юноша ухватился за нее снизу, и они вернулись домой. Девушки пошли переодеться, а юноша мигом принял вид девушки, надел свои украшения и лег на кровать, будто спит. Вошли девушки в дом, видят — нигде не прибрано — и говорят:

— Может, внучка Пхулмалин от нас убежала.

Потом смотрят — она на кровати. Подбежали и подняли юношу на ноги. Юноша встал, зевнул и говорит:

— Сестрицы, зачем вы меня разбудили? Мне снился такой замечательный сон.

Все шесть девушек сразу закричали:

— Расскажи нам свой сон! Расскажи нам свой сон!

— Нет, вам не годится про это слышать.

— Все равно ты должна нам рассказать. Расскажи!

Тогда юноша рассказал им все с самого начала: и про отца, и про руси-байраги, и про Амбавати с ракшаси, и про то, как он к ним попал и как Махапуруб отдал их всех ему в жены. Кончил рассказывать и показал им кольца Амбавати и Чампавати.

Тут шесть девушек принесли шесть кувшинов теплой воды и шесть кувшинов холодной, искупали юношу и одели его в богатый наряд. Потом все семеро сели на колесницу и полетели к Махапурубу за Блестящим козлом и за благословеньем. Вернулись домой, оставили там колесницу и пошли дальше, к Чампавати.

Побыли они у Чампавати немного времени, а потом погрузили все ее богатство на повозки и на волов, забрали ее саму тоже и пошли к Амбавати. Тут юноша вдруг подумал: «Нас семеро братьев, и уже есть семь девушек. Не стану я брат Амбавати, а то мне придется жить с двумя женами». Подумал он так и хотел пройти мимо, не показавшись Амбавати. Да только она ждала его и на дорогу смотрела. Как подошел он поближе, увидала его, побежала к нему, за руку схватила и закричала:

— Зачем ты тайком хочешь мимо пройти? Ты меня позабыл?

— Я тебя никогда не забывал,— отвечает ей юноша.— Ради тебя я вернулся так быстро. Это я дорогу забыл.

Амбавати привела их всех к себе в дом. Они там побыли немного, а потом погрузили все ее сокровища на повозки и на волов и отправились дальше.

Кто их знает, сколько дней они шли, только пришли наконец на дно той глубокой дыры, куда сверху, с земли, свисала веревка. Юноша принялся дергать за эту веревку. Шестеро братьев наверху ждали. Как увидели, что веревка задергалась, сразу поняли — это вернулся их брат. Стал юноша привязывать к веревке всякое добро, и братья его наверх таскали. Так вытащили повозки, и коней, и волов. Тут юноша думает: «Как дойдет черед до Блестящего козла, братья его увидят и заберут, а меня бросят здесь». Взял он и козлу обличье сменил. Спрятал блестящую шкуру в шкатулку, и стал тот козел с виду самый простой.

Под конец отправил он по веревке наверх восемь девушек и козла.

— Много еще там? — спросили девушек братья.

— Один он остался,— отвечают они.

Говорят братья друг другу:

— Там этот убогий сидит. Если мы его вытащим, он все себе заберет. Давайте лучше поделим девушек: каждому по жене, а старшему — три. И все добро будет наше.

Вот потащили они брата наверх, да на полдороге отпустили веревку. Он так грохнулся с высоты, что дух вон, только кости в стороны полетели. А шесть братьев забрали девушек и все добро и с радостью назад в свой город пошли.

Как осталось им пути на день или на два и на ночь лагерем стали, восемь девушек поняли, что приключилось, и сказали братьям, будто на них заклятье лежит — двенадцать лет на мужчин не смотреть.

— Постройте нам отдельный дом, и мы будем жить там двенадцать лет; потом за вас замуж пойдем. А сокровища наши тем временем пусть при нас будут.

Расстроились братья, и зло их взяло, а все же пришлось им построить девушкам дом за городом на морском берегу. И из всех домов в городе стали по очереди выставлять по мужчине, чтобы спал там у дверей — ночью девушек охранял.

Как пришли сыновья к радже и доложили, что Блестящего козла добыть удалось, слепец очень обрадовался.

— Здесь козла с нами нет. Мы его закололи за городом. А печень мы принесли.— Вот они как сказали.

Они и впрямь закололи козла и вынули печень, да только козел тот был бессмертный — один младший брат его мог убить. Печень-то они вынули, а козел как ни в чем не бывало пасться побежал. Принесли братья печень, положили на глаза радже, а они у него только сильнее заболели.

Ну а там, где юноша упал и убился, осталось лежать старое дхоти ракшаса-деда, что ему было на свадьбу подарено. Дхоти то было исполнено волшебной силы. Обошло оно все вокруг, собрало разбитые кости и вместе их сладило: куда надо — руки, куда надо — ноги. Приготовило все и само легло на костяк, покрыло его от черепа до кончиков пальцев. Прошло немного времени, юноша шевельнулся, воскликнул: «О Махапуруб!» — и встал. Теперь дхоти обернулось веревкой, и пошла она сама собой прямо вверх, пока не достала до края дыры. Юноша поднялся по веревке и сел на краю. Тут веревка наверх вышла и обратилась в коня.

Вскочил юноша на коня и приехал в свой родной город. Только на землю сошел, из коня снова сделалось старое дхоти, а все тело у юноши покрылось струпьями и болячками. Надел он дхоти, стал сразу грязным, вонючим, и стая мух его облепила. Заковылял юноша к дому, где девушек поселили. А рядом жил один мурия. У того мурии детей не было. У себя в

огороде он сеял табак, много табаку. Ему надо было кого-то — огород сторожить, вот он и взял этого юношу. Как настала очередь мурии идти спать у девушек под дверьми, юноша вместо него пошел.

Ночью девушки велели ему рассказать сказку. Сел он подальше — из-за болячек своих — и рассказал все, что с ним приключилось. Услыхали девушки, начали плакать, потом ввели его в дом, искупали и одели в богатый наряд. Открыли шкатулку, куда настоящее обличье козла было положено, и понесли его радже. Как пришли к радже, юноша спрашивает:

— О раджа! Принесли тебе твои шесть сыновей то лекарство, какое тебе было надо?

Раджа ему говорит:

— Не лекарство то было. От него мне стало хуже.

Тогда юноша рассказал отцу все, как было, а козла заколол, и печень его отцу на глаза положил. Раджа разом исцелился, и глаза у него засияли как солнце.

— Нам здесь оставаться нельзя,— сказал тогда юноша и собрался уходить.

— Ты должен остаться со мной,— говорит ему раджа.— Как я могу тебя отпустить?

— Нет, пока братья живы, я не останусь.

Вот раджа и велел убить шестерых братьев и закопать. Мать юноши, которую он раньше прогнал, он взял назад во дворец, а юноша женился на всех восьми девушках и жил с ними в полном согласии.

23. Золотая птица

Жил один паренек с матерью в маленькой хижине. Они были бедные и жили тем, что ловили на птичий клей мелких птиц. Раз услышал про это раджа и позвал паренька во дворец.

— Ты зачем изводишь птиц в моем царстве? — говорит раджа.— Придется тебе теперь пойти и поймать Золотую птицу, а не поймаешь — велю тебя казнить.

Паренек вернулся домой в страхе и горести. В рот ничего не берет, сидит в углу и молчит. Мать его спрашивает, что приключилось, и он ей все рассказал.

— Не бойся,— говорит мать,— ты найдешь Золотую птицу. Обрадовался паренек, когда такое услышал, даже поел. Потом взял лук и стрелы и пошел искать Золотую птицу. Шел он, шел, дошел до большого дерева и присел отдохнуть под ним в тени. А на том дереве было гнездо лесной голубки. Увидела она паренька и воскликнула:

— Долго же ты не шел, зятюшко. Мы все глаза проглядели, тебя поджидая. Дочка моя выросла, замуж готова. Иди поспеши и женись на ней.

На это паренек отвечает:

— Нет, тещенька, не могу я сейчас жениться. Вот как обратно пойду, тогда и свадьбу устроим.

А лесная голубка ему говорит:

— Ничего, что ты уходишь. Свадьбу надо сейчас справить.

Ну паренек и согласился.

Лесная голубка созвала всю свою родню, и в день свадьбы гости собрались на дереве. Голубей налетело так много, что они закрыли небо как крышей. Под этой крышей, в тени, и свадьба прошла. После свадьбы голубка говорит парню:

— Ну, зятек, иди, и пусть тебе будет удача. А случится беда, приходи — я тебе помогу.

Паренек провел в доме у жены несколько дней, а потом говорит ей:

— Теперь мне надо идти за Золотой птицей. Ты оставайся. На обратном пути я найду за тобой и возьму тебя к себе домой.

Попрощался он с тещей и отправился в путь. Шел он, шел, перешел одну гору, перешел две горы и пришел в пустынную долину среди скалистых гор. Увидел родник и подошел, чтобы напиться. Видит, в грязи у родника валяются дикая свинья с боровом. Присел парень возле родника и вздохнул. Свинья услышала и закричала:

— Что ты, зятюшко, так долго не шел? Мы глаза проглядели, все на дороге смотрели. Моя дочка выросла, ей пора замуж.

Сначала парень отказывался, говорил, что ему надо дальше идти, да свинья очень настаивала, и он уступил. Свинья созвала всю свою родню. Собралось целое море черных свиней. Посреди этого моря их и поженили. Провел парень у жены в доме несколько дней, а потом говорит:

— Ну, мне надо идти за Золотой птицей. Ты оставайся. На

обратном пути я найду за тобой и возьму тебя к себе домой.

Прощаясь он с тещей и отправился в путь. Шел он через горы и реки много дней, пока не пришел к дому дано. Дано издали увидел его и побежал ему навстречу. Подбежал и говорит парню:

— Добро пожаловать, зять, добро пожаловать! Ты хорошо сделал, что пришел. Я уж собрался идти искать тебя. Моя дочка выросла, ей не терпится замуж.

Снова парень стал отговариваться, а дано взвалил его на спину и принес к себе в дом. Увидела жена дано паренька, расцеловала его и говорит:

— Ты хорошо сделал, зятек, что пришел. Наша дочь тебя давно ждет. Что ни день на дорогу глядит.

Паренек остался у них, и дано принялся созывать свою родню. Притащил для пира несметное множество коров и буйволов. Как настал положенный день, собралось столько родни дано, что парню почудилось, будто горы сдвинулись с мест и пошли на него.

— Не пугайся,— говорит парню невеста.— Приветствуй каждого, будто тестя. А как станут тебя целовать, ног их касайся.

Парень так и сделал, как сказала невеста. Вид был такой, словно горы их обступили, и там, в середине, их поженили. После свадьбы гости дано доотвала наелись говядины.

Сколько-то времени парень побыл у жены в доме, а потом сказал, что ему надо идти — искать Золотую птицу. Жена ему говорит:

— Тебе никогда ее не найти. Не по силам тебе задача.

А парень опять говорит:

— Мне надо идти.

Расказала девушка об этом отцу. Тот говорит:

— Пусть он идет. Только вели ему взять с собой этот топор.

И дал ей топор. Потом дано посадил паренька к себе на спину и пошел с ним искать Золотую птицу. Шли они, шли и пришли на берег моря. Дано говорит:

— Смотри, зять. Вон там, за морем, висит на дереве клетка. В той клетке сидят две Золотые птицы. Только как ты перейдешь через море?

Посмотрел парень и испугался. Дано ему говорит:

— Сруби все деревья, какие увидишь, и заткни меня ими

Паренек так и сделал. Тогда дано приложился ртом к морю и выпил всю воду. Деревья не пускают воду вытечь назад, вот море и высохло. Парень перешел через море, дошел до дерева и наверх залез, к самой клетке. Снял он клетку и вернулся к дано. Дано велел ему отнести клетку подальше, в безопасное место, и вытащить из него дерево или два дерева. Парень вытащил дерево, и вода потекла обратно.

— Спасайся! Беги! — крикнул дано да как вытолкнет разом все деревья — вода так потоком и хлынула.

А парень с клеткой благополучно вернулся назад. Пожил он еще сколько-то дней у дано, потом говорит:

— Моя мать будет обо мне плакать. Мне домой пора.

— Иди, раз так, — отвечает дано. — А случится с тобою беда, пошли ко мне Золотую птицу, и я приду.

Ушел паренек вместе с женой. Через несколько дней он пришел к свинье в дом и остался там ненадолго. Вскоре он опять был в пути — уже с двумя женами. Свинья ему тоже сказала:

— Если в беду попадешь, пошли за мной — я тебе помогу.

Подожло время, и пришли они к дереву, где голубка жила. Паренек забрал и третью жену. И голубка сказала:

— Случится беда — пошли за мной, и я тебе помогу.

Наконец они подошли к дому его матери и послали сказать, что они домой идут. Старуха мать все сидела и слезы лила, а как услышала, что сын возвращается, собрала других женщин и с барабанами вышла навстречу сыну и его женам.

Тут и раджа узнал, что парень вернулся, и послал своего стражника посмотреть, принес он Золотую птицу или не принес. Паренек говорит:

— Скажи радже, что Золотая птица у меня. Я приду к нему завтра.

На другой день он оставил одну Золотую птицу в клетке дома, а вторую понес к радже. Увидал раджа птицу и испугался, потому что он так подумал: «Это опасный юноша. Тот, кто Золотую птицу достал, может и меня с трона прогнать. Как бы мне его доконать?» Посадил он птицу в клетку и говорит парню:

— Пойди достань ей пару. Что толку птицу одинокой держать?

Парень вернулся и рассказал матери и своим женам, что получилось. Они говорят:

— Не показывайся из дому несколько дней. А потом отнесешь радже вторую птицу и скажешь, что тебе пришлось ходить далеко, чтобы ее раздобыть.

Парень сделал, как было сказано, и через сколько-то дней отнес радже вторую птицу вместе с клеткой. Увидел это раджа, напугался пуще прежнего и задумал погубить парня. Вот он ему и сказал:

— Вырой за городом большой пруд. За одну ночь это сделай. И водой его надо наполнить. Не справишься, я велю тебя убить и закопать там.

— Через восемь дней я тебе скажу, смогу я выкопать пруд или нет,— говорит парень.

Раджа согласился подождать и отпустил его домой. Там парень рассказал все, что с ним приключилось. Жены ему говорят:

— Не бойся, ты выкопаешь такой пруд. Только надо дать знать нашим родителям.

Через день или два стали слуги во дворце кормить Золотых птиц, а те улетели из клетки — и прямо к парню домой.

— Не бойся, братец,— говорят ему.— Мы легим звать на помощь родню твоих жен.

Прилетели птицы к лесной голубке и сели на дерево. Она спрашивает:

— Вы мне весточку принесли?

— У твоего зятя большая беда,— говорят они.— Созови всех своих родичей и веди их ему на помощь.

То же они сказали свинье и дано, а потом к парню вернулись. Говорят ему:

— Иди к радже и скажи, что ты выроешь пруд завтра ночью. Скажи ему так: если не сумеешь ты это сделать, пусть он тебя убивает; ну а сделаешь — сам его убьешь и возьмешь себе его царство.

Парень сделал, как было велено, и раджа совсем перепугался.

На другой день слетелось целое войско голубей, сбежалось войско свиней и собралось войско дано. Говорят парню:

— Идем, будем пруд копать.

Он и повел их в нужное место. Голуби поднялись и закрыли крыльями небо на двенадцать косов в одну сторону и на двенадцать косов в другую, и тень от них легла на все царство. А внизу войско свиней рыло землю, а войско дано ее

прочь таскало. Из-за этой тени ночь длилась шесть месяцев — никто ведь не видел, как солнце всходило. Кончили пруд — раджа испугался и вывел свое войско на битву. Тут голуби стали клевать его солдат, свиньи их драли, а дано глотали одного за другим, пока ни единой души не осталось. Пришлось радже отдать свою дочь и все царство парню. Стал парень раджей и зажил счастливо со своей старой матерью и четырьмя женами.

24. Краб-попутчик

Когда-то давным-давно, говорят, жили два брата. Старший был женатый, а младший — холостой. Родителей у них не было. Отец и мать умерли, когда они еще совсем маленькие были. Была у них сестра, постарше их, до поры она их и кормила — к людям нанималась на работу да колосья на полях собирала.

Потом сестра замуж вышла, и остались братья бездомные, без куска хлеба. Прослышали о том их дядья, братья матери, и пришли забрать их к себе.

— Слушайте, племянники,— говорят.— Вы остались без дома, и некому за вас заступиться. Пойдемте с нами, мы вас к себе возьмем. Где вы будете жить? Кто вам готовить станет? А если вдруг захвораете и лихорадка трясти вас начнет, кто за вами присмотрит? Мы ведь видим, каково вам нынче приходится. Потому мы и пришли забрать вас к себе. Знаете, как говорят: «Если дети осиротеют, они живут, пока не вырастут, у дядьев, отцовских братьев; а не у них, так у материнной родни». Вот мы и пришли за вами.

Так говорили они этим мальчикам. А в деревне той жили еще их другие дядья — братья отца. Тех тоже позвали и при них это все говорили. Младший из отцовских братьев и говорит:

— Слушайте, так не годится. Одного берите к себе, а второго мы вам не отдадим. Старшего я сам возьму. А то ведь вы нас ославите, а в один прекрасный день и этих ребят ославите тоже. Станете им говорить: «Вот, парни, глядите, у вас полная деревня отцовской родни, дядья там живут. А много они о вас позаботились? Хорошо, что мы у вас есть — вас к себе взяли;

сами видите, вы у нас дом нашли. Если б не мы, шататься бы вам, как бродягам, кто его знает, в каких краях. Мы вас пожалели и сюда привели, сами видите; вы у нас в люди выйдете. А отцовская ваша родня о вас и думать забыла». Вот как вы станете потом говорить. Потому я и говорю: обоих мы вам не дадим. Одного здесь оставим.

Судили, рядили и порешили, что младший к материнской родне пойдет, а старший останется у отцовской. На том вроде бы и порешили, вдруг кто-то сказал:

— Слушайте, неладно выходит. Мы тут решаем, а ребят-то и не спросили, куда они сами хотят.

— И верно,— все говорят,— ты правильно говоришь. Ладно. Поправить дело недолго. Давайте сейчас их самих спросим.

Вот они и спросили тех братьев:

— Ну, племянники, а вы-то что скажете? Говорите, не таитесь, а то мы сделаем, как сказано было.

Стал говорить старший брат — другой-то был совсем маленький, он ничего не сказал.

Старший, значит, и говорит:

— Да, дяденьки, это вы верно сказали. Я сам тоже так думал. Если бы вы нам обоим велели уйти, я бы не пошел, отказался бы. Почему? У нас, сами знаете, здесь земля, потому я и не хочу уходить. Теперь вы сами так порешили, я очень рад. Вы, дяденьки, возьмите брата к себе, а я пока останусь тут. Будет мне плохо здесь, я тоже приду к вам.

На том и договорились. Младшего брата взяли дядя по матери, а старший остался у отцовской родни.

Старший брат так и жил там, покуда не вырос и дядя с теткой его не женили. Они его обучили всякому делу, и за любую работу он умел взяться. В поле он тоже хорошо научился работать. Только жену они выбрали ему неудачно. Им-то самим и работой его они очень были довольны, а вот жена пришлась не ко двору. Скажут ей что-нибудь — она обидится и убежит¹; молодой муж чуть не каждый день ходит ее уговаривать и назад звать, а работа стоит. Дядя и тетка его стали поругивать. Кое-как он у них год дотянул².

На другой год он оставил дядю и тетку и пошел в семью к тестю. Только и там он не ужился. Пришлось ему вернуться в родную деревню и построить себе дом. Привел он туда жену и стал жить там.

А младший брат жил с материнной родней, и все его баловали. Работать его не заставляли, и он ничегошеньки делать не научился. Старший брат-то не знал, что он бездельником вырос. Как зажил он своим домом, так и сказал жене:

— Кто у нас будет за волами смотреть? Где нам найти работника? Давай возьмем к себе моего брата. Он за скотиной будет ходить.

Порешили они так и взяли его. Взять-то они его взяли, только ни к какой работе он не годился. Надо скот пасти, а он, захочется ему, так пойдет, не захочется — нет. Старший брат с женой устали его уговаривать. И бранили они его и обзывали лентяем. Как его ни ругают, ему все нипочем. Надоест, возьмет да и убежит к материнной родне. Только и там его больше не жаловали за такое безделье и кормить не хотели. Ничего ему не оставалось, как возвращаться с повинной. Деревня вся уже знала, какой он лентяй; никто и водиться с ним не хотел. А брат как никак, работает он или нет, его все же кормил. Не давал ему с голоду помереть.

Так вот он и подрос, и женить пора его стало. Только ни брат, ни невестка об этом не заикнутся — все из-за его лени. В конце концов и сам он понял, в чем дело, и думает: «Эти двое жены мне искать не станут. Пойду-ка я отсюда в чужие края». Надумал он так и стал искать попутчика. Говорит то одному, то другому:

— Пойдем со мной, приятель. Отправимся в чужие края, службы поищем.

Только никто его и не слушал — все знали, какой он бездельник.

Как-то раз, говорят, брат и невестка отругали его сильнее, чем всегда. Это его уязвило, он в сердцах и ушел. Шел мимо пастища, увидел пастушат и зовет их:

— Эй вы, пойдете со мной, составьте компанию.

— А куда? — спрашивают.

— Куда глаза глядят и ноги ведут, — отвечает.

— Нет, — говорят, — тебе, лентяю, мы не компания. Мы с тобой не пойдём.

Так никто из деревни его и не поддержал, пришлось ему идти одному. Идет он и размышляет: «Во всей деревне никого в помощь мне не нашлось. Неужто так и идти одному, без попутчиков? Нелегко мне в дороге придется». От таких мыслей он и голову повесил.

Идет дальше, видит краб вырыл норку. «Что ж,— думает,— во всей деревне не нашлось мне попутчика. Выкопаю-ка я этого краба и возьму его с собой». Решил он так и начал копать. И вот, послушайте, копал он и копал, все так и копал, пока не докопался до краба. Взял его и говорит:

— Ты, краб, мой товарищ, ты мой товарищ и друг. Куда я ни пойду, всюду тебя буду брать. Никогда тебя не брошу. Ты всегда со мной будешь.— Сказал он так сам себе и завязал краба в полу.

Пошел он дальше. Есть захочет — зайдет в деревню, попросит. Так он прошел два царства, а то и три. Дальше пошла земля, где объявился ракшас. Парень пришел туда как раз, как вечереть начало. А тамошний раджа велел огласить всему народу указ: «Ракшас опустошает мое царство. Кто убьет ракшаса, тому я отдам мою сестру в жены и еще дам четверть царства в придачу». Вот какой указ там огласили.

Парень, значит, пришел туда как раз, как за вечерело. Зашел он в одну деревню, а в той деревне у самой околицы росло манговое дерево. Под этим деревом он и устроился на ночь. Зашел в один дом, попросил огня, развел себе костер и стал укладываться. Народ ему говорит:

— Слушай, юноша, ты ведь один, не ложись тут. Пойди к нам, переночуешь у кого-нибудь в доме с людьми. Тут у нас теперь стало очень опасно — ракшас здесь объявился, много народу поел. Ты ведь один, так он тебя, без сомнения, сожрет. Вот мы и говорим: иди к нам, переночуешь с людьми.

— Нет,— отвечает парень,— я не один. Нас двое.

— Ну да? А где же второй? — спрашивают.— Мы видим тебя одного. Другой-то отстал, что ли?

— Нет, почтенные,— говорит он,— нас двое. Никто тут один не останется. Мы обойдемся лучше нельзя.

— А если тебя ракшас съест, что нам делать?

— Значит, такая моя судьба — умереть. А если так, чем вы тут можете?

— Послушай, юноша,— все опять говорят.— Мы видим тебя одного. Где же второй? Нам его не видеть.

— Почтенные,— отвечает он.— Нас поистине и вправду двое, только вы второго увидеть не можете.

Видят они, что он опять за свое, и спрашивать перестали. «Верно,— думают,— это он Чандо понимает, когда о втором говорит». И сказали:

— Ну ладно, если вы с ним к нам идти не хотите, что нам еще делать?

На том и кончился разговор. Народ оставил парня в покое и по домам разошелся.

А парень развел костер, сам улегся под деревом, а краба на волю выпустил. Он, говорят, всегда так делал: где ни остановится на ночь, везде первым делом выпустит краба.

В полночь пришел в деревню ракшас — съесть кого-нибудь. Увидел у околицы парня, сразу к нему подошел и спрашивает: — Кто лежит? Кто тут спит, приятель?

Парень слышит, а не отвечает. Ракшас и подошел к нему вплотную. Только нагнулся и пасть разинул, краб скок к нему и хватъ его клешней за глотку. Так ловко схватил, что тут же и удушил. Упал ракшас и не движется. Краб у него на горле так и провисел до утра. Парень проснулся, глядит: краб ракшаса задушил. А у него с собой было нахарни. Он взял и отщипнул им у ракшаса мочки ушей; когти у него он тоже обрехал да и кончик языка заодно. Потом спрятал краба, а сам лег и опять заснул.

В той деревне был стражник из касты дом. Идет он рано поутру и видит: лежит мертвый ракшас. Побежал он домой, принес топор и отрубил у ракшаса ногу. Приташил ее домой, швырнул с грохотом на пол, а потом погнал прочь из дому жену и детей, всех их прочь погнал и барабаны свои тоже выбросил вон. «Я,— говорит,— на сестре раджи жөнюсь и царство получу. На что мне они все?» Сказал так и всех выгнал из дому.

Собрался тут весь народ. Пошли, смотрят: и впрямь кто-то убил ракшаса. Только все равно они дому не очень поверили. «Может быть,— говорят,— его этот чужеземец убил». Так они промеж себя говорили, а парень молчит, ничего им не рассказывает. Тогда спросили его:

— Слушай, юноша, кто убил ракшаса? Ты его убил или дом?

— Наверно, уж тот, кто убил, взял себе какие-то знаки,— говорит тот.

— Он унес с собой целую ногу. Мы ее у него сами видели. А где твои знаки?

— Ладно,— говорит парень.— Подите скажите вашему радже: пусть тому из нас, кто представит верные знаки, обещанное отдадут.

— Хорошо,— согласились они.— Ты правильно говоришь. Это верно, пусть раджа сам все рассудит.

И вправду послали к радже обо всем ему рассказать. Раджа сказал:

— Хорошо. Я сейчас пошлю солдат посмотреть, вправду все так или нет. А как посмотрят, тащите ракшаса сюда, и пусть этот дом сам принесет ногу. Чужестранца тоже с собой приведите, там его не бросайте.

Вернулись посланные и с ними солдаты. Посмотрели на ракшаса — все верно сказано. Тогда солдаты говорят парню:

— Слушай, ты, есть у тебя доказательства? Покажи свои знаки.

— Здесь я ничего не покажу,— отвечает он.— Пойдемте к радже. Там сразу покажу все, что у меня есть.

— Почему так? — дивятся они.— Откуда он взял свои знаки? Надо посмотреть.

Осмотрели они ракшаса, да только никто так и не понял, какие знаки он взял себе в доказательство. А он ничего сказать не хочет.

— Идем тогда к радже,— говорят.

Взвалили ракшаса на плечи и понесли с собой.

Принесли к радже; раджа его осмотрел. Тут выходит вперед дом.

— Я убил этого ракшаса,— говорит.

— Подожди,— сказал раджа.— Дай я сперва людей расспрошу. Может, не ты убил.

Он и вправду спросил народ и солдат, что туда посылал:

— Слушайте, вы. Спрашивали, кто убил ракшаса? Вон дом, видите, ногу принес. Знать бы, он его убил или кто другой?

Те отвечают:

— Кто его знает. Точно сказать мы не можем. Чужеземец лежал там и спал, и ракшаса в том самом месте убили, а кто убил — он или дом,— мы не знаем. Чужеземец-то говорил: «У меня тоже есть знаки». Мы его спросили: «Какие у тебя знаки? Покажи нам». А он отвечает: «Я их покажу перед раджей». Спроси их обоих: пусть они свои знаки покажут.

Раджа говорит:

— Покажите оба ваши знаки. Я ваше дело рассудить не могу, пока знаков не видел.

Тогда дом положил перед раджей ракшасову ногу.

— Смотри,— говорит,— вот мой знак.

— Ты сам принес эту ногу? — спрашивает раджа.— Или кому-нибудь дал нести?

— Я сам ее сюда принес,— отвечает дом.— Никому не велел ее трогать.

— Хорошо,— говорит раджа, потом парня спрашивает: — Слушай, ты. Где твои знаки? Покажи.

Тут он, говорят, развязал узелок на одежде и вынимает все, что отрезал: от языка, от ушей и когти тоже. Вынул, показал всем, потом положил все перед раджей и говорит:

— Гляди, батюшка, вот мои знаки.

И впрямь, как посмотрели они у ракшаса лапы и уши, пасть тоже раскрыли и на язык взглянули, так и увидели — нигде кончиков нету. Посмотрели на ногу, что дом принес,— нету когтей. Тут раджа и народ говорят:

— Этот чужеземец убил ракшаса. Если бы дом убил, откуда бы тому когти взять? Нет, это он убил ракшаса.

Попробовал дом всякую напраслину на парня возводить, только ему не поверили, еще и отругали как следует. Ничего другого дом не придумал и с позором вернулся домой. Начал он тут жену и детей улещивать, обратно их звал, да только и они над ним посмеялись.

— Нет,— говорят,— мы назад не вернемся. Ты на сестре раджи женился, ты важная птица, а мы низкой касты. Мы к тебе ни за что не пойдём. Мы тут к кому-нибудь работать наймемся, как-нибудь прокормимся сами.

И верно, в тот день они домой не пошли. Только на третий день дом уговорил их вернуться. Народ над ним очень смеялся, а ему и ответить нечего.

А парню раджа тут же при всем народе отдал свою сестру в жены. Дал ему полцарства впридачу и грамоту в том написал — все как надо. Для народа устроили пир, а парня одели в нарядное платье и повели во дворец.

Раджа-то знал: первой же ночью парень умрет, и все царство при нем останется. Почему? Он уж не раз выдавал сестру замуж, и все ее молодые мужья так умирали, один за другим. Он это помнил и говорил сам себе: «Он ночью умрет, а царство моим останется». Вот почему он так легко отдавал свою сестру замуж. Женил он, значит, парня на сестре, взял к себе во дворец и обходился с ним, как со своим.

Вечером отнесли кровати в один из покоев и устроили там

молодых на ночь. Их там спать уложили. Фонарь зажгли, весь дом осветили. Как легли, парень вынул краба и положил к себе на грудь. Потом он заснул, а молодая рани уснула и того раньше.

Только парень заснул, говорят, сразу две змеи поползли из ноздрей молодой рани, чтобы ужалить ее нового мужа. Увидели краба и спрятались обратно. Ненадолго спрятались, вот-вот снова вылезут — молодые-то крепко спят, им невдомек, что творится. «Ой-ой-ой,— думает краб,— эти змеи без сомнения хотят прикончить моего товарища. Погодите, я им сейчас покажу».

Решил так краб и, говорят, забрался к молодой рани на шею, к самому рту, и там затаился: лежит и клешни вперед выставил. А змеи высунутся чуть-чуть и сразу назад прячутся. Много раз они так выглядывали да вдруг и вылезли малость подальше, головками крутят, жало высовывают. Краб, говорят, тут как тут, разом хватить их обеих клешнями. Назад им не уйти — краб их клешнями зажал и не пускает. Змеи наружу выползли, выются, хвостами краба всего обмотали, а краб их не отпускает. Защемил их посильнее клешнями и прикончил обеих. Как перестали они шевелиться, он сполз с ними с кровати на пол.

Первым проснулся на заре парень. Стал искать руками, где краб, на груди у себя его не нашел, испугался и мигом вскочил. Видит, лежит он на полу, между кроватей, на которых их спать уложили, весь обмотанный змеями, так что ему и не двинуться. Закричал он со страху: «Ой! Ой!» Потом смотрит — змеи-то мертвые, а краб живой. Вот, говорят, он и спрашивает у краба:

— Слушай, приятель, где ты нашел этих змей?

— Эти змеи тебя чуть не ужалили,— отвечает краб.— Твое счастье, что ты меня с собой взял. Это тебя и спасло. А то быть бы тебе мертвым. Эти змеи вылезли из ноздрей у молодой рани.

Услыхал это парень, опечалился и говорит:

— Слушай, приятель, ты меня спас от многих опасностей. Без тебя как бы я жизнь сохранил? Будь я один, мне давно бы конец пришел.

Тут и молодая рани проснулась. И хоть оба они уже не спали, они остались в покоех, принялись толковать о том, о другом и всяком прочем и забавлялись вдвоем. Солнце высоко

поднялось, а они все не выходят. Раджа уж мусорщиков созвал и держит их во дворе наготове. Он думал — он ведь по старому опыту знал, вы сами слышали, — что парень ночью умрет. Потому он и мусорщиков позвал, чтобы были готовы.

А тут, немного погодя, говорят, оба они встают и выходят. — Матушки! — закричал раджа. — Ну и негодник. Он не умер. Я-то думал, он наверняка умрет этой ночью. Столько женихов померло от нее; этот тоже непременно должен был умереть. Затем я и мусорщиков позвал, чтобы его вынесли. Матушки! Я смотрю, он живой!

Раджа перед этими мусорщиками вконец опозорился. А они с него все равно денег потребовали, что за работу им причиталось. Так все и осталось.

То ли из-за змей, что в ней жили, то ли по какой другой причине, только молодая рани, говорят, никогда не была в теле. А тут, как змей-то не стало, она зачала и с той поры, говорят, стала пышная.

После того дней десять или двенадцать парень клал краба ночью на грудь, потом сообразил: «Нынче мне больше ничего не грозит. Похоже, все опасности позади». Пораскинул умом и говорит сам себе: «Краб устроил мне жизнь: он меня женил и раджей сделал. Надо мне найти для него местечко получше и отнести туда».

Вот раз он сказал крабу:

— Слушай, приятель, ты давно уж мне помогаешь. Ты спас меня от многих опасностей, а мне нечем тебя отблагодарить. Скажи мне, чего ты хочешь.

— Хорошо, — отвечает краб. — Я ведь, сам знаешь, спас тебе жизнь.

— Верно, — согласился тот. — Ты мне жизнь спас. Никто этого не отрицает.

— Так вот, — говорит краб. — Ни о чем больше я тебя не прошу, сделай мне одну милость. У раджи много прудов. Отнеси меня в такой пруд, который никогда не пересыхает и где во всякое время года много воды, и оставь там. А если меня кто-нибудь случаем выловит, ты меня вызволи.

И вправду он отнес краба в пруд, который никогда не высыхает, и сказал ему на прощанье:

— Живи теперь как знаешь, а если случится, что я приду сюда искупаться, выходи мне навстречу, пожалуйста.

И ушел.

С полгода прошло, и прослышали старший брат и другая родня, что младший стал раджей и владеет царством. И вот раз поехал молодой раджа на слонах и конях навестить старшего брата. Приехал и говорит старшему брату и невестке:

— Глядите, вы оба, вы все лентяем меня величали. Как же тогда это выходит, что я могу ездить на слонах и конях, а вы, хоть и трудитесь столько, никогда ни на слона, ни на коня не влезали?

Они не нашли ни слова на это ответить. Потом устроили ему угощение, и младший брат им сказал:

— До каких пор вы здесь будете мучиться? Я добыл для нас царство. Поедьте, я возьму вас туда.

— Нет,— отвечают они,— в этом году мы уехать не можем. Приезжай на будущий год.

Так младший брат получил полцарства. Как прошло шесть лет или семь, это значит, с той поры, как он все получил, он привез старшего брата с женой. Стали они жить вместе. Он им говорил:

— Раньше вы меня не уставали бранить, лентяем меня обзывали. Глядите теперь, разве не я, ваш лентяй, раджей стал? А вы так много работали, почему вы не стали раджами?

Говорил он им так, потом кончил. Не стал больше так говорить. «Если я много буду так говорить,— сказал он сам себе,— брат и невестка обидятся. Они могут сказать: „Он для того и взял нас сюда, чтобы мы слушали такие речи. Давай уйдем обратно и кончим с этим“». Подумал он так и перестал говорить. Кончил раз и навсегда.

Потом оба брата ушли с земель другого раджи и выстроили себе дворец на новом месте. И стали там раджами на веки веков. Детей завели, стало их много.

Вот и кончаю я эту сказку. Хватит того.

25. Гунджхира

Жила на большом дереве Гунджхи-голубка. Снесла она пять раз по двадцать и еще шесть яиц¹, и два из них были в локоть длиной. Увидала она эти огромные яйца и испугалась. «Какой лиходея прячется в них: дантар или дано?» — думает.

Расколола она сто четыре яйца — помогла птенцам выйти, а эти два трогать не стала. «Надо мне бежать с моими детьми, ноги уносить, пока целы, а то дано нас убьет». Оставила большие яйца в гнезде, а сама убежала и птенцов с собой увела — пять раз по двадцать и еще четверых. В пути встретился ей шакал — он у ручья сливы ел. Услышал шакал птичьи голоса и спрашивает:

— Эй, вы кто такие? Как вы смеее летать над моим царством? Я здесь главный советник.

— Это добрая весть,— говорит птица.— Советник здешнего раджи — мой брат. Я иду к нему в гости.

— Какая ты мне сестра? — отвечает шакал.— С чего бы моей сестре быть среди тех, кто летает?

Но она его заставила признать ее. Он спросил, откуда она идет, а она рассказала, что с ней приключилось.

— Сестрица, бросать свои яйца — великий грех. Вернись, расколи их. И не бойся. Там ведь твоя плоть и кровь.

Полетела птица обратно к дереву, пять раз вокруг него облетела² и говорит птенцам:

— Будете мне подмогой.

Она заставила их сесть на каждую веточку, на каждый листок вокруг нее, чтобы быть ей защитой. Через несколько дней послышалась в яйцах жизнь — кто-то там зашевелился. Она их расколола, и оттуда вышли два царевича: один был Гунджмара, другой — Гунджхира.

Задумалась птица: «Чем мне их кормить?» — и принялась она плакать вместе со всеми своими детьми. Той порой Махадео и Парвати пришли дров нарубить. Услышала Парвати плач и сама тоже заплакала, и пришлось Махадео пойти вместе с ней — посмотреть, что случилось.

— Гляди, сестра, у меня сто четыре птенца, и для них я могу добыть проса и червяков. А как мне прокормить этих царевичей?

Махадео дал Парвати какое-то снадобье, и у нее из груди хлынуло молоко. Стала она каждый день приходиться — кормила царевичей и домой уходила.

Раз Гунджхи говорит Парвати:

— Поучить бы тебе их, сестра.

Парвати надела на них кой-какие украшения и спрашивает, чему они хотят научиться.

— Стрелять,— говорят они.

Гунджхи сразу позвала двенадцать братьев агариев и двенадцать братьев лохаров, и они сделали луки и стрелы для юношей. Те быстро научились стрелять и пошли на охоту. Видит Парвати, какие они стали умелые и самостоятельные, и сказала им:

— Идите, сыновья наши, живите, как сами знаете.

Гунджхи это пришлось по душе. Юноши ей говорят:

— Матушка, мы уходим. Будет тебе в нас нужда, только позови — мы в тот же миг будем к твоим услугам.

Они коснулись ее ног на прощанье и ушли. К вечеру они пришли в Сурджалпур и решили остановиться там на ночь. У колодца спрашивают девушек, что воду брали:

— Девицы, где нам в деревне место найти — ночь скоротать?

Девушки отвечают:

— Вы ведь царевичи. Почему во дворец не идете? — А друг дружке меж тем говорят: — Какие красивые!

— Зачем нам идти во дворец? Почему бы в деревне не заночевать? — говорит старший брат.

Пока они так толковали, дошли до последнего дома. Хозяйка была там вдова. Жила она тем, что по чужим гумнам мякину после молотбы подбирала и веяла — забытые зерна искала. К ней и стали царевичи проситься переночевать. Увидела она их, рассердилась.

— Идите к радже, — кричит. — Нет здесь ничего, одна мякина — двенадцать горшков. А по ночам ходит в деревню большая рыба бод и каждый раз уносит кого-нибудь.

— Не сердись, бабушка, — сказал старший брат и дал ей золотой.

Это ее успокоило, она им поесть приготовила и соломы, где спать, разостлала. Улеглись они, села она рядом с ними и стала про рыбу рассказывать. Старший-то брат так устал, что сразу уснул. А младший до конца все прослушал и от страха и гнева сон у него как рукой сняло.

В полночь он встал и спрятался за большим деревом возле озера, где рыба жила. Только она вышла, юноша на нее закричал, пустил стрелу и убил ее. Он отрезал у нее уши, плавники, хвост и кусок печени и вернулся спать.

В той деревне был котвар, и была у него такая обязанность: вставать по утрам раньше всех и докладывать, кого ночью рыба сожрала. В то утро ему захотелось живот облегчить.

Пришел он к берегу озера, справил свои дела и, только дальше пошел, видит вдруг — лежит тушей рыба. От страха ноги у него подогнулись. «Что она в озеро назад не идет? — думает. — Может, она переела?» Он бросил в нее камушком, потом покашлял, а рыба и не шевельнулась. «Видно, дохлая», — решил котвар. Тут он принялся орать и подпрыгивать, на всю деревню крик поднял, что он рыбу убил.

А раджа давным-давно объявил, что тому, кто эту рыбу убьет, он даст свою дочку в жены, деревню без налогов, слона, коня и полное содержание. Котвар побежал домой, вытащил свой зазубренный топор с обгорелым топорищем и принялся точить его на камне. Потом стал рубить рыбу, да старым своим топором едва ее поцарапал. Бьет топором — кач-кач-кач, а толку нет.

— Идите! Помогите! Эй вы! — кричит.

Народ собрался — ну и зрелище: огромная рыба и котвар, пбтом над ней обливается.

— Гляди, гляди! — говорят. — Ее котвар убил. Смотри, как запыхался.

А котвар кричит:

— Вот мой старый топор с обгорелым топорищем! Это все, с чем я встретил врага и его победил!

Он бросил тушу и весь народ там оставил, а сам домой к жене пошел.

— Ты слышала, а?

Он так разгорячился, что уж не помнил, где он и что. Ведь его ждала женитьба на дочке раджи. Жена думает: «Чему он так радуется?» А он говорит:

— Я скоро буду зятем у раджи. Не будешь вести себя хорошо, я тебя прочь прогоню.

— Хорошо, — отвечает жена, — тогда я пойду к батюшке. — И заплакала.

Котвар разозлился и взащей выставил ее из дому. Потом он умылся и достал свое лучшее платье, чтобы к радже идти. Тем временем раджа узнал, что случилось, и это пришлось ему не по вкусу. Да слово-то надо было держать. Вот и послал он пятерых чапраси за котваром. Пришли они к нему, говорят, что его раджа зовет, а котвар им в ответ, важно так:

— Пошли вон, мошенники. Я устал. Знать бы вам, сколько мне стоило сил свою жизнь спасти и наших деревенских от смерти избавить. Скажите радже, я приду к нему сразу со

свадьбой — пусть он все приготовит. Бегом бегите, а то я вас всех побую и уволить велю.

А жена все это слышала. Догнала она чапраси и говорит им:

— Сделайте милость, скажите радже, что котвар с ума сошел.

Раджа уже все к свадьбе готовил. Только брахманам никак не выходили нужные знаки: как ни бросят рис в воду, не сходятся зерна³. Все знаки показывают, что идти дочке раджи замуж за царевича. Брахманы все свои книги переворошили — нет толку. Всё говорит — не быть свадьбе с котваром. Все равно, мог ли раджа слово нарушить? Тут один брахман, самый мудрейший, ему говорит:

— Надо, чтобы котвар дело свое нам подтвердил. Пусть принесет уши, плавники, хвост и кусок печени.

Котвара нет как нет. Раджа разгневался и закричал:

— Тащите его сюда в кандалах!

Привели его стражники, раджа говорит:

— Ты говоришь, что рыбу убил. Пойди принеси уши, плавники, хвост и кусок печени.

Пошел котвар к рыбе, ищет уши, плавники, хвост и печень — ничего нет.

— До таких ли мелочей мне было, — кричит, — когда я на смерть бился! Я был не в себе. Может, я их в битве порушил.

Тогда старый брахман говорит:

— Созовите-ка всю деревню.

Собрался народ. Кто-то спрашивает у старухи вдовы:

— У тебя в доме никто этой ночью не ночевал?

— Были, — говорит, — мои внуки.

— Что-то раньше я никогда не слыхал о твоих внуках! — кричит котвар. — А если ты гостей принимала, почему мне не сказала, чтобы я их в свою книгу занес?

Тут старуха вдова привела обоих юношей, и Гунджхира рассказал, как дело было.

— Правда это? — спрашивает раджа.

— Ложь! — кричит котвар.

А юноша взял да и вынул уши, плавники, хвост и кусок печени.

— Он вор! — закричал в запале котвар. — Он их от моей рыбы отрезал потом, когда я уж убил.

— Тише, дурак, — говорит ему помощник инспектора⁴ да как даст ему под зад ногой.

Пока тут разбирались, дочка раджи сидела у себя наверху и молилась, чтобы ей не пришлось идти замуж за котвара. А как увидела Гунджхиру, сразу влюбилась в него. К свадьбе уже все готово, а Гунджхира не соглашается.

— Пусть она идет за моего старшего брата. А то она будет ему бхай-баху, и мы больше не сможем жить вместе. Ему нельзя будет с ней заговаривать и в одной комнате с ней оставаться — как же нам тогда вместе странствовать? А если он на ней женится, она будет мне бхауджи, и мы сможем все вместе жить счастливо⁵.

Старший брат был в смущении. Он не знал, что ему делать. Наконец он сказал:

— Завяжите ей глаза, посадите на слона и дайте ей в руки венки. На кого она венок положит, тот и будет ей мужем.

Девушка от этого спора затосковала. Стала молиться: «Разве я чем согрешила? Я Гунджхиру люблю. Помогите мне положить венок на него».

Поехала она на слоне с завязанными глазами и надела венок на Гунджхиру, как и желала. Тут котвар как закричит:

— Пусть кладет до трех раз!

За этот крик его на шесть месяцев в тюрьму посадили, а после двенадцать лет он ворон бил на просянном поле раджи.

Еще два раза клала она гирлянду и оба раза попала на Гунджхиру. И все равно Гунджхира отказался на ней жениться, и кончилось тем, что выдали ее за Гунджхмару, и они стали жить вместе. Раз Гунджхмара пошел один на охоту. Ушел он, а бхауджи зовет Гунджхиру:

— Иди-ка, поешь.

Вошли они в дом, а она ему не подает. Вместо того говорит:

— Скажи мне, кто убил рыбу? На кого венок я клала?

Сказала и стала плакать, потому что любила его. А он не хотел иметь с ней любовь, и она рассердилась:

— Меня убью,— говорит,— а сперва погляжу, как тебя убьют.

Принесла она сметаны и обмазалась ею с ног до головы, а потом созвала сто тысяч кошек, чтобы они ее вылизали. Зализали они ее чуть не до смерти. Вечером пришел домой старший брат и видит — его жена еле живая.

— Это твой брат,— она говорит.— Он хотел взять меня силой, вот и сделал со мной такое.

Гунджхмара расстроился и ушел в лес — хотел там пове-

ситься. А младший брат побежал за ним следом и вернул его домой.

— Пусть пятеро нас рассудят,— говорит⁶.

Вот и решили разогреть железный столб докрасна, и пусть Гунджхира его обнимет. Не сгорит он — все будут знать, что он невиновен. Позвали двенадцать братьев агариев и тринадцать братьев лохаров, и они выковали большой железный столб. Тели привез двенадцать телег масла, а соседи двенадцать телег дров собрали. Раскалили столб докрасна, Гунджхира его обхватил, и ничего с ним не сделалось. Он так в свою правду верил, что взял брахманского младенца и его тоже к столбу поднес — так и тот невредимый остался. Потом Гунджхира коснулся ног Гунджхмары и пятерых и сказал им:

— Теперь я пойду в лес — оставаться здесь мне больше нельзя.

А как уходил, сказал еще:

— Тьфу на женщин с их ложью! Тьфу на коней, что танцуют! Тьфу на слоновьих детенышей! Ибо и те, и другие, и третьи губят счастье людей.

26. Кара и Гуджа

Давным-давно жили, говорят, два брата из рода Хансдак¹. Звали их Кара и Гуджа. Они были знаменитые стрелки из лука. В те времена, говорят, в стране завелась пара коршунов, и жить там стало опасно. Коршуны свили гнездо на дереве, вывели птенцов и стали таскать сантальских детей. Вся страна из-за них пришла в запустенье.

Стал народ думать: «Как бы нам убить этих коршунов?» Пошли все вместе к радже и говорят:

— Как бы нам убить этих коршунов? Из-за них вся земля пришла в запустенье. Что ты на это нам скажешь? Если ты нам не поможешь, мы не сможем здесь оставаться — нам всем придется уйти из твоей страны.

— Подождите, куда вам идти? — ответил раджа. — Мы попробуем их убить. Ну а если уж не уьем, тогда уходите. — Потом добавил: — Послушайте, если кто-нибудь их убьет, я ему большие земли отдам.

Услыхал народ, что сказал раджа, и каждому захотелось убить коршунов. А гнездо у этих коршунов, говорят, было сложено из мотыг да из сох, так что, когда в них стреляли, попасть не могли. Дострелялись все до того, что рук не поднять, тогда Кара и Гуджа говорят:

— Раз вам стрелять больше не под силу, дайте теперь нам попробовать.

Пустили их.

Сели они в засаду на дереве. Как прилетели коршуны птенцов кормить, тут-то братья их и подстрелили через щель в гнезде. Сушая правда, подстрелили они стрелами коршунов, так что оба упали. Упали они рядом с родником Ганги-джамин², и так они бились и землю когтями рыли, что в том месте, где они упали, сделалась в земле большая дыра.

Как подошли коршуны, братья снесли их к радже, а раджа велел созвать весь народ и, как обещал, одарил братьев землей. Там, где коршуны в земле дыру пробили, расчистили громадное поле под рис и дали его братьям в награду. Очень обрадовались Кара и Гуджа, что его получили.

Они ведь жили в лесу, Кара и Гуджа. Там искали, чем бы прокормиться, там ночевали в пещере, там вечером себе ужин готовили — на костре разные корни и клубни пекли.

Говорят, там их выследил тигр. Раз пекли они на костре какие-то клубни, а тигр подошел и говорит:

— Слушайте, ребята, что вы там печете? Дайте и мне, а то я вас съем.

Испекли они клубни, сами их съели, а тигру бросили холодных углей. Он их тут же разгрыз и проглотил. Бросили ему между делом кое-что и получше. Тигру пришлось по душе так кормиться, и он не захотел уходить.

— Ой-ой-ой,— говорят братья,— он не уходит. Может, он нас хочет съесть. Как бы его отсюда отвадить?

Бросился Гуджа вперед, подбежал к тигру, хватя его за хвост да как начнет крутить со всех сил. И что бы вы думали, начисто его открутил.

Тигр взревел и удрал, а Кара и Гуджа зажарили хвост и съели. Знали бы вы, как это вышло вкусно.

— Ой-ой-ой,— сказали они,— да это так вкусно! Давай поймаем его и убьем.

Так вот, принялись они за тигром охотиться. Выследили и пошли его гнать и гнать, гнали так, что поднялось целое обла-

ко пыли, наконец догнали и убили. Развели они большой костер, опалили у тигра шкуру и испекли мясо. Наелись мяса по горло, а желудок есть не стали. Кара говорит: «Съедим и желудок», — а Гуджа говорит: «Нет». Взвалил тогда Кара желудок на плечо и понес. Так они оттуда ушли.

Вышли они на дорогу и сели передохнуть под баньяном. Тут как раз свадьба мимо идет — раджа какой-то женится. Видят это братья да и залезли на дерево. И тигриный желудок с собой взяли. А свадебное шествие тоже остановилось под этим деревом, кое-кто даже прилег. Сам раджа вышел из паланкина и лег в тени под деревом.

Тут Кара вдруг говорит:

— Слушай, Гуджа, я сейчас брошу желудок.

— Что ты, дурень, — говорит Гуджа. — Они нас разом схватят.

— Ой, — говорит Кара. — Мне не удержать, руки устали.

— Не бросай, дурень, — говорит Гуджа. — Схватят нас.

Только Кара и впрямь так устал, что не мог больше держать. Разжал он пальцы, и тигриный желудок шлеп прямо на живот радже. Провожатые всполошились, орут во весь голос:

— У раджи живот лопнул! У раджи живот лопнул!

Закричали так все и бросились кто куда: и гости, и музыканты, и носильщики — все разбежались, а все, что у них было с собой, под деревом бросили. Отбежали немного и спохватились:

— Ой-ой-ой, — говорят. — Мы убежали и все побросали. Как же мы дальше со свадьбой пойдем? Надо вернуться. Пойдем посмотрим, как у него живот лопнул; узнаем, с чего это сделалось. Пойдемте назад. Надо на него посмотреть, прежде чем дальше что-то решать.

Так они думали и между собой говорили, а Кара и Гуджа тем временем слезли с дерева, собрали брошенную одежду и разные красивые вещи и все это утащили на дерево. А Кара взял еще и большой барабан. Провертел в барабане дырочку и напустил туда диких пчел — они на дереве жили; всех до одной в барабан загнал.

Прибегают назад люди, что были со свадьбой, и видят двух братьев-санталов.

— Вы что раджу нашего опозорили! — говорят. — Мы вас обоих уьем.

— Попробуйте, если сумеете,— отвечают братья.— Или вы нас убьете, или мы вас.

Те услышали такое и начали на них нападать. Стали палить в братьев из ружей, только попасть никак не могли. Стреляли, стреляли, пока из сил не выбились, а ничего им своими ружьями не сделали, только расстреляли весь порох и пули. Братья спрашивают:

— Ну, теперь наш черед силы пробовать?

Те глядят на них, видят, кроме барабана, у них ничего нет.

— Что ж,— говорят.— Пробуйте.

Братья ударили в барабан и закричали:

— Детки, в бой! Детки, в бой!

Вылетели пчелы из барабана и пошли почем зря жалить свадебных гостей и провожатых. Свадьба врассыпную — никогда вы такого не видели,— а пчелы следом, жалят и жалят. Больше никто из них назад не вернулся.

А все добро, что они бросили, досталось братьям. Когда они его домой принесли, их стали звать раджами. И стали они жить в своем доме.

Вот и сказке конец. Есть еще песня об этом, только я ее позабыл.

27. Сын плотника

Когда-то давным-давно, говорят, жил в одной деревне человек. Он работал по дереву — плотничал, значит. Была у него жена и был сын, а других детей не было — один этот сын у них и родился. Ну а раз то было единственное их чадо, родители его очень любили и берегли. Как пойдут на базар, всегда принесут ему сладких гостинцев, а кормили его всем самым лучшим. Они ласкали его и приговаривали: «Расти, сынок, вырастай поскорей. Будешь нам помогать, станешь нашей опорой». Так они с ним забавлялись.

А он и вправду вырос, и пора стало приучать его к делу. Стал отец звать его себе в помощь, стал поговаривать так: «Пойди-ка, сынок, сделай то или это», или: «Принеси-ка мне то или это», или: «Пойдем-ка, сынок, со мной. Один состоятельный человек позвал меня поработать сегодня. Пойдем туда вместе».

Только начнет он звать сына что-нибудь сделать, жена принимается его упрашивать. Говорит так:

— Не заставляй ты его работать, дай ему сперва подрасти. Вырастет, ему все равно придется работать. Это нам сейчас надо трудиться не покладая рук. А придет день, когда мы не сможем работать, разве он нас не поддержит? Он нас непременно поддержит, как время придет. Он ведь у нас единственный — как ему нас не пожалеть? Непременно он нас пожалеет.

Отец отвечал на это:

— Если мы с нынешних пор его делу научим, он нас поддержит. Привыкнет он в малые годы работать, так и работа ему не будет претить, и ремеслу он научится, а не то вырастет из него лентяй и бездельник. Если дела он знать не будет, как же он нас поддержит? А сумеет работать, тогда и поддержать нас сумеет. Вот почему я хочу приучить его к делу, вот почему я его зову — пусть бы он что-нибудь перенял у меня. Если он с этих пор привыкнет к работе и она ему не будет претить, если он начнет присматриваться, как я работаю, он скоро без большого труда сам станет мастером. Потому я и хочу, чтобы он мне помогал. А ты — ты только наперекор говоришь. Все дело мне портишь.

— Он еще мальчик, — говорила мать. — Успеет еще научиться. А не станет нам помогать, мы его тогда хорошенько отлупим.

— Где уж тебе его отлупить, когда он вырастет, — отвечал муж. — Куда там. Ничего у тебя не получится — он тогда будет сильнее тебя. Думаешь, ты тогда сможешь с ним справиться? Как бы не так. Да и не годится бить взрослых детей. Что люди-то скажут? То, что ты вложишь в ребенка, чему научишь его, пока он не вырос, то и цену имеет, то он и будет знать. А вырастет — поздно учить. Ведь и ребятишки, когда удить идут, гнут на крючки молодые колючки — старую-то не согнешь, а сломаешь. Так и дети: к чему их приучишь, пока они малы, то с них и получишь. Кто учен, те и родителей почитают, и поддержкой им служат — одно слово, стоящие. А если ты свое чадо к делу не приучил, оно тебе же недругом станет. Попробуй, пошли его тогда на работу потяжелее, тебя же и обругает, чуть отвернешься. Да и как ты его заставишь работать? Не начнет ли он сам тобой верховодить? Вот почему мальчиков и девочек надо приучать работать с детства, с малых лет понемногу их в дело втягивать.

Забаловала мать сына так, что он ни с кем считаться не стал. Отцовских речей он и слушать не хотел. Ну а если отец и мать вместе начнут его уговаривать, он когда пойдет работать, а когда нет.

Так время шло, и когда сын вырос, он привык водиться с деревенскими парнями. Они принялись бегать за девушками, и сын только и знал плясать дон и лагрэн да за девушками ухаживать, а о работе и думать забыл. Попросят его сделать то или это, он все мимо ушей пропускает. Позовет его отец пойти с собой поработать — он ни в какую.

Наконец отцу надоело уговаривать сына взяться за дело. Он рассердился и говорит жене:

— Видишь? Я с самого начала тебе говорил: не балуй его так. Ты меня слушать не хотела, что я мог с тобой поделаться? Я говорил, а ты меня корила. Теперь смотри, что из этого вышло. Когда же теперь он станет нас слушаться?

Жена перепугалась и не нашла, что ответить. Тогда муж снова ей говорит:

— Я хочу тебе что-то сегодня сказать. Послушаешь меня — мы сумеем с ним совладать, не слушаешь — он никогда ни во что нас ставить не будет.

— Ладно, — отвечает жена. — Говори.

— Вот что я хочу тебе сказать. Если он будет ходить со мной на работу, давай ему рис с подливой, а не будет — ничего не давай.

— Хорошо, — согласилась жена. — Я попробую его вразумить. А не послушается, не стану его кормить.

Она и вправду попыталась его вразумить и сколько-то дней ждала, что получится, только он не послушался. Тогда она и впрямь перестала его кормить и несколько дней ничего ему не давала. Сперва он подкармливался по деревне — то у того, то у другого из своих дружков, а потом сама мать от поры до поры, тайком от отца, выбрав время, когда того не было дома, стала из жалости давать ему есть.

— Ты не хочешь работать, сынок, и отец очень сердится, — вразумляла она. — Поди поработай с ним. Из-за тебя твой отец и со мной стал суровым. Иди-ка лучше работать.

Сын на это не отвечал ничего — сидел да молчал. И вот раз, когда мать кормила сына, пришел отец и застал его за едой.

— Ах ты бездельник! — закричал он. — Чей хлеб ты ешь, дармоед? Как работать — он только глазами хлопает, а как

гочует, что можно поест, что можно ухватить хороший кусок, так, пропади он, мигом прибежит с разинутым ртом. Ну, такой-сякой, я тебя отлуплю, будь уверен, отлуплю, как скотину.

Сколько ни бранился отец, сын не отвечал. Только нагнулся к тарелке поближе и знай уписывает за обе щеки. Тогда отец обернулся к жене и принялся бранить ее:

— Ты тоже не слушаешь, что я тебе говорю. Выходит, ты его кормишь, когда меня нету дома. Потихоньку кормишь, тайком. Жди после этого, чтобы он стал меня слушать! Ты, такая-сякая, потакала мальчишке, ты его испортила. Вот почему он меня не слушается. Мои слова ему словно мусор — раз и стряхнул. Я только и думаю, чтобы нам с тобой в старости не остаться без помощи и поддержки, а он мои слова ни во что не ставит, да и все твои уговоры пропадают впустую. Я работаю дома, ухожу зарабатывать на сторону, чтобы вы ни в чем недостатка не знали, а вы — мать и сын — только едите, сколько в вас влезет. Чтоб вам пропасть! Из-за вас я больной стал. Вы с ним всегда заодно. Что я один могу поделать?

Сколько он ни говорил, те двое не отвечали ни слова. Сидели себе и молчали. Побранился он, побранился да и умолк.

На другой день сын сказал матери:

— Послушай, матушка, не могу я дальше жить дома. Отец бранит меня все больше и больше, а заодно бранит и тебя. Зачем вам ссориться из-за меня? Я уйду. Хоть брани этой не буду слышать.

— Куда ты пойдешь, сынок? — спрашивает она. — Не уходи. Пусть себе бранится отец.

— Нет, матушка я уйду. Ты ведь тоже мной недовольна. Ты сама не кормила меня столько дней. У меня сердце до сих пор болит от того. Вы с отцом дали мне жизнь, вы вскормили и вырастили меня, а теперь, сама погляди, теперь вы стали слишком суровы ко мне. Если вы мне есть не даете, где же мне взять? На счастье, нашлись у меня в деревне друзья, а то из-за вас мне пришлось бы с голоду умереть.

— Это все твой отец. Это он мне так сказал. Потому я тебе и есть не давала. Послушай, сынок, может, я была не права? Хорошо, я больше никогда с тобой так не поступлю. Пусть он говорит себе что угодно. А ты потерпи.

— Матушка, — сказал сын. — Я уже вырос. Я не могу больше терпеть таких разговоров. Куда мне от них деваться? День напролет он будет твердить мне одно и то же. А когда

ты улучишь минуту мне что-нибудь дать? Вспомни хотя бы вчера: он пришел как раз, когда я ел, и застал меня врасплох. Я даже поесть спокойно не мог. Ну а потом, разве не станет он за это бранить и тебя? Чую, матушка, мне этого больше не вынести. Вот я тебе прямо и говорю: мне надо куда-то уйти.

— Куда-то уйти,— повторила она.— Сынок, куда ты пойдешь? Не уходи. Ты разобьешь мое сердце.

— Пойду куда глаза глядят,— сказал сын.

Слезы потекли из глаз у матери, и слова застряли у нее в горле, будто кто-то ее стал душить. В тот же день, под вечер, парень собрал свою одежду и завернул в нее тесло и стамеску. За ужином мать рассказала отцу разговор с сыном. «Он сказал то и то»,— говорила она. Отец весь закипел.

— Ну и хорошо, что он убирается, этот бездельник,— сказал он.— Пусть уходит.

Жена на это ничего не ответила — что было толку? Сын, как узнал, что отец говорит, приуныл еще больше. Выждал он час и ночью ушел из дому, ни с кем не простившись. С собой он не взял ни еды, ни питья на дорогу, взял только тесло и стамеску и, унося с собою обиду, пошел, сам не зная куда.

Шел он, шел и зашел далеко. На душе у него было так тяжело, что он не задумывался, куда он зашел, и о еде не вспоминал. Только после полудня, в час, когда женщины идут за водой, он почувствовал голод. Стал он подумывать, где бы ему ночь провести. За этими мыслями он присел передохнуть под большим деревом. А дерево это росло недалеко от деревни. У деревенских там был обычай свежевать забитых волов и есть мясо под этим деревом. Вот и лежали вокруг горы воловьих костей. Кто его знает, что было у него на уме, только он поднял одну из костей и от нечего делать принялся стругать ее своим теслом. Настругал он целую горку мелких кусочков. Мысли его блуждали невесть где, он стругал и стругал без отчета. Спихватился потом — что это он делает? Глядит: словно бы рис насыпан. «Эх,— думает,— рису у меня нет, так я употреблю свое мастерство и нарежу из этих осколков рисовых зерен, а потом поищу, кто бы мне из них поесть приготовил». Подумал он так, раскрошил всю кость на кусочки вроде рисовых зерен — набралась не одна горсть — и сказал сам себе: «Теперь надо бы поискать, кто бы мне есть сготовил». Так он решил и завязал костяные крошки в полу.

Прошел он еще немного и увидел деревню. Солнце уже было низко, и парень решил: «Заночую-ка я в этой деревне. А завтра дальше пойду». С такими мыслями вошел он в деревню. Увидел там дом, окруженный верандами¹, и думает: «Зайду-ка я сюда, попрошусь здесь переночевать. Если и не позволят мне лечь на передней веранде — той, что во двор выходит, так уж на заднюю-то непременно пустят». Так он подумал, вошел во двор и позвал:

— Послушайте, почтенные родичи², есть тут кто или нет?

На его зов вышла девушка. Вынесла кровать³ — она ведь слышала, что он родичем назвался, — усадила его и спрашивает:

— Откуда ты? Я тебя что-то не признаю.

— Я не из ваших родных, матушка⁴, — говорит парень. — Я путник, ищу, где бы ночь скоротать. Увидел, какие у вас чистые большие веранды, и вошел. «Верно, — думаю, — они мне позволят лечь, если не в доме, то хоть здесь, на веранде». С такими мыслями, матушка, я и вошел к вам во двор, хоть я не из вашей родни или друзей.

— Ладно, — говорит девушка. — Сам видишь, веранды у нас просторные. Мы пускаем сюда путников ночевать. Немало народу у нас останавливается. Устраивайся, сделай милость, но только не иначе, как на веранде.

— Хорошо, — отвечает тот. — Для чужака вроде меня и веранда подходящее место.

— Мы плотники, — говорит она дальше. — Мой отец по дереву работает, и у нас целый день толчется народ. С утра до вечера к нам ходят люди. Вот мы и построили большие веранды — надо же где-то им посидеть. А сегодня отца и матери нету дома, потому и пусто у нас.

— А куда ушли твои мать и отец? — спрашивает парень.

— В той стороне есть деревня, — говорит девушка. — Они пошли туда в гости. Хотели сегодня вернуться, да что-то их до сих пор не видать. Не знаю, придут они или нет.

— Послушай, матушка, — сказал парень. — Я о чем-то хочу тебя попросить. Дело пустячное. У меня с собой есть малость рису. Не почти за труд мне его стоговить. Вот хорошо будет.

— Отчего не стоговить, — отвечает она. — Давай его сюда.

Она принесла решето, а он развязал свой узелок и высыпал, что там было. Взяла девушка решето, смотрит — что-то не то. Поглядела, потрогала и думает: «Рис вроде бы чистый. Отчего

же он такой твердый на ощупь? Не буду я варить этот рис, дам ему лучше нашего». Отложила она решето и поставила вариться побольше своего рису. Не успела покормить парня, как пришли старики — ее родители. Спросила она, как родные живут — к кому они в гости ходили, — а потом показала им рис, что ей парень дал приготовить, и говорит:

— Поглядите-ка вы на этот рис. Что это такое?

Взяли оба по несколько зернышек, поглядели и спрашивают:

— Послушай-ка, дочка. Где ты взяла этот рис? У нас такого риса не водится. Откуда он взялся?

— Посмотрите хорошенько, — говорит девушка. — Может, это и не рис вовсе.

Взяли они лампу, посмотрели еще раз хорошенько и говорят:

— Твоя правда, дочка, это не рис. Похоже на кость. Откуда ты это взяла?

— Это парень, что остановился у нас ночевать, дал мне его и попросил сготовить, — отвечает она. — Он мне сказал: «Вот, матушка, свари мне этот рис». Только мне показалось, что рис этот не настоящий. Я не стала его варить, взяла и положила побольше нашего. А покормить его не успела.

— Послушай, дочка, — спрашивают они. — Ты не спросила, откуда он сам?

— Нет, я его об этом не спрашивала. Он только попросил дать ему место ночь провести. Говорит: «Пускаете вы путников ночевать?» Я говорю: «Да, мы пускаем людей провести ночь здесь, на веранде». А после того разговора он сел и говорит: «Сегодня я у вас заночую. Сделай милость, матушка, свари мне этот рис». Сказал он мне это, я взяла рис и пошла в дом. А про то, откуда он — этот, кто ночевать попросился, — я и не спрашивала.

— Ну, хорошо, — говорят, — мы его сами спросим. А раз ты сварила и на него, поди отнеси ему.

А сами говорят друг другу:

— Это, видно, отличный плотник. Гляди-ка, он сумел нарезать рису из кости. Это тебе не какой-нибудь подмастерье. Простой плотник никогда такого не сделает, это плотник, каких мало встретишь. — И потом снова к дочери:

— Послушай-ка, дочка, каков он из себя? Старый или молодой?

— Не старый, батюшка,— говорит дочка.— Рослый парень и собою хорош.

— Слушай, дочка,— говорят они.— А что, если мы возьмем его тебе в мужья? Станешь ты жить с ним? Ты у нас единственная — вот и вся наша семья. Если бы мы его взяли, ты была бы довольна?

— Не знаю,— говорит дочка.— Вам лучше знать. Вы с кем захотите, с тем и свяжете мою жизнь. Сами смотрите, как он вам приглянется. Захотите дать его мне в мужья, я спорить не буду, не захотите — тоже ладно. А скажи я сама, что за него замуж хочу, без того не обойдется, что рано или поздно вы начнете меня укорять. Потому ничего говорить я не стану. Делайте, как сами решите.

— Хорошо,— сказали они.— Сперва мы на него взглянем, а потом будем решать. Ну а теперь вынимай рис из горшка и покорми его как следует. Хорошее угощение тоже может делу помочь.

Дочка вынула рис, слила воду и позвала парня. Наложила ему столько еды, что ему показалось, будто он на пир попал. А покуда он ел, старики его разглядывали. Видят, вроде собой недурен. Стали спрашивать:

— Скажи, паренек, ты откуда идешь и куда направляешься?

— Я,— говорит,— из такого-то края и такой-то деревни. А отца моего зовут так-то. Я пошел мир посмотреть. Куда потянет, туда и иду. А доведется найти хорошего хозяина, останусь при нем.

— Послушай-ка, паренек, а если мы тебя к себе возьмем? — спрашивают.— Останешься у нас?

— Подождем до утра,— просит он.— Мне надо подумать как следует. Сейчас я ничего не скажу. Спросите меня завтра утром. Вместе это дело обсудим.

Поговорили они так и больше в тот день к этому не возвращались. Парень кончил есть, пошел назад на веранду и лег там на полу безо всякой подстилки. А старики, как управились с едой, внесли в комнату свои кровати и начали такой разговор:

— С виду-то он хорош, в зятя годится. И голос у него неплохой — приятно слушать, и говорит он толково — видно, что не косноязычный. Нашей дочке он был бы как раз под пару. А почему бы и нет? На вид они прямо как брат и сестра. Я го-

ворю, и сложен он ладно и лицом недурен. Каков из него работник, пока трудно судить, а в остальном он всем хорош.

— Мне он очень понравился,— говорит потом жена.— Все мы, санталы, такие. А если он не умеет работать, разве мы его не научим? Он сумел нарезать рису из кости. Разве бы он это сделал, если бы не видал, как люди работают? Уж точно, работу он знает. Другое дело, какого он рода? Тут подойдет ли?⁵

— Верно,— сказал муж.— Ты правильно говоришь. Смешно говорить о нем, как о зяте, раньше чем мы все разумаем.— И добавил:— Давай-ка его сюда позовем. Что ему там, снаружи, одному оставаться. Давай позовем его и обо всем порасспросим.

Тогда и вправду старуха вышла за дверь и спросила:

— Ты спишь, юноша?

— Нет,— отвечает тот,— я не сплю. Я просто лежу. Зачем меня зовешь?

— Иди-ка сюда,— говорит она.— Мы найдем тебе место в доме. Чего тебе лежать тут одному? Ты пришел к нам искать крова, так заходи — мы найдем тебе место лечь в доме. Говорят ведь: с кем ты в пути перемолвился словом, тот тебе не чужой. Мы, люди, из одного горшка пиво себе наливаем. Корову тянет к коровам, а человека — к человеку. Остаться одному-одинешеньку разве приятно? Кому и случается коротать ночь в одиночестве, так через силу — потому что другого выхода нет. Стоит бродячей корове прибиться к чужому стаду, она от него не уйдет до рассвета. Вот уж если ни с кем не повстречается, тут, верно, одна ночь коротает, зато какого страху натерпится. А ты — человек. Пришел под наш кров. Значит, ты нам друг. Заходи, мы устроим тебя получше. Придет день, ты нас вспомнишь и скажешь: «В такой-то деревне я зашел в дом к таким-то. Вот это поистине хорошие люди. И накормили меня и спать уложили, словно родного». Неужто ты не помянешь нас добрым словом, когда покинешь наш дом? В этом мире, сынок, славятся две породы людей: самые хорошие, добрые люди и самые злые негодяи. Только о таких конец и знают, других никто имени не слышал. А как приходит конец, все переворачивается. Как переворачивается? А вот как: гибель доброго человека приносит горе, а злого — радость. Случись доброму человеку нагрешить, или в тюрьму угодить, или помереть, все говорят: «Жалость какая! Какой хороший был

человек!» А случись такое со злым негодяем, все скажут: «Вот счастье-то! Туда ему и дорога!»

Тут старик из дома позвал:

— Что вы там рассоливаете? Придете вы наконец? Тогда и мы послушаем, о чем вы толкуете. Веди его сюда, поговорим здесь.

— Пойдем, паренек,— говорит старуха.— Мы уложим тебя спать в доме.

Ввела она его в комнату. Поставили ему кровать в свободном углу, потом спрашивают, какого он рода-племени. Парень им все рассказал, и вышло, что он не из одного с ними рода. Видят, все складывается удачно. На том и успокоились.

Только старики уснули и захрапели, девушка пришла к парню и легла рядом с ним. И парень не стал своей охоте противиться. «Когда кто-то дает мне вкусить от своей доли, зачем мне отказываться? — думает.— Когда кто-то готов уделить тебе часть своего риса и говорит: „Возьми, сделай милость, я даю тебе от чистого сердца“, — почему бы тебе не принять подношение, раз ты вправду голоден?» Поразмыслил он так и сделал то, чего ей хотелось, и девушке это очень понравилось. Ведь она с самого начала затаила в мыслях такое: «Ах, удалось бы устроить, чтобы этот парень остался у нас и женился на мне!» Вдобавок, помните, они успели увидеть друг друга еще при свете дня. И сразу тогда сердце у девушки склонилось к парню. Она только о нем и думала. «Ах, вот бы им пришло на ум выдать меня за этого парня,— твердила она про себя.— Я мигом бы согласилась». А о том, холост он или уже успели женить, она и не задумалась. Раз уж такое запало ей в душу, она сама довела дело до конца.

Да, такие пошли нынче девушки. Если уж им чего-то захочется, не успокоятся, пока на своем не поставят. Вот и тут так. Только увидела она парня, сразу он ей приглянулся. Вот почему, как все легли, она не могла успокоиться. Только и думала: «Когда они уснут наконец? Я хочу пойти и лечь с ним». Так и сделала, как хотела; получила, чего ей хотелось, и вернулась к себе на кровать.

Наутро, когда все встали, старики принялись со вниманием осматривать парня. Да ведь в юности, в пору мужания, всякий выглядит лучше некуда. Будь то девушка или парень, молодость сама за себя говорит. Даже те, у кого нехорошие склон-

ности, в эти годы выглядят хорошо. Вот и парень с виду всем был хорош. Старики остались довольны.

— Что ж,— говорят,— давай отдадим дочку за этого парня. На том и порешили. И парню велели не уходить.

— Слушай,— сказали,— ты, может, хочешь идти? Так не уходи, оставайся у нас. Уйти-то можешь — на то воля твоя,— только уж подожди, пока мы тебя покормим.

— Ладно,— отвечает он.— Вы, видно, хотите меня оставить. Скажите сперва, какую работу вы мне дадите и что я за нее получу. Тогда я буду спокоен, а то мне было бы не по себе.

— Мы тебя не в слуги зовем,— говорят старики,— мы тебя прочим в мужья нашей дочери. Она у нас одна-единственная. Вот мы и хотим, чтобы ты женился на ней и жил с нами.

— Что ж, хорошо,— говорит парень.— Тогда, сделайте милость, позовите кого-нибудь из соседей — нам надо обговорить это дело. Договоримся при них обо всем, как положено. Они у нас будут свидетели. Случись какая нужда, они подтвердят, как дело было.

— Вот-вот,— обрадовался старик.— Затем я тебя и просил подождать. Затем и говорил: «Не уходи, пока мы тебя не покормим». Я бы тем временем за ними ходил.

— Ладно,— говорит парень.— Теперь я все понял. Конечно, я никуда не уйду. Иди за свидетелями, сделай милость.

Старик ушел, а девушка взяла тесло и стамеску парня и внесла их в дом. Пока старик растолковывал дело сельчанам, наступил полдень. Парню успели приготовить поесть и покормили его. Только он прилег после еды, вернулся старик с пятерыми соседями⁶. Вынесли из дома кровати, поставили их под коровьим навесом⁷, и все расселись.

— Поди-ка поздоровайся с теми, что сидят под навесом,— говорит парню старуха.

Тот пошел, поздоровался. Тут они ему говорят:

— Сделай милость, юноша, приготовь нам табачку малость, каждому по щепотке.

— Табаку у меня, почтенные, нет, и извести тоже⁸,— отвечает он им.

Тут один говорит:

— На, возьми мой табак. Приготовь для нас всех.

Парень взял у него табачные листья, нарезал как надо и всех обнес. А пока он был занят, они его обсмотрели. Потом один говорит:

— Что же, парень он крепкий, как раз под стать хозяйской дочке. Все скажут, что они прямо как брат и сестра.

— Послушай-ка, юноша,— спрашивает другой.— Как тебя звать? Чей ты сын?

На все, о чем его спрашивали, парень отвечал как положено. Тогда ему задали еще вопрос:

— Скажи-ка, юноша, женили тебя или нет? И почему ты ушел так далеко от дома?

— Меня еще не женили,— говорит он.— Я холостой. А дома у нас вышла ссора, я в сердцах и ушел. Вот почему я зашел так далеко.

— Скажи, юноша,— спрашивают,— ты, как остынешь, домой не захочешь вернуться?

— Найти бы мне такого хозяина, чтобы меня к себе взял, я бы не вернулся,— говорит парень.— Ну а если не найду себе места, может, придется обратно пойти. Наперед тут не скажешь.

— А что, юноша,— спрашивают,— если мы найдем тебе здесь хозяина, останешься или нет?

— Будет мне здесь покой и довольство,— говорит он,— остаться ни на миг не задумаюсь.

Как дошло до этого, все обернулись к хозяину.

— Ну, почтенный, теперь скажи нам, сделай милость, за каким делом ты позвал нас сюда. Что мы тебе можем советовать, коли сами от тебя ничего не слышали?

— Дело такое,— говорит он.— Куда он пойдет, этот наш молодой друг, и до каких пор будет бродить по свету? Я думаю, взять бы его мне в зятя. У меня одно чадо — дочка. Думаю, не пора ли ей мужа дать? А этот парень, сдается мне, очень подходит.

— Скажи, юноша,— спрашивают они.— Ты слышал, они хотят взять тебя в зятя. Это тебе по душе или нет? Сделай милость, скажи нам напрямик, что сам ты об этом думаешь. По нашему разумению, лучше и не придумаешь. Ты себе найдешь хозяина. Зачем тебе быть чьим-то слугой? Здесь мы введем тебя прямо в семью.

— Раз вы, отцы мои пятеро, говорите, что это хорошо, я доволен,— отвечает им парень.— А если не сегодня так завтра что-нибудь выйдет неладное, вы ведь вступитесь за меня? Родители мои далеко. Случись что, я, сами знаете, за ними сходить не смогу. Значит, по этому делу, что вы сегодня устройте

хотите, кроме вас, искать помощи не у кого. Случись делу рано или поздно разладиться, вам разбираться придется.

— Случись такое, наш долг во всем разобраться,— говорят ему пятеро.— Считай нас за отца и за мать.

— Значит,— говорит парень,— вы мне, отцы мои, и помощники и заступники. Давайте обсудим все, что велят закон и обычай, когда человек входит зятем в дом к тестю. Что про это наши предки сказали? Как люди делают, так надо и нам поступать. Сделайте так, и все будет как надо. Раз уж я такое возьму на себя, мне не уйти от того, чтобы этих стариков до конца их дней содержать.

— Так оно и есть, юноша,— говорят ему все.— Ты хорошо сказал, правильные слова. Все истинно сказал, никто не откажется. Самую суть сказал. Значит, дело подходит к концу — все сказано, что можно сказать. Мы все слышали: он сам все сказал, все — до смертного конца и недуга. Теперь ты, хозяин,— мы тебя спрашиваем, мы спрашиваем вас обоих с женой,— скажите сами: дадите вы ему все, что положено в таком случае?

— Отчего нам не дать, раз мы берем его к себе в сыновья? — говорят они.— Мы не можем не дать.

— Что от нас еще надо?— спрашивает старуха.— Смотрите, мы отдаем в его руки весь дом и хозяйство, все запасы и утварь — все, чем сами владеем. Что еще мы ему можем отдать? Пусть только они, молодые, дают нам по горстке риса да по тряпице — ничего больше. Пусть только в этом они нас терпеть нужды не заставят. Вот и все, что нам надо. Так мы сможем дожить при них наши дни в покое и счастье, а когда мы помрем, пусть отдадут нам последний долг⁹ — вот и все. Отныне все наше добро — их добро. Видите, мы им все отдаем. Что еще мы должны дать?

— Все, что вы сказали, к делу идет,— говорят односельчане, — тут ничего лишнего нет. И упрекнуть вас нам не в чем. Когда нам, родителям, с работой не справиться, когда в доме рабочих рук не хватает или когда никто не идет сватать у нас дочерей¹⁰, тогда мы берем в дом к себе зятя. Мы ждем, что он нам будет помощником. Да только бывает, что дочке нашей он придется не по душе, что она и разговаривать с ним не захочет и они не станут тянуть ляжку вместе. Как тогда такой зять сможет остаться в доме? Сами знаете, он уйдет. Тут наша дочь может зря бросить тень на человека и лишить его доб-

рого имени. Потому надлежит что-то выделить ему самому, чтобы его успокоить и обнадежить. Не уживется ваша дочь с ним, он сможет взять свою долю и уйти куда пожелает.

— Этого мне не понять, почтенные пятеро,— говорит тут старуха.— Я вас спрашиваю — в наш век вопросов спрашиваю¹¹,— растолкуйте мне, что же с нас причитается. Я-то сама полагала, что мы, ее мать и отец, его обеспечим. Зато и он из нашей воли не выйдет.

— Все это так,— отвечают ей пятеро.— Поначалу мы все полагаем, что дело устроится хорошо. А вдруг они не уживутся! Нынче всю нашу землю запоганил жучок и клоп вонючий, и дети родителей больше не слушают. Совсем как в песне поется:

Весь народ стал хитер, а в стране-то разор,
глянь-ка, раджа Дасарат!
На дома, где мы жили, налог наложили,
глянь-ка, раджа Дасарат!¹²

Дети-то наши стали поострее, чем мы. Бывает, нас так в споре забьют, что и слов не найдешь. Так что лучше нам обо всем наперед договориться. Тогда уж после они ничего не смогут потребовать. Почки слов лучше обрывать сразу, как они набухают.

— Хорошо, пусть так,— сказала старуха.— Давайте тогда спросим саму нашу дочку, пусть она скажет здесь перед всеми, довольна она или нет и хочет она этого парня в мужья или не хочет. Спросите ее, почтенные пятеро.

— Верно,— согласились они.— Это годится. Позови девушку.

Девушку позвали из дома, и те ей сказали:

— Садись, дочка. Мы хотим тебя о чем-то спросить.

Она села и говорит:

— Что вам надо, почтенные? Спрашивайте.

— Дело, дочка, вот в чем,— говорят пятеро.— Твой отец и мать и мы, ваши соседи, думаем дать тебе мужа, чтобы он остался жить в нашем доме,— вот этого парня. По душе это тебе или нет? Он тебе нравится? Подумай об этом как следует, реши твердо и нам скажи. Все, что ты думаешь, скажи нам сразу, сейчас, чтобы дело потом не пошло вкривь и вкось и не расстроилось.

— Что вы, почтенные,— говорит она.— С чего бы ему расстроиться? Мой отец, моя мать и вы, пятеро, видать, позаботились, чтобы все было как надо, раз вы даете его мне в мужья. Вам он понравился, значит, и мне он понравится, не иначе. Видно, так надо, чтобы мы жили с ним и работали вместе, раз вы решили нас поженить. Одно только, почтенные. Одно хочу я сказать здесь при вас, пятеро, при отце и при матери.

— Говори,— сказали они.

— Вот что хочу я сказать, почтенные. Вы даете мне мужа, и я с вами согласна, чтобы мне жить с ним. Только у нас у всех есть обязанности, все мы болеем и мучимся, все спорим и ссоримся. Может случиться, из-за работы, или из-за еды, или по какой другой причине — кто его знает из-за чего — мы с ним повздорим, и он, может статься, рассердится и уйдет. Случись такое, почтенные, где я стану искать его? Я не видала, где его дом. Куда мне идти за ним? Вот что меня беспокоит. Сами знаете, когда в дом приводят молодую жену, а потом она в сердцах убегает, муж идет за ней к ее отцу. А за своим мужем, почтенные, куда я пойду? Покажите мне, как идти к его дому.

— Девочка-то говорит верно,— спохватились они.— Так и есть. Тут мы оплошали.

Тогда один говорит:

— Ничего, дело от этого не меняется. Смотри за ним хорошенько. Как увидишь, что он рассердился и хочет уйти, веди его домой, а не послушается — сразу беги к нам. Мы скличем наших парней, и они ему поддадут хорошенько. А если он и тут не захочет вернуться, велим им идти за ним до его дома.

— Тогда мне нечего больше просить,— говорит девушка.

— Ну вот, мы обсудим все до конца,— сказали пятеро.— Теперь забота обо всем вашем хозяйстве ложится на этих двоих. Будь в доме помимо нее сыновья, нам пришлось бы отмерить для зятя бигх рисового поля — кругом его обойти. А раз нет их, это не нужно. Вы, хозяйева, покажите зятю его корову, чтобы он был спокоен¹³. Теперь он член вашей семьи. Случись так, что теперь или после вы будете им недовольны или прогнать его захотите, зовите нас, пятерых. Если мы, разобравшись во всем как надлежит, обнаружим, что вы неправы, он пойдет куда захочет и погонит с собой эту корову. А если вы будете с ним хорошо обходиться, он ваш. Ну, что еще хотите сказать? Нет ничего, так укажите ему корову, а мы, пятеро, поглядим.

— Ладно,— говорит старик,— мы дадим ему утешенье. Пойдем вместе с вами и выберем. Что еще с нас приходится? Надо уж все уладить, пока вы не ушли.

— Дело вот какое,— говорят ему пятеро.— Если у вас все готово, мы можем их хоть сейчас поженить и покончить на том, а если вы не готовы, сами назначьте время. Ведь не год и не месяц на это надо; хватит недели, ну двух.

Посовещались старик со старухой и говорят:

— Мы назначим сроку семь дней. На восьмой день их поженим. Вы в тот день никуда далеко не ходите.

Пятеро им отвечают:

— Невестин наряд¹⁴, тюрбан для дружка¹⁵, синдур, плоскую большую корзину¹⁶, девушек-растиральщиц¹⁷ — вот что надо вам подготовить¹⁸. А если хотите, чтобы свадьба была попышней, надо и дóмов позвать.

— Ладно, мы ничего не забудем,— говорят старик со старухой.

Тогда пятеро спрашивают:

— Ну хорошо, есть у нас еще о чем говорить или как? Если есть, говорите сразу, сейчас, а то пойдем по домам.

Тут один из них и говорит:

— Вспомнилось мне одно пустячное дельце, да не знаю, стоит ли о том речь заводить.

— Раз уж ты что-то надумал, выкладывай,— отвечают другие.

— Ну хорошо, — говорит,— слушайте. Дело такое. Мы уж порядком, как сюда пришли. Свои дела бросили, а хозяину тут послужили. Что бы ему обедом нас покормить? Он нас еще утром привел, и, что до меня, я не прочь перекусить.

— И мы тоже,— подхватили другие.— Сам знаешь, все мы вместе пришли.

Хозяйская дочка принесла им воды и палочек дерева сал¹⁹. Они вымыли руки, ополоснули рот и пошли в дом. Там им подали есть. Поели, назад вышли, накрошили табаку пожевать, тут хозяин подает им денег пять сика. На том и расстались — разошлись по домам.

Все, что ему было сказано, хозяин собрал. Заодно и к пиру хорошо приготовился. В назначенный день он пошел к джогманджхи, а потом позвал старосту и помощника старосты и еще двоих почтенных людей и повел всех к себе. Угостил их пивом и говорит:

— Сегодня вы никуда не ходите. Сегодня мы их поженим. Скажите нашим деревенским, всем — и бедным и неимущим, — чтобы нынче к полудню собрались у меня.

Тут все обернулось к джог-манджхи — ему дело задать:

— Ты, джог-манджхи, нам напомни в назначенный час. А пока позови девушек-растиральщиц — пусть они здесь пособят.

— Хорошо, — говорит. — Все сделаю, как велите.

Сказал и за девушками пошел.

Старосту не отпустили: он остался советы давать, что и как делать указывать. Тут его и покормили. Как полдень настал, джог-манджхи созвал всю деревню. Жениха и невесту натерли горчичным маслом и куркумой, дали им пива отведать, а потом жених стал синдур накладывать. Закололи свинью и устроили пир. До утра все плясали и угощались. Утром жениху показали его корову. Потом все разошлись по домам. Тем дело и кончилось.

Время идет, а зять никакой работы не делает, только слоняется взад и вперед. Другого дела не знает, как пойти к кому-нибудь язык почесать. Ну а когда есть пора, тут он на месте.

С месяц так проволынил. Старик, его тесть, свету не взвидел.

— Ну и лентяя взял я в зятя, — стал он поговаривать. — Я-то думал, будет мне помощь в работе, да где от него, чтоб он пропал, помощи ждать. Зря мы его, пропади он пропадом, в дом пустили.

Только и слышно от него было такое и дома и за воротами.

Свойственники парня, его жены родня, как встретят парня в деревне, твердят:

— Слушай, ты что дела не делаешь? Зря мы тебя к себе взяли.

— А что мне делать? — отвечает он. — Время такое — работы нет. Вот начнутся дожди, я в поле пойду, пахать стану. Нынче-то кто пашет? Никто.

— Что бы тебе лопату взять да пойти поле подправить, где неровно? ²⁰ — говорят те.

— Где я стану копать, — отвечает, — если я ваших полей и в глаза не видал?

— Он, недоумок ленивый, работы знать не знает, — решили те меж себя.

Вот раз они позвали его:

— Идем-ка завтра в лес с нами.

— А чего мне в лес идти? — спрашивает.

— Вот те на! — говорят ему. — Ты что, не знаешь? Самая пора к пахоте готовиться, нужное дерево подбирать: для ярма, для дышла, для лемеха, для рукоятки к сохе, а заодно и для кроватей — на ножки и раму. Это все должно быть в порядке, как работа начнется. Дров набрать да в кучи сложить тоже самое время — после о них заботиться не придется.

— Ладно, — отвечает. — Значит, я тоже пойду. Вы меня позовите. Я здесь чужой. Куда идти надо, не знаю.

— Вот и хорошо, — говорят. — Мы тебя кликнем.

Наутро зашли за ним. Он выбрал топорик полегче и вместе с парнями отправился в лес. В лесу один начал рубить прямые ровные деревья, другие принялись собирать хворост. А этот и тут не нашел себе дела — стал наобум слоняться назад да вперед. Он все бродил один в стороне от других и поглядывал, не увидит ли подходящего дерева. Так он вышел к склону холма. Слышит, одно дерево здесь говорит, и говорит оно вроде бы так:

— Кто возьмет меня отсюда и сделает из меня ножки к кровати, тот станет раджей.

Услышал он, подошел ближе. Дерево опять то же самое говорит. Парень и думает: «Надо мне срубить это дерево и сделать из него ножки к кровати». Ну а дерево то было не прямое, было оно гнутое и крученное. Все равно он помнит, что слышал, и думает: «Надо проверить, так это или не так». Взял и срубил.

Другие парни нарубили кому чего надо и сели передохнуть. Туда и этот парень притащил на плече свое дерево. Все со смеху так и покатались.

— Вот дурень-то! — говорят. — В таком лесу дерева себе не найти! Глядите, ребята, что он срубил! Все ищут себе что попрямей да получше, а этот, тьфу пропасть, гнутое себе выискал.

Так они говорят, а сами дерево ногами пихают, вертят его так и сяк. Парень молчит, ни слова не говорит, сидит спокойно. Все пошли домой, и он понес свое дерево; принес да как брякнет оземь, только треск пошел. Парни своим домашним рассказывают, какое он дерево выбрал, опять со смеху помирают. Собрался народ поглазеть, видят — и впрямь кривое.

— Ну, — говорят, — зять-то у вас дурень. Навряд ли его

дома родители какому ни есть делу учили. Очень уж он дурашливый.

И старик тесть туда же.

— Надо же, какого дурака взять в дом меня угораздило,— сокрушается.— Что ни возьми, все ему на других глядя делать придется. Сам-то он ни в чем толку не понимает.— Потом говорит так:— Что же делать-то? Мы его сами в дом взяли. Придется учить.

А парень на другой день разрубил дерево на куски и вырезал ножки к кровати. И сделал он их так ловко, прямо на загляденье: кто ни увидит, глаз не отведет. Тут пошел другой разговор. Все твердят:

— Надо же! Что до работы, так он дело знает. Он не дурак. Всех вокруг пальца обвел.

Кончил парень с ножками, раму собрал, и вышла кровать прямо на диво.

— Я продаю эту кровать — говорит.— Кто даст мне рупию, тому и отдам.

— Как можно просить за кровать целую рупию? — заговорили вокруг.— Никто за нее столько не даст.

— А не дадут,— сказал парень,— я кровать не отдам.

Прошло времени с месяц. Той порой раджа прослышал, что в такой-то деревне объявилась кровать, какой раньше никто не видал. Он велел своим стражникам:

— Купите эту кровать и доставьте ко мне. Отдайте за нее, сколько запросят, и несите сюда.

Дал он им денег, чтоб расплатиться, и стражники пошли в деревню. Увидали кровать и диву дались. Даже цену не стали спрашивать, а прямо развязали узелок, где деньги были спрятаны, вынули целых две рупии и отдали парню. Тут настал черед деревенским дивиться.

— Ну и ну! — говорят.— Мы-то прочили, что ее не продать. А надо же — продал, и на базар нести не пришлось.

Увидел старик тесть, что парень выручил деньги, и очень обрадовался. Парень деньги как получил, так сразу и отдал тестю. С той поры парня больше не попрекали и никто над ним не смеялся.

А кровать стражники понесли к радже. Ножки и рама у нее были так вырезаны — смотреть любо-дорого, а сетку парень сплел из такой хорошей веревки, что как принесли кровать на место, радже, говорят, она с первого взгляда пришлась по

душе. Засмеялся он и велел отнести ее в покой; сам глядит, глаз отвести не может. Потом спрашивает у стражников:

— Сколько за нее заплатили?

Те говорят:

— Раджа-сахиб! Что нам сказать? Может, ты на нас гневаться будешь. Мы как увидели кровать, голову потеряли и дали за нее целых две рупии. Даже не спросили хозяина, сколько он просит. Сами ему столько дали, так она нам понравилась.

— Ничего,— сказал раджа.— Это вы ему правильно дали. Еще бы лучше добавить четыре ана ему на пиво — было бы совсем хорошо. За хорошую вещь не жалко и переплатить. Это правильно, что вы ему столько дали.

Этой ночью раджа лег почивать на новой кровати. Только уснул, говорят, все четыре ножки выскочили из-под рамы. Одна пошла на восток, другая — на запад, третья — на север, четвертая — на юг. Та, что пошла на восток, встретила войско врагов — на раджу идет — и стала с ним биться. Та, что двинулась к западу, видит: стенка вот-вот обвалится прямо на раджу — взяла да и подперла ее. Ножка, что направилась к северу, углядела змею; змея в туфлю к радже забралась, чтобы его укусить; ну а ножка заметила и смотрит за ней. А что же та ножка, чей путь к югу лежал? Она ракшаса встретила. Шел ракшас, разинувши пасть, раджу слопать. Ножка к нему в пасть вскочила, встала распоркой и держит, подойти не дает. Вот что радже приснилось.

Проснулся поутру раджа, смотрит — и впрямь нет у кровати ни одной ножки; лежит он на полу.

— Матушки! — говорит.— Что это, сон или явь? Ладно, прежде чем что-нибудь делать, надо пойти посмотреть.

Подумал так и потянулся к туфлям, а ножка кричит:

— Стой! Берегись! Не надевай! Там твой враг притаился. Если б не я, он бы тебя убил.

Раджа кликнул слуг. Принесли палку и убили змею. Направился раджа к западной двери. Тут другая ножка кричит:

— Стой! Берегись! Не ходи этим путем. Здесь, наверху, я держу твоего недруга.

Взглянул раджа туда, видит — и вправду стенка дворца покосилась, а ножка ее подпирает, упасть не дает. Крикнул раджа. Пришел народ, поставили где надо подпорки и выпрямили стену.

Вышел раджа во двор, смотрит: ракшас разинул пасть — хочет его проглотить. А ножка говорит:

— Неси ружье, убей его! Я твоего врага задержала. Не буй меня, он бы тебя сегодня слопал.

Раджа взял ружье и уложил ракшаса наповал, а ножка вернулась на свое место. Разделался раджа с ракшасом и пошел к себе в покои посмотреть, что с кроватью, как там ее ножки. Три вернулись назад и крепко встали на свое место у рамы, а четвертой — нет. «Раз эти ножки схватились с моими недругами,— думает он,— видно, и четвертая где-то бьется с врагами, потому и не пришла».

Собрал раджа солдат и повел их на восток — туда, где солнце восходит. Видит, ножка остановила огромное войско. А как пришел туда раджа с солдатами, ножка вернулась назад и накрепко встала на свое место к раме. Раджа разбил войско врага, пришел домой, посмотрел — все четыре ножки на месте, крепко связаны с рамой. Он очень обрадовался и говорит:

— Эта кровать меня спасла. Если бы не она, от меня бы сегодня мокрое место осталось.— И добавил: — Непременно надо мне позвать мастера, который эту кровать смастерил.

Послал он людей, и привели к нему тех молодых — мужа и жену. Тут раджа созвал народ со всего царства и объявил:

— Этот человек спас мне жизнь. Сегодня я ему отдаю кусок моего царства. Я вас позвал для того, чтобы вы, мои подданные, знали с этого дня, кто он такой.

— Ты назначил нового раджу,— говорят ему люди,— так устрой для нас пир. Вот чего мы хотим — больше ничего.

Тогда раджа и в самом деле дал всем простокваши и рису. Потом все разошлись по домам, а парень стал раджей.

Через год или два он взял к себе мать и отца, а еще через год — тестя с тещей. Так все они стали жить в городе раджи.

28. Нерассказанные сказки

У крестьянина-гонда был батрак, он у него в поле работал. Раз пошли они вместе в дальнюю деревню сына гонда проводить — он там со своей женой жил. Довелось им заночевать в маленькой хижине у дороги. Поели они, батрак и говорит:

— Расскажи мне сказку.

Гонд устал, ему спать хочется, а батрак ждет, не засыпает. Он-то знал, что хозяин помнит четыре сказки, только ему лень их рассказывать.

Заснул гонд, проспал немного, и сказки вышли из его брюха, уселись прямо на нем и принялись толковать.

— Этот гонд,— говорят,— знает нас хорошо, а никогда никому нас не расскажет. Чего ради нам и дальше жить так без пользы у него в брюхе? Давайте убьем его и пойдем жить к другому кому-нибудь.

Батрак притворился, будто он спит, а сам прилежно слушает, что они скажут.

Тут первая сказка и говорит:

— Как придет гонд в дом к сыну и станет есть, так первое, что он в рот положит, я обращу в иголки. Он их проглотит, и они его убьют.

Вторая сказка говорит:

— Я встану высоким деревом у дороги. Только он подойдет, я на него упаду и убью.

Третья сказка говорит:

— Я змеей обернусь и за ногу его укушу.

Четвертая сказка говорит:

— Станет он переходить через реку, я подниму большую волну, и она его унесет.

На другое утро гонд с батраком добрался до дома сына. Сын и невестка с ним поздоровались, сразу приготовили завтрак и поставили перед ним. Только гонд поднес руку ко рту, батрак его толкнул, и весь рис на землю упал.

Там, говорит, букашка сидела.

Посмотрели они хорошенько и видят: рис-то превратился в иголки.

На другой день пустились они в обратный путь. Видят, нависло над дорогой высокое дерево.

Слуга говорит:

— Давай мимо дерева бегом пробежим.

Только они мимо пробежали, дерево рухнуло с треском — они едва ускользнули. Немного спустя они увидели на дороге змею, да слуга убил ее палкой. Потом к реке подошли. Стали реку переходить, поднялась высокая волна, да слуга вытащил гонда целым и невредимым.

Они сели на берегу отдохнуть, и гонд сказал:

— Ты спас мне жизнь четыре раза. Откуда ты знал, что может случиться?

Батрак говорит:

— Если я тебе это скажу, я стану камнем.

А гонд не отстает:

— Как это ты станешь камнем? Давай рассказывай.

Тут батрак говорит:

— Ладно, я тебе расскажу. Только когда я стану камнем, возьми у своей невестки ребенка и брось им в меня — тогда я снова стану человеком.

Рассказал ему батрак все, что слышал, и сделался камнем. Гонд пошел домой, а его так и оставил. Через некоторое время услышала об этом невестка гонда. Она пришла туда сама и бросила ребенка на камень, и батрак ожил. Да гонд больше не захотел держать его у себя в доме.

Вот почему мало кто верит гондам. Недаром ведь сказано: «Не верь гонду, женщине и сну».

29. Каджал-рыба

У старика со старухой были сын и дочь. Сын каждый день ходил поле пахать, а дочка ему на обед кашу носила. Поставит кашу посреди поля, а сама пойдет плоды ююбы рвать или еще куда побродить. А возле поля была яма с водой, и в той воде жила Каджал-рыба.

А парень-то делал вот что. Как принесут ему кашу, он жижу сверху сопьет, а рис в воду бросит — его рыба ест. День ото дня он худел. Сестра и думает: «Каждый день я, ношу брату кашу, а она ему впрок не идет. С чего это он так сохнет?»

Раз поставила она кашу на поле, а сама спряталась за дерево ююба — вот и увидела, как ее брат жижу съел, а гущу всю в воду бросил. Потом он пахать пошел, а как устал, выпряг волов и погнал их пастись. Ушел он, сестра побежала к яме, заглянула в воду и увидела рыбу.

На другой день брат пошел на базар покупать своей рыбе браслеты и цветные ниточки. Отошел он подальше от дома, дочка и рассказала родителям, какую она видела жирную рыбу.

— Пойдемте вычерпаем воду из ямы и поймаем ее.

Пошли все втроем к яме. Дочка отцу говорит:

— Ты копай землю и яму поперек города, а мы будем воду вычерпывать.

Только отец начал копать, рыба стала его отговаривать. Запела:

Не копай, свекор! Не копай, свекор!
Меня зовут Каджал-рыба,
Я ведь невестка твоя.

Отец спрашивает:

— Слышите, что рыба говорит? Я не буду копать.

Тут дочь говорит:

— Тогда ты копай, матушка.

Начала мать копать, а рыба снова поет:

Не копай, свекровь! Не копай, свекровь!
Я ведь невестка твоя.
Меня зовут Каджал-рыба.

Мать тоже сказала:

— Слушай, что говорит рыба. Я не стану больше копать.

Тогда дочка им говорит:

— Ладно. Вы не хотите копать, так я сама буду.

И она стала копать. А рыба снова поет:

Не копай, золовушка! Не копай!
Я ведь невестка твоя.
Меня зовут Каджал-рыба.

А та ее слушать не хочет. Накопала земли, перегородила поперек яму и стала воду вычерпывать. Тут рыба снова запела:

Не вычерпывай воду, золовушка!
Я ведь невестка твоя.
Меня зовут Каджал-рыба.

А та черпает, не перестает. Вычерпала всю воду и поймала рыбу. Рыба поет:

Не лови меня, золовушка!
Не лови меня! Не лови!
Я ведь невестка твоя.
Меня зовут Каджал-рыба.

А та ее не послушалась и понесла домой. Принесла она рыбу домой и говорит отцу:

— Батюшка, разрежь на куски эту рыбу.

Только старик наклонился, хотел ее резать, а рыба ему говорит:

Не режь меня, свекор! Не режь!
Я ведь невестка твоя.
Меня зовут Каджал-рыба.

Тут старик говорит:

— Я не стану резать эту рыбу, она со мной разговаривает.

Дочка — к матери. Просит:

— Тогда ты, матушка, разрежь ее.

Мать присела, чтоб резать рыбу, а та ее просит, поет:

Не режь меня, свекровь! Не режь!
Я ведь невестка твоя.
Меня зовут Каджал-рыба.

И мать тоже сказала:

— Я не стану ее резать — она со мной говорит.

— Раз вы не хотите нарезать, — говорит дочь, — я сама.

Села она, чтобы резать рыбу, а рыба поет:

Не режь меня, золовушка! Не режь!
Я ведь невестка твоя,
Каджал-рыба.

А дочка ее не послушалась — разрежала на куски. Пошла она ее жарить, а рыба поет:

Не жарь меня, золовушка! Не жарь!
Я ведь невестка твоя,
Каджал-рыба.

А дочка ее не послушалась и зажарила. Потом позвала отца, подала ему есть. А рыба поет:

Не ешь меня, свекор! Не ешь!
Я ведь невестка твоя,
Каджал-рыба.

Отец и говорит:

— Я не могу есть эту рыбу.

Он отставил ее. Тогда мать села есть, а рыба поет:

Не ешь меня, свекровь! Не ешь!
Я ведь невестка твоя,
Каджал-рыба.

Мать говорит тоже:

— Я не буду есть эту рыбу.— И отставила ее.
Тут дочь сама собралась есть. А рыба поет:

Не ешь меня, золовушка! Не ешь!
Я ведь невестка твоя,
Каджал-рыба.

Да дочка ее не послушала и съела, а кусок отложила для брата. Брат вернулся с базара, сестра подает ему рыбу. Рыба запела:

Не ешь меня, муженек! Не ешь!
Я ведь подружка твоя,
Каджал-рыба.

Услышал это брат и отодвинул еду. Потом вымыл руки и пошел на поле — посмотреть место, где рыба жила. Видит: вода вычерпана, а рыбы нет. Он горько заплакал.

На другой день брат пошел в поле пахать. А на ююбе, что рядом росла, плоды созрели. Парень вокруг нее забор навалил из сушняка да травы, оставил только узкий проход. Принесла сестра брату обед, а он ей говорит:

— Сестра, на ююбе плоды созрели. Пойди нарви.

Только сестра зашла за загородку, брат проход завалил и поджег сушняк. Пламя сестру охватило. Она поет:

Жжет меня пламя от пят до колен.
Погаси его поскорей, мой злой брат.

А брат ей отвечает:

Назови меня муженьком, женушка,
И я разом погашу пламя —
Ведь вода у меня под руками.

Сестра снова поет:

Жжет меня пламя от колен до груди.
Погаси его поскорей, мой злой брат.

А брат отвечает:

Назови меня муженьком, жenuшка,
И я разом погашу пламя —
Ведь вода у меня под руками.

Тут сестра снова запела:

Жжет меня пламя от груди до лица.
Погаси его поскорей, мой злой брат.

А брат отвечает:

Назови меня муженьком, жenuшка,
И я разом погашу пламя —
Ведь вода у меня под руками.

Тут сестра умерла. Как умерла она, брат вытащил тело из огня, срезал с него жареного мяса кусок и съел. Потом сзади кусок побольше отрезал и домой снес. Говорит отцу с матерью:

— Я убил оленя в лесу да там его и зажарил. Вот вам малость мяса. Я сам наелся, а сестра до сих пор ест.

И еще сказал:

— Матушка, сготовь его поскорей и поешь.

Мать с отцом съели мясо, тогда сын им говорит:

— Вы ели мясо своей собственной дочки. Вы убили мою рыбу и съели. За это я нынче убил вашу дочку и вас накормил ее мясом.

Услышали это старик со старухой и принялись горько плакать.

30. Жена-обезьяна

У гондского раджи было семь сыновей. Дал он им луки со стрелами, и пустили они свои стрелы прямо в небо. Шесть стрел упали во дворцы великих раджей, где были незамужние дочери. А седьмая воткнулась в дерево, что росло возле озера. Все раджи, в чьи дворцы стрелы попали, согласились отдать своих дочек за сыновей гондского раджи. А когда седьмой сын отправился за своей стрелой, он нашел обезьяну и никого больше, и пришлось ему жениться на ней.

Каждому сыну раджа отвел под жильё отдельный дом. Раз он сказал сыновьям, чтобы они принесли ему в дар одежду. Шесть сыновей, женатые на дочерях раджи, принесли богатые подарки, а седьмой был очень бедный, и ему принести было нечего. Тогда его жена-обезьяна говорит:

— Я пойду и достану одежду, твоему отцу подарить.

Пошла она к дереву, что росло возле озера, и спустились к ней с неба на колеснице ее шесть сестер. Обезьяна обернулась девушкой, взошла на колесницу, и они полетели во дворец к Бхагавану. Там они так хорошо танцевали, что Бхагаван дал им в награду свои одежды. Обезьяна принесла их домой и завернула в старую тряпку. Увидел то ее муж и совсем загрустил, а она требует, чтобы он позвал раджу к ним в дом. Раджа пришел, увидел узел и засмеялся — подумал, что там старое грязное тряпье. А обезьяна развязала узел, и свет от туда пошел, и раджа увидел чудесные одежды самого Бхагавана.

На другой год раджа велел сыновьям устроить ему угощение. Шесть старших пиры закатали, а младшему и на стол поставить-то нечего, разве что мусор и камушки, какие остались после того, как рис чистили. И опять обезьяна пошла к Бхагавану и принесла столько еды, что на весь город хватило. Потом Бхагаван дал ее мужу две флейты — грустную и веселую. Днем он играл на грустной флейте, и его жена была обезьяной. А по ночам он играл на веселой, и обезьяна превращалась в красавицу. Видят ее сестры такое, и стало им завидно — вот они и унесли обе флейты, а потом и обезьяну утащили на небо.

31. Краб-царевич

Жил у реки старый мурия с женой. Вырубили они кусок леса и на новом поле посеяли рис. Только рис дал побеги, краб Какрамал Куар повадился что ни день выходить из реки и рис поедать. Отчаялся старик и спрашивает жену, что ему теперь делать. Она ему велела смастерить из бамбука ловушку. Сделал он такую ловушку и поставил ее на том месте, где вода с поля в реку сбегала. Раз видит: попался в ловушку краб. Только он поднял топор — его пристукнуть, краб ему говорит:

— Батюшка, не убивай. Лучше возьми меня жить к себе в дом.

Старик взял ловушку вместе с крабом, повесил ее на топище, топор на плечо положил и пошел домой. Старуха в ту пору рис обдирала. Старик позвал ее поглядеть, кого он поймал. Она, как увидела краба, камнем на него замахнулась — убить. А краб ей говорит:

— Матушка, не убивай. Лучше возьми меня жить к себе в дом.

Вот старуха и пустила его жить в уголке на веранде.

Прошло восемь дней, и раджа позвал крестьян на бегар — урожай ему собирать¹. Старуха говорит:

— Вся молодежь из деревни на работу идет, а мы кого пошлем от нашего дома?

Краб говорит:

— Я за тебя пойду, матушка.

— Куда тебе, сынок? Там тебя насмерть затопчут.

А краб не послушался. Привязал к клешне серп и пошел в поле. Увидели его сельчане, кричат:

— Иди прочь отсюда, а то мы тебя прикончим. Что бы тебе пойти на поле к дочке нашего раджи?

Краб и пошел на поле дочери раджи. Там он сбросил свою крабью шкуру и обернулся паренком лет двенадцати, красоты неописанной. Работал он очень прилежно и убрал чуть не все поле.

В полдень настало время обедать. Жены и матери понесли работникам в поле поесть. Дочка раджи тоже пришла, большой горшок каши на голове принесла — тем, кто на ее поле работал. Народ смеется, кричит ей:

— У тебя на поле работает краб. Не забудь его накормить.

Девушка пошла к своему полю. Паренек, как увидел ее, сразу влез в крабью шкуру и побежал на десяти лапках. При села девушка и стала пробовать его накормить. Кладет кашу в щель — думает, там рот у него, — а каша на землю вся валится. Стала она тогда класть рис понемножку ему на клешни — вот он и принялся есть. Кончил, и девушка ушла.

Как справился народ со всей работой, раджа позвал работников пировать — свининой их угостил и вином. Краб пришел вместе со стариком и старухой и сел с самого края. Дали ему малость свинины — под клешни положили — и вина налили в

чашку из листьев. Краб так напился, что старухе пришлось завязать его в уголок сари. Так в узелке и домой принесла.

Прошло несколько дней, и дочка раджи затосковала. Ничего в рот не берет и все сидит себе в углу, лицом к стенке. Раджа пришел посмотреть, что с ней такое, а она ему говорит:

— Почему ты не выдаешь меня замуж? Надоело мне дурой торчать у тебя во дворце.

Раджа созвал самых богатых и самых красивых царевичей со всех концов света. Приехали и из Мандлы, и из Канкера, и из страны Орья, только никто из женихов девушке не понравился². Наконец позвали своих, деревенских. Краб тоже пришел вместе с другими и сел поодаль от остальных. Девушка всех обошла с гирляндой в руках и надела ее не на кого-нибудь, а на краба. Все над нею смеются, а она внимания не обращает и сделала так три раза подряд. Раджа говорит:

— Не смейтесь над ней, такая уж наша судьба. Пусть это краб, но он, видно, и вправду будет мне зятем.

Устроил он свадьбу и поженил дочку и краба. Как кончилась свадьба, краб, счастливый и гордый, ушел, и жена пошла с ним.

В полночь краб сбрасывал свою шкуру и превращался в прекрасного юношу. Недалеко от его дома у раджи была конюшня. Он шел туда, брал лошадей и принимался скакать вокруг деревни, пока совсем их не загоняет. Вот раджа раз и пришел на конюшню — разузнать, в чем тут дело. Конюх ему говорит:

— Я их кормлю — лучше некуда, а они все с тела спадают.

Ночью раджа притаился за стенкой и стал ждать. Видит: краб сбросил шкуру, сделался юношей и пошел скакать на конях вокруг деревни. Позвал раджа дочь и велел ей ближайшей же ночью сжечь крабью шкурку. С вечера она притворилась, будто очень устала. А как юноша вышел, взяла и сожгла его шкурку. Он приходит, а шкурки нет, и стало ему очень стыдно, что он не одет. Он завернулся с головой в одеяло и так заснул. Наутро он не захотел с кровати вставать — стыдился показаться жене без своей шкуры. Но она сдернула с него одеяло, подала ему царские одежды, и, когда раджа увидел, что его зять — сам настоящий царевич, он отдал ему половину своего царства.

32. Лангур

Давным-давно, говорят, жил один богатый человек. Было у него шесть сыновей и две дочери. Раз схватила его лихорадка. А жена его той порой была непорочная. Вылечить его не сумели, он помер, и его сыновья устроили похороны — все как положено по обычаю.

А потом у вдовы родился ребенок. Посмотрели — видят, это обезьяна — лангур¹, вот какой у нее родился ребенок. И обезьяна-то мальчик. Прослышали о том домашние, пришли посмотреть на ребенка, и соседи тоже пришли. Поглядели и стали смеяться над матерью. Сыновья и другая родня ей говорят:

— Убей его и выброси прочь. Не оставляй его. Люди над нами смеются.

— Нет,— говорит она,— я это дитя ни за что не убью. Кто его знает, по какому случаю Чандо послал мне такое дитя. Ему лучше знать. У меня с обезьянами ничего не было. Отца его вы сами знаете; я понесла, когда он был живой. Если Чандо, отец наш, послал мне такое дитя, что мне сказать? Нет, я его не брошу и не убью. Я его выкормлю и выращу. Пусть потом Чандо делает с ним, что захочет.

— Если ты его не выкинешь вон,— говорит ей родня,— мы тебя близко к себе не подпустим. Мы отделим тебя и дела с тобой не будем иметь.

— Как вам угодно,— ответила та.— Отделите вы меня или дадите жить вместе с вами, это как вам угодно, только дитя я не брошу. Так или иначе я его выкормлю и выращу, а когда он подрастет, пусть его живет, как ему доведется. Я его не с кем-нибудь прижила — его отец был живой в ту пору. Вы меня сами видели и знаете, что я была непорочная. Отделите вы меня, выбросите из дому, что я скажу? Делайте как хотите.

Сказать по правде, когда она так сказала, они построили ей хибарку где-то за домом. И еды ей давали. Не выбросили все же на улицу, хоть и сильно сердчались. А она работала без усталости и дитя кормила и растила. Время прошло, и мальчик вырос: большой стал и говорить научился, совсем как человек. Как подросток, к делу стал приучаться.

Раз, говорят,— к той поре кто его знает сколько времени уж прошло,— старшие братья пошли в лес дрова рубить. Так они говорили, а на деле они там новые поля расчищали — под рис и под просо². Лангур, говорят, тоже сказал:

— Слушай, матушка, я тоже хочу пойти с братьями в лес. Я расчищу там полоску для нас.

— Иди, конечно,— согласилась она и сама ему топор разыскала.

Вот приходит он с братьями в лес.

— Слушайте, братцы,— спрашивает.— Где мне лучше рубить?

Братья его в насмешку послали туда, где лес погуще и деревья потолще.

— Вон,— говорят,— иди туда, расчисти там полоску.

Он и вправду пошел, куда они ему указали, огляделся вокруг, загнал топор в дерево и вернулся назад, к остальным.

Кончили братья рубить, говорят ему:

— Ну пойдем, нам домой пора.

Он пошел, взял свой топор и отправился домой вместе с другими. Каждый день он ходил с ними и все так и делал: загонит топор в дерево и идет туда, где остальные лес рубят, а потом вместе с ними домой возвращается.

Вот раз они ему и говорят:

— Каждый день ты приходишь сюда и торчишь тут рядом с нами. Когда же ты лес-то рубишь? Что ни день, мы тут тебя видим.

— Нет, братья,— отвечает он.— Я к вам прихожу, как свой урок кончу.

— Гляньте-ка,— не верят они.— Где это видано справляться так быстро? Ты сказки нам не рассказывай.

— Нет, братья, это не сказки. Не верите, пойдите сами — я вам покажу. Своими глазами увидите.

— Ладно, парни, давайте сходим,— решили они.— Посмотрим, что там у него. Очень уж он чудно говорит.

Кончили рубить и говорят:

— Ну пойдем. Поглядим, что у него. Той дорогой и домой воротимся.

Пошли они, поглядели на его работу: и вправду расчищено у него огромное поле.

— Глядите-ка,— говорят.— Когда ж это он, любо знать, столько расчистил? Целыми днями с нами торчал. Нам так, пропади оно пропадом, не сработать. Мы ведь сами работали не спуская рукава, а столько не сумели расчистить.

За таким разговором они и до дома дошли.

Когда срубленные деревья высохли, они стащили их в кучи

и подождли. Все сгорело, и получилось чистое поле. Лангур и говорит:

— Послушай, матушка. Братья на вырубке лес пожгли, поле очистили и пахать начинают. А как мне пахать, матушка? Достань мне волов.

— Где же мне взять их, сынок? — спрашивает мать. — Никто их мне не доверит. Где мы их возьмем? Да у нас и семян-то нет. Что мы станем сеять?

— Братья, — отвечает лангур, — сеют рис. А мы с тобой что можем вырастить, матушка?

— Что мы можем, сынок? — говорит опять мать. — У них есть все, что надо, вот они и сеют. А у нас семян нет, так что же мы, сынок, вырастим?

— Скажи-ка, матушка, неужто семян вовсе нет?

— Нету, сынок.

— Послушай, матушка, — снова он спрашивает. — Неужто никакого семени не найдется?

— Вот только та тыква³, — говорит мать. — А больше нет ничего.

— Хорошо, — сказал лангур. — Раз ничего больше нет, дай мне тыкву. У меня тоже будет что посеять, не только у братьев.

И вправду она принесла ему тыквенных семечек. Он завязал их в узелок, пошел на свой участок и там посадил. Братья его спрашивают:

— Слушай, а пахать-то ты когда будешь? Ты землю-то и не тронул.

— Я, братья, так прямо посеял, без вспашки, — говорит он.

— Что ты посеял, балда? — спрашивают.

А он вместо ответа сам спрашивает:

— Слушайте, братья, вы что посеяли?

— Мы-то, — говорят, — мы посеяли рис.

— И я, — говорит, — рис посеял. Верней, не посеял, а посадил.

— Послушай-ка, ты, — они спрашивают, — как посадил? Разве не тогда рис сажают, как рассаду вырастят, а не раньше? Как же ты посадил?

Так они говорили и смеялись над ним. А лангур ничего. Все принимает спокойно, ни слова не говорит. Пусть их смеются.

И вправду, как нужное время прошло, — сколько-то дней там, — посевы у них взошли, и они что ни день ходили на них

взглянуть. И лангур тоже ходил посмотреть на свое поле. Раз собралась они все вместе вместе поля обойти. Поглядели на свои всходы, потом говорят:

— Слушай, пойдем сегодня взглянем, что у лангура вышло. Занятно, как взошло у него.

Сказали так братья и пошли все вместе на лангурово поле, и лангур с ними. Пошли все, как сказано. Только взглянули, сразу спрашивать:

— Где ты, балда, рис посеял? Мы ни росточка не видим.

Он им показал те места, где клал семена. Поглядели они хорошенько и говорят:

— Да это тыква, балда. Рис-то где? Ты говорил, вспомни сам, что рис посадил. Где же он? Это тыква. Больше ничего не видать.

— Верно, братья,— отвечает он.— Я вам тогда неправду сказал. Хотелось мне рис посеять, вот я и спросил у матушки, а она говорит: «Нет у нас семян риса». Тогда я говорю: «Неужто никаких семян вовсе нет?» Она говорит: «Есть немного тыквенных семечек, кто его знает сколько». Я и говорю: «Тогда дай мне хоть их. Я их посажу. Раз других семян у нас нет, что нам еще делать?» Вот почему я это посадил, братья.

— Слушай, ты,— спрашивает один.— Почему ты к нам не пришел, если у вас семян не было? Неужто мы тебе не дали бы?

— Верно,— говорит он.— Да раз уж я к вам тогда не пошел, что теперь будешь делать? Ладно, и мой урожай куда-нибудь пригодится. У вас вырастет рис, а у меня приправа. Когда тыква созреет, разве вы ее у меня не возьмете? Или я ее кому-нибудь еще отнесу. Продам и рису куплю.

— Хорошо,— сказали они.— Это тоже сгодится. Ты сделал толково.

И вправду, как подошло время, рис у всех вырос хороший, и у этого тыквы растут лучше не надо. У него там деревья сухие остались, так по ним тыквы вверх поползли, как по колям. Видали? И не поверите, все его поле сплошь побеги покрыли, и везде на них тыквы зреют, не счесть. Что ни день он ходил поглядеть.

Время пришло, рис у них вызрел, и они сказали:

— Рис наш созрел. Давайте пожертвуем бонгам первую долю⁴ и будем жать.

Тогда лангур тоже сказал:

— Давай-ка и я пожертвую первую долю, точно так же, как братья.— И он стал следить, что они будут делать.

И вот однажды они разровняли небольшую площадку и обмазали ее коровьим пометом. Потом сжали немного рису, отнесли его на это место и там принесли эту первую долю в жертву. По такому случаю они позвали мать и лангура, обоих, отведать праздничного угощения. Оба они пришли на этот пир. Наготовили рису и подливы, все поели, а потом разошлись по домам.

Дня через два, через три лангур сказал:

— Слушай, матушка, мы тоже ведь что-то вырастили. Надо нам завтра тоже устроить приношение первой доли. Разровняй-ка и ты площадку и вымажь ее коровьим пометом, и мы позовем моих братьев с семьями. Как обмажешь площадку коровяком, поди позови моих братьев и всех их домашних. А я сам помоюсь⁵ и схожу за тыквой.

— Хорошо, сынок,— ответила мать.— Ты правильно говоришь. Значит, завтра мы принесем первую долю.

И правда, на другой день они сделали, как уговорились. Позвали его братьев и их домашних, всех до единого. Те и говорят между собой:

— Гляньте-ка. У них ведь в доме ничегошеньки нет. Чем они думают нас угощать, коль столько народу назвали?

Ну а лангур, сказать по правде, тело омыл и пошел за тыквой. Выбрал самую большую, какую нашел. «Если я эту возьму,— думает,— хватит нам всем». Подумал он так, сорвал большую тыкву и понес к себе в хибарку, что была позади дома братьев. Те его, конечно, с ней видели.

Принес он ее и затащил в бхитар — в подношение бонгам. Как петухам голову рубят, когда в жертву приносят, так и ей он взял да конец ножом и отрезал. Мать его тоже при этом была. Отрезал конец, глядят они: полна тыква риса. Достали решето, стали туда рис вытряхивать. Только весь рис туда не вошел, пришлось сыпать в корзинку, да и той едва хватило, чуть-чуть до краев не достало. Если б в большую корзину насыпать, вышло б не меньше как на три четверти. Страсть как они радовались, только никому открывать это дело не стали. Говорят:

— Ничего не будем об этом рассказывать. Не обокрали бы нас.

Договорились так, рис ободрали, а с тыквы шкуру сняли и,

чтобы чужим глаза отвести, из нее подливу сготовили. А еще подливы сварили из гороха лущеного.

— Ну, матушка,— говорит лангур,— навари теперь побольше рису, чтобы всем хватило — и братьям моим и невесткам. Братья-то, когда нас позвали, дали нам с тобой по горсточке. А мы им помногу наложим. Не хватит того, что в этой тыкве, я схожу еще принесу.

— Нет, сынок,— отвечает мать.— Сегодня больше не приноси. Мне готовить и этого хватит.

— Ладно,— говорит,— если так.

Ну вот, у них все готово, а братья не идут. Лангур и спрашивает:

— Слушай, матушка, ты братьям-то сказать не забыла? Что-то их до сих пор не видать.

— Что ты, сынок,— отвечает она.— Конечно, сказала.

— Не идут они,— говорит он.— Пойду погляжу, что с ними там приключилось.

Пошел к ним и спрашивает:

— Ну, братья, что же вы не идете? Я вас давно поджидаю. Вас все нет, я и зашел. Пойдемте сразу, сейчас. Поедите и вернетесь домой.

Вот братья и говорят меж собой:

— Слушай-ка, чем он кормить-то нас будет? Сколько народу зовет. И говорит-то он как уверенно, диву дашься. Ладно, пойдемте. Посмотрим, что там у него, как он нас накормит.

Поговорили так и пошли к нему. Тот усадил их любезно, лучше и не придумаешь, потом пошел в дом, спрашивает у матери:

— Как, матушка, у тебя все готово?

— Да,— отвечает,— готово.

— Хорошо,— говорит.— Вынеси-ка им живее воды⁶.

— Подожди немного, сынок,— просит мать.— У меня еще не все тарелки готовы. Сейчас я их прошью, и все будет в порядке⁷.

— Ладно. Поспеши, сшей их поскорей,— сказал он и пошел к братьям.

— Послушайте, братья,— говорит.— Потерпите немного. Тарелок у нас не хватило. Как будут готовы, сразу и есть подадим.

Сказать правду, пришли все невестки, а с ними их дети, и он их всех усадил. Старший брат ему не поверил. Сам по-

шел в хижину. «Подождите,— говорит,— дайте я вперед сам взгляну. Интересно, что он приготовил». Вошел он, глядит: и впрямь приготовлена полная корзинка рису. Удивился он.

— Где это вы,— спрашивает,— столько рису достали? Такой пир закатить.

А тот тайну свою не открыл. Ничего ему не сказал.

Как кончила мать с чашками да с тарелками, вынесла им воды. Все сразу вымыли руки и сели за еду. Мать каждому есть подала, а потом завела разговор.

— Это,— говорит,— наша тыква. Он сегодня первую долю бонгам поднес. В этом и дело. Он сказал: «Когда они подносили первую долю, они нас позвали. Мы тоже их позовем». Вот зачем сегодняшнее угощенье.

И лангур тоже сказал:

— Вы, братья, подносили первую долю вашего риса. Вы тогда давали по горсточке. Поглядите теперь, как у меня подадут. Если кому не хватит, попросите у матери. Кто сколько съест сможет, она столько и даст.

Поели и на том расстались.

Ну а мать и сын сказать нельзя как были рады, что рис в тыквах нашли. Что ни день утром и вечером оба идут на свое поле. Очень они за ним смотрели. У других рис созрел, и у них, что было, созрело. Стали другие свой рис жать, и они свой урожай собирают, домой несут. Трудно поверить, тыквами весь дом заполнили, все углы заложили. Кончится в доме еда, так стоит им тыкву разрезать, и сразу опять полно рису. На целый год у них вышло запасов.

Прошло сколько-то времени, кто его знает сколько, и братья сговорились пойти покупать лошадей. Вот и лангур говорит:

— Послушай, матушка, братья идут коней покупать. Я тоже хочу коня. Пойду с ними.

— Видишь, сынок,— отвечает мать,— у них деньги есть. На эти деньги они и купят. А у нас с тобой ничего нет. На что покупать станешь?

— Скажи, матушка, разве у нас совсем ничего нет? — спрашивает лангур.

— Ничего нет, сынок,— отвечает мать.— Смотри сам, есть у нас рис и моток веревки. Больше ничего.

— Тогда дай мне его,— говорит сын.— Дай мне моток веревки.

— Послушай, сынок, неужто ты думаешь, тебе за него лошадь дадут? И не помышляй.

— Дай мне его,— просит он.— Я возьму и попробую, дадут или нет.

И впрямь она дала ему этот моток, и он пустился в путь вместе с братьями. Они его спрашивают:

— Слушай-ка, ты. Куда ты направляешься?

— Я тоже,— говорит,— иду с вами коней покупать.

А им стыдно с собой брать такого. Они говорят:

— Не ходи с нами.

Отогнали его всякой бранью, и поплелся он один сзади.

Шли они, шли и увидели где-то дерево манго, все в зрелых плодах.

— Эх,— говорят,— был бы здесь лангур, мы бы ему велели нам манго нарвать.

А лангур-то их обогнать уж успел и давно сидел на дереве.

— Да я здесь, братья! — кричит.— Если вы манго хотите, я вам сейчас накидаю.

— Ладно, раз уж ты здесь, кидай,— говорят.

Он, по правде сказать, так и сделал. Пошли дальше. Как прошли подороги, стали они его снова бранить и гнать прочь. Опять лангур отстал. Подобрал где-то шпильку, чем кроватные сетки вяжут, и дал братьям уйти. Потом забежал вперед окольной дорогой и сел их поджидать. Приблизились они, он снова вперед побежал, чтобы его не заметили. Так и дошли до места, где лошадьми торговали. Той порой стемнело. Они говорят: «Темно уж. Покупать сегодня не будем. Купим лучше завтра поутру. Сразу на коней сядем и поедем прямо домой». Порешили на том и стали устраиваться ночевать.

А лангур забрался в конюшню и примостился под самой крышей на матице. Ночью кони начали говорить между собой: «Сегодня пришли покупатели. Кто их знает, кого из нас они купят и уведут». Завели они такой разговор, а лангур молчит, слушает. Снова кони говорят друг дружке: «Слушайте, может, завтра нас купят. Знать бы, кто из нас как бежать может». Стали они говорить: «Я пробегу столько косов. Я пробегу столько косов». Так они говорили, кто как скоро может бежать. А была там одна кобыла, она сказала: «Я по земле пробегу двенадцать косов и по небу пролечу двенадцать косов».

Услыхал это лангур, поспешил вниз и загнал шпильку под

копыто той самой кобыле, какая сказала, что она может бежать двенадцать косов и днем и ночью. Ну она разом и охромела.

На другой день братья сразу пошли туда, где кони были. Видят, там лангур.

— Слушай, а ты когда тут появился? — спрашивают.

— Только что, братья,— говорит он.

Стали коней выбирать. Они себе выбрали самых гладких, сговорились о цене и заплатили. А лангур той порой все молчал, рта не раскрыл, только слушал, как они торговались. Братья расплатились, сели верхом и домой поехали.

Уехали они, тут у лангура язык развязался.

— Слушай, хозяин,— спрашивает.— С чего это у тебя та лошадь хромает? Вон как она ковыляет. Давно захромала?

— Вчера еще в порядке была,— отвечает хозяин коней.— Видно, ночью что-то с ней приключилось.

— Показать бы тебе ее коновалу,— говорит лангур.— А то ведь совсем из сил выбьется и падет. Смотри, она еле тащится.

— Кто его знает,— говорит тот.— Случись коню заболеть, он уж не поправится, как его ни лечи. Я, слышь-ка, давно с конями дело имею. Я-то уж знаю: заболел конь, ты его не подымешь, сколько ни старайся лечить. Падет все равно.

— Так продай ее, как она есть,— предложил лангур.— Все равно скоро сдохнет. Тебе-то она теперь ни к чему.

— Кто ее возьмет, хромую кобылу? — отвечает хозяин.— Как увидят, что она на ногу припадает, всякий сразу откажется. Вот ты, хочешь, бери. Я ее тебе отдам.

Хозяину-то невдомек, что эта лошадь самая быстрая и что лангур ей нарочно ногу испортил. Ничего он про это не знал.

— Слушай,— говорит лангур.— А сколько ты возьмешь за нее?

— Когда будешь брать,— отвечает хозяин,— тогда я тебе и цену скажу.

— Я бы взял,— говорит лангур,— только я хочу даром. Если ты мне ее дашь, я ее попробую выходить. Поправится — буду ездить на ней, не поправится — значит, подохнет.

— Слушай,— просит хозяин,— я за ней столько ходил. Неужто не дашь за нее хоть безделицу?

— Было б у меня что отдать,— говорит лангур,— я бы дал тебе что-нибудь. Да, сам видишь, нет у меня ничего. Если бы

малость занять у кого и отдать тебе за нее, было бы неплохо, верно? Да только в этих краях не едят конины, тут и шкуру-то конскую никому не сбудешь. Была бы надежда продать мясо и шкуру и вернуть свои деньги, когда она сдохнет, можно бы и заплатить. А этого нет, и ты сам говорил: стоит коню заболеть, он уж не поправится. Вот почему я платить за нее не хочу. Есть у меня, гляди, моток веревки. Отдашь за него — я ее возьму.

— Может, ты мне добавишь хоть рупию? — спрашивает хозяин.

— Нет,— говорит лангур.— Больше мне тебе нечего дать. Решай сам: отдашь мне ее за моток веревки — хорошо; а то я уйду. Я тут с самого утра околачиваюсь. Не пора ли нам с тобой и за дела взяться?

Подумал хозяин хорошенько и говорит:

— Ладно, я согласен. Кончим с этим. Давай мне веревку и бери лошадь. Только смотри, никому не рассказывай, что ты купил эту лошадь за моток веревки.

— Хорошо,— согласился лангур.— Раз ты мне ее отдаешь, я никому не скажу. А ты-то сам, ты не скажешь?

— Зачем мне говорить? — удивился хозяин.

— Ну а вдруг скажешь: «Я продал лошадь за моток веревки?»

— Зачем мне говорить такое? — сказал хозяин.— Я тебе ее отдал и сам, себе на позор, рассказывать об этом пойду? Не бывать этому никогда. Я скажу: «Приходили барышники. Я им столько вот лошадей продал». За тем и забудется. Другое дело, если ты скажешь.

— Чего ради я стану рассказывать, если ты мне ее по доброй воле отдашь? — говорит лангур.

— Ну ладно,— сказал хозяин.— Я тебе ее отдаю по доброй воле. А ты давай мне веревку.

Вот он и вправду отдал хозяину моток веревки в уплату за лошадь, а тот ее взял, и в подтверждение сделки оба дали друг другу по клочку травы дхуби. Увел лангур лошадь. Отошел так, что хозяина не стало видно, и вытащил шпильку, которую сам под копыто загнал. Лошади сразу полегчало, и она хромать перестала. Обрадовался лангур, вскочил на нее и погнал в галоп. Изо всех сил погнал, представить себе невозможно, как он ее гнал. Как стал нагонять братьев, взял и поднял ее высоко в небо. Опередил их и доехал до дому за-

долго до них. Приехал, привязал лошадь у ворот, принес ей мякины, воды и всего, чего надо, а сам умылся, поел риса с подливой и сел ждать остальных.

Немного спустя приезжают братья. Увидели у ворот лошадь, спрашивают:

— Слушайте, чья это лошадь?

Им говорят, что это лангур купил ее и привел. Подошли поближе, смотрят на лошадь. Видят, все они жеребцов взяли, а это кобыла. Потом пошли отдыхать.

Дня через два они говорят:

— Давайте устроим скачки. Посмотрим наших коней на бегу.

— Хорошо, давайте посмотрим.

Как устроили они скачки, лошадь лангура и впрямь всех побила: на земле, говорят, он пустил ее скакать двенадцать косов и еще двенадцать косов в небе. Братья дивятся, просят лангура:

— Эй, лангур, давай поменяемся. Ты дай нам свою лошадь, а мы тебе любую из наших.

— Нет, братцы,— говорит тот.— Я не пойду на такое. Вы первые выбирали и покупали. Точно так же и я свою выбрал и взял. Я ее вам не отдам.

На том и кончился разговор.

И вот, сказать правду, так или иначе лангур кой-чего поднакопил и года через два зажил он хорошо, и припасов у него было на год вперед. Тут он и говорит:

— Слушай, матушка, надо мне в этом году жену подыскать.

Мать вовсе оторопела. «Хотелось бы знать, где я ему жену искать буду? — говорит она сама себе.— Из рода людского никто не согласится, а обезьяны по-нашему не разговаривают. Какую жену мне ему сватать?» Поразмыслила она и говорит:

— Ладно, сынок, мы найдем тебе жену. Только подожди, сперва надо со свахами договориться.

— Хорошо,— отвечает он.— Пригласи свах. А мне передашь, что там скажут.

— Ладно,— сказала она.

И вправду денька через два — она уж и так и сяк умом пораскинуть успела и решение приняла — мать ему говорит:

— Слушай, сынок. Помнишь, мы насчет жены для тебя говорили. Пробовала я звать свах, как договорились, а они

мне говорят: «Твой сын жену себе сам найдет. Ты только позаботься денег собрать на выкуп невесты»⁸. Вот, сынок, что мне свахи сказали.

— Ладно, матушка,— отвечает он.— Это хорошо, что ты говоришь. Значит, я ее сам отыщу и приведу. А сколько положено выкупа?

— Это, сынок, смотря по тому, кого ты возьмешь: девицу, или вдову, или разведенную жену. За вдов и разведенных жен платят немного, а за девушку рупий пятнадцать придется отдать, а то и шестнадцать⁹.

— Слушай, матушка,— говорит он.— Я возьму девушку.

— Правильно, сынок,— отвечает она.— Если ты девушку приведешь, я буду рада.

— Завтра или послезавтра я отправлюсь в путь,— сказал он.

И вправду пошел он искать себе жену. Сказал утром об этом матери, она и говорит сама себе: «Кто согласится за тебя замуж пойти? Не стали б тебя собаками травить». Вот какне у нее были мысли.

А лангур пошел в чужие края. Идет и видит: девушки в пруду купаются. Подбежал он к ним, схватил чье-то платье и залез с ним на дерево. Девушки закричали от страха, а та, чье он платье унес, горько заплакала.

Лангур сам наверх залез, а конец платья¹⁰ свесил с дерева вниз. Увидели это девушки, кричат:

— Гляди, подружка. Он твое платье на дерево утащил.

Прикрылась она чьим-то чужим, и все они подошли к дереву. Видят: вот он сидит. Стали просить:

— Спустись, лангур. Отдай платье нашей подружке.

— Пусть она согласится за меня замуж пойти,— отвечает он.— Тогда отдам, а иначе — нет.

— Слушайте,— говорят девушки,— он по-нашему разговаривает.

Как стал он им так говорить, девушки, вправду, перестали бояться, и пошел у них долгий спор. Те все просят его:

— Отдай, лангур, отдай ты ей платье.

А он свое им в ответ:

— Пойдет за меня замуж — отдам.

Раз он так говорит, они его ругать начали:

— Кто с тобой, с таким,— говорят,— жить захочет?

Услышал он это.

— Ладно, вы каждая свое забирайте,— говорит,— а она пусть свое поймает и вниз стянет.

И стал спускать конец ее платья потихонечку вниз; спустит и снова потянет. То ли он ее раззадорил, или другое что, только девушка вдруг как вцепится изо всех сил в свое платье. Чужое уронила, а за свое держится, и так он ее к себе наверх утянул. Подтянул к себе, обнял и дал ей как положено платью на себя навернуть. Ну а дальше то ли судьбу ей такую Чандо послал, то ли еще что другое, только она закричала:

— Подружки, идите домой. Я с ним останусь.

Те говорят:

— Идемте, девушки. Надо дома сказать.

Только ушли девушки, он взвалил ее на спину и побежал что было мочи. Ни разу передохнуть не остановился — так прямо к себе домой ее и принес.

Рассказали подружки родителям девушки, что с ней приключилось, ее отец и братья схватили луки и стрелы, взяли собак и побежали искать лангура по всей округе. Все вокруг обрыскали, а его найти не смогли, и принялись они горько плакать. Искали целых два дня, а может быть три, только так и не нашли и домой пришли со слезами. Отругали на чем свет стоит ее подружек.

— Что вы,— говорят,— сразу-то не сказали?

А те ни слова в ответ — онемели с испуга. В конце концов и они успокоились.

А лангур был очень рад, что невесту себе раздобыл. Соседи, на нее глядя, только диву давались. Назначили день для свадьбы и принялись готовить, что надо: и угощение, и пиво, и всякое прочее. Старались все поскорее сделать, чтобы свадьбу устроить пораньше. А в назначенный день позвали гостей, и все к ним собрались, и свадьба прошла как у людей, и все ели и пиво пили¹¹. И стали они жить вместе.

Так лангур обзавелся своим домом. Приключеньям парня-лангура конец настал. А молодой жене они отдали горшки и припасы и все хозяйство — все, что у них было.

Вот и сказке конец.

33. Жена обезьяны

Пошла раз девушка мариа в лес плодов эбенового дерева собрать, чтобы на базар их снести. Видит она на дереве обезьяну-ханумана и попросила его побросать ей плодов.

— А что ты мне дашь за это? — спрашивает хануман.

— Я тебе дам две пайсы,— говорит девушка.

— У меня жены нет, детей нет. На что мне твои деньги?

— Тогда я дам тебе рису.

— У меня жены нет, детей нет. На что мне твой рис?

— Тогда я тебе дам одежду,— говорит девушка.

А хануман опять свое:

— У меня жены нет, детей нет. На что мне одежда?

— Тогда я тебе дам...

— То, чего я хочу,— перебил ее хануман.

Девушка пообещала, и хануман набросал ей с дерева кучу плодов. Наложила девушка корзину горой и пошла к дому. Невестки ее, жены братьев, увидали столько плодов, стали спрашивать, как ей повезло такую корзину так скоро набрать.

— Мы целый день проходили, а набрали самую малость.

— Я рано утром пошла и плоды сняла раньше, чем их медведи объели.

На другой день невестки встали с первыми петухами и пошли в лес чуть свет, да набрали не больше, чем в прошлый раз, и вернулись домой раздосадованные. Тем же утром попозже девушка пришла к своему дереву. Там сидел ее хануман. Он опять набросал ей гору плодов, потом заставил исполнить, что та обещала, и домой ее отпустил с полной корзиной. С той поры девушка что ни день стала ходить к обезьяне. Кончилось тем, что хануман ее к себе в дом увел.

Девушка домой не приходит. Пошли братья искать, да следов ее не нашли. Спустя сколько-то времени довелось братьям охотиться в том лесу, невдалеке от обезьяньего дома. Была с ними собака. Она на охоте от хозяев отбилась и вышла прямо к дому того ханумана. Девушка узнала ее, накормила и отослала домой.

С той поры, как выйдут братья в лес на охоту, собака от них прочь бежит — и прямо к обезьяньему дому, у девушки подкормиться. Видят братья, пес что ни день прибегает домой с полным брюхом, и стали голову ломать, в чем тут секрет.

Решили они донскаться до правды. На другой день, как пошли на охоту, привязали собаке на шею мешочек с золой и дырочку в нем прокололи. Собака как всегда среди охоты сбежала. Только в этот раз братья смогли ее по золе выследить, и привел их ее след прямо к сестре.

Она их встретила ласково, угостила на славу и денег дала. Ханумана-то не было дома — он в лес уходил. Спрашивают братья сестру, где ее муж, а она говорит — на работу ушел, лес вырубать. Ну а хануман тот был очень богатый — вот сестра и накормила братьев так вкусно, как им в жизни есть не доводилось. Повадились они ходить к сестре день за днем, а потом просить стали, чтобы она им мужа своего показала. Раз и позвала она ханумана. Увидели его братья, обозлились и принялись требовать невестин выкуп. Хануман дал им немало денег, и они ушли домой довольные.

Через год у сестры родился младенец — чистая обезьяна. А братья задумали завладеть их добром. Позвали они сестру с мужем и с младенцем к себе в гости. Она согласилась, но с уговором, чтобы они собаку взяли в дом и как следует привязали, — она за мужа боялась. Те пообещали, и в положенный час пришел к ним хануман с женой и ребенком. Пробыли они там дня два или три, а как собрались уходить, братья тайком отвязали собаку, и та бросилась прямо на ханумана. Все подняли крик, да раньше, чем успели вмешаться, собака ханумана прикончила. Братья сложили огромный костер, положили на него тело обезьяны и подожгли. Молодая вдова так убивалась, что выбежала из дому с младенцем-обезьянкой в руках, бросилась прямо в огонь и сгорела там вместе с мужем¹.

Стали братья искать сестру. Туда-сюда бегали и увидели наконец на костре ее тело. Видят такое дело — и бегом к обезьяне домой, за деньгами. Да ничего они там не нашли. Богатство у ханумана было не простое: умер он — и богатства не стало. Увидели это братья, принялись сокрушаться. Ведь пока был жив хануман, они что ни день к нему в дом ходили, ели там в свое удовольствие, и с собой им денег давали. А теперь все ушло.

С той поры стали они все беднеть и беднеть, пока не умерли в нищете.

34. Зять-обезьяна

Жила в одной деревне старуха. Была у нее дочка на выданье, только старуха ее ни за кого отдавать не хотела. Раз пришла с гор обезьяна-хануман, чтобы жену себе службой добыть. Старуха спрашивает у ханумана, зачем он пришел, а тот говорит:

— Тетушка, нашелся бы кто отдать мне дочку в жены за хорошую службу, я бы на него стал работать.

Старуха рассудила, что работника у нее нет, и решила взять ханумана — пусть потом на дочке женится. Вот она и сказала, что возьмет его, если он на нее будет работать. Так она и взяла обезьяну. Хануман тогда попросил будущего своего тестя сделать ему хороший топор, чтобы он мог идти лес рубить под новое поле. Старик заказал топор кузнецу, и кузнец сделал топор, такой, как положено, с топорщиком, и отдал его обезьяне. Тут хануман говорит тестю: если б ему дали малость кашицы съесть, он пошел бы расчищать новое поле. Старик велел дочке сварить хануману каши, чтобы тот мог на работу идти. Наутро девушка сготовила кашу и дала хануману. Тот ее съел и пошел рубить лес под посевы. Да рубить-то не стал, а пошел рыскать по склонам холмов за лесными плодами и есть их, а вечером загнал топор в дерево и пошел домой. Девушке на обезьяну смотреть тошно было, а старуха увидела, что хануман с работы идет, и говорит дочке:

— Смотри, дочка, как он старается, наш зять-обезьяна. А ты еще от него нос воротишь!

Дочь ничего не сказала. А хануман что ни день, съевши кашу, шел в лес. Раз тесть сказал, что он сам с ним хочет пойти — вырубку посмотреть, так хануман его уговорил отложить это дело на завтра. На другой день он ему показал чужие участки, что соседи себе расчищали. Старик думал — это обезьяна ему свою работу показывает, — очень обрадовался, дома о том жене рассказал, и она была рада не меньше его.

Как пошли деревенские вырубку выжигать, хануман каши поел и говорит, что он тоже готов идти жечь порубку у себя на участке. Да только пока деревенские лес жгли, он плоды собирал да ел их.

Начали деревенские сеять просо, и хануман говорит, что ему надо сеять, и будущего тестя стал просить достать ему

семян. Старик отыскал малость семян и дал хануману. Он их в лесу бросил, а старику, как вернулся, сказал, будто посеял. Потом старик говорит, что хотел бы пойти с обезьяной посмотреть на участок. Хануман не стал спорить. Пошли они вместе — обезьяна впереди — смотреть посева. И опять хануман ему показал тот же чужой участок, что в первый раз. Просо там уже проросло. Посмотрели и вернулись домой.

На другой день хануман говорит тестю, что ему надо идти на поле — птиц отгонять. С той поры что ни день он, как каши поест, так и уйдет — за посевами, мол, ему надо смотреть. Только в поле придет, принимается есть чужое просо — с тех полей, чьи хозяева скот пасут и за посевом не смотрят. Видят парни потраву, сговорились и оставили там одного последить, кто это делает. На другой день один парень остался сторожить просо. Вскоре видит — пришел хануман и принялся просо есть. Сторож рассказал о том всем парням. Собрались они вместе, обезьяну убили, мясо между собой поделили и старику кусок дали — он съел.

Вечер настал, а обезьяна домой не идет. Тесть пошел искать, да не нашел. Только дня через три или четыре он узнал, что ханумана парни убили. В гневе он пригрозил донести об этом властям. Парни испугались, стали просить, чтобы он так не делал, и обещали, что кто-то из них пойдет к нему работать и на дочке женится. На том старик и успокоился. Стал у него один парень служить — жену себе зарабатывать, и кончилось тем, что старик женил его на своей дочери. Молодые построили дом и зажили вместе.

35. Дасмотин-кания

Жили-были десять братьев. Была у них сестра. Ее звали Дасмотин-кания. Дасмотин братья никуда за порог не пускали и никакой работы ей не давали. Всю работу по дому делали их десять жен.

Каждый день десять братьев уходили охотиться. Раз пошли они в лес, а все десять жен улеглись. Одна говорит:

— У меня глаза заболели.

Другая говорит:

— У меня голова болит.

Третья говорит:

— У меня руки и ноги ноют.

Еще одна говорит:

— У меня живот разболелся.

Все десять легли и лежат.

Дасмотин-кания подмела сперва десять дворов, потом прибрала десять домов, потом выгребла навоз из десяти хлевов. А потом она пошла носить воду на десять хозяйек.

Как подошла она к водоему, увидел ее Нанг Куар, владыка кобр, и забрал в рот всю воду, какая была в водоеме.

Пришли десять братьев с охоты, видят — вся вода из водоема ушла — и поняли, что Дасмотин ходила сама за водой. Вошли они в дом, стали жен ругать. Каждый жене говорит:

— Ты зачем посылала Дасмотин за водой?

А Дасмотин говорит:

— Они занемогли, я и пошла по воду вместо них.

Старший брат вышел к водоему, встал на его стенку и позвал:

Кобра! Эй, кобра! Верни скорей воду —
Кобра-девушка Сендриман на стенке стоит.

Кобра слышит его, слышит и другая кобра, соседка. Она поет:

Кобра! Эй, кобра! Не давай чистой воды —
Кобра-девушка Сендриман у себя дома сидит.

Старший брат ушел, а к водоему пришел второй брат и поет:

Кобра! Эй, кобра! Подай чистую воду —
Кобра-девушка Сендриман на стенке стоит.

А кобра отвечает:

Кобра! Эй, кобра! Не давай чистой воды —
Кобра-девушка Сендриман у себя дома сидит.

Так все десять братьев по очереди выходили на стенку и пели, а кобра им отвечала. Потом ходили туда все десять жен и тоже пели и тот же ответ получили. Наконец пришла Дасмотин-кания, встала у водоема и запела:

Кобра! Эй, кобра! Подай чистую воду —
Кобра-девушка Сендриман на стенке стоит.

Пропела и в водоем вошла, на самую середину. Тогда и кобра запела:

Кобра! Эй, кобра! Подай чистую воду —
Кобра-девушка Сендриман на стенке стоит.

Тут Нанг Куар выпустил изо рта воду, и стала она подниматься вокруг Дасмотин-кании, тело ее покрывать. Вода поднимается, а девушка поет:

Вода поднялась от лодыжек мне до колен.
Братья мои и невестки! Пейте эту чистую воду!
Мои коровы и буйволы! Пейте эту чистую воду!

Поднялась вода ей до пояса, и она запела:

Вода поднялась от колен мне до пояса.
Подружки мои! Приходите, пейте эту чистую воду!

Тут вода поднялась ей до плеч, и она запела:

Вода поднялась от пояса до моих плеч.
Приходи весь народ, пей эту чистую воду!
Слон мой и мои кони! Пейте эту чистую воду!

Тут вода поднялась ей по самые уши, и она запела:

Вода поднялась от плеч мне по самые уши.
Эй вы, птицы лесные! Пейте эту чистую воду!
Эй вы, бабочки полевые! Пейте эту чистую воду!

Тут вода покрыла ее с головой, и она утонула. Как покрыла ее вода, Нанг Куар, владыка кобр, схватил ее, утащил к себе в дом и женился на ней.

Года два или три протекло. Раз Нанг Куар говорит:

— Пойдем твою родню проведем.

Дасмотин-кания говорит:

— Я туда не пойду. Ты убьешь моих братьев.

— Я их не убью,— говорит Нанг Куар.— Пойдем, надо нам их проведать.

Долго она его отговаривала, а он ее не послушался, и пошли они в ее отчий дом.

Пришли туда, десять братьев приняли их с почетом, а Дасмотин-кания с братьями и невестками здороваются, а сама плачет. Дня четыре, а то и пять благополучно прошли. Потом десять братьев говорят Нанг Куару:

— Давай пойдем на охоту.

Нанг Куар говорит:

— Ладно, пойду.

Вот десять братьев и Нанг Куар отправились в лес. Пришли туда, братья спрашивают Нанг Куара:

— Сколько в тебе длины? Покажи нам.

Он во всю длину по земле растянулся, а десять братьев как ударят разом по нему топорами и разрубили его на десять кусков.

Приходят вечером десять братьев домой. Дасмотин-кания их в дверях ждет — на голове у нее лампа горит, а в руках кувшин с водой. Первым подъехал верхом на коне старший брат. Дасмотин запела:

О брат! Ты первым приехал верхом на коне.
Далеко ль позади конь моего Нанг Куара?

Старший брат говорит:

— Он где-то сзади.

Подъехал второй брат, она поет:

О брат! Ты приехал вторым верхом на коне.
Далеко ль позади конь моего Нанг Куара?

Так она встретила всех десятерых братьев. Последним приехал самый младший. Он говорит:

— Он отстал далеко.

Тут сестра поняла, что братья ее мужа убили. Спустилась ночь, она говорит младшему брату:

— Я тебе дам все мои украшения и много денег, только покажи мне, где Нанг Куар.

Младший брат говорит:

— Мы попросили его растянуться и показать, сколько в нем длины, и разрубили его на десять кусков.

Дасмотин отдала брату свои украшения и деньги. Потом говорит братьям:

— Братья, вы убили Нанг Куара и хорошо сделали. Пойдемте сожжем на костре его тело.

Десять братьев и Дасмотин-кания отправились в лес, чтобы сжечь тело Нанг Куара. Собрали целую гору дров, сложили костер, положили на него десять кусков Нанг Куара, а сверху еще дровами накрыли. Потом костер подожгли.

Как разгорелся огонь посильней и дым к небу пошел, Дасмотин-кания вдруг закричала:

— Братья! Поднимите глаза! Посмотрите, сколько воробьев из дыма моего Нанг Куара летит!

Все десять братьев задрали головы вверх, а Дасмотин-кания бросилась в огонь и там умерла.

Заплакали десять братьев и пошли домой.

36. Басук Наг и байга

Забеременела на старости лет жена у байги. Говорит своему старику:

— Я — тяжелая. Мне грибков охота.

Старый байга пошел в лес за грибами, да нигде ни одного не нашел. Устал страсть и пить ему до смерти хочется. Подошел к роднику — а тот сухой. Смотрит, там крабья норка. Вот краб и выпустил ему чуток водицы. Старый байга попил и присел под дерево отдохнуть. Возле дерева был муравейник, а в нем жил Басук Наг — большая кобра. Спрашивает Наг у старика, что его заботит, и старик все ему рассказал. Тогда Басук Наг говорит:

— Я тебе дам грибов. Только если у тебя будет дочь, ты ее мне в жены отдашь.

Старик согласился. У него на пальце кольцо было, серебряное. Басук Наг велел ему вырыть в земле ямку, положить туда кольцо и тряпкой прикрыть. Он это сделал, а Басук Наг заклинанье прочел. Подняли тряпку — а там грибы.

Как подошло время старухе родить, Басук Наг обернулся мухой и прилетел к байге в дом — посмотреть, кто родится. Родилась дочка, а мать и отец всем говорят, будто сын. Да Басук Наг сам все видел. Он и потребовал, чтобы ему отдали девочку. Вот подросла она, и отец повел ее к старому змею — замуж за него выдавать. Довелось им проходить водоем, где рос лотос невиданной красоты. Это Басук Наг принял такое обличье. Увидела девушка лотос и говорит:

— Я хочу к свадьбе себе этот цветок в волосы приколоть.
И пошла она за цветком в воду. Вошла и запела:

Батюшка! Лотоса я не достала,
А вода мне уже до колен.

Отец отвечает:

— Иди дальше, дочка, иди.

Зашла она глубже и поет:

Батюшка! Лотоса я не достала,
А вода мне по пояс уже.

А отец отвечает:

— Иди дальше, дочка, иди.

Она зашла еще глубже и запела:

Батюшка! Лотоса я не достала,
А вода мне по самое горло.

А отец отвечает:

— Иди дальше, дочка, иди.

Вот она и ушла вся под воду, и кобра ее утащила. Отец с горя стал головой биться об землю и умер.

А в доме у них из того места, где послед закопали, когда дочь родилась, вырос цветок, и из цветка вышел мальчик. Тут вскоре умерла и старуха, и он остался один. Он смастерил себе скрипочку, собрал по деревне тряпья, свил из него себе пестрый тюрбан и пошел по белу свету просить милостыни. Идет и поет:

Моя старая матушка умерла — мусор в кучу тащила.

Мой батюшка умер в лесу, на краю водоема.

Сестрицу мою утащил к себе Басук Наг.

Вот я и остался один по свету бродить

в этом тюрбане из тряпок.

Матушка! Дай мне хоть горстку чего-нибудь съесть!

Так он добрался до того места, где жила его сестра. Услыжала она его песню, поняла, кто это поет, обняла брата и заплакала.

Стал брат жить у сестры с Басук Нагом. Каждый день они шли в лес ставить силки на дичь, и паренек всегда нес домой много добычи. А Басук Наг все, что к нему в силки попадет, сам тайком ел на месте и домой всегда приходил с

пустыми руками. Раз Басук Наг съел всю добычу из своих силков и из силков паренька, сел средь дороги, разинул пасть и стал ждать шурина — хотел его проглотить.

Да паренек-то был не простак. Он своим топором Басук Нага в куски изрубил и все эти куски в кучу свалил. Басук Наг такой был большой, что кровь из него рекой полилась, а куча костей и мяса горой поднялась. Воротился брат домой, а сестра спрашивает:

— Где зять твой?

— Ты о нем не заботься,— говорит брат.— Пойдем со мной, будем жить вместе в горах.

Вот и ушли они оттуда счастливые. Расчистили себе в лесу поле и дичью еще промышляли.

37. Тигриный выкормыш

Жена байги первого ребенка ждала. Муж говорит:

— Хотел бы я, чтобы девочка родилась. Будет девочка — будет у нас и еды вдоволь и денег. А будет мальчишка — я его живьем в землю зарюю¹.

— Да,— говорит жена.— Так мы и сделаем.

Пришел срок, и родила она сына. Байга понес его в лес — в землю закапывать. А тигрица смотрела из-за куста. Байга ушел, она младенца выкопала и молоком накормила. У тигрицы было двое тигрят, и они стали с младенцем играть.

Вырос парень, тигрица ему говорит:

— Надо мне тебя женить.

— Матушка, тебе надо меня женить, это верно,— говорит парень.— Да только гостей придет много — значит, сперва надо позаботиться об угощении.

— Что мне сделать?

— Мне надо столько луков и стрел, сколько двадцать четыре мужчины поднимут. Тогда я добуду все, что надо для пира.

Пошла тигрица в город, где жили агарии, схватила одного.

— Я тебя съем,— говорит.

— Пощади меня,— просит кузнец-агария.— Я дам тебе, чего только захочешь.

— Через восемь дней,— отвечает тигрица,— пришли мне столько луков и стрел, сколько двадцать четыре мужчины поднимут.

Агария пообещал, и через восемь дней к тигрице пришли двадцать четыре носильщика и принесли гору луков и стрел. Парень взял их и пошел на охоту. Набил сколько надо дичи, и тигрица отправилась искать ему жену.

Той порой раджа вез со свадьбы домой в паланкине молодую жену своего сына. Сам раджа и сын его ехали верхом впереди. Тигрица их пропустила и бросилась на носильщиков, что несли паланкин. Всех перебила, а девушку унесла. На свадьбу она позвала тигров, леопардов, слонов и медведей со всего леса. Невесту и жениха усадили в свадебный шатер, и все звери шли их поздравлять. Парень испугался, говорит:

— Не вели им нас целовать. Пусть только тигу кладут нам на лбы.

А один старый тигр говорит:

— Что это — тика? Я хочу поздравить их как положено.

Тронул он лапой парня за подбородок, зацепился когтями за его бороду и сорвал ее прочь. Да у невесты в мизинце была волшебная сила. Прикоснулась она к бороде, та встала на свое место, и все сразу зажило. После свадьбы тигрица задала гостям пир, а потом гостей домой отпустила.

Пошли тигры и леопарды домой и говорят:

— Пир-то и впрямь был хорош, да только мы не съели жениха и невесту.

Вот они спрятались у дороги и стали ждать.

Как кончили со всеми обрядами, молодые сказали тигрице:

— Матушка, теперь мы к людям пойдем, с ними жить. А тебя мы никогда не забудем и станем тебе слать гостинцы.

Парень взял все луки и стрелы, и пошли они своей дорогой. Тут и окружили их тигры и леопарды, да они успели на дерево влезть и там уселись на сучьях. Собрались звери под деревом и принялись друг дружке на спины становиться — вот-вот достанут. Говорит парень жене:

— Возьми меня крепко за волосы, а другой рукой хорошенько за ветку держись.

Он взял лук и стрелу и так лук натянул, что одной стрелой всех зверей разом пронзил.

Пошли они дальше, и тут встретился им брадобрей. Позвал его парень и просит постричь себя. Жена говорит:

— Я за это дам тебе золотой.

Сказала она и пошла домой за деньгами. Брадобрей, пока стриг парня, вздумал его зарезать, да тот убежал и спрятался у кузнеца. А брадобрей надел на себя его платье и принял его обличье. Приходит домой, а молодая спрашивает:

— Где твои луки и стрелы?

— Мне худо стало и не под силу было такую тяжесть нести,— говорит брадобрей.

А она уже поняла, что это не ее муж, пошла к отцу — к радже — и говорит:

— Если он и впрямь мой муж, он перебьет всех тигров в твоём лесу.

Вот и вывели в лес брадобрея и лук и стрелу ему в руки вложили. Да только, как пришли тигры, он промахнулся. Бросились на него тигры и разорвали. Тогда раджа вынес лук того парня и объявил: кто этот лук натянет, того и признают зятем раджи. Много народу пришло, да ни у кого сил не хватило согнуть этот лук. Наконец сам парень пришел от кузнеца. Он натянул лук, и раджа отдал ему полцарства и свою дочку.

38. Как паренек играл в шарики

Жили в одном городе двое братьев. Старших никого у них не было. Они пасли коз и тем жили. Дадут им за это жиденькой кашицы, они и съедят — так, на той кашице, прожили лет двенадцать или тринадцать. Тут раз младший брат говорит старшему:

— Брат, все ребята в деревне играют в шарики между стволов большого баньяна. Достань мне шариков — я тоже хочу играть. Еще достань мне лепешку. Я ее возьму и пойду играть. Я тоже играть люблю.

Ну а деревенские ребятки играли все под одним деревом. Сами играют, а этого в игру не берут. Что ему делать? Стал он играть один, в стороне. Играл он, играл, и шарик его улетел в такое место, откуда на двенадцать косов вокруг

жилья не было. Вот куда улетел его шарик. Не было там ничего — один лес да горы. В том лесу не слышно было птичьего голоса, вороны и те не каркали. Только старый медведь закричит да сухое дерево треснет, будто по нему топором кто ударил. Вот в какие дебри залетел его шарик. И упал он меж стволов большого баньяна.

Туда, под этот баньян, собирались на отдых дикие буйволы. Старый буйвол, слепой на один глаз, сторожил там телят. Рога у него были длиной в двенадцать локтей. Испугался паренек этого буйвола и полез скорее на дерево. Увидеть кривой буйвол его не увидел, а дух человеческий учуял. Стал он задирать голову выше и выше — искать, откуда дух тот идет. А к вечеру туда пришли другие буйволы — они уходили пастись. Ночь настала, и паренька никто не заметил. Как стало светать, все буйволы принялись глядеть вверх, а его не видят. Один кривой буйвол его углядел. Теперь оставим их ненадолго и послушаем, что делал его старший брат.

Старший брат сказал сам себе: «Не найти мне ключа к этой загадке, не узнать, что случилось с моим младшим братом». Он ходил пасти коз и целыми днями лил слезы. Теперь ненадолго оставим старшего брата и послушаем про буйвола.

Буйвол говорит младшему брату:

— Слезь, паренек.

Тот говорит:

— Нет, я не слезу. Ты меня съешь.

Да буйволы стали его сгонять — вот он и спустился на землю.

— Ну, братец, — говорят ему буйволы, — оставайся у нас и сторожи наших телят. А мы о тебе позаботимся — свадьбу тебе устроим.

А паренек был в чем мать родила. Он говорит:

— Нет. У меня нету одежды.

— Об этом мы позаботимся, — говорят буйволы.

На другой день шел по дороге ткач-ганда, нес на плече узел с тканями — на базар, продавать. Увидели буйволы ганду, громко зафыркали, и он пустился бежать. Узел свой бросил, а сам на дерево влез. Буйвол подцепил узел рогами и принес его пареньку.

— Вот, паренек, тебе одежда. Носи.

Паренек стал носить это платье. Каждое утро он доил буйволиц в чашку из листьев и пил молоко, а потом весь день

телят сторожил. Вечером буйволы приходили под баньян ночевать, и буйволицы снова давали ему молоко, когда он хотел. Раз в обеденную пору шел мимо горшечник — нес горшок на продажу. Парень увидел горшечника и спросил у него этот горшок:

— Дай мне горшок,— говорит,— а я тебе завтра дам молока.

Тот и отдал ему горшок. Вечером вернулись на ночлег буйволы, увидели горшок и спрашивают:

— Скажи, паренек, у кого ты купил этот горшок?

— Горшечник с горшками тут проходил, я у него и купил. Молока ему обещал.

Подоил паренек буйволиц в горшок, напился молока, и буйволы ему сказали:

— Теперь иди к кому хочешь в ламсены.

— Куда мне идти? — спрашивает.

— Иди в ламсены к гайте в город Берельпур,— говорят буйволы.— У него семь дочерей. А захочешь — иди куда хочешь в другое место и не горюй. У нас для тебя добра хватит. На свадьбу придут наши предки, на тебя посмотреть. А позовешь — мы сами придем и дадим тебе все, в чем будет нужда.

Вот паренек и пошел в ламсены в этот город Берельпур. По пути захотелось ему в пруду искупаться. Там была обезьяна-хануман. Хануман его спрашивает:

— Паренек! Ты куда идешь?

— Я иду в ламсены к гайте в город Берельпур,— говорит он.

Стал он купаться, разделся донага и одежду свою на землю сложил. Только влез в воду, хануман схватил одежду, на себя натянул и побежал вперед него в ламсены к гайте. Парень выскочил из пруда, бежит за обезьяной, одежду назад просит. Встретил хануман прохожего и говорит:

— Я иду в ламсены к гайте.

Потом парень к тому же человеку подходит и просит у него надеть чего-нибудь. Тот его спрашивает:

— Куда ты идешь голый?

— Иду в ламсены,— говорит парень.

Ну, тот дал ему что-то. Парень надел и пошел догонять обезьяну. А хануман с виду — совсем человек. Ушел вперед, пришел первый к гайте, хозяину поклонился в самые ноги.

И жене его — будущей теще — так поклонился. Семь юных дочек увидели ханумана, засмутились и в дом ушли. Потом пришел паренек, сел и молчит, как мотыга. Никто на него и не посмотрел.

Взял гайта в ламсены обоих: и парня и обезьяну.

Прошло четыре дня, и что же говорит хануман? Он говорит:

— Этот парень — ганда. Сливайте ему кашницу сверху.

С того дня так и стали сливать парню кашницу сверху. Все шесть старших дочек подают кашу обезьяне, одна младшая — пареньку.

Раз теща говорит обезьяне:

— Зятек, иди лес рубить.

Хануман сказал, что идет рубить лес, а сам весь день плоды в лесу собирал. Ни дерева не срубил. Так и делал он каждый день. Тут раз парень спросил топор и пошел на работу. Всего раз ударил, и повалилась сотня деревьев. В два-три удара вырубил такое поле, что на целую деревню хватило б. На другой день он пошел рубить сучья. Как ударит, зараз сто деревьев очистит. Сколько деревьев свалил, столько очистил. Пришел парень домой, а за ним и хануман. Сел, вздыхает, будто устал. На третий день парень пошел вырубку выжигать. Только поднес огня, сразу на двенадцать локтей загорелось. В один день все поле выжег.

Ну а младшая дочка гайты тайком убежала из дома и пошла за парнем — посмотреть его вырубку. Увидела, как он ее выжигал, и говорит:

— Я хочу с ним свою жизнь связать. Он земледелец хороший и работник усердный. А обезьяна на вырубке несколько не работает, только брюхо себе набивает.

А потом еще вот что подумала: «Он выжег такое громадное поле. Где он возьмет столько семян, чтобы его засеять? Мы ведь его жидкой кашницей кормим. Отец этому не поверит, а матери это не по душе придется».

С той поры каждый раз, как дадут ей почистить рис, она возьмет да и отсыплет малую толику. А держала она этот рис в горшке в лесу. Пришла пора сева, стал парень гадать, где бы ему семян раздобыть, и сам с собой о том вслух говорит. Услышала его девушка и сказала:

— Братец, знаешь, что я сделала? Я отсыпала тебе риса и спрятала. Не тревожься.

— Сестрица,— спрашивает тогда он,— ты и впрямь отсыпала рис для меня?

— Иди сюда,— говорит она.— Я тебе покажу.

Он подошел, и она ему показала. Тогда парень, чтоб никто в доме не знал, спросил в деревне пару волов и вспахал свою землю. Он притащил на вырубку целый пуд риса и засеял такое поле, что целая деревня там встала бы. И никто об этом не знал, кроме девушки. Не бывало вырубки с таким густым рисом — так обильно он там поднялся. Как вырос рис, девушка пошла его поглядеть. Увидела и осталась довольна. Дома тесть и теща не давали парню кашицы вдоволь. А теперь он свой рис увидел, подыскал себе возле поля местечко и там устроился. Девушка туда тоже пришла, увидела парня и с ним осталась. Начали они вместе жать и молотить. Восемь дней подряд девушка с парнем не приходили домой, зато кончили всю работу. Тогда парень пошел к тестю и говорит:

— Батюшка, собери со всей деревни телеги — надо мой рис с поля везти.

Услыхал тесть такое, пошел поглядеть. Видит — лежит куча рису, большая, как холм. Вернулся он домой и спрашивает ханумана:

— Сколько ты собрал риса? Сколько кулей у тебя вышло? У него, если пятнадцать дней кули возить, так еще столько же останется.

Как привезли все кули, устроили парню свадьбу. Все, что надо для свадьбы, собрали. Посреди свадьбы парень встал, сложил руки и говорит предкам:

— Сегодня моя свадьба. Приходите взглянуть.

А деревенским он еще раньше сказал:

— Я не буду жить в маленьком доме.

Немного спустя пришли из лесу все буйволы. На своем пути они валили молодые деревья и небольшие дома. Увидели деревенские буйволов, испугались и говорят:

— Он важная птица, этот наш парень!

Тут тесть и теща его тоже признали. Стала свадьба кончаться, тесть спрашивает у парня:

— Кто твоя родня?

— У меня нет родни, один брат,— говорит парень.

— Так пойдя приведи сюда брата.

Один буйвол ему говорит:

— Тебе не дойти. Я тебя отвезу и вас обоих назад привезу.

Вот поехали они и стали искать его брата. Нашли, а старший брат младшего не узнает. Ведь двенадцать лет прошло. А буйвол им говорит:

— Садитесь на меня оба, и я вас отвезу.

Они на него сели, и он привез их в дом к гайте. Тут и свадьба кончилась. Увидела брата старшая дочка гайты и говорит:

— Я буду жить с ним.

Младшая ей говорит:

— Ты ведь обезьяну хотела. Почему теперь его хочешь?

— Нет, этого ханумана я прочь прогоню,— говорит старшая.

Схватила она пест и принялась колотить ханумана, пока тот не убежал¹. Братья поделили между собою сестер, построили дом и стали жить счастливо.

39. Железная телега

Было у раджи пять сыновей, и больше всех он любил самого младшего. Видят старшие братья, что все самое лучшее всегда младшему достается, и надумали завести его подальше в лес и там убить. Раз они говорят:

— Пойдемте в лес — на оленя охотиться.

А раджа им говорит:

— Если пойдете, не берите с собой младшего брата.

— Он у нас в середине пойдет. Ничего с ним не сделается,— ответили братья.

А сами, как пошли с охоты домой, бросили младшего в джунглях и радже сказали, что его унес тигр.

Ну а мальчик шел, шел и пришел в лес Мадхубан. Там под манговым деревом жила корова Суригай. Мальчик остался у нее и стал убирать за ней навоз. Так прошло много дней. Раз корова спрашивает:

— Почему ты такой худой?

С той поры она и ее сестры начали кормить его молоком, и он стал расти и крепнуть.

Раз приехал туда старик на волах и нагрузил полную телегу навоза. Стал трогаться, а телега вышла такая тяжелая, что быкам не взять ее с места. Старик попросил мальчика по-

мочь. Только мальчик влез на телегу и ударил волов, они сразу пошли. Старик вскочил на телегу и давай погонять — хотел увезти паренька и женить его на своей дочке. Тот испугался, стал звать на помощь. Коровы догнали телегу, отбили его и с собой увели.

Старик приехал домой и сделал себе новую телегу — на этот раз железную и с железными волами, — а потом поехал опять под дерево манго и нагрузил телегу навозом. Ну а Суригай дала мальчику флейту радости и флейту печали и велела всякий раз, как случится ему попасть в беду, играть на флейте печали. Старик опять стал его увозить. Мальчик заиграл на флейте печали, коровы прибежали его выручать, хотели разбить телегу рогами, да телега на этот раз была железная. Они только головы себе побили и попадали мертвые. Вот старик и увез мальчика к себе, чтобы женить его на своей дочке. А мальчик ему говорит:

— Родители у меня умерли, и я дал обет двенадцать лет не жениться.

Рассердился старик, оставил мальчика у себя и заставил его в хозяйстве работать. Мальчик пробыл там сколько-то дней, а потом убежал опять в джунгли, туда, где жил Амаргуру. Он служил ему двенадцать лет, и, как кончился этот срок, гуру сказал:

— Проси любую награду, я все тебе дам.

— Ничего мне не надо, — говорит он, — разве что дай мне твоей святой воды.

Гуру дал ему воды, и юноша пошел с ней на то место, где остались лежать на земле коровьи кости. Спрыснул он кости водой, и жизнь вернулась к коровам. Они встали и подошли к нему, и он еще долго жил с ними.

Потом как-то раз, когда он собирал в лесу плоды манго, приехал туда на машине раджа с брахманом и цирюльником. Юноша сидел на дереве и ел манго. Раджа лег под деревом отдохнуть. Тут юноше вспомнилась мать, он заплакал, и слезы его упали на брахмана. Посмотрели они наверх, увидели юношу и решили взять его с собой — в мужья младшей дочери раджи. Раджа ему говорит:

— Дай нам немного плодов.

— Нет, — говорит тот.

— Не бойся, мы тебе деньги заплатим. Принеси нам вниз немного плодов.

Наконец они его уговорили спуститься. Раджа ему деньги протягивает, а тот никак не хочет их брать. Тут ему говорят: — Бери, что тебе раджа-сахиб дает.

Только он протянул руку к деньгам, они его схватили, втащили в машину и привезли во дворец. Юноша, пока с ними боролся, потерял свои флейты, и кормилиц своих на помощь позвать ему было нечем. А как увидел он младшую дочку раджи и как их поженили, он так обрадовался, что о коровах забыл.

40. Сын оленихи

Жил-был раджа. Ел он только мясное. Что ни день он шел на охоту. Раз охотился он, и одолела его сильная жажда. Он спустился напиться к озеру среди леса. Утолил жажду, сел в тень под тамарином и стал жевать плод. Поднялся, чтоб уходить, и сплюнул на землю.

Вечером пришла туда олениха, воды напилась и слизнула под тамарином, что раджа плюнул. Прошло немного дней, и от плевка раджи олениха понесла, а в положенный срок родилось у нее под тем самым тамарином человеческое дитя. Оставила олениха младенца и пастись пошла. Той порой шел мимо раджа, и присел он под деревом. Слышит — ребенок плачет. Увидел раджа дитя, восхитился его красотой и говорит слуге:

— У меня нет детей. Я возьму его к себе. Будет мне сыном.

Он взял ребенка домой, и тот рос мало-помалу.

Стал сын оленихи мужать, и вот раз, когда раджа ушел на охоту, рани и юноша остались спать в одном доме. Возжелала юношу рани и стала его понуждать, чтобы он ее обнял. А он не захотел, и она так на него разозлилась, что взяла и к приходу раджи исцарапала себе тело колючками и пластом легла на кровать. Раджа спрашивает, что с ней. Она сначала отнекивалась, а потом и сказала на юношу, что он хотел взять ее силой и всю изранил. Раджа разгневался и бросил юношу в темницу.

Услышала олениха, что ее сын в темницу попал, пришла ко дворцу и встала у раджи под дверью. Стоит и поет:

Сынок, ты родился в лесу,
А вырастили тебя в доме.
Чем же ты провинился, сынок,
Что тебя посадили в темницу?

Сын отвечает ей из темницы:

Матушка, я ничего дурного не сделал —
Это жестокая рани меня послала сюда.

Олениха убежала. Каждую ночь она возвращалась и пела свою песню.

Услыхали эту песню дворцовые слуги, и советник доложил о том радже. Раджа объявил, что это неправда, а сам ночью пошел послушать. К той поре, когда пришла олениха, он заснул и ничего не услышал. Он был очень недоволен советником — думал, тот его обманул.

На другую ночь советник привязал нитку радже на палец. Только начнет раджа дремать, он дернет за нитку и его будит. Вот раджа и услышал, что поет олениха. Наутро он велел слугам вырыть ловушку, и ночью олениху поймали. Раджа пришел сам взглянуть на пленницу и говорит ей:

— Ты зачем приходишь сюда каждую ночь?

— Мой сын у тебя в темнице сидит,— отвечает она.

И рассказала она ему все, как было. Услышал раджа ее рассказ и приказал зарыть рани в землю живьем. Юношу выпустили из темницы и вместе с оленихой поселили их во дворце. Раджа женился на оленихе, и она превратилась в красавицу.

41. Непризнанный сын

Было у раджи шесть жен. Раз пошел он со свитой в лес на охоту, и очень захотелось ему пить. Он велел слугам залезть на дерево и посмотреть, не видно ли где воды. Смотрели они, смотрели, да ничего не увидели — вокруг густой лес. Наконец один разглядел среди леса дворец — купол на нем под солнцем горел. В том дворце жил дано Натьямал.

Вся охота двинулась во дворец. Дано не было дома. Встре-

тила их его дочь. Она умела забрасывать нитку шелка в самое море, и по той нитке бежала вода. И было у нее в обычае говорить гостю: «Выпьешь всю воду, что с конца нитки сочится, твоя взяла. А не выпьешь — мой верх». А потом она его связывала и оставляла отцу на ужин. Вот и радже, как он пришел и сказал: «Мне сильно хочется пить», — она сразу ответила: «Вон вода по нитке течет. Выпьешь ее всю — твой верх, а не выпьешь — мой верх, и ты в моей власти». Раджа говорит:

— Чего тут? Здесь на нас и не хватит.

А пить приказал сперва слугам. Один начал пить — выпить всю не сумел, и у другого не вышло, и у третьего тоже. Тут раджа задумался.

А с раджей был одноглазый цирюльник. Этот цирюльник выглянул из окна и видит — шелковая нитка тянется к самому морю. Вылез он тихонько наружу и оборвал нитку. Раджа выпил немного, и вода сразу кончилась. Вот и взял он верх над дочкой дано.

Тут приходит домой сам дано Натьямал и кричит во весь голос:

— Чую, человечинной пахнет! Подавай мне мой ужин!

А дочка ему говорит:

— Нет, сегодня их есть нельзя. Раджа меня одолел, и придется мне пойти за него.

Раджа в полминуты поставил свадебный шатер, в минуту женился на дочке дано, и все пошли домой. Подошли к дворцу, молодая говорит радже:

— Сколько у тебя жен?

— Шесть, — говорит раджа и смутился немного.

— Прогони всех шестерых, тогда я войду к тебе в дом, — сказала она.

Раджа велел всем шестерым рани надеть что похуже — рваное, грязное — и уйти прочь. Шестая-то, самая младшая, самая ласковая, была на сносях. Вот и ушли они жить куда-то в дальний сад раджи, а новая рани во дворец поселилась.

Через сколько-то дней новая рани говорит мужу:

— Принеси мне глаза тех шести твоих жен, тогда я смогу жить спокойно, а то умру.

Раджа повелел своим слугам вынуть у прежних рани глаза и ему принести. Глаза принесли, и с тех пор раджа и его новая рани стали жить вместе счастливо. А в саду у раджи

осталось шесть слепых женщин. В положенный срок родился у младшей сын. Стал он быстро расти: солнышко его силой поило, ветер в рост подгонял. Тут и доложил кто-то рани, что у слепой сын родился. Стала рани бояться, что скоро он вырастет и отберет у нее царство, и начала думать, как бы лучше его извести. Послала она за цирюльником и говорит ему:

— Пойди скажи тому мальчишке:

Тот, кто сможет за один день
Посеять, сжать, обмолотить и провеять рис,
Объявит себя сыном раджи.

Цирюльник сказал это сыну раджи, и тот опечалился. «Кому такое под силу?» — думает. Бросил он дом и ушел в лес дремучий. Там он набрел на садху, а волосы у того садху разрослись на пять косов в стороны. Сын раджи думает: «Как бы мне к нему подойти, ног святого коснуться? Откуда ни зайди, все на волосы наступишь». Много дней он старался, складывал по волоску. Наконец до самого садху добрался и все равно его не увидел, так он грязью оброс. Стал сын раджи воду таскать и его обмывать. Двенадцать лет на это ушло. Как дошла вода до самого тела, садху разгневался и воскликнул:

— Иди прочь ты, сожитель сестры! Стоит моему взору упасть на тебя, от тебя один пепел останется.

Сын раджи поскорей зашел к нему за спину. Тут садху открыл глаза, и лес на пять косов вперед весь сторел. Успокоился садху и говорит:

— Кто ты? Встань передо мной.

Сын раджи пал ему в ноги и поведал все свои горести. Садху ему говорит:

— Я обращаю тебя в попугая. Лети на поля дано Натьямала. Там ты добудешь рис, что растет и зреет за один день. Больше нигде такого нет. Сядь на дерево, а как увидишь, что работники дано пошли отдыхать, спустишься и возьми метелку риса. Работники за тобой погонятся, а ты не оглядывайся, не то камнем станешь.

Так оно и вышло. Обернулся сын раджи попугаем и унес колос риса. Слуги дано за ним гнались, а он не оглядывался, полетел прямо к садху, и садху вернул ему человеческий облик.

Сын раджи вернулся домой и посеял рис. В тот же день рис дал побеги и созрел. Сын раджи его сжал, обмолотил и провеял. Рани шлет цирюльника узнать, не вернулся ли паренек, а тот его встречает такими словами:

— Ты пришел в самое время. Отнеси зерно рани, пусть его ест.

Показал цирюльник рани зерно, и она испугалась. Говорит:

— Вернись к нему и скажи:

Тот, кто сможет за один день
Посеять, сжать, обмолотить и провеять рис
Да еще сварить сыр из молока
Дикого белого буйвола и его съесть,
Объявит себя сыном раджи.

Услышал это сын раджи, вернулся к садху и все ему рассказал. Садху превратил его в шмеля и послал на луга дано Натьямала, где паслись дикие белые буйволы. Он подождал, пока работники подоят буйволиц, потом окунулся в ведро и взлетел с громким жужжанием. Буйволы погнались за ним, а пастухи погнались за буйволами, и все побежали прямо к садху. А садху обратил буйволов в камни, а сына раджи — в муху. Прибежали слуги дано, он их обругал, говорит:

— Тут нет никого. Зачем беспокоите садху?

Слуги ушли, и садху опять превратил камни в буйволов, а муху — в сына раджи, и тот пригнал все стадо к своему дому. Там он подоил буйволиц, сыр сварил и послал его рани. Увидела это рани, испугалась еще больше прежнего и говорит цирюльнику:

— Пойди к нему, скажи:

Тот, кто сможет за один день
Посеять, сжать, обмолотить и провеять рис
Да еще сварить сыр из молока
Дикого белого буйвола и его съесть,
И проехать на огромном Хансрадже-коне,
Объявит себя сыном раджи.

Услышал это сын раджи, пошел к садху и все ему рассказал. Садху ему говорит:

— Иди, я тебе дам оружие.

Он дал ему Чаккарбан — стрелу-вихрь, стрелу Чирбан, что цепляет людей, как трава чир, камень, воду в бутылки из тыквы и палку и послал его во дворец к дано Натьямалу — увести из его конюшен громадного Хансраджа-коня. Сын раджи пришел во дворец и сказал дано, что он его сын. Дано очень обрадовался и принял его с большим почетом. На другой день дано ушел искать коренья к обеду, а сын раджи пустился бродить по дворцу и бродил, пока не нашел огромного Хансраджа-коня. Он вскочил на него и поехал прочь от дворца прямо к лесу. А дано заметил его и пустился в погоню. Сын раджи пустил в него Чаккарбан. Понеслась стрела, закружилась как вихрь и разметала дано на куски. Да только куски сразу срослись, и дано опять погнался за ним. Тогда сын раджи пустил Чирбан, и стрела опутала дано, связала ему руки и ноги. Только дано сумел выпутаться и опять бежит за ним по пятам. Тут сын раджи выплеснул воду из своей тыквы — сделалась широкая река между ним и дано. Но дано реку переплыл. Бросил сын раджи свою палку — и поднялся за ним дремучий лес. А дано и сквозь лес пробился. Швырнул сын раджи камень — и легла гора на пути у дано. На нее уж дано взобраться не смог.

Наконец сын раджи доехал до садху, рассказал все, что с ним приключилось, а потом вернулся домой. Услышала рани, что сын раджи приехал верхом на огромном коне Хансрадже, совсем перепугалась и снова послала цирюльника.

— Скажи ему, — говорит, — так:

Тот, кто сможет за один день
Посеять, сжать, обмолотить и провеять рис
Да еще сварить сыр из молока
Дикого белого буйвола и его съесть,
И проехать на огромном Хансрадже-коне,
И добыть себе в жены Ангармати,
Объявит себя сыном раджи.

Услышал это сын раджи, оседлал коня Хансраджа и велел ему везти его к девице Ангармати. Полетел конь по небу и в один миг принес его к дому Ангармати, а Ангармати была дочкой дано. Она качалась на золотых качелях, а ее мать ушла в лес — нарезать молодого бамбука на ужин. Встал сын раджи перед Ангармати. Она сверкала словно огонь, и от ее

блеска он упал замертво. Девушка подбежала к нему, водой на него брызнула и привела его в чувство.

— Зачем ты пришел сюда, враг наш? — говорит. — Если моя мать тебя увидит, она тебя съест.

Пришла ее мать, сразу принялась искать сына раджи, да Ангармати его спрятала. Как уснула мать, сын раджи посадил Ангармати к себе на коня и ускакал. Он привез Ангармати к садху, и садху их поженил. Тут сын раджи ему говорит:

— У меня шесть матерей, и все слепые. Что мне делать?

— Возьми этот пепел, — говорит садху, — приложи его к глазам матерей, и они прозреют.

Сын раджи привез домой молодую жену, приложил пепел к глазам матерей, и они опять стали видеть. Потом он построил в саду большой дворец, больше, чем у раджи. Раджа задумал пойти войной на этого чужеземца и выгнать его, да приснился ему вещий сон, и он узнал, что это его родной сын.

Тогда раджа пошел к нему и позвал его к себе во дворец — хотел отдать ему свое царство. А сын говорит:

— Пока ты свою рани живой в землю не закопаешь, я к тебе не пойду.

Раджа закопал рани в яму, а шесть старых рани обратно взял, и все они счастливо зажили вместе.

42. Сын Лесной рани

Жил-был раджа. У него было шесть жен, а детей ни одна ему не родила. Каждый день раджа уходил на охоту. Вот раз поставил он вышку у озера и сел ждать, не придет ли какой зверь на водопой. А на дереве, на самой вершине, сидела Лесная рани и плакала. Ее слезы упали радже на грудь. Он позвал своих слуг и говорит:

— Смотрите, смотрите, вода мне на грудь каплет.

Глядят все на дерево, ничего увидеть не могут. Был среди них один кривой, он говорит:

— Что-то там есть.

Стал он звать Лесную рани:

— Скажи, кто ты: девата, или ракшас, или бхут, или прет? Спустись вниз.

А она отвечает:

— Нет, я не смею. Вдруг вы меня побьете.

Наконец она спустилась, приготовили ей еды получше, она стала есть.

— Похоже,— шепчут слуги,— она много дней уж не ела.

Осталась она с раджей на ночь, а на другой день он взял ее с собой во дворец. Увидели ее шесть рани и говорят:

— Вот зачем он из дому ходил. Мы-то думали, он охотится.

Разошлась весть повсюду, город весь зашумел. Собрался народ ко дворцу посмотреть, какая из себя Лесная рани. Прошло три ночи, и раджа пышную свадьбу устроил — женился на ней. Другие рани взревновали: они и говорить-то с ней не хотели, и было ей совсем одиноко — ведь раджа что ни день шел на охоту. Прошло два года, а может и три, и Лесная рани почувяла ребенка под сердцем. Говорит она:

— Послушай, мой раджа, каждый день ты идешь на охоту, а меня одну оставляешь. Кто знает, чего не случится, когда дитяте пора родиться настанет.

Раджа говорит:

— Я повешу большой колокол на башне дворца. Как родится дитя, ты ударь в него, и я сразу приду.

Вот совсем уже время родам, а раджи нет дома. От боли Лесная рани позабыла про колокол. Тут остальные шесть рани взяли и запихнули ее в ларь для зерна с дыркой в дне. Сын новорожденный наружу упал. Они его унесли, а вместо него камень сунули. Бедная рани во тьме и не разобрала, кого она родила. Дитя они отнесли в загон к буйволам, думали — скот его там затопчет. Через два дня раджа вернулся. Они подали ему камень и говорят:

— Твоя Лесная рани принесла этот камень.

Схватился раджа за голову и сидит с тоской на лице. Лесную рани обрили и отослали на дальнее поле — ворон отгонять. Две рани пошли поглядеть на младенца, смотрят: а буйволица дает ему сосать молоко. Тогда они отнесли его к козам на хлев. Дня через два или три старик со старухой, что коз пасли, пришли хлев почистить и стали траву и навоз разгребать. Увидела старуха ребенка, завернула его в тряпку и с собой унесла. Позвала она старика и говорит:

— Смотри, я нашла сына Лесной рани в хлеву.

Старик заколол козу, дома все так устроил, будто тут ребенок родился, и стал всем рассказывать:

— Господь послал нам на старость сына.

Потом пошел за таким снадобьем, чтобы молоко у старухи открылось. И вправду пошло у нее из груди молоко, и стала она младенца кормить.

В восемь месяцев ребенок сидел и стоял. В три года к четвертому — ходил и бегал. Увидел он — ребяташки играют и попросил старика сделать ему лук и стрелы. Стал он стрелять зеленых голубей на высоких деревьях и носить их домой. Была у него еще рогатка с семью камнями. Другие ребята нередко мазали, а он всегда прямо в цель попадал. У ребятшек там было в обычае ездить верхом на реку купаться. Вот и Лал — так старики приемыша нарекли — стал просить себе лошадку. Старик взял двадцать рупий и пошел к плотнику — заказать лошадку для сына.

— Сделай ее за пять дней, — говорит. — Вот тебе десять рупий. Через пять дней еще десять получишь.

Через пять дней он принес Лалу лошадку. Мальчик обнял ее и говорит:

— Ты, лошадка, отнесешь меня к моей матери.

Потом поехал на своей деревянной лошадке с другими ребятами. Они поскакали наперегонки, и деревянная лошадка всех других далеко обошла.

Вернулся Лал домой и поел. Потом пошел на реку, где купались шесть рани, и стал свою лошадку поить.

— Иди, пей, — говорит. И деревянной мордой ее в воду сунул.

Рани увидели, спрашивают:

— Дурачок, ты зачем деревянную лошадь пить заставляешь? Видел когда-нибудь твой отец или сам ты где-нибудь видел, чтобы деревянная лошадь воду пила?

А мальчик им отвечает:

— Ладно, пусть так. А вот вы видели или ваш отец видел, чтобы у женщины камень родился?

Начали рани шептаться друг с другом, и стало им беспокойно. Одни купаться пошли, другие не стали. Вернулись домой, ничего в рот не взяли, прямо в свои покои пошли и по кроватям легли. Приходит раджа, дивится. У них в обычае было, чтобы они воду ему подносили и за обедом служили, а тут все по постелям лежат.

— Что с вами случилось? — он спрашивает. — Лихорадка взяла?

Они ему и рассказали, что им говорил мальчик с деревянной лошадкой. Тут раджу словно бы озарило: «А вдруг это мой истинный сын»,— и послал он солдат привести мальчика. Старик весь затрясся от страха, как солдаты пришли и стали спрашивать мальчика. Плачет, кричит:

— Что с ним будет?

А Лал говорит:

— Не бойся,— и смело пошел во дворец. Там он все рассказал. Кончил и говорит:

— Подите приведите ту рани, что в поля отослали ворон отгонять, и я докажу свою правду.

Двое солдат пошли за Лесной рани. Пришла она, раджа велел ей встать на пороге. Между нею и Лалом протянули занавеску в семь слоев ткани. Лал говорит:

— Если та, что за занавеской стоит, моя матушка, так стóит ей груди коснуться, у нее пойдет молоко. Оно сквозь все занавески пройдет и мне в рот попадет.

Тут Лесная рани тронула грудь. Молоко так и брызнуло сквозь занавески — прямо в рот к Лалу.

— Видите, она моя мать! — кричит.

Обернулся он к свите раджи и спрашивает:

— Вы — люди мудрые. Видели вы такое, чтобы женщина родила камень?

— Никогда не видали,— отвечают они.— Ты и вправду сын раджи.

Тут раджа вернул во дворец Лесную рани, а шесть других рани прогнал.

43. Ревнивые рани

Жила-была старая вдовая рани, и были у нее сын и две дочери. Она работала и на пропитание всем кое-как добывала. Дети подросли, и вот раз брат говорит сестрам:

— Я хочу на вас жениться.

Сестры говорят:

— Ты ведь наш брат. Как ты на нас можешь жениться? Неладно это получится.

А брат все свое:

— Нет, у меня нет жены. Я хочу жениться на вас обеих.

Услыхала это старая рани, сразу пошла искать ему невесту и в тот же вечер устроила ему свадьбу в шатре, что возвели в один час. А сын не успокоился. Он опять говорит своим сестрам:

— Я женюсь на вас. А нет, так я вас обеих убью.

Услышали это сестры, перепугались и убежали. Шли они через лес и ели плоды, какие ни попадутся. Младшую сестру начала мучить жажда, и она принялась горько плакать. Долго бродили сестры — воды искали, да так ничего и не нашли.

В том лесу росло высокое дерево сал. Старшая сестра встала перед ним и говорит:

— О дерево! Ты наше дерево или не наше?

Дерево отвечает:

— Я ваше.

Девушка говорит:

— Если ты наше, тогда нагнись к нам.

Дерево нагнулось, и девушки сели к нему на вершину. Старшая сестра говорит дереву:

— Если ты наше, поднимись снова.

Дерево подняло их под самое небо. Смотрели они в разные стороны, да нигде воды не видно. Наконец вдалеке они заметили город и возле него озеро раджи. Опять старшая сестра говорит:

— О дерево! Если ты наше дерево, снеси нас к озеру.

Дерево отнесло их туда, смотрят они — а вода высохла. У младшей сестры на пальце было кольцо. Она бросила кольцо в озеро, и оно сразу стало полно воды. Девушки напились вдоволь, тут вдруг младшая говорит:

— Хочу кольцо. — И принялась плакать.

Старшая сестра вошла в воду и спрашивает:

— Тебе кто дороже: я или кольцо?

А младшая говорит:

— Хочу кольцо.

Старшая сестра зашла в воду по пояс и спрашивает:

— Тебе кто дороже: я или кольцо?

А младшая только и говорит:

— Хочу кольцо.

Сестра зашла еще дальше — вода уже ей до горла достала — и спрашивает:

— Тебе кто дороже: я или кольцо?

Младшая говорит:

— Хочу кольцо.

Старшая сестра опустила под воду, одной рукой кольцо на берег выкинула, а сама утонула.

Младшая надела кольцо на палец и зовет, зовет сестру выйти. А та-то уже утонула. Забралась младшая на дерево манго, сидит там и плачет.

Той порой тамошний раджа пришел на озеро пострелять уток. И прилег он в тени дерева манго. А девушка плакала, и ее слезы упали на раджу. Он спрашивает, что это, а его брадобрей заметил девушку и говорит:

— Там на дереве девушка, на редкость красивая девушка. Ступни у нее нежные, как твой язык.

Раджа говорит:

— Сними ее оттуда. Я на ней женюсь.

У этого раджи было шесть жен, а детей не было. Он женился на девушке, и скоро она понесла. Что ни день раджа уходил на охоту — вот он и дал ей флейту радости и флейту печали и велел, случись ей нужда в нем, играть на той, какое у нее настроение будет. Шесть рани были очень ревнивые. Они забрали у нее обе флейты и заиграли на флейте печали. Раджа поспешно вернулся, спрашивает, что приключилось. А шесть рани ему говорят:

— Это каприз твоей новой жены. Ничего не случилось — она просто тебя поугагать хочет.

Раджа рассердился и сказал сам себе: «Услышу флейту еще раз — мимо ушей пропущу».

Как подошло молодой рани время родить, шесть рани ей говорят, чтобы она лицо закрыла — так, мол, роды легче идут. Родился младенец, рани забрали его вместе с последом и пуповиной и бросили в озеро. А возле роженицы положили метлу и послали за раджей. Пришел он, они говорят:

— Посмотри на эту молодую нахалку. Она метлой разрешилась.

И они принялись над ним потешаться. Он сильно разгневался и выгнал молодую жену прочь из дворца.

В озере, под водой, младенец встретил старшую сестру своей матери — она ведь утонула. Она взяла его на руки и стала нянчить. А послед вынесло к берегу, и из него вырос дивный цветок.

Пришел на озеро искупаться брахман. Он увидел цветок и

хотел его сорвать. Потянулся, а цветок уходит из рук, не сорвать его. Брахман пришел во дворец и рассказал радже, что на озере вырос дивный цветок, впору только царям. Тут раджа-сахиб со свитой пошел за цветком. А на цветке сидит младенец. Попробовал раджа сорвать, а цветок из-под рук уходит. Раджа говорит:

Мальчик! Дай мне цветок чапа,
Дай мне цветок дондера.

В ответ мальчик запел, к тетке своей обращается:

О матушка! О моя старшая матушка!
Им надо цветок чапа и дондера-цветок.

А она спрашивает:

О сынок! О сынок! Кому надо цветок?

Мальчик отвечает:

О матушка! О моя старшая матушка!
Радже-сахибу надо цветок,
Дивану-сахибу надо цветок,
Куару-сахибу надо цветок.

Сестра матери ему на это пропела:

Ты, дитя, не давай им цветок,
Не давай никому, только матушке.

Потом все друг за другом приходили просить этот цветок, и шесть рани тоже просили, а мальчик всем отказал. Под конец раджа вспомнил:

— Есть еще одна рани. Позовите ее.

Пошли за ней, а она говорит:

— Много дней прошло, как я не мылась, в волосах у меня бродят вши, и надеть-то мне нечего — одно это рваное сари. Куда я пойду?

Услыхал это раджа, послал семь кувшинов теплой воды и семь кувшинов холодной, чтобы ее вымыть, и самое лучшее сари. Собралась она, пришла к озеру и просит цветок:

Дитя мое! Дитя мое! Дай мне цветок чапа,
Дай мне цветок дондера.

Мальчик услышал и пришел с цветком к ней на колени. Раджа удивился и спрашивает ее, почему так получилось. А мальчик кричит:

— Это моя матушка, а ты мой батюшка. Как родился я, шесть твоих рани закрыли лицо моей матушке и бросили меня в озеро, а ей метлу подложили.

Тут раджа говорит:

— Пойдемте вместе домой.

А мальчик отвечает:

— Нет, не пойду.

Ну, раджа убил шестерых рани и закопал их под порогом. Их кровью он нанес знак на лоб мальчику и его матери. Вот тогда наконец они пошли с ним домой и зажили счастливо вместе.

44. Раджкумари

Жил-был раджа. Было у раджи семь сыновей, братьев единокровных, и одна дочка — она была самая младшая. В тот год, когда сыновей поженили, раджа и рани скончались. А дочку пристроить они не успели — она была слишком мала. Семь братьев разъезжали по торговым делам, а их жены и сестра оставались дома.

Раз уехали они торговать в дальние края. Прошел целый год, а они не вернулись. Вот их жены и сговорились известить золовку. Стали ей говорить:

— Ну, девушка, видишь, братья твои не едут. Принеси нам воды в этом дырявом горшке. А не принесешь — есть тебе не дадим.

Так они ей говорили. Что ей было на это ответить? Пришлось делать, что они сказали. Вытащили они для нее дырявый горшок, поставила она его на голову и пошла на гхат. Опустила она здесь горшок наземь и заплакала. Плачет, причитывает, а слова у нее в песню складываются:

Дырявый горшок я, девушка, принесла,
Дырявый горшок я, девушка, принесла,
Где же вы, братцы, нынче торговлю ведете?

Ушла девушка на гхат и плачет там. Долго она так проплакала. Потом, говорят, вышли из воды лягушки и говорят ей:

— Скажи, девушка, о чем ты плачешь. Мы видим, ты давно тут сидишь и, слышим, плакать не перестаешь. Нам самим от этого горько. Скажи, о чем ты плачешь.

— У меня семеро старших братьев, а я у них одна сестра,— отвечает она.— Мои невестки, все семь, хотят меня извести: заставляют меня носить воду в дырявом горшке. Была бы здесь одна дырка, я бы ее рукой закрыла и как-нибудь донесла бы воду, да их тут пять или шесть. Как мне воду нести? А они мне сказали: «Смотри не замазывай дыр глиной или смолой. Неси горшок, как он есть». Вот о чем я убиваюсь, вот зачем плачу.

— Не плачь, девушка,— говорят лягушки.— Утешься и не горюй. Набери в горшок воды, а мы ляжем на дырки и их закроем. Тогда ставь его на голову и неси, а принесешь, опускай потихоньку, об подставку не стукни. Ну, бери горшок, набирай воду.

Тут она перестала плакать, взяла горшок, набрала воды и понесла его на голове. Принесла и поставила на подставку. Невестки ее говорят одна другой:

— Дивное дело, сестрицы! Принесла ведь она. Не удалось нам ее одолеть.

Смотрят на горшок: он дырявый, как был, а вода из него не течет.

Потом они ей говорят:

— Ну, девушка, нарви листьев и принеси, только не связывай.

Она и вправду пошла в лес. Пришла туда, заплакала и причитывает такими словами:

Без веревки листья я, девушка, принесла,
Без веревки листья я, девушка, принесла,
Где же вы, братцы, нынче торговлю ведете?

И вот, когда она так плакала и причитала, выползла древесная змея и спрашивает:

— Скажи, девушка, зачем ты так плачешь? От твоих слез все во мне перевернулось. Скажи мне, зачем ты так плачешь.

— Мои братья уехали торговать,— отвечает девушка,— а их жены хотят меня извести. Они не дают мне даже рисового отвара, а сегодня они мне сказали: «Пойди нарви листьев и

принеси, только не связывай. Тогда мы дадим тебе есть. А не то ничего не получишь». Вот о чем я горюю, вот какая тоска заставила меня плакать. Видишь, сколько листьев я нарвала. Как мне их теперь донести? Вот отчего я так горюю.

— Ах, ты горюешь о том, как их донести? — отвечает змея. — Не печалься об этом, утешься. Я помогу тебе их снести. Только, когда придешь с ними домой, ты их не бросай, а опусти потихоньку.

Сказала это змея и растянулась во всю длину.

— Клади их на меня, — говорит. — Потом я свернусь, и получится связка.

И вправду у девушки много было нарвано листьев — корзина бы полная вышла. Все эти листья она уложила поверх змеи. Потом взяла змею за голову и понесла листья домой. Невестки увидели, что она возвращается, и говорят:

Ну-ка, сестрицы, посмотрим, чем она их связала.

А девушка отвечает:

— Подождите. Дайте мне сначала их положить, потом смотрите.

Положила остороженько листья, змея тут же развернулась — они и не заметили, как она ускользнула.

— Нет, — говорят, — сестрицы, опять у нас с ней не вышло.

Потом они ей сказали:

— Завтра, девушка, принеси хворосту. Только не связывай.

На другой день она пошла в лес и набрала хворосту. Села потом; сидит, плачет и поет:

Без обвязки хворост я, девушка, принесла,
Без обвязки хворост я, девушка, принесла,
Где же вы, братцы, нынче торговлю ведете?

Набрала она хворост, сложила и плачет так там, в лесу. Услышал ее крысиный удав, выполз и говорит:

— Слушай, девушка, о чем это ты так долго плачешь? Тебя слушать больно. О чем ты плачешь? Скажи мне.

— Что мне еще делать, если не плакать? — отвечает девушка. — Душа у меня иссохла, стала словно соломинка. Мои братья уехали торговать, а их жены хотят меня вконец извести. Они мне велели хворосту принести, да не увязывать. Видишь, я набрала, а как мне нести? Вот почему я тоскую и плачу.

— Ах вот из-за чего ты горюешь, — говорит крысиный

удав.— Не печалься. Утешься, я помогу тебе донести. Только, как домой принесешь, клади осторожно.

Тут змея растянулась во всю свою длину и добавила:

— Ну, клади на меня хворост, а я вокруг него обернусь, и будет тебе вязанка.

И вправду сложила она весь хворост на змею, а змея вокруг него обернулась и крепко стянула. Положила девушка вязанку на голову и понесла, а как дошла до дому, тихонечко опустила ее у изгороди. Только опустила, змея скользнула — и под изгородь.

Вышли из дому невестки, глядят на работу. А придраться им не к чему. Старались они еще мучить ее не раз и по-всякому, да dokonать ее никак не сумели.

Раз собрались все невестки совет держать и договорились они вот о чем.

— Пойдемте,— говорят,— все вместе в лес за дровами.

И вправду пошли они все и золовку с собой тоже взяли. Как зашли они в лес, видят, стоит у дороги дерево мачкунда, все в цвету.

— Стойте,— говорят.— Давайте сперва цветов нарвем, а потом пойдем дальше.

Стали невестки пробовать влезть. Только вид делают: влезут чуть-чуть и вниз сползают. И каждая говорит:

— Нет, мне не влезть.

Все подряд одно и то же сказали, потом повернулись к золовке.

— Лезь, девушка,— говорят.— Постарайся для нас.

— Кто его знает,— отвечает она.— Наверно, мне тоже не влезть.

— Полежай,— говорят.— Попробуй влезть. У тебя, может, получится.

Тут, правду сказать, стали они ее силой подталкивать да подсаживать. Как залезла она, говорят:

— Ну вот, мы тебе помогли взобраться, теперь нарви нам цветов побольше.

А сами тем временем принесли колючих веток и обложили ими дерево снизу, да еще веревками привязали, чтоб крепче держались. А после ушли и бросили девушку там, на дереве.

Прошло много времени, кто его знает сколько, и проезжали тем местом ее старшие братья, все семеро. Как подъехали к цветущему дереву, сели под ним и говорят:

— Давайте отдохнем малость под этим деревом.

И вправду все и сели прямо под деревом.

Ну а девушка от голода так ослабела, что и слова вымолвить не могла, а все ж еще живая была. Увидела она их и признала, а сказать ни звука не может. Вот сидят они там, а сверху ее слезы каплют, и случись так, что эти слезы упали прямо на спину старшему брату.

— Эй вы, братья,— говорит он.— Взгляните на мою спину. Невесть кто что-то на меня уронил.

Поглядели братья и говорят:

— Слушай, брат. Похоже на слезы нашей меньшей сестрицы.

Взглянули они вверх и увидали ее. Оттащили прочь колючие ветки, спустили ее, а потом намочили рисовых хлопьев, смешали их с патокой и дали ей съесть, да еще рис вариться поставили.

Съела она рисовых хлопьев и стала понемногу в себя приходиться, даже заговорила; а поначалу она и говорить не могла. Дали они ей еще немного поесть, а как поела, уложили ее отдохнуть.

Отдохнула она и все им рассказала: и как она на дерево влезла, и кто колючки вокруг ствола привязал, так что ей пришлось там остаться. И как их жены ее раньше мучили, тоже им все рассказала. Братья страх как рассердились на своих жен.

— Что за напасть,— они говорят.— У нас сестра одна-единственная. Зачем они так ее мучат? Счастье, что мы тут проходили и выручили ее, а не то она здесь иссохла бы и умерла. Жены у нас не знают жалости, нечего и нам их жалеть. Придем домой, выкопаем колодец и всех их туда побросаем. Как они ее мучили, так и мы их помучим — пусть сами попробуют. Хотелось бы знать, как им это понравится.

Посоветовались братья друг с другом и решили так сделать. Все на том согласились и говорят:

— Женам нашим знать об этом не надо. Если кто им что скажет, тот нам больше не брат. Мы его прочь прогоним — нам такого брата не надо.

Договорились так и сказали:

— Помните, братья, менять решение не будем.

И каждый ответил:

— Верно, я не буду менять.

Поели они, сестру покормили, дали ей две иглы и посадили ее в мешок.

— Мы велим твоим невесткам нести этот мешок,— говорят они ей,— а ты их иголками хорошенько коли. Если не понесут, мы им дадим крепкую взбучку.

Так они ее научили, потом посадили в мешок, погрузили мешок на вола и пустились в путь.

Приезжают домой, мешок с сестрой сняли и положили тихонько на землю. Положили его на землю, стали звать жен. Говорят им:

— Вот, женщины, несите этот мешок в дом да положите его осторожно. Смотрите не бросьте, а то мы вас прибьем.

И вправду подошли они, взяли мешок и понесли, а она как начнет их колоть. Она вонзала иголку глубоко, как могла, и они готовы были бросить мешок, да мужья смотрели за ними и подгоняли:

— Несите быстрее. Народ соберется.

Напряглись они и несут, на уколы уж и не смотрят, а она все руки им колет, так что кровь течет. Те прямо плачут.

Как вошли в дом, пошли расспросы: про новости, про дела, про дорогу. Мужья им все рассказали — и как далеко они были и всякое прочее. Потом сами стали спрашивать жен. Те тоже им рассказали, как время без них проводили, что делали и все такое. Ну а как золовку мучили, ни одна не сказала. Братья и спрашивают:

— А что с сестрой нашей меньшей? Мы ее что-то не видим. Нам бы хотелось из ее рук воды испить.

— Она ушла в лес,— отвечают.— Пошла за дровами с подружками.

Так все они сказки рассказывали — и одна, и другая, и третья. Правды никто не сказал.

Мужья им говорят:

— Это все враки. Неправду вы говорите, будто она в лес ушла. Мы ее сами нашли — на дереве мачкунда. Что же вы нам плетете?

Жены враз онемели, и языки у них к горлу присохли — от страха дара речи лишились. А как открыли мешок и выпустили сестру, они подняли крик и ревели в открытую. Братья их бранят на чем свет стоит, а женам и сказать в ответ нечего. Говорят тогда братья:

— Торговали мы в дальних краях, и случилось нам попасть

в большую беду. Мы тогда дали такой обет: «Как вернемся домой, выкопаем колодец и устроим с ним свадьбу»¹. Вот какой был обет. Верно, поэтому мы и сестру нашу нашли.

На другой день принялись копать колодец. Стали копать широко — в две сажени² — и глубоко. Выкопали на три человеческих роста³, а то и того глубже, дошли до мокрой земли и копать перестали.

Назначили день. «В такой вот день,— говорят,— устроим свадьбу». Запасли масла и синдура, а в назначенный день позвали домов и велели им бить в барабан. Говорят братья женам:

— Сегодня оденьтесь по-праздничному. Вы все вместе в один час пойдете с благословением к колодцу⁴. Вот что от вас нужно. Другого благословения от вас не потребуется.

Тут и вправду дома повели их с барабанным боем к колодцу. Как дошли до колодца, поставили женщин рядом у края и говорят:

— Ну, теперь благословляйте.

Только они подняли руки для благословения, а мужа как толкнул их и сбросил каждый свою жену вниз. Потом пошли домой, а женщин там и оставили. После они накрыли колодец крышкой из бревен и, сколько лет те девушку мучили, на столько же лет их там оставили без пищи. Ни есть, ни пить — ничего им не давали. Только когда то время прошло, их наверх вытащили.

Вот и сказке конец. Хватит того.

45. Невестка

У старика со старухой было двое детей. Пошла старуха искать старшему сыну невесту. Много дней она проискала, нашла подходящую девушку, вернулась домой и принялась зерно обдирать и молоть. Так она занялась этим, что забыла почистить коровник. Как приготовила все, позвала на свадьбу гостей и привела в дом невестку.

На другой день рано поутру она велела невестке коровник почистить. Время к полудню, а девушка еле успела навоз в середину сгрести. Пришла пора его наружу выбрасывать, а у нее и сил больше нет. Вот она и запела свекрови:

Говорю я свекрови: «Свекровь,
Не под силу мне больше работать,
Не под силу мне навоз выгрести,
Что мне, матушка, делать?»

А свекровь отвечает:

Говорю я дочке: «О дочка,
Всего одна ведь корзинка
Навоза в хлеву, где коровы».

Как пропела она такое, стало в коровнике еще больше навоза, а сил у невестки убавилось. Тогда запела она родному отцу:

Говорю я батюшке: «Батюшка,
Приди пособи мне, мой батюшка».

Отец у себя в доме это услышал и говорит про себя: «Ну, вавилонянка, вылетай поскорей». Только он это сказал, у девушки сразу силы нашлись весь навоз выбросить, и усталость как рукой сняло. Тут она запела свекрови:

Говорю я свекрови: «Свекровь,
Вынеси горшок мне, свекровь,
Я пойду воды принесу».

Старуха, что сложа руки сидела, поднялась, платье на заду отряхнула и притащила глиняный горшок, самый большой, какой в доме нашелся,— он много лет без дела лежал и немало духов в нем завелось. Никогда его и не мыли, и была в нем одна копоть да паутина. Невестка взяла его, пошла с ним к реке, там его вымыла и воды набрала. Попыталась поднять, а он не поднимается — духи не пускают. Вот и запела она:

Говорю я свекрови: «Свекровь,
Не поднять мне самой этот горшок».

Старуха ей отвечает:

Говорю я невестке: «Невестка,
Ведь горшочек-то маленький, дочка».

Как невестка ни напрягается, а горшок только тяжелее становится. Тогда она запела отцу:

Говорю я бабушке: «Бабушка,
Приди, горшок поднять пособи».

Отец услышал это у себя дома и говорит про себя: «Эй, горшок, подымись побыстрей». Только он это сказал, девушка сразу горшок подняла и на голову поставила.

Пришла она домой, хочет его снять, а горшок не снимается — духи не дают. Запела девушка:

Говорю я свекрови: «Свекровь,
Мне не снять горшок с головы».

Старуха ей отвечает:

Говорю я невестке: «Невестка,
Ведь горшочек-то маленький, дочка».

Попробовала девушка его стронуть, а горшок только сильнее на нее давить стал. Тогда она запела отцу:

Говорю я бабушке: «Бабушка,
Приди, горшок мне снять пособи».

Отец услышал это у себя дома и говорит про себя: «Эй, горшок, слезь у нее с головы поскорей». Только он это сказал, девушка сразу сняла горшок с головы.

Потом пошла невестка стряпать. Сготовила она каши, и гороха, и овощей. Разложила все по горшкам, чтобы мужу нести. Ничего не забыла, все, что надо, на месте — и соль, и перец, и чатни, и тыква с водой. Пошла она в поле и видит широкую реку. Вошла в воду, а течение так и несет. Испугалась она и вернулась на берег. Вот она и запела свекрови:

Говорю я свекрови: «Свекровь,
Не могу перейти я бурную реку».

Старуха ей отвечает:

Говорю я невестке: «Невестка,
Это лишь ручеек, вот что, дочка».

Ну а мужа тем временем гнев разбирает — почему обеда так долго нет. Стоит он напротив, на другом берегу, а на нее и не смотрит. Запела девушка:

Говорю я тебе, мой владыка:
«Не могу перейти я бурную реку».

А муж не отвечает. Тогда девушка запела отцу:

Говорю я батюшке: «Батюшка,
Приди, помоги перейти через реку».

Отец услышал это дома и говорит про себя: «Эй, река, дай ей перейти». Только он это сказал, воды сразу убавилось, и девушка смогла перейти реку. Пришла она на поле и видит — не снять ей горшков с головы. Поет она мужу:

Говорю я супругу: «Супруг,
Мне не снять горшков с головы».

Мужа злость душит, он и слушать не хочет, а его младший брат подошел — рад помочь. Муж на него как закричит:

— Отойди! Не тронь ее!

Тогда девушка запела отцу:

Говорю я батюшке: «Батюшка,
Приди, горшки мне снять пособи».

Отец услышал это у себя дома и говорит про себя: «Эй, горшки, слезайте у нее с головы поскорей». Только он это сказал, девушка сняла горшки и на землю поставила. Как отделалась она от горшков, муж схватил ее за руку и потащил прямо к сохе. Запряг ее в ярмо с одной стороны, а быка с другой и прогнал их пять раз вокруг поля. Отвязал он ее, и она бросилась прочь как безумная. Младший брат бежит за ней следом, кричит:

— Не убегай, сестрица! Не убегай!

Так они вместе далеко убежали.

Ночь их застала в чужой деревне. Девушка продала свои украшения, купила связку браслетов, и пошли они с места на место — браслетами торговали и этим жили. Как станет она надевать браслет на руку покупателю, всегда запоет, и пела она так красиво, что много народу шло к ней. Кто деньгами заплатит, а кто зерном. Так они брели и брели, пока не пришли наконец к ее родителям. Те сперва ее не признали, а как услышали пение, да она еще все про себя рассказала, так мать узнала ее и прижала к груди.

Вот и стали они жить там как муж с женой и были счастливы.

46. Раджа Лохабандха

В Чхиндинагаре жил раджа Карикуар, а в Гуджхинагаре жил раджа Хирачанд со своей сестрой Урмал-каро. Раджа Карикуар по всему свету искал себе невесту и наконец услышал о красоте Урмал-каро. Сел он верхом на коня и поехал в царство Хирачанда, а с собой взял пятьсот рупий на выкуп невесты. Длинным был его путь. Он лежал через Чухари-чхаппар — болото, через Бурсидадар — великое плоскогорье, через Чатан-патха — скалистые горы, через Нирабханджбата — безлюдную сухую равнину, через Папипур — город грешников, через Паллананданбан — лес радостей, через Коэликачхар — безлесный край, через Банабиндрабан — густые леса, и только спустя восемь дней и девять ночей, когда прошла первая стража дня и начиналась вторая¹, раджа Карикуар достиг границ Гуджхинагара.

От самой границы он увидал перед собою дымки, которые поднимались повсюду над городом, и перед взором его промелькнули Дакхин-дарвай — сады здешнего раджи. Он поехал дальше и у озера Сарварбандха разбил свои шатры. Явились чапраси от раджи — посмотреть, кто приехал, не сказали ничего и ушли доложить радже. Раджа сидел на дарбаре, а вокруг него были лодхи, курми, баба, байраги и саньяси². Сам он восседал на своем высоком троне. Чапраси ему поклонились, и раджа благословил их:

— Живите и радуйтесь лакх лет в моем городе.

Потом они доложили, что приехал чужеземный раджа и разбил шатры возле озера.

— Шатры у него красный и зеленый, розовый и белый, — доложили они.

Тогда раджа отправил Карикуару послание — вопрошал, зачем он явился.

— Я пришел с миром, не для войны. Я прослышал о красоте твоей сестры и хочу жениться на ней.

Раджа обрадовался и велел котвару созвать девять лакхов подданных, чтобы с почетом ввести раджу Карикуара в город.

Ну а котваром был Марад Лангхаганда, сын Нирбханджганды, сына Баджганды, сына Аджганды. Он носил барабан длиной в восемь локтей и жезл длиной в девять локтей. Пояс у него был из травы сума, и был он длиной в девять локтей.

Повязка на бедрах у него была в пять локтей: два с половиной локтя свисало спереди и два с половиной локтя — сзади. В таком наряде он прошествовал через весь город и провозгласил указ раджи.

Было там девять лакхов солдат, и все они вышли встречать раджу Карикуара. Привели его, и оба раджи сели в приемной палате и начали толковать насчет свадьбы. Девушке было двенадцать лет, а радже Карикуару — четырнадцать. Обо всем сговорились без спора. На другой день был пхал-дан — первый обряд обручения. Раз Карикуар взял с собой пятьсот рупий на выкуп невесты, нечего было медлить со свадьбой.

Был там большой горшок — гхурва, на двенадцать ячеек деленный, а в нем — тысяча кувшинчиков с вином. Свадьба заняла пятнадцать дней. Свадебный шатер был из шелка красного цвета и розового, белого, серого и пурпурного. Раджа Карикуар остался на четыре дня после свадьбы. А пошло на нее столько всего! Двенадцать стад коз. Двенадцать стад овец. Сладостей и орехов всем до отвала. Сладких печений — утолять голод. А главным блюдом был рис с подливой из гороха, бобов и чечевицы. Как пришла пора прощаться, позвали шестьдесят кахаров — нести паланкин. Попрощались раджа Карикуар и невеста со всеми, сели в паланкин, и за восемь дней и девять ночей их донесли до дому. Там они совершили последний обряд и весь народ пригласили на праздник.

Через два года рани зачала. Прошло четыре месяца, потом пять, потом девять, и родился у нее сын. За два с половиной часа до того, как он родился, посыпался с неба железный град, потому назвали дитя Лохабандхой³. На шестой день устроили чхати, а на двенадцатый — бархи, и роженице было дозволено вернуться в дом⁴.

В ту самую пору у раджи Хирачанда родилась дочка, и называли ее Хиро. Через три года рани, мать Лохабандхи, вспомнила, что ее брат обещал отдать свою дочь за ее сына⁵, и сказала мужу, чтобы он повел о том речь у себя на дарбаре. Весь двор согласился, и рани обрадовалась. Девять лакхов солдат-гондов послали за девочкой — свадьбу в колыбели хотели устроить⁶. Раджа думал сначала гонца послать к шурина — договориться, а рани ему:

— Не о чем договариваться, он уже обещал. Пойдем сами и ее заберем.

Собралась рани в путь. Надела свои украшения. Платье на

ней было из золота, юбка — с юга, кофточка — с востока, браслеты на ногах — из Рай-ратана, браслеты на руках — из Индраджота, кольца на пальцах ног — из Рай-бхаджана. Шпилька у нее в волосах стояла лакх с четвертью рупий, а ожерелье на шее — все девять лакхов.

Раджа почтил всех богов и взял с собою копье, а копье было длиной в двенадцать ростов человека. На его наконечнике сидело двенадцать носов двенадцати раджей, которых он победил. Копье было широкое, словно лопата, а рукоять толстая, как горшок — обеими руками еле обхватишь. Шаль у раджи стояла лакх с четвертью рупий, а кафтан — девять лакхов. Турбан на нем был ценной в тридцать два лакха, а ожерелье было из крупного жемчуга.

Когда раджа и рани поели, подали им паланкин. Шестидесят кахаров несли рани, а раджа пошел пешком. Шестидесят пар гондов-солдат было оставлено стеречь дворец. Ночью шли, днем бежали. Подошли к Гуджхинагару, узнал об этом раджа Хирачанд и разгневался, что они вперед ему весть не послали.

— Откуда они прослышали, что у меня дочь родилась?

А как котвар сказал: «Они хотят свадьбу в колыбели устроить» — тут гнев его с головы до пят охватил. Только вошли посланцы от раджи Карикюара, он на них бросился, чтобы убить, да они в страхе за жизнь разбежались. Вернулись посланцы к радже Карикюару. Тот тоже сильно разгневался и говорит жене:

— Смотри, как твой брат нас оскорбил.

Он был такой злой, что и трубку свою не смог закурить.

Ну а народ из Гуджхинагара пошел к своему радже и стал просить его успокоиться.

— Твоя родная сестра пришла к тебе через столько времени. Надо нам с почетом ввести ее в город.

Наконец раджа остыл и согласился принять зятя и сестру. А Карикюар не знает, что делать: «Как я вернусь без невесты для сына? Народ надо мной будет смеяться». Предложил он шурина выпить за дочь, а Хирачанд отказался.

— Ладно, не пей за дочку. Выпей за наше родство и за встречу после такой долгой разлуки.

Выпили они хорошенько, Хирачанд говорит:

— Если не тебе, так кому мне отдать свою дочь? Дашь мне в тебя бросить копье, отдам ее за твоего сына.

Все думали, они шутят. Вышли оба раджи и стали друг

против друга. Қарикуар стоял на одной ноге, и руки у него были сложены. Хирачанд поднял копьё — оба смеялись, никто никому зла не желал. Да копьё-то изголодалось по крови — двенадцать лет оно ее не пробовало, — вырвалось из руки Хирачанда, пронзило насквозь грудь Қарикуара и вышло у него из спины на пять локтей. Раджа упал, но жизнь не хотела его покидать. Услыхала о том Урмал-каро, прибежала в слезах, простоволосая. Стали пробовать вынуть копьё, да никто и поднять его не мог. Один раджа Хирачанд мог его поднять.

— О сестра, — говорит он. — Я отдам свою дочь за твоего сына и еще дам тебе пять деревень.

Потом раджа Хирачанд вынул копьё, и раджа Қарикуар умер. Его похоронили в манговой роще и над его телом воздвигли большую гробницу. Раджа Хирачанд привел сестру и ее сына к себе во дворец и отвел им там покой. Совершил он погребальные обряды над сватом, устроил свадьбу в колыбели и говорит:

— Приходи через несколько лет и забирай мое дитя. Сейчас она слишком мала.

И Урмал-каро ушла вместе с сыном.

За десять лет Лохабандха постиг все доступные людям премудрости, и на одиннадцатый год он стал раджей. У него были знаки царского сана: на ногах — лотосы, в плечах — царственная мощь, среди лба — знак луны. Когда его возводили на трон, земля задрожала, а слоны закачали головами вверх и вниз.

И Хирачанд, как минуло дочке тринадцать лет, отправил Лохабандхе послание, чтобы тот забрал ее к себе в дом. Ответа нет как нет. Десять раз посылал к нему Хирачанд, а Лохабандха ни слова в ответ. Ну а Хиро стала красавицей — с головы до пальцев ног без изъяна. Жила она в своем дворце отдельно, и при ней было десять пар подружек — свита ее. Одна подружка — Дурга-дай ее звали — качала Хиро на качелях. У другой — у Бодрахин — был пупок в двадцать четыре локтя длиной, и на конце бляшка. Бодрахин оборачивала его семь раз вокруг пояса, обвязывала кончик цветной ниткой и красила киноварью.

Сидела раз Хиро в своих покоях. Выглянула и видит: мужчины и женщины, все уже в возрасте, валом валят вдоль озера. Позвала она Бодрахин и спрашивает:

— Куда идет столько народу?

- Они идут на базар в Хардинагар.
- Далеко это отсюда?
- Полтора дня пути.
- Я хочу тоже пойти,— говорит Хиро.
- Нет, тебе и думать нельзя.
- Почему?
- Потому что раджа там нехороший.
- Как его зовут?
- Рамдарвай.
- А чем он так нехорош?

— А вот чем. Стоит юной девушке мимо пройти, он хватается и замыкает у себя во дворце. Потому вот уж двенадцать лет, как ни одна девушка не ходит на этот базар. У него двадцать жен, шестнадцать чурелин, а девушкам-пленницам и числа нет. Когда в хлеву не хватает им места, он их снаружи на привязи держит.

А Хиро сказала:

— Посмотрим, как он посмеет меня привязать!

Как ни старалась Бодрахин ее удерживать, она отправилась в Хардинагар. Довелось им проходить через город, называемый Даггутола. Там шестьдесят пар парней пасли скот. Один парень был очень смелый — он сел прямо у них на дороге. Хиро его спрашивает:

— Скажи, юноша, какая я из себя?

Он говорит:

— Сзади ты словно бы мать двоих сыновей. А когда смотрю на тебя спереди, так сказал бы, что у тебя всего один сын. Ну а сбоку ты смахиваешь на старуху.

Заплакала Хиро. А Бодрахин на него разозлилась и обхватила его своим длинным пупком, так что он запросил:

— Я всю правду скажу. Только ты меня отпусти.

Ну, Бодрахин его отпустила. Тогда он говорит:

— Сзади ты будто замужня, а спереди — невинная девушка, что и мужчин-то не знает. С одного бока ты юная девочка, а с другого — свежий цветок лотоса, только что с озера.

Это Хиро понравилось, и она дала ему золотой.

На ночь они остановились в деревне, а на другое утро пришли на базар. Народ на базаре как увидел Хиро, так все и пошли ходить вокруг нее по семь раз подряд, чтобы хорошенько ее разглядеть. Лавочники и те бросили торговать и про товары свои позабыли — растащут их или нет. Все до еди-

ного влюбились в нее. Кое-кто и товар свой весь даром отдал — только бы руки освободить да на нее насмотреться. Был там прислужник раджи, небольшой паренек — Банау его звали,— он ее и увидеть не мог, до того ее со всех сторон обступили. Старался он так и сяк пробить себе путь, да без толку. Взял и пополз у людей между ног и добрался до нее еле живой. Увидел ее и рассудка лишился, а как пришел в себя, побежал прямо к радже — сказать, что за красавица пришла на базар.

— О раджа! Девушка пришла на базар, где ни одна девушка уже двенадцать лет не показывалась. Пятка у нее нежней твоего языка, а все твои раны не стоят и праха с ее ног.

А пока он так рассказывал, Хиро с базара двинулась обратно к дому. Весь базар пошел следом за ней. Хиро испугалась, а потом рассердилась и спрашивает:

— Зачем вы за мной следом идете?

Подмигнула ей Бодрахин и говорит:

— Пусть их делают, что хотят.

Тогда Хиро говорит спокойно парням:

— Вы нам поможете, если будет нужда?

— Да,— отвечают они.— Только ты дай всем нам по девушке из прислужниц твоих.

— Ладно, вы их получите,— говорит Бодрахин.

Ну а раджа Рамдарвай созвал девять лакхов сингхи и взял свое копьё, а оно у него было в двенадцать ростов человека. Привязал он Банау к хвосту своего коня и пошел в поход за девушкой. Пришли на базар, а там им говорят — ушла девушка. Видит Бодрахин, что раджа за ними идет, и велела парням набрать побольше камней. А раджа схватил Хиро за руку и говорит:

— Идем. Вот дорога ко мне во дворец.

Бодрахин говорит:

— Остерегись! Сперва с нашими юношами померяйся силой.

Вступил раджа в бой. А невеличка Банау, его прислужник, забрался в воду, прикрыл голову листьями и оттуда кричит:

— Эй! раджа! Ты всегда имел, что хотел. Постарайся и нынче. Для тебя это дело обычное.

Раджа перебил юношей и свалил все их тела в одну кучу.

— Теперь иди со мной,— говорит девушке.

А Бодрахин говорит:

— Нет, сначала со мной поборись.

Отпустила она свой пупок. Тот развернулся да и трещит: тур-тур-тур. Услыхал это Банау и от страху обделался прямо в воду. Раджа запустил в Бодрахин булавой, а булава в него же назад и вернулась. Банау орет из воды:

— Хорошо тебе попало от бабы. Кто проиграет, пусть жрет навоз, кто победит — тому соль.

Они так боролись, что землю по колено в пыль истоптали, и не стало им видно друг друга. Даже камни и пни в пыль измололи. Через восемь дней и девять ночей Бодрахин села радже на грудь, и раджа взмолился:

— Батюшка, матушка! Спасите меня! Она меня сделает всему свету посмешищем.

Банау выбрался из воды и послал в бой войско сингхи. Они вошли прямо в пупок к Бодрахин. Тут и копье пошло в ход, и раджа одолел Бодрахин. Схватил он Хиро и унес к себе во дворец. А она притворилась, будто у нее месячные двенадцать лет подряд не кончаются, и сказала еще, что она девушка и мужчин не знавала.

— Женишься на мне через двенадцать лет,— говорит.

Раджа обрадовался и отвел ей целый дворец, и стала она там жить, как привыкла,— в почете и роскоши.

А Бодрахин, как оправилась, пошла назад в Гуджхинагар и рассказала отцу Хиро обо всем, что приключилось. Раджа так гневался на Лохабандху, что даже и не огорчился. «Пусть это будет хороший урок моему негоднику зятю» — вот как он подумал.

Но когда эта весть дошла до Лохабандхи, он преисполнился гнева. Мать ему говорит:

— Я найду тебе другую невесту, сынок.

А он и слушать не хочет.

— За эту девушку,— говорит,— мой отец заплатил своей кровью.

Взял он войско в пять лакхов гондов-солдат и девять лакхов сингхи и пошел на Хардинагар. Через восемь дней и девять ночей дошел он туда. Прежде чем вступить в бой, он пошел искупаться в пруду. А раджа Рамдарвай притаился за деревом, подстерег Лохабандху не одетого и безоружного, запустил в него булавой и убил. Тело его он принес в город и зарыл в навозную кучу.

Проснулись сингхи, видят — их раджа исчез,— и пошли его

искать. Ребятишки, что в Хардинагаре играли на улицах, болтали про небывалые похороны — вот сингхи и догадались, где тело их раджи. Выкопали они его и снесли на реку. Там тело обмыли и вернули в него душу раджи. Раджа переоделся и пошел в дом к горшечнику. Рядом с горшечником жил один брахман — он был у раджи главным жрецом. Раджа Лохабандха убил этого брахмана, надел на себя его платье и пошел к радже Рамдарваю. Раджа начал держать совет со жрецом: как ему к свадьбе с Хиро готовиться. Лохабандха взял священные книги, стал в них читать, потом говорит:

— О раджа, стоит тебе надеть жениховскую гирлянду на шею, как ты умрешь.

— Вырви этот гороскоп прочь из своей книги. Я хочу жениться на ней.

— Нет, немисливо это. Есть один только выход. Пусть женихом будет тот, кто первый утром попадется тебе на глаза. Наденут ему гирлянду на шею, и он умрет, а ты встанешь на его место. И его тоже можно спасти, стоит только напоить хорошенько гостей.

На другой день раджа Лохабандха оделся дровосеком и рано поутру пришел ко дворцу. Раджа стал его звать, а дровосек не идет.

— Мне сказали, что я умру, если сделаю, как ты велишь.

А потом сказал, что и сделает, если раджа напоит всех, кто на свадьбу придет.

Началась свадьба. Вина были полные кувшины. Жених вина гостям не жалел. Скоро все напились и повалились головами в колени к соседям. У всех посползала одежда, только они того и не замечали⁷. Тут раджа Лохабандха рассказал своей жене Хиро обо всем, что произошло. Он вынул кинжал и стал резать носы у гостей. Самому радже он вырезал нос так глубоко, что в дыре показались шесть верхних зубов. Побросал он носы в корзинку и отнес ее в хлев. Потом он отвел Хиро к себе в шатер и приказал, чтобы сингхи и солдаты-гонды готовились к битве.

Рано утром — еще темно было — пришел в хлев пастух и споткнулся о корзинку. Пощупал рукой, а там — мясо. «Ага, — думает, — меня не позвали на свадьбу, зато вот что я получил. Видно, кто-то из добрых людей обо мне позаботился». И как начнет есть — хруп да хруп. Как рассвело, пастух увидал, что он ест, и выбросил прочь все остатки. А во дворце гости про-

снулись, чувствуют — носам больно. Спрашивают один у другого:

— Где твой нос?

— Что ты меня спрашиваешь? Твой-то где?

Скоро они увидели своего раджу. У него через дыру зубы торчали. Он ни слова не говорит. А гости злятся:

— Что это за свадьба?

Раджа им:

— Идем биться! Надо отомстить!

— Нет,— говорят.— Не будем больше мы тебе помогать добывать юных девушек для твоего удовольствия.

Раджа Лохабандха простоял в шатре восемь дней и девять ночей — ждал, кто с ним биться выйдет. Да так никто и не вышел. Тогда он увез Хиро, свою возлюбленную невесту, к себе в царство и жил там с ней счастливо до конца жизни.

47. Сингхисурва

В Палинагри жил Сингхисурва, сын Паревы, сына Аревы-раджи. В замке Чанда¹ жил раджа Бхогибила Сингх. Он был очень богатый и никого не боялся. Ну и поехал раз Сингхисурва в замок Чанда — просить дочку раджи в жены своему сыну. Он ехал верхом на огромном коне, и звали коня Хансдхар. Приехал он в Чанду и стал лагерем у раджи в цветнике перед замком. А замок поднимался ввысь на семь этажей, и повсюду вокруг него были устроены западни, так что всякий, кто пробовал тайком проникнуть внутрь, в них попадался. У каждых ворот стояло на страже по двенадцать солдат. Раз утром раджа поднялся на самый верх замка и посмотрел вниз. Тут он и увидел этого громадного, словно слон, коня, что топтал его цветник.

— Двадцать четыре года никто не осмеливался беспокоить меня,— сказал он.— Кто же это явился на такой махонькой лошаденке пред мои очи? Подите, схватите его и притащите сюда, как тащут пленников!

Но Сингхисурва был хитрый раджа. Когда он спал, он всегда держал один глаз и одно ухо открытыми. Он разбил шатер и закрепил его на двенадцати золотых колышках. Подошли слуги раджи и говорили с ним непочтительно.

— Подите к вашему хозяину,— сказал он им тогда,— и скажите ему, что я — Сингхисурва, сын Паревы, сына Аревы, раджей Палинагри, и пришел я искать руки дочери раджи для моего сына.

Как услышал такое раджа Чанды, он сильно разгневался.

— Поколение за поколением мы правили здесь,— сказал он.— А теперь он приходит сюда и ведет такие речи.

Он повелел своим военачальникам готовиться к битве, и они стали готовить щиты и кольчуги, мечи и копья. Сингхисурва проспал восемь дней и девять ночей, и дорожную усталость с него как рукой сняло. Он собрал вокруг себя всех духов невидимого мира. Мать-земля была с ним и Басу-мата, на чьей голове покоится мир. Были здесь и Агьядану, владыка огня, и Байталдану, повелитель вихрей, Алопурби и Кункални, Рактипурбу и Чатибурма, Мата Котма и Мата Гандани, черные и жестокие дьяволицы Санкани Данкани и Чилкни Чабни, осы и шершни, старый пень, что по ночам по лесу летает, смерч Хатьямата и Сингитуми — все духи ночи тут были. Вот какое у него было войско. А сам он спал глубоким сном.

Как выпало это войско духов и дьяволов на армию раджи Чанды, сразу половину его солдат перебило. А громадный конь стоял и на битву глядел, а потом пошел к шатру и растолкал Сингхисурву.

— Что ты спишь? — спрашивает.

Раджа встал, надел свои доспехи, сел на коня и взлетел на нем прямо в небо. Как стрела летит в воздухе, так летел этот конь. Опустился на землю он в самой середине вражеской армии, и они разили, разили, разили, пока не остался в живых один раджа. Тут стали сражаться два раджи. Они сражались восемь дней и девять ночей, и наконец случилось так, что Сингхисурва, сын Паревы, сына Аревы, раджей Палинагри, упал с коня в потайную яму, где у раджи Чанды хранилось оружие. И раджа запер его там.

Тут огромный конь Хансдхар расвирепел и принялся бить копытами. Он бил, бил и бил, пока не разрушил все, что было под силу разрушить коню, а потом поскакал назад в Палинагри. Он скакал и скакал, и скакал, и над ним солнце палило, а под ним горела земля. Там в лесу жил один раджа — Динга-мачи-кова звали его, и было у него три раза по двадцать жен. У него был колодец, а вокруг него западни и ловушки, чтобы ни зверю, ни птице не подойти было к воде.

У колодца стояло дерево, а на дереве висел длинный меч, и, когда кто-нибудь приближался к колодцу, меч звенел — доон-доон-доон! Коня мучила жажда, и он подошел к колодцу. Меч сразу тревогу забил. В те поры раджа с двором был на охоте. Увидел, что конь пьет из колодца, разгневался и велел его поймать. Конь кого лягнул, кого укусил, взлетел в воздух и наконец достиг Палинагри.

А Лингарани, жена Сингхисурвы, той порой все на дорогу смотрела. Увидела коня без всадника и принялась плакать.

— Ты почему вернулся один? — кричит.

Конь ей все рассказал.

— Твой раджа мертв, — говорит.

Сына у Сингхисурвы звали Палибирва. Ему было пять лет. Видит он: мать его плачет, а конь вернулся один — и спрашивает, что приключилось. Как услышал, в чем дело, совершил омовение, принес воды к священному дереву тулси, поклонился пяти духам, коснулся челом груди Земли-матери, устроил все дела в царстве, простился со своей матушкой, вскочил на коня, крикнул: «Пойду, посмотрю, что этот раджа с моим отцом сделал!» — и поднялся в воздух.

В лесу на дереве сидел черный дрозд. Летят они с конем мимо, а дрозд что-то сказал. Конь остановился, и мальчик говорит:

— Ты что нам мешаешь? — А потом коня спрашивает: — Убить мне его?

— Нет, не убивай, — говорит Хансдхар. — Пожуй немного бетеля и сплюнь слюну птице в рот. Это будет нам знак. Если в пути с нами что-нибудь приключится, мы будем знать, чья в том вина.

Так они и сделали и пошли дальше. Спустя немного времени они дошли до дерева пипал, где жила Рани Гидхал — царица грифов. У нее было двенадцать птенцов, только десять из них съела кобра. Палибирва приблизился и видит: ползет кобра с дерева.

— Что мне делать? — спрашивает он у коня.

— Убей ее! Убей ее! — говорит конь.

Вот он и убил ее. Только хотел идти дальше, двое грифов-птенцов говорят:

— Не уходи так скоро. Ты ведь нам жизнь спас.

А он говорит:

— Нам надо идти, а то ваша мать нас уьет.

— Нет,— кричат птенцы,— не убьет. Мы обещаем.

Взяли и спрятали мальчика вместе с конем позади дерева. Тут и сама Рани Гидхал показалась в небе. Своим двенадцати птенцам она несла двенадцать звериных тушек: пять в клюве, пять на спине и две в когтях. Подлетела поближе к дереву и закричала:

— Чую, человечесиной пахнет. Откуда бы это?

— Ничего,— говорят ей птенцы.— Это мы человечину ели, вот от нас и пахнет. Иди, сама посмотри.

Спустилась она под дерево и тут увидела изрубленную в куски огромную кобру.

— Благословение тому, кто убил эту злодейку,— сказала она.— Ведь это она погубила моих детей. Кто совершил это доброе дело?

— Мы боимся его тебе показать,— отвечают птенцы.— Не вздумала бы ты его съесть.

— Я скорее вас самих съем,— говорит она.

Ну а когда она так сказала, птенцы подвели к ней мальчика и коня. Старая царица грифов обрадовалась и похлопала коня по холке.

— Мое благословение с вами,— сказала она.— Случись беда, только позовите меня, и я приду к вам на помощь.

Мальчик отправился дальше и приехал в Чанду. Там он стал лагерем. Шатер у него был на золотых кольях, матрац на кровати был золотой, гвозди тоже из золота и с жемчужными головками, а покрывало — из шелка. Там он и лег спать.

У раджи Чанды под властью были тридцать шесть других раджей, двадцать один раджжумар и богачи из пятидесяти двух городов — вот какой у него был дарбар.

— Все здесь мое,— сказал он.— А теперь пришел новый враг.

Мальчик начал с ним воевать. Он встал рано утром и пустил коня пастись к радже в сад. А сам пошел искупаться в дивный бассейн — там, на золотой плите, дочки раджи стирали платья. Искупался он и швырнул ком грязи в бассейн. Рыбы и черепахи поднялись со дна, высунули из воды головы и уставились на него в страхе. Он взял и стукнул по плите, да так сильно, что кусок отлетел — прямо в слона раджи и сразил его наповал. А остаток плиты мальчик поднял одной левой рукой, запустил им к радже в дарбар и разом прикончил половину придворных. Так война началась. Там, где они би-

лись, сухая земля стала топью, а топь превратилась в кровавые реки, и рыба в реках задыхалась. В этих реках змеи стали стражниками, а крокодилы — старостами, и вся рыба бросилась из мелких речушек в Нарбаду. Для рыбы это было несчастье, зато хищному зверю — раздолье. Звери повывлезли из своих логовищ — и бегом пировать на мертвечину.

— Куда это вы все бежите? — спрашивает гиена.

— Наш спаситель пришел, — они ей отвечают. — На полях наших созрел урожай. Мы идем его снимать.

Они сражались, сражались и сражались, пока весь мир не ослабел и не выбился из сил. Рыбы плавали уже не в воде, а в потоках пота, что лился с бойцов. Наконец раджа Чанды пал в битве. Мальчик взял его голову в руки и сказал:

— Я увезу ее в свое царство и посажу там на шест — пусть ее птицы клюют. Я получил все, что хотел, кроме отца.

Он разыскал рани, схватил ее за волосы и закричал:

— Я буду бить тебя по лицу, пока ты мне не скажешь, где мой отец.

Она говорит:

— Я весь свой век сижу здесь, в этом дворце. Откуда мне знать, где твой отец? Мне ничего не доводится видеть, только эти золотые качели, на которых качаются взад и вперед желтая, зеленая и красная девушки. В руках у них попугаи — желтый, зеленый и красный — все в золотых клетках. Это подружки мои. А о мужчинах откуда мне знать?

Еще у той рани была маленькая дочка, шести месяцев от роду — рани Гайла ее звали.

Мальчик пошел искать дальше и наконец нашел оружейню. Там, меж землей и небом, висел на копьях, как свалился на них, его отец. Мальчик воззвал к Земле-матери и к Тхакуру-део и вернул отца к жизни.

— Идем, сынок, — сказал отец своему малому сыну. — Возьмем с собой эту девочку — пусть она тебе будет женой.

Сели они на коня, и он понес их в поднебесье — и прямо домой. Там они к каждому племени обратились с приветствием, ему подобающим, и мальчик воскликнул:

— Вот голова нашего врага! Вот моя невеста! Вот мой отец — он снова дома, живой и невредимый!

А они говорят:

— Ты привез девочку, а свадьбы настоящей не справил. Надо тебе устроить пир для всего нашего племени.

Вот раджа и устроил им пир. Обошелся тот пир в двадцать пять тысяч рупий. Тут уж все были довольны. Мальчик-раджа сидел на троне, а его рани качали в золотой колыбельке желтая, зеленая и красная девушки с попугаями в руках.

48. Женитьба на Бэл-кании

Был у мурьев раджа. Жена его много времени проводила с его младшим братом. Раз они поссорились, и младший брат раджи оставил дворец и ушел в чужие страны.

Шел он все дальше и дальше, пока не пришел к семи морям, где жила со своим мужем — а муж у нее был ракшас — Джал-кания¹. За теми семью морями, на дереве бэл, в его плоде, жила ее сестра — Бэл-кания. Этот плод стерегли тигры, медведи и змеи — на двенадцать косов вокруг они жили.

Юноша низко поклонился Джал-кании, и она спросила его, зачем он пришел.

— Я иду жениться на Бэл-кании,— говорит он.

Увидела Джал-кания, до чего он хорош собой, пожалела его и рассказала, как трудно добыть Бэл-канию. И сказала еще, что скоро придет ее муж и проглотит его. Как стало солнце садиться, она спрятала юношу в задние покои, потому что услышала — муж ее возвращается. А ракшас, как вошел в дом, закричал:

— Чую я, человеческим духом здесь пахнет.

— Никого тут нет, кроме меня,— отвечает жена.

Да ракшас не успокоился, и пришлось ей наконец сказать ему правду — это когда он обещал, что не тронет юношу. Джал-кания вывела юношу из задних покоев, а ракшас не удержался, разинул свою огромную пасть и его проглотил. Только юноша вмиг своим волшебством обратился в малютку, с палец всего, не больше, ростом, и разом проскочил через глотку ракшасу прямо в живот. Вынул он нож из ножен и раскромсал ракшасу печень. Потом проткнул ему сердце, распорол брюхо и вышел вон. Видит Джал-кания, что случилось, и стала плакать.

— Как мне теперь жить без моего мужа?

Потом она рассказала юноше, что только этот великан рак-

шас и мог пособить ему миновать стражу, стерегущую плод, где скрыта Бэл-кания.

— Не горюй,— говорит юноша.— Я его оживлю.

Своим волшебством он вернул ракшасу жизнь, а Джал-кания сразу принялась уговаривать мужа, чтобы он помог юноше и больше ему не вредил. Ракшас взял козу, кувшин молока и корзинку плодов и понес юношу через семь морей к лесу, где жила Бэл-кания. Подошли они близко, и бросился на них тигр. Ракшас ему кинул козу — пусть ее ест. Потом вышел медведь — ему ракшас отдал плоды. Потом выползла змея — ей дали молока. Так и дошли до дерева бэл и сорвали тот плод. Ракшас отдал плод юноше и говорит:

— Ты его в дороге не разрезай. Подожди, пока до дому дойдешь.

Попрощался он с юношей и его отпустил. Пошел юноша к дому, а дорога-то была дальняя, и на третий день соскучился и захотелось ему увидеть Бэл-канию. Сел он на берегу пруда, разрезал плод, и из него вышла девушка невиданной красоты. Села с ним рядом и принялась ему расчесывать волосы. Пока она так чесала, юноша и заснул. Кончила она и пошла ему готовить поесть. Приготовила, стала будить его, только он так крепко уснул, что она его поднять не сумела.

А возле того пруда была площадка. По вечерам на нее приходили юноши и девушки из Подземного царства² — потанцевать и попить воды из пруда. Той самой ночью, когда Бэл-кания сидела рядом с братом раджи и старалась его разбудить, юноши и девушки из Подземного царства пришли испить воды и увидели их. Пошли они скорей сказать о том своим главным и рассказали, какую красивую видели девушку. Сразу все от туда вышли к пруду и силой увели с собой Бэл-канию в Подземное царство. А брат раджи так и остался там спать.

Проспал он подряд шесть месяцев. Проснулся, видит — Бэл-кания куда-то исчезла. Бросился он ее искать. Бегает в горести взад и вперед, и случись ему тут наступить на что-то такое — с виду ему показалось, будто то муравейник. Наступил и слышит негромкий голос: «Кто ступает по мне?» Отгреб юноша мусор в сторонку и видит: муравьи-то муравейник устроили в человеческих волосах. А волосы те протянулись на двенадцать косов, и, как отгреб он землю и мусор на всю эту длину, так и увидел, что человек этот — садху. Садху сказал, что он столько лет исполняет обет, что и забыл, где он сейчас.

— Теперь скажи,— говорит,— чем тебя наградить.

Юноша ему рассказал обо всем, что с ним приключилось, и садху сказал:

— Бэл-канию увели в Подземное царство тамошние юноши.

— Я пойду и ее заберу,— говорит брат раджи.

— Попасть в Подземное царство не просто,— говорит садху.— Для этого надо веревку из лыка с двенадцати лесов.

Юноша ободрал на лыко двенадцать лесов и свил длинную-предлинную веревку. Садху обвязал один конец этой веревки вокруг его пояса и стал его потихоньку спускать.

— Как найдешь ее, дерни веревку, и я тебя вытащу.

Спустился юноша в Подземное царство и видит: тамошние юноши и девушки пляшут — идет первый день свадьбы Бэл-кании. Он на них сразу бросился, и они бились три дня подряд. Наконец он перебил всех юношей и девушек Подземного царства, взял Бэл-канию на руки и дернул веревку. Садху потащил их наверх. Только дотянул до середины, Бэл-кания говорит:

— Я забыла внизу ожерелье.

— Я его тебе принесу,— говорит юноша.

Отпустил он веревку и прыгнул вниз. А садху веревку все тянул да тянул, пока перед ним не предстала прекрасная девушка Бэл-кания. Садху так и влюбился в нее, разом порвал веревку на мелкие клочья и разбросал их по сторонам, чтобы юноша никогда уж не смог вернуться на землю.

А там, внизу, в Подземном царстве, юноша отыскал ожерелье Бэл-кании и стал стараться вылезти обратно на землю. Только как ни старался, все попусту. Выбился он из сил, лег и уснул. Дня через два или три дух от мертвых, кого он здесь перебил, дошел до самой земли, и слетела оттуда в Подземное царство пара грифов. Видят они, между тел вроде лежит живой человек. Подняли они юношу на ноги, и он им все рассказал, что с ним случилось. Они его пожалели и решили отнести обратно на землю. Самка грифа посадила его к себе на спину и наверх вынесла.

Ну а садху тем временем привел Бэл-канию к себе в дом. Пошел юноша ее разыскивать и в конце концов встретил девушку, которую звали Джогал-каро. А была она дочерью садху, и сидела она на качелях. Услышала, кто он такой, и рассказала ему, что ее отец садху и что он запер Бэл-канию в ком-

нате за семью крепостными стенами. А потом предложила себя юноше в жены.

— Женюсь, если ты скажешь мне, где смерть садху лежит.

— Она в птичьем гнезде посреди моря. Возьми это кольцо и можешь идти туда.

Юноша взял кольцо и бросил его в море. Вышла наверх огромная лягушка, посадила его к себе на спину и понесла к тому месту, где свила гнездо птица. В гнезде была одна только птица, и юноша взял гнездо вместе с ней и вернулся к Джогал-каро.

Той порой пришел домой садху.

— Человечьим духом пахнет, я чую,— говорит.

— Это мой будущий муж,— говорит девушка.

— Тогда мне надо на него поглядеть.

Как увидел он юношу и узнал его, он и думать не велел дочери идти за него замуж. Схватил его и потащил — принести в жертву Чанди-дэви.

Пришли они к месту, где жертвы приносят, садху насыпал на землю три кучки рису и велел юноше стать на колени и клевать рис, будто он курица.

— Не знаю я, как это делать,— говорит юноша.— Покажи сперва сам.

Садху наклонился, чтоб рис достать, а юноша у него выхватил меч и убил его. Из его крови поднялась тысяча садху. Только юноша зарубил одного, поднялась новая тысяча; зарубил второго — еще тысяча встала на его месте.

Увидела Джогал-каро, что творится, схватила гнездо и переломила у птицы лапки и крылья, и сразу у всех садху подломились ноги и руки. Потом перерезала птице горло, и все садху умерли. Юноша вскочил на коня садху и поскакал в крепость, где была заточена Бэл-кания. Посадил он ее позади себя и поехал с ней прочь. Увидела то Джогал-каро, переполнилась ее сердце ревностью, схватила она лук и стрелу, выстрелила в юношу и убила его.

Конь с девушкой встали над телом и плачут, а девушка в горе бросилась наземь. Услыхал плач мангуст. Видит, девушка себя не помнит, обвязал конец веревки ей вокруг груди, а другой конец привязал к дереву. Плачет девушка о потерянном женихе, а дерево раскачивается взад и вперед — вот она и пришла в себя.

— Что за беда? — спрашивает мангуст.

Она ему рассказала.

— Ничего теперь не поделаешь,— говорит он.— Осталось нам набрать дров и предать тело огню.

А пока конь и девушка ходили за хворостом, мангуст влил мертвому в рот своего снадобья, и тот ожил. Тут мангуст сказал юноше, что они сводные братья.

— У меня хвост и шерсть такая густая, потому что мать родила меня в поле — сгребала золу, когда выжигали новый участок. А твоя мать за порог дворца не ступала — вот почему у тебя такая чистая гладкая кожа.

Вернулись конь с девушкой, дров для костра принесли, видят — юноша живой, и очень обрадовались. Тут юноша позвал Джогал-каро и сказал ей, что Бэл-кания будет его первой женой — ведь, чтобы ее добыть, он столько тягот перенес,— а Джогал-каро пусть не ревнует — он и на ней тоже женится.

Потом все вместе пустились в путь к дому, и, когда раджа, его старший брат, услышал, что он возвращается, он вышел их встретить и повел их всех к себе в дом. С того дня все они жили в довольстве и счастье.

49. Как сына раджи жена спасла

В стародавние времена, говорят, был в одном государстве раджа, и был у этого раджи советник. Как завелись у них дети, они устроили школу-патсал и, только дети подросли в меру, послали их в эту школу учиться. А поженили они детей еще во младенчестве¹, так что те и не знали, женаты они или не женаты,— в голове того у них не было.

И, сказать правду, когда сын раджи и сын советника выросли, они хорошо научились читать и писать и сдали экзамен, так что их отцы и их гуру были ими очень довольны и всегда их хвалили.

А те оба юноши всегда были вместе, и вот как они промеж себя говорили:

— Слушай, хотел бы я знать, когда нас женят? Знать бы, женят нас или нет?

Сказано было, их обоих женили, когда они были младенцами. Они про то ничего и не помнили. Вот и говорят:

— Им заботы нет нам жен подыскать. Давай пойдем отсюда в чужие края.

И вот, как раз когда они так говорили, а может днем-двумя позже, лошадиные барышники бог весть откуда пригнали, говорят, туда на продажу хороших-хороших коней. Тут юноши говорят:

— Слушай, никуда не пойдем. Вон каких они пригнали коней. Надо нам сделать так, чтобы наши купили нам по коню. Научимся ездить верхом, а там и отправимся куда пожелаем.

Подумали оба, что так будет лучше, и на том согласились. Пошли и вправду стали дома просить:

— Купите нам по коню. Таких хороших коней привели.

Услышали это раджа и советник и говорят:

— Уж очень они оба просят. Надо купить им коней. Не згрустили б они. Чего доброго, в тоску впадут.

Решили так и вправду купили коней. Юноши очень обрадовались. Каждый день они сажались верхом и ездили взад и вперед.

И вот, говорят, взял раз сын раджи и поскакал один на пруд к гхату. Увидел — купаются девушки, и закипела в нем кровь. Сказать-то он ничего не сказал, а начал гонять коня во всю мочь у самого гхата. Девушки перепугались, бегут кто куда, а народ говорит:

— Видно, он уже вырос. Вот и гоняет коня — хочет себя перед девушками показать.

Да только из-за него и воды не набрать. Подошла к нему одна старуха и говорит:

— Послушай, сынок, ты тут крутишься, как балбес холостой. А ты ведь женатый. Забыл, что ли?

— А когда меня женили? — спрашивает он. — Что до меня, я такого не помню. А если женили, где же жена? Я ее не видал.

Старуха ему отвечает:

— Тебя женили, когда ты совсем маленький был. Вот ты и не помнишь. А жену твою сюда еще не привозили. Она у отца в доме живет. А теперь, видим, ты уже вырос. Может, пора и жену тебе привезти на нынешний год. До сих пор ты был еще мал, вот раджа и не говорил, чтобы тебе жену привезти. А теперь вырос; надо думать, в этом году тебе ее привезут.

— Скажи, бабушка, — спрашивает он, — из какой деревни моя жена?

— Тебе, — отвечает, — просватали в жены дочку раджи такой-то деревни из таких-то краев.

— Хорошо, — говорит он. — Так я спрошу у родителей, привезут ее или не привезут.

— Ладно, спроси.

Поговорил так сын раджи и поскакал скорей к дому. Тут уж женщины смогли без страха искупаться и волосы вымыть, а потом набрали воды и пошли по домам.

А сын раджи прискакал домой и спрашивает у матери:

— Скажи, матушка, женили меня или нет?

— Женили, — говорит.

— А чего ж мы ее сюда не привезем? — спрашивает.

— Сынок, — отвечает мать, — срок не приходил, вот и не привезли.

— Слушай, матушка, — говорит сын. — Чего ждать? Я поеду, взгляну и ответ принесу. А отпустят ее со мной — привезу сразу.

— Хорошо, — отвечает она. — Поезжай.

Тут он и вправду, как поел, сразу собрался, сел на коня и пустился в путь за женой. Едет он мимо тростникового поля², а там кто-то тростник поджег. Пламя ширится, все поле вокруг обхватило. А на том поле жила большая-пребольшая змея. Увидела змея пламя со всех сторон, стала выход искать, да боится сгореть и выйти не может.

Тут она вдруг заметила сына раджи, что за женой своей ехал, чтоб ее привезти. Кричит ему:

— Эй, сын раджи! У тебя радость — ты за женой едешь, а я тут в беде. Пожалей меня, выручи из беды. Спасешь меня, я тебя награжу.

— Ишь ты, — отвечает он. — Стану я тебя спасать. Если я тебя выручу, ты меня сразу укусишь. Ваш змеинный род благодарности не знает. Сколько мы вас ни любим³, вы нас кусаете.

— Нет, я не такая, — говорит змея. — Мало ли кто неблагодарный — я не такая. Я здесь погибаю. Сжался надо мной, спаси от беды. Я тебя всерьез прошу.

Тут и вправду стало ему жалко змеи. Он слез с коня, сбил огонь возле змеи и повязку с бедер на землю постлал. По этой повязке змея и выползла. Тогда он ей говорит:

— Ну вот. Я тебя выручил. Какую награду, ты говорила, мне дашь? Давай мне награду.

— Не будет тебе награды,— отвечает змея.— Ты меня спас от такой страшной беды. Это ты хорошо сделал. Только как это вышло, что ты меня не побоялся спасти? Редкую отвагу ты показал — меня спас. А теперь я тебя убью. Вот отойдем немного отсюда, и я тебя укушу. Куда ты от меня денешься?

— Если я побегу,— спрашивает он,— ты меня укусишь?

— Да,— отвечает змея,— укушу непременно. Ты разве не знал, что мы, змеи, яд в себе носим? Теперь тебе от меня не уйти.

Остолбенел юноша. Потом говорит:

— Верно, мне теперь от тебя не убежать. Хочу я тебе одно только сказать. Послушаешь меня или нет?

— Ладно,— отвечает змея.— Говори. В чем дело-то?

— Ты все равно меня убьешь,— говорит он.— Так подожди малость. Давай сперва кого-нибудь позовем — пусть нас рассудят. Если скажут по-твоему — ладно, кусай.

— Только не будем звать людей,— отвечает змея,— они наперед в твою пользу скажут. Таких мне не надо. Давай искать других судей.

— Ладно,— говорит он.— Скажи сама, кого нам в судьи позвать.

— Пусть судьей будет корова,— сказала змея,— другим пусть будет дерево, а третьим — вода. Их троих мы попросим нас рассудить. Что они скажут, тому и покоримся. Решат в твою пользу — убей меня; решат в мою — я тебя укушу.

— Ладно,— говорит юноша.— Это хорошо. Идем их искать.

Вот они и вправду пошли. Идут и видят: стадо коров отдыхает под баньяном⁴.

— Пойдем,— говорят,— туда, к коровам. Поговорим и с баньяном. Вроде там и вода есть поблизости. Найдем всех троих сразу.

На том и согласились.

Подошли они к баньяну, поговорили с деревом и с коровами, а потом повернулись к источнику. Юноша им говорит:

— Послушайте, я прошу вас всех троих. Рассудите нас.

— Хорошо,— отвечают они.— Скажи сперва, в чем дело. Раньше, чем услышим, мы не решим.

— Ладно,— говорит он.— Я начинаю. Слушайте.

— Мы слушаем,— говорят.

Тогда он сказал:

— Я ехал за женой — взять ее из отцовского дома. А эта змея была в тростниках. Кто-то поджег тростник со всех концов, и огонь шел кольцом. Змея испугалась, что сгорит, и хотела уползти от огня. А горело так сильно, что ей было не выползти. Увидела она меня, позвала и сказала: «Эй ты, жизнь моя на волоске. Пожалей меня, спаси от этой беды. Спасешь меня, я тебя награжу». Я ей говорю: «Кто тебя знает. Вы, змеиное племя, неблагодарны. Даже когда вас кормят и берегут, вы людей жалите». А она мне: «Те— кто их знает, какие. Я не такая. Пожалей меня и вызволи из этой беды». Раз она так говорила, я ее пожалел; сбил огонь и повязку со своих бедер разостлал по горячему месту. Она и выползла. Я ей говорю: «Ну, я тебя спас. Давай мне награду». А змея мне: «Какую тебе награду? Как ты не побоялся меня спасти? Я ведь опасная тварь. Теперь я тебя укушу. Смотри сам, где тебе от меня убежать». Говорит она так, а сама встала на хвост и капошон свой раздула. Я говорю: «Слушай, ты. Ты меня все равно убьешь. Так давай попросим кого-нибудь нас рассудить, послушаем, что он скажет. Решат в твою пользу, тогда меня и убивай. Я тебя спас. Если ты нисколько не благодарна, что мне с тобой делать?» Поговорили мы так и решили просить вас троих. Так что сделайте великую милость, рассудите вы нас. Знать бы мне, сделал я хорошо или я сделал плохо?

Тут баньян говорит:

— Верно, ты сделал хорошо. Но за добро платят злом. Ты спас змею, а она тебя хочет убить, и она тебя непременно укусит. Судить так мы научились от вас, от людей. Гляди сам. Вы отдыхаете в моей тени, я служу вам добром. А вы ломаете мои сучья, садитесь на них и пускаете ветры. Видишь, как несправедливо вы поступаете. Так что будь уверен, змея тебя непременно укусит.

Тогда юноша попросил:

— Корова, сделай милость, скажи. Что ты решила?

— Да, она тебя вправду укусит,— сказала корова.— Как дерево говорит, так и будет. Смотри, мы приносим телят. Только начнем их кормить, вы их отбираете. Их гоните прочь, а молоко берете себе. Да еще нас бьете без жалости. Мы вам пашем поля и заработать на жизнь помогаем, а вы нас губите. Так что змея тебя и вправду укусит.

Тут юноша просит:

— Источник, скажи теперь ты, сделай милость. Как ты решил?

— У меня то же решение, какое ты слышал от этих двоих, — сказал источник. — Зло за добро — это правильно. Гляди: вы пьете из меня, я сохраняю вам жизнь. Я служу вам добром, а вы, люди, со мной обращаетесь плохо: порой вы в меня облегчаетесь, вы здесь подмываетесь, вы сюда плюете и харкаете. Вот и пойми: за мое вам добро вы меня же бесчестите. Очень плохо вы делаете. Так почему же, если ты поступил хорошо, змея не поступить плохо? И впрямь она должна так поступить, она ужалит тебя.

Тогда змея говорит:

— Ладно. Что ты теперь скажешь? Слышал, что наши судьи сказали? Значит, я тебя укушу.

— Хорошо, — отвечает юноша. — Ты меня укусишь, но перед тем я смиренно прошу вас, мои судьи: дайте мне излить мою печаль, выслушайте меня. А если выслушать не хотите, скажите прямо.

— Ладно, — сказали они. — Мы тебя слушаем. Начинай.

— Меня женили, — начал он говорить, — кто его знает, в каком раннем возрасте. Я и лица ее никогда не видал — не знаю, какая она. Нынче я в первый раз поехал в дом к тестю — жену взять. Мне и на ум не приходило, что беда вроде нынешней встретит меня на пути. Я вас молю, отпустите меня ненадолго, дайте мне с женой встретиться. А потом я поеду назад этой дорогой, и пусть тогда змея меня жалит.

Тогда баньян спросил:

— Ну, змея, что ты скажешь? Он просит, мы слышали.

— Верно, — отвечает змея. — Только вы за него поручитесь и будьте свидетелями. А я с судьями спорить не стану.

— Ладно, — говорит баньян. — Судьи ведь мы, не так ли? Поручимся мы за него или нет?

— Да, — говорят двое других, — это можно. Только когда он вернется?

Вот они и спросили у юноши:

— Слушай, через сколько дней ты вернешься? Или ты не вернешься совсем?

— Завтра я не вернусь, — ответил он, — вернусь послезавтра. Я назначу вам третий день, если первый сегодня. В этот день я приду непременно. Я вас не обману.

— Смотри же, не обмани,— предупредили они.— А то осрамишь нас понапрасну.

— Да нет же,— повторил он,— я вас не осрамлю.

Тут они обратились к змее:

— Ладно, змея,— говорят.— Раз так, дай ему три дня. Мы ручаемся за него. Подумай сама, его женили, когда он был ребенком, он не поговорил и не посмеялся с ней ни единого дня. Если ты его ужалишь сейчас, выйдет так, что его напрасно женили. Вот мы и просим тебя: отпусти его на три дня, мы ручаемся. Укусишь его, когда он вернется. Тогда мы тебе ни слова не скажем.

— Хорошо,— отвечает змея.— Я с судьями спорить не стану. Пусть идет.

Как кончился разговор, юноша сел на коня и поехал к дому жены. Приезжает туда, вынесли ему кровать, и он сел. Они его не признали и говорят:

— Здравствуй, почтенный. Откуда ты, друг наш? Мы тебя что-то не узнаем.

— Верно,— отвечает он.— Вам меня не узнать. Вот когда я скажу, вы поймете, кто я.

— Так откуда же ты? — спрашивают.

— Я,— говорит им юноша,— сын такого-то раджи из такого-то края. Я узнал, что мне здесь жену высватали. Дочку такого-то раджи выдали за меня. Вот я и приехал жену забрать.

— А,— говорят они,— этого хватит. Дальше и не рассказывай. Теперь нам понятно.

Принесли они воды, омыли ему ноги, а потом подали масло и палочки зубы чистить и повели его искупаться. Вернулся он с купанья, его угостили простоквашей и рисом, а как это съел, закололи откормленного козла и устроили целый пир. Ночевать отвели ему отдельную комнату, дали дочери масла и велели ей:

— Пойди, дочка, натри мужа маслом, разотри ему руки и ноги и сама с ним там оставайся.

А дочка их, правду сказать, к той поре уже выросла и все понимала, как взрослая. Только сказали ей, она сразу пошла. Натерла его маслом, растирает ему руки и ноги и болтает с ним обо всем. А юноша и отвечает ей без охоты и вроде ничего с ней иметь не желает. Подождала девушка, а потом вдруг и спрашивает:

— Скажи-ка мне, ты ведь уже взрослый мужчина, правда? Разве смешного не понимаешь?

— Конечно, я уже взрослый,— отвечает он ей.— Потому я за тобой и приехал. Только, боюсь, это наша первая и последняя встреча. Томит меня печаль. Зачем мне с тобой так обходиться, чтобы тебе потом было плохо. Останешься по мне тосковать.

— Почему ты так говоришь?— спрашивает девушка.— Куда ты собираешься? Расскажи мне, а то я тебя не отпущу.

— Если я скажу,— отвечает он,— тебе только хуже будет.

— Скажи,— просит она.— Как бы мне ни пришлось, хорошо или плохо, скажи.

Тут он и вправду начал с того, как он ехал и увидел змею, которой огонь смертью грозил, а там и все рассказал, все, как было. Потом говорит:

— А пришел я к тебе, потому что они за меня поручились на три дня. Когда я обратно пойду, змея меня непременно укусит. Вот почему я себя так веду. Чего ради мне миловаться с тобой всего один день? Тебе от того только плохо будет.

— Ну так я тоже пойду с тобой,— говорит девушка,— и вместе с тобой смерть приму. Я твоя на всю жизнь. Ты купил меня⁵, а потому я умру там, где доведется тебе умереть. И я тебе говорю: что бы мне ни грозило, когда ты пойдешь, я пойду вместе с тобой. Я посмотрю на нее, как она тебя укусит.

— Не надо тебе идти,— просит юноша.

— Нет,— отвечает она.— Я тебя ни за что не оставлю. С тех пор как ты мне это сказал, мне стало плохо. Не сказал бы ты, я бы ни о чем и не думала. А как ты сказал, стало худо.

Поговорили они, и стало им легче друг с другом. Ночь они провели вместе, а все равно юношу не покидала тоска. В назначенный день он сказал:

— Сегодня я уйду. Больше я не останусь.

— Ладно,— говорят ему.— Хорошо.

Собрали в путь девушку и проводили их. Они ведь об этом никому больше не говорили. Отошли сколько-то, юноша и говорит:

— Слушай, не ходи дальше. Вернись отсюда назад.

— Хорошо,— отвечает девушка.— Я вернусь. Только скажи, далеко отсюда до места, где тебя змея ждет?

— Вон там, у холма,— говорит он,— стоит баньян. Под этим баньяном она меня ждет.

— Ладно,— говорит она.— Тогда я дойду до этого дерева. Погляжу, как змея укусит тебя, и вернусь.

Стал он ее как мог уговаривать, чтобы она не ходила, и насильно назад ее поворачивал. Только она не ушла, и пришлось ему с тем примириться. Что еще ему оставалось? Пошли они вместе дальше. Подошли к дереву, девушка и говорит:

— Не могу я от моей любви к тебе отказаться. Тебя змея непременно укусит. Поэтому я вот что скажу:пусти меня идти вперед, а сам иди сзади. Я хочу с змеей сама повстречаться.

— Ладно,— отвечает он.— Иди ты впереди.

Тогда и вправду девушка пошла впереди. Немного прошли и увидели змею: она поднялась на хвосте над дорогой и капюшон свой раздула. И все равно они пошли дальше. Подошли к ней, девушка говорит:

— Слушай, змея. Укуси меня первой, а потом можешь кусать моего мужа. Если укусишь только его, куда мне деваться?

— Тебя-то кусать я не буду,— отвечает змея.— Живи себе у отца с матерью.

— Не получится так,— говорит снова девушка.— Видишь, родители мои меня ему продали. Он купил меня с костями и с прахом, а потому все, что может с ним приключиться, и мне уготовано. Вот почему я тебе говорю: если хочешь его укусить, кусай и меня.

— Нет,— отвечает змея,— тебя я кусать не стану.

И поползла она прямо к юноше, чтобы его укусить. А девушка стоит перед ним и заслоняет его, куда бы змея ни повернулась. Потом говорит:

— Эй, змея, что ты задумала, почему меня не кусаешь? Я не дам тебе его укусить. Пусть этот баньян мне будет свидетелем. Хотела б я знать, чем я буду себя содержать, какие люди меня приютят, если ты убьешь моего мужа. Вот и скажи мне это сперва.

— Хорошо,— отвечает змея.— Если так, я тебя награжу — научу тебя заклинанию. Вот чем ты сможешь себя содержать.

— Ладно,— говорит девушка.— Только сперва меня научи, тогда я тебя пущу. А не научишь — не пущу.

— Хорошо,— отвечает змея.— Я тебя научу.

Вот она и дала ей свое благословение, кто его знает какое, и научила ее заклинанию.

— Как будешь заклинание читать,— говорит,— подними щепотку пыли и сдуй ее одним дуновением. На кого эта пыль упадет, тот мигом в золу превратится.

— Пусть так,— говорит девушка.— Пусть я это с кем-нибудь сделаю. А научи, как мне ему живое тело вернуть.

Змея ее и тому научила. Девушка ей говорит:

— Подожди, я сначала попробую. Может, ты меня обманула.

— Ладно,— отвечает змея.— Попробуй на этом деревце.

— Хорошо,— говорит девушка.— Сперва я попробую, а потом ты кусай его.

Она и впрямь подняла щепотку пыли, прочла заклинание и сдула пыль, да сдула-то ее, говорят, прямехонько на змею, и змея мигом в прах обратилась. Тут змее конец пришел.

Пошли дальше юноша с девушкой безо всякого страха, и она ему сказала:

— Видел ты? Я пошла с тобой и тебя выручила и спасла. А не пошла бы, не топтать бы тебе землю сегодня. Послушай я тебя и воротись с полдороги, не видать бы мне больше твоего лица.

Юноша ни слова в ответ не сказал. От ее речей он словно бы остолбенел. А потом завели они разговор про другое и дальше пошли.

Пришли они домой к юноше и там все рассказали. Все переполошились и только диву давались. Забили козлов и устроили большой пир: все ели, пили и веселились. «Люди ушли от смерти и к нам вернулись,— говорили они.— А то мы бы их больше и не увидели. Они вернулись назад, ушли от великой напасти». Вот как они говорили, ничего больше. Так юноша спасся от страшной беды.

Вот и сказке конец. Сказка про этого юношу вся тут. Кончена она.

50. Гордый раджа

Жил-был когда-то очень гордый раджа. Как ни вернется домой с охоты или из путешествия, всякий раз жена приветствовать к ногам его склонится, а он велит ей кольцо, что она в ноздрю вдевала, рукой придержать, да как бросит свое копье

сквозь него изо всех сил. Так сильно бросал, что, когда оно в пол вонзалось, дрожала земля. И потом еще спросит жену:

— Есть ли кто в мире сильнее меня?

А жена отвечает покорно:

— Сильней и мудрей моего раджи никого нет во всем мире.

Жила садовница невдалеке от дворца. Всякий раз, как раджа запустит копьем в кольцо, она сильно тревожилась. Думала она, думала и придумала способ, как его отучить. Вот раз, когда раджа свой двор собирал, она пришла к рани и спрашивает:

— Что говорит тебе раджа, когда копье в твое кольцо бросает?

Рани важно ей отвечает, что она горда своим раджей и его силой. Садовница тогда говорит:

— Обещай никому не рассказывать, что я тебе сейчас скажу. А главное — радже. А то он меня убьет.

Рани пообещала. Тогда садовница говорит:

— Как спросит тебя раджа опять, есть ли кто сильнее его, скажи ему так: «Для меня ты и впрямь самый великий, да ведь есть звезды и звезды, а все земля всех важней».

Пришел вечером раджа и швырнул копье сквозь кольцо в ноздре у жены. Стал спрашивать, есть ли кто в мире сильнее его, а она говорит:

— Для меня ты и впрямь самый великий, да ведь есть звезды и звезды, а все земля всех важней.

Услышал раджа такое и сильно разгневался.

— Значит, есть кто-то в мире сильнее, чем я? Я пойду его разыщу и не вернусь, пока не убью.

Рани перепугалась, стала его умолять, чтобы не уходил, да ничто не могло заставить раджу отказаться от этой мысли.

Раджа шел восемь дней и девять ночей, пока не миновал границу своего царства. Там увидел он человека, который из песка вил веревку для слонов чужеземного раджи. Смутился раджа и говорит про себя: «Может, и впрямь этот раджа сильнее, чем я?»

Пошел он дальше и увидел издали огромное стадо овец. Пастух играл на рожке. Только увидел чужого, свистнул, и все овцы сбежались к нему. Тут он всех их, одну за одной, во вшей обратил. Завязал их в свою шаль и ушел.

Пошел раджа дальше и в конце концов пришел на поле. Это поле тамошний раджа своими руками пахал. Вместо волов

этот раджа запряг в соху тигров, а сохой у него была кобра, а само поле было грудой черных камней. Жена раджи и дочка сидели рядом, смотрели. Увидели — идет чужеземец, дочка вскочила, кричит радостно:

— Батюшка! Дичь пришла, есть на кого поохотиться.

А тамошний раджа был ракшас. Услышал он дочкин крик и побежал схватить пришельца. Тут раджа сказал: «Здравствуй, дядюшка!» — и тем себе жизнь спас. Разве может дядя убить племянника или тестя зятя? Ракшас разозлился, кричит:

— Какая же из сестер моих дала тебе жизнь?

Все равно пришлось им пустить раджу в дом и обойтись с ним по-хорошему. Задумали они его съесть, когда он уснет. Вечером они радже целый пир закатали — чтобы он спал крепче — и принялись вино пить. Раджа сам пил и им подбавлял, пока они не свалились. Заснули они, а раджа убежал, еле жизнь спас.

Ракшас проснулся, погнался за ним. Бежал он за ним восемь дней и девять ночей, пока не попали они к радже домой. Раджа вбежал во дворец — и к жене. Просит спасти его. Она и сделала вид, будто только что родила. Закололи козу, окропили кровью раджу и землю вокруг. Взяла рани раджу на руки, козий желудок бросили рядом, а кругом женщины собрались. Ракшас пришел, спрашивает, где раджа, а рани заплакала и говорит:

— Видишь, у меня только что сын с усами родился, а мой раджа пошел за ракшасом — принести его в жертву по этому случаю.

Услыхал ракшас такое, охватил его ужас, и он ушел назад в свое царство.

С той поры гордый раджа больше так не гордился. Ведь его жена стала ему вдобавок и матерью, потому что она ему снова жизнь подарила.

51. Слепой раджа

Жили в Андапуре слепой раджа и слепая рани. Что они делали? Они ели сырое мясо, а зубы чистили сушеным мясом. Детей у них не было. Был у них слуга-байга. Раз послали они

его в лес за мясом. Он пошел, и случилось ему забрести в Деоваса, а там в ту самую ночь боги собрались на дарбар. Там росло хлопковое дерево, у него ствол раскрылся и пустил байгу в нем спрятаться¹. Как пришла ночь, собрались там все боги и порешили послать слепому радже и слепой рани ребенка. Утром слуга вернулся назад. Раджа узнал, что мяса он не принес, и сильно разгневался. Тут слуга рассказал ему все, что слышал, и раджа сказал:

— Если это правда, я дам тебе половину моего царства, а если неправда — я тебя выпотрошу и соломой набью.

Через двенадцать лет родился у них сын, и раджа дал байге полцарства. В тот же час родился сын и в доме у байги.

Как подросли сын раджи и сын байги, они стали друзьями — куда ни пойдут, всегда вместе. Сын раджи смастерил лук и стрелы, а у сына байги была рогатка, и стали они стрелять птиц. А придут на пруд против дворца женщины за водой, они возьмут да и примутся стрелять по горшкам, пока все не побьют.

Собрался народ из деревни, пошли все к радже и рассказали, что мальчишки выдělывают. А в дар ему они поднесли сушеного мяса, так что он был ими доволен и дал им денег — купить медных горшков. Ну а мальчишки сделали железные стрелы и все медные горшки ими проббили. Тут народ в деревне решил, что одно только средство осталось: этих дружков разлучить.

Они позвали цирюльника и послали его сказать сыну раджи, что сын байги, мол, ходит к его девчонке. Услыхал это сын раджи и так обозлился, что сразу сказал:

— Пока этого байгу в землю не заруют, я ничего в рот не возьму.

Тогда раджа велел поскорее выкопать яму и спустить в нее постель, пиши лучше и лампу. Посадили туда сына байги, покрыли яму деревянным настилом и сверху землею засыпали, а своему сыну раджа сказал, что его дружка закопали. В крышке они дырку оставили, чтобы воздух входил и еду можно было подать.

Сын раджи обрадовался и пошел играть на реку. Ну а раджа Аонрапурпатны в ту пору ездил жениться и на обратном пути с молодой женой проезжал через ту деревню. Увидела рани — сын раджи купается — и говорит:

— Давай отдохнем здесь на берегу.

Муж ее лег под деревом спать. Рани спустилась к воде, нашла камень, где сын раджи сиживал, и на нем написала: «Приходи ко мне в город и увези меня». Тут муж проснулся, и они поехали дальше.

Была там в деревне старая садовница. Увидела она — рани что-то там написала, — пошла и сыну раджи сказала. Ушел он в слоновник и лег там прямо в навоз. Отец пришел за ним, а он говорит, что ни куска в рот не возьмет и ни глотка не выпьет, пока ему не откроют, что там написано.

Послал раджа за деваром. Девар не смог прочесть. Никто в деревне не смог прочесть. Наконец девар прознал через свое колдовство, что только сын байги может растолковать, что там написано.

Сын раджи говорит девару:

— Верни моего друга к жизни, а то я себе голову напрочь отрежу.

Девар послал к радже. Выпустили сына байги из ямы и послали его к сыну раджи. Оба очень обрадовались, поели вместе и пошли вниз к реке. Тут сын байги сказал, что написала это Рупаитин и что сыну раджи надо прийти к ней под видом нищего и ее увезти.

Собрались они поскорей и пошли. Пришли в город, видят там сад и озеро. Сын раджи оделся, как садху, и прямо пошел во дворец просить подаяния. Раджа давал ему золота и серебра, а он ничего не берет — тут рани и догадалась, что это ее любимый пришел. Только она не видела никакого пути, чтобы ей убежать.

Тогда сын байги снял щепотку грязи с руки у сына раджи и сотворил из нее змею. Он вдохнул в нее жизнь и послал ее во дворец укусить молодую рани. Змея заползла во дворец, укусила рани, и та умерла.

Раджа послал к ней всех лекарей и чародеев, да никто ничего сделать не смог. Наконец вынесли ее хоронить. А байга оделся, как девар, и встал на пути. Говорит, если они построят вокруг тела стену и оставят его одного с мертвой рани, он вернет ее к жизни.

Ну, раджа велел скорей возвести стену и всех прогнал прочь. Сын байги прочел заклинание над телом, и рани ожила. Он позвал сына раджи, они посадили ее на коня, и все трое поскакали так быстро, как только могли, и исчезли из виду, прежде чем раджа понял, что получилось.

Сын раджи привез свою рани домой. Слепой раджа со слепой рани устроили им пышную свадьбу. А сын байги женился на девушке из своей деревни, и они каждый день ходили в лес поля расчищать и коренья копать.

52. Невеста ракшаса

У гайты с женой была всего одна дочка, и они ее очень любили. Как выросла девушка и настала пора выдавать ее замуж, в дом к гайте пришел ракшас Данди. Он принес с собой крепкой водки и стал просить, чтобы девушку за него отдали. Подошел к дому и поклонился гайте и жене его, и она обмыла ему ноги и усадила его во дворе.

— Зачем пожаловал, друг? — спрашивает его гайта.

— Я слышал, цветок расцвел у вас в доме. Хочу я его сорвать и украсить им свои волосы.

Сказал так ракшас и угостил их своей водкой, а гайта с женой подумали, что гость, видно, человек очень богатый, приняли угощение и выпили вместе с ним. Так свершилась помолвка, а свадьбу договорились сыграть через две недели.

Только ракшас ушел, гайта с женой догадались, кто это был, и пожалели о своей опрометчивости. Их охватила тревога, как же их дочь пойдет жить в дом к нечистой силе. Всю ночь они судили и рядили, как бы уберечь дочку от такой судьбы, и ничего другого решить не сумели, как спрятать ее, а ракшасу сказать, что она убежала с кем-то из деревенских парней.

Так вот, только увидели, что идет ракшас, сразу велели дочке бежать в амбар и залезть там в большой горшок. Гость вошел, и жена гайты омыла ему ноги и усадила его. Потом сама села напротив и принялась плакать.

— Нашу дочку увел один парень. Мы не знаем теперь, где она.

Ракшас говорит:

— Я ее вам найду.

Пошел он в амбар, показал на горшок и говорит:

— Здесь она.

Гайта с женой стали клясться, что ничего об этом не знали, и принялись ракшасу говорить, что девушка, видно, его испугалась и спряталась сама без их ведома.

— Приходи еще через восемь дней, и мы отпразднуем вашу свадьбу.

Ракшас согласился и ушел.

Ну а девушка совсем перепугалась. Она поняла, что родителям ее не выручить — ракшас ее все равно найдет и на ней женится. Сговорилась она с матерью и ушла в чужую деревню. В назначенный день пришел ракшас, увидел, что девушки нет, и очень разгневался. Он обшарил весь дом, а как уверился, что девушки там и вправду нет, пошел искать дальше. Своим великанским шагом он быстро ушел далеко от деревни и скоро с вершины холма увидел девушку — она со всех ног бежала к лесу. Пока ракшас спускался с холма, она уже перешла в царство к радже Бельпурихе. Видит, древняя старуха молотит горох деревянной дверцей от свиного загона. Подошла девушка к ней и говорит:

— Матушка, ты, верно, сильно устала весь день горох молотить. Дай, я тебе помогу.

Старуха с радостью отдала ей свою деревяшку, а сама на землю легла — отдохнуть. Девушка стала было горох молотить, а потом обернулась, да как примется бить старуху, пока до смерти ее не забила. Потом содрала с нее кожу и на себя натянула, и сама стала с виду убогой старушкой.

Той порой ракшас поднялся на вершину другого холма. Поглядел — девушки не видать, только старуха молотит горох. В гневе и досаде уселся он на холме и стал осматриваться — где же девушка? А она уже зашла в старухину хижину и готовить себе принялась. Так она и стала там жить: соседям рис обдирала и пшеницу молола — тем и кормилась.

Среди тех, кто ей работу давал, была родня раджи. Работала девушка больше ночью. Снимет старухину кожу, совершит омовение, станет сразу сильной и молодой, да как начнет vorочать такую работу, с какой ни одной женщине в деревне не справиться.

Скоро все соседи пошли толковать, как много она успевает сработать, а мужья, на нее глядя, своих жен корили. Дошел о том слух и до раджи. Раз ночью он тайком пришел к ее дому и стал подглядывать сквозь щель в стене. Видит, она сняла старушечью кожу, в которой весь день ходила, и предстала перед ним стройной девушкой. Вбежал он в хижину, схватил кожу и сжег. Как девушка ни отказывалась, он увел ее к себе во дворец и женился на ней.

А ракшас с вершины холма видел все, что произошло, и спустился вниз — забрать свою нареченную. Девушка велела мужу быть наготове, и раджа созвал солдат — биться с ракшасом. После долгой битвы ракшаса прикончили и тело его сожгли в лесу.

Сколько-то времени девушка жила с раджей счастливо. Да только раз пошла она в лес за листьями на тарелки и чашки. Там она наступила на обгорелые кости убитого ракшаса и упала мертвой.

53. Привереда

Жили два брата. Младший был неженатый. Раз старший брат повел его в гости в другую деревню — думал ему невесту найти. Увидел младший брат девушку, что ему прочили, и отказался жениться на ней. Поднял он семечко дерева сал и сказал:

— Вот найду девушку, что будет так хороша, как это семечко, тогда и женюсь.

Все над ним засмеялись, а он ушел из дому и стал искать всюду, да нигде не находит. Наконец наделал он гребней, покрыл их резьбой и украсил мелкими ракушками и цветным бисером. Пошел он носить их по базарам. Торгует, а сам ждет, что в один прекрасный день придет к нему за гребнем девушка, хорошенькая, как семечко дерева сал. Вот раз он сидит на базаре и видит: идут покупать две сестрицы-красавицы. Он разом прочел заклинание, и пошли они не к кому-нибудь, а прямо к нему. Подошли, стали гребни разглядывать и спрашивают, почему они. Он говорит:

— Им нет цены.

Повернулись они и дальше пошли по базару, да из-за его чар ни в одну лавку не могут зайти. Пришлось им вернуться к нему и снова спросить цену гребням. А он говорит:

— Им нет цены. Они для той, кто со мной будет жить.

Услышали девушки эти слова, и они им пришли по душе. Они говорят:

— Давай нам гребни. Мы согласны с тобой жить.

Тут парень снял свои чары, и они все втроем пошли покупать, чего им только хотелось. Вечером девушки устроились

ночевать вместе с парнем; сготовили ему ужин и легли спать у дороги. Пока они спали, шел мимо один человек. Наложил он на парня заклятие, что бы тот не проснулся, и увел с собой обеих девушек. Там, где им идти довелось, он оставил много следов: то тигриных, то медвежьих, то обезьяньих. Привел он девушек к себе в дом — а дом у него был из железа — и запер их там.

Тем временем пришла лиса и растолкала парня. Видит он — девушки исчезли, и принялся плакать. Лиса рассказала ему, как дело было, и парень пошел их искать, да разные следы всё его с толку сбивали, пока лиса ему не открыла, какая тут хитрость. Дошел парень до железного дома, начал сражаться с хозяином, но одолеть его не сумел. Он пошел к волшебному дереву, и оно дало ему палку, которая обернулась железным мечом. Этим мечом парень сразил обидчика. Только тот умер, двери железного дома отворились сами собой, и парень забрал девушек.

Идут они, а парень все думает, было у них что с тем мужчиной или же нет. Задал он им много разных вопросов, а они клянутся, что ни в чем не повинны. Тогда он протянул нитку поперек дороги и велел девушкам через нее прыгнуть. Они перепрыгнули, тогда парень поверил, что они чистоты не лишились.

Пришли они к дому, и парень спрятал обеих своих жен за дверь. Потом пошел к жене старшего брата и позвал ее выйти — на них посмотреть. Увидала она их и чувств лишилась — так были они хороши. Той ночью они обе пришли к нему, и он так напугался, что кусок не лез ему в горло. Но жена старшего брата его научила, как ему счастливо жить с двумя женами, и скоро обе они родили ему по ребенку, и все они вместе зажили счастливо.

54. Кукла-невеста

У одной бедной вдовы был сын. Круглый день ей приходилось трудиться, чтобы его прокормить. Раз, как кончились праздники, весь народ из деревни пошел рубить лес. Вот сын и попросил мать достать ему топор, чтобы ему со всеми пойти и сколько ни на есть заработать.

— Сынок, у нас денег и на еду не хватает, как же я тебе топор куплю?

А он заупрямился и не давал ей покоя, пока она не пошла к плотнику и не попросила сделать ей деревянный топор и углем его натереть, чтобы был как настоящий. Принесла она топор и дала его сыну. Он положил какой-то еды в корзинку из листьев, взял тыкву с водой, огоньку на жгуте соломы и ушел в лес поле себе расчищать. Пришел он в безлюдную чащу, все свое добро на землю сложил, взял малость душистой смолы с дерева сал и воззвал к божествам и душам умерших, чтобы они ему помогли:

— Пусть бы за каждым деревом, что я срублю, падала сотня других!

Сказал он так, сложил молитвенно руки и поклонился на все стороны света. Потом взял свой деревянный топор и ударил по дереву. И сто деревьев упало на землю. Он ударил по другому, и еще сто деревьев упало. В один час он расчистил огромное поле.

Как подошла пора дождей и настало время выжигать вырубку, он сходил за огнем и опять воззвал о помощи к божествам и душам умерших. Только зажег одно дерево, пламя их все охватило, и они сгорели.

Тут пришло время сеять, и парень спросил у матери семян.

— Сынок, у нас денег и на еду нет. Откуда же я возьму тебе семена?

Пошла она просить по деревне, да никто ей ничего не дал. Наконец отыскала она горстку рисовой соломы — ее кто-то выбросил — и принесла сыну. Вот, как сказал гайта, что сеять пора, парень пошел на свою вырубку и позвал диких свиней, чтобы они ему поле своими клыками вспахали. Начали свиньи землю копать и золу зарывать. Парень видит, что дело у них как надо идет, и пошел домой просить мать, чтобы подыскала ему невесту в помощницы.

— Сынок, у нас денег и на еду нет. Как я за жену тебе заплачу?

Только он от нее не отставал, и наконец она пошла к плотнику и попросила сделать деревянную девушку с браслетами на руках, с бусами вокруг шеи и с ракушками-каури в волосах. Принесла мать куклу домой, поставила у очага и, как невесту, в тряпку, крашенную куркумой, одела. Парень пришел, мать ему говорит:

— Сынок, вот твоя жена.

— Пусть она еду мне подаст,— говорит парень.

А та и не шевельнулась.

— Иди спать со мной,— говорит он опять.

А кукла стоит где стояла.

— Какая это жена? — сказал парень, взвалил ее на плечо, захватил еды в корзине из листьев и пошел к себе на вырубку. Там он велел жене подать еду, а ей хоть бы что. Он так разозлился, что поднял куклу и швырнул ее оземь с треском. Треск напугал диких свиней, и они бросились в лес. Парень слышит их топот, и почудилось ему, будто это его жена убегает — вот и кинулся он ее догонять. Бежит он по лесу и видит девушку, а ее только вчера замуж отдали, и она свой невестин наряд, куркумой крашенный, еще не сняла. «Вот моя жена», — думает он. Схватил девушку да как начнет ее бить — зачем, мол, убежала. С ней была еще девушка. Она побежала в деревню и всем рассказала, что там приключилось. Молодой муж примчался на место, стал жену выручать. Вот и заспорили парни: каждый говорит, что жена его. Долго так они спорили, потом сын вдовы говорит:

— Если ты и вправду ей муж, пусть она возьмет тебя за усы, поднимет и повернет. Потекут у тебя из глаз слезы, значит, ее муж не ты, а я.

Тот согласился на испытание. Только жена подняла его за усы, слезы выступили у него на глазах и полились по щекам. Пришлось ему отдать жену вдовьему сыну. Обрадовался тот и повел ее к себе домой. В этот год его поле принесло большой урожай, и с той поры он стал богачом.

55. Дочери дано

У одного байги с женой было пять сыновей. Солнце им силу давало, ветер расти помогал. Да только были они очень бедные и кормились одной охотой. Раз все пять братьев пошли на охоту и забрели на гору Каджлибан. Никакой дичи они не нашли, а тут и ночь наступила. Стали они искать дорогу домой и заблудились в лесу. Ходили туда да сюда, пока не пришли к дому дано.

Увидел дано пятерых братьев байга и очень обрадовался -- ведь у него было шесть дочерей и один сын. Встретил он их приветливо, говорит:

— Зятья мои! А я только хотел идти вас искать.

Устроил он им настоящий пир и поделил дочерей между ними. В первый день он работы им не давал. А с другого дня начал думать, как бы заставить их на него работать — ламсенами сделать.

Вот раз поутру он говорит:

— Идите в поле, вспашите его.

Они говорят:

— Волон у нас нет.

— Ничего,— говорит им дано.— Идите в поле и крикните: «Бачхи-хи-о-хи-о!» — волы и придут.

Пятеро братьев вышли в поле, крикнули, как велел им дано, и выскочили из лесу на поле десять тигров. Увидели братья тигров и перепугались.

А пять сестер пошли по воду и, как шли мимо поля, говорят одна другой:

— Давайте подкрадемся тихонько и посмотрим, что они делают.

Видят, все пятеро братьев в угол забились и шевельнуться не смеют — тигров боятся. Подошли они к ним и говорят:

— Не пугайтесь, поймайте тигров и запрягите их в сохи. Они вас не тронут.

Братья поймали тигров и запрягли их в сохи.

Кончили пахать, что на тот день было положено, тигров в лес отпустили и пошли домой ужинать. Так пятеро братьев байга стали день за днем ходить в поле и на тиграх пахать.

Ну а младшая, шестая дочка дано спала одна. У нее был всего один глаз, и всем видом она была в дано, хоть сестры ее были красавицы. Раз говорит она матери:

— Матушка, мне надо съесть у зятьев срамные части.

— Тише, дочка,— говорит мать.— Они могут услышать. Дай им заснуть, тогда и ешь что захочешь.

Да только, как пошла она туда, где они спали, младший брат — а его звали Мангуст — ей сказал: «Мангуст тебя видит», — и она убежала в испуге.

На другой день дочка опять говорит матери:

— Матушка, я хочу съесть у зятьев срамные части.

— Подожди денек-другой, дочка,— говорит мать.— Тогда я сама их отрежу и тебе принесу.

А Мангуст слышал, что они говорили, и рассказал братьям.

— Нынче ночью,— говорит он,— нацепим браслеты и оденемся в женское платье. Сами ляжем спать на полу, а жен пустим на наши кровати.

Ведь у байга женщины никогда не спят на кроватях. Если есть кровать в доме, на нее муж ложится, а жена спит на полу рядом.

Вот ночью они и сделали, как сказал младший брат. Среди ночи пришел дано с ножом и зарезал своих дочерей — он-то думал, что это парни. Братья дождались, пока он ушел, и убежали. А младшая дочка, та, что с одним глазом, говорит матери:

— Матушка, я хочу съестть их срамные части. Матушка, я хочу съестть их срамные части.

— Подожди малость, дочка,— говорит мать.— Утром ты съешь все, что захочешь.

Братья убежали и забрались на баньян. Утром дано увидал, что он зарезал своих дочерей, и загоревал. Но своей волшебной силой он их оживил, а жена его с одноглазой дочкой пошли разыскивать парней. Долго они их искали, пока наконец одноглазая дочка их не углядела на дереве. Только братья успели набить в ствол острых гвоздей. Стали мать с дочкой на дерево лезть, а братья их вниз толкнули, и они напоролись на гвозди. Так их гвоздями порвало, что они умерли. Потом братья слезли, отыскали дано и изрубили его на куски. Они вошли в дом и видят девушки живы. Тогда они их забрали к себе в деревню и прожили с ними счастливо всю свою жизнь.

56. Как брата на сестре женить хотели

В старые времена, говорят, жили когда-то семеро братьев с сестрою. Сестра была самая младшая, и была она у них одна-единственная. Замуж выдать ее еще не успели, и ходила она в девушках. Старшие братья все были женатые, один младший был холостой. Все искали ему невесту, да нигде под-

ходящей найти не могли: какую девушку ни подыщут, никак дело не сладится.

Искали ему жену года два или три, а все то же — нет нигде подходящей. Тут этот парень и говорит:

— Слушайте, матушка с батюшкой и вы, братья. Вот что я вам скажу. Раз не найти мне жены, и стараться не надо. Завтра принесу я из леса цветок и посажу его около дома, где стойка стоит — горшки с водой ставить. И смотрите, пусть никто из домашних его не сорвет и в волосы себе не вставит — ту, кто это сделает, я в жену возьму. Вот зачем я его посажу. Потому и вам говорю, чтоб никто из нашего дома не вздумал его себе в волосы вставить. И тебе, матушка, я скажу: смотри за цветком, пусть никто из наших домашних его не сорвет. А девушкам из деревни, если какая захочет сорвать, говори прямо: «Не рви этот цветок и в волосы не втыкай, а если сорвешь, знай — быть тебе женой нашего младшего сына». Толком им говори, ничего не забудь, а за цветком смотри хорошенько.

— Ладно, — отвечают все, — это хорошо. Сажай. Все ведь в доме слыхали, что ты сказал. И вроде всё поняли, верно?

— Так оно и есть, — сказал тогда парень. — А то не натворили бы вы чего, не знаячи-то. А другие сорвать захотят — скажите, и пусть рвут.

На другой день, говорят, принес он цветок, кто его знает какой, и посадил перед домом, где воду ставят, а всё, что накануне он говорил, разошлось по деревне, и все уже это знали. Посадил он цветок, вся деревня пришла посмотреть. И, правду сказать, каждый день парень за ним приглядывал. Прошло сколько-то дней, и цветок расцвел — на вид он вышел хорош, и запах от него шел хороший. Ради такой его красоты девушки что ни день прибегали на него посмотреть.

Вот раз, говорят, вышло такое дело. Младшая их сестрица из горшка воду брала, а цветок ей тот так приглянулся, что взяла она вдруг и схватила цветок — не могла с собой совладать. Мать это увидела, говорит:

— Смотри, доченька. Зачем ты цветок его трогаешь? Не знаешь ты, что ли?

— Подожди, матушка, не мешай, — отвечает ей дочь. — Я его к себе примерить хочу. Знать бы, как он мне пойдет.

— Что ты, дочка! — говорит мать. — Не вздумай цветок на себя надевать.

— Нет, матушка, — отвечает она. — Я его с корнем выну и к

себе приложу, а потом посажу, как и было. Если сорвать, он увидит, а если вытащить с корнем, откуда ему знать, что что-то было?

— Ладно,— говорит мать.— Раз ты меня слушать не хочешь, что мне с тобой делать?

И вправду не послушалась дочка матери. Вытащила она весь цветок с корнем и приложила его к волосам, а потом назад посадила, как было.

Попозже в тот самый день пришел ее брат — тот, что цветок посадил,— и прямо к цветку — такой уж он обычай завел. Сестра в хлеву спряталась и оттуда глядит, а мать сидит у дверей на веранде. Парень и спрашивает:

— Слушай, матушка. Кто на себя цветок надевал?

— Что ты, сынок,— отвечает мать.— Никто его не надевал.

— Нет, матушка,— говорит сын.— Кто-то мой цветок надевал, я по запаху чую. Ты уж лучше скажи, кто его брал. Сдается мне, знаю я, чей это дух.

Тут и отец говорит:

— Скажи ему, кто цветок на себя надевал.

— Кто его знает. Я не видала,— мать отвечает.

— Ну так сама погляди, если не веришь,— говорит сын.— Вон к нему волос пристал. И сдается по запаху мне, что это наша сестрица его надевала.

Тут отец спрашивает:

— Отвечай, дочка, ты и вправду надевала цветок?

Дочка ни слова в ответ, а мать говорит:

— Что с такой девчонкой поделаешь? Как я ее ни отговаривала, взяла да нацепила цветок. «Я, матушка,— говорит,— надену его на минуточку, а потом опять посажу». Так и впрямь взяла и надела.

Тут дочка принялась плакать, а отец говорит:

— Делать нечего. Видно, такая у них судьба, чтобы им женатыми быть. Потому мы и невесты ему сыскать не могли. А ей хоть и говорили и остерегали, она все равно цветок нацепила. Что тут теперь скажешь? Ладно, давай их поженим.

Дочь опять в слезы. А что им делать? Собрали помаленьку все, что надо для свадьбы, и рису наварили.

Задумалась дочка. «И впрямь они нас нынче поженят,— говорит она сама себе.— Эх, лучше убегу я отсюда. Нет у меня другого спасения». Решила так и убежала из дому. Был у нее попугай, так его она тоже с собой взяла.

Шла она, шла и зашла кто его знает как далеко. Стала она где-то в пруду купаться и начала тереть руки и ноги, а грязь у нее с тела, говорят, комками полезла. Стерла она ее немало, скатала всю в один ком и положила на землю. А потом, говорят, из этой грязи вышла пальма-пальмира. Пока она купалась, пальма взяла да и выросла. Она говорит:

— Надо мне влезть на эту пальму. Как она легко и скоро растет.

Сказала так, взяла на руки попугая и влезла на пальму. Потом говорит:

— Слушай, пальма-пальмира, расти повыше, чтобы никто меня не нашел.

И, правду сказать, только она это вымолвила, пальма, говорят, стала расти и расти и выросла высоко-высоко. Там девушка отпустила попугая, и он ей еды принес. Тем они оба жить стали.

А дома девушки не видать. Домашние ищут ее, с ног сбиваются — к свадьбе, сами знаете, все готово. Искали день, искали другой, да не нашли и искать перестали — что им еще делать было?

Прошло невесть сколько времени, шла там раз в полуденную пору девушка из племени махлэ — свой плетеный товар несла продавать. Захотелось ей пить. Положила она корзинки под той самой пальмой-пальмирой, воды из пруда попила и сама села в тени. Тут девушка с пальмы ей говорит:

— Слушай, девушка махлэ, дай мне маленькое решетцо, а я тебе браслет дам.

— Давай,— отвечает девушка махлэ.— Брось его мне.

Тут и вправду она его сбросила, а та ей кинула наверх решетцо, и прилетело оно ей прямо в руки. Поймала его девушка и говорит:

— Слушай, девушка махлэ, ты надела браслет. Только никому его не показывай. Как придешь в деревню продавать корзинки, браслет ты прикрой. А то не отняли бы его у тебя.

— Ладно,— отвечает та.— Как зайду в деревню, я его прикрою.

Сказала так девушка махлэ и поднялась, а девушка с пальмы ей опять говорит:

— Не говори никому, что я здесь. Если скажешь, смотри — не жить тебе.

— Ладно,— та отвечает.— Никому не скажу.

Сказала и прочь пошла.

А родители девушки вот как решили: «Видно, наша дочка с тоски утопилась или еще как-нибудь руки на себя наложила. Потому нам ее и не найти, а то бы давно уж нашлась». Поискали они везде, где могли, отчаялись и искать перестали.

Той порой, говорят, девушка махлэ шла по деревням со своим товаром и пришла однажды к их дому, а рука у нее была завязана. Увидали они это и спрашивают:

— Слушай, девушка махлэ, что у тебя с рукой приключилось?

— Поранилась я,— отвечает.

— Поди сюда, покажи,— говорят ей.— Надо бы взглянуть, какая у тебя рана.

А она не хочет показывать. Как стали к ней приставать поильней, она говорит:

— Нет, не покажу. Если вы мою рану увидите, я сразу тут и помру.

Засмеялись они и говорят:

— Чудно ты рассказываешь. Когда это кто помирал от того, что рану показывал? Ни за что не поверим. Ну, дай нам посмотреть на твою руку. Увидим, помрешь ты или нет.

По правде сказать, как начали они ее уговаривать — и так и по-другому по-всякому,— она им показала. Видят, рука в порядке.

— Где твоя рана? — спрашивают.— Зачем сказки рассказываешь?

А как увидели браслет, сразу признали и говорят:

— Слушай, девушка махлэ, откуда у тебя этот браслет?

— Я его нашла,— отвечает она.— А где, я вам не скажу. Если скажу, разом помру тут на месте.

— Все ты врешь,— ей говорят.— Как просили тебя показать рану, ты это же говорила, а ведь не умерла. Мы знаем этот браслет — это браслет нашей дочки. Вот мы и спрашиваем, где ты его раздобыла.

— Никогда не скажу,— отвечает та.— Она мне никому говорить не велела.

— Нет, скажи,— говорят ей.— Мы ее искали, искали, пока не отчаялись. Потому тебя и спрашиваем.

— Нет,— отвечает.— Никогда не скажу.

Тут мать девушки говорит:

— Сделай милость, девушка махлэ, скажи. Мы дадим тебе полное решето рису.

— Хорошо,— отвечает.— Вы мне сперва его дайте.

Они и впрямь дали ей полное решето рису. Тогда она и говорит:

— Вон там дорога идет, видите? Идите этой дорогой. Там у такого вот дерева растет пальма-пальмира. Она наверху, на этой пальме, и попугай у нее.

— Да,— говорят они.— Не иначе, как это она.

Пошли они, посмотрели — она самая это и есть. Глядят на пальму — уж очень высокая вытянулась. Как им ее оттуда достать? Начали ее звать:

— Спустись, дочка, спустись. Не будем мы его женить на тебе.

Так они ей говорили, чтобы ее вниз сманить. А она не спускается. И так ее и сяк уговаривали, она все не сходит. Заплакали родители, запричитали:

Из грязи слепила ты пальму-пальмиру
И взобралась на нее, доченька наша.
Слезь, доченька наша, слезь к нам.

А она в ответ:

Матушка, батюшка, зачем вы плачете?
Я буду здесь, и душа здесь покинет меня.
Иди домой, батюшка, оба идите домой.

Так они и вернулись ни с чем. Тогда пришли жены братьев и тоже принялись плакать:

Пальма, о пальма, спусти-ка ты девушку:
Свадьбу брата с сестрой пора нам справлять.

Ничего не ответила девушка и не спустилась, а дерево еще выше выросло. Где уж им было взобраться и стащить ее вниз? Надоело им, и они вернулись домой. Потом стали ходить все по очереди, один за другим, пробовали ее уговаривать, а она все не спускается. Тут они разозлились и стали звать бурю с дождем. И впрямь налетела буря с дождем: и ветер дул и дождем секло. Промокла девушка вся насквозь, и стало ей холодно; а ветер, говорят, дует вовсю — пальма ходуном ходит.

— Ой-ой-ой! — говорит девушка.— Нельзя мне тут оставаться. Спускаться надо.

Тут, говорят, ветром пальму согнуло до самой земли, а потом она опять выпрямилась. Так вот, как пригнуло ее ветром вниз, девушка взяла попугая и на землю сошла.

А домашние ее уже всем сказали в деревне:

— Придет наша младшая, так вы ей не отворяйте и в дом ее не пускайте. Если пустите, мы вашу дочь заберем — нашему сыну в жены.

И сами они дома закрылись, а младшему сыну, что цветок посадил, так сказали:

— Поди засвети свет под коровьим навесом. Дров возьми вдоволь да нажги побольше горячих углей. Поставь там кровать и ложись. Она сама туда придет и с тобой рядом ляжет — вот и станет твоей женой.

Парень и вправду все сделал, как ему было сказано. Ну вот, говорят, девушка застыла совсем и пришла в деревню. Просится в один дом, в другой, а никто ей не отворяет. Пришлось ей домой идти. «Откройте мне», — просит, да только и вправду они ее не пустили.

Пошла она к коровьему навесу, где брат ее лег. Согрелась, отошла малость и говорит:

— Его я боялась, от него убежала, а теперь, выходит, к нему и пришла. Будь что будет, не стану я жить в этом мире. Видно, я всех прогневила — никто меня и в дом пустить не захотел. Видеть никого не могу.

Вот отогрелась она, отошла и села на кровать рядом с братом. А у него на поясе было нахарни. Отвязала она его, легла да горло себе и перерезала. Тут и умерла.

Как пошла по телу последняя дрожь, брат проснулся. Видит: кровь ручьем льет.

— Ох, — говорит. — Она руки на себя наложила, зарезалась этим нахарни. Затем она его у меня и отвязала.

Стал он думать и думать, кто его знает, о чем он там думал, только взял и сам горло себе перерезал тем же нахарни и умер.

Как утро настало, домашние видят: оба лежат на одной кровати и оба мертвые. Что им тут делать? Пошли народ созывать по деревне.

— Пойдемте, — говорят, — с нами. Надо дрова нести¹.

Народ говорит:

— Ой-ой-ой! Вчера все у них были здоровы. Кто это, знать бы? С кем беда приключилась? Верно, с их дочкой.

Собрался народ и видит: лежат двое мертвых — брат и сестра. Смотрят, кровь, что у них вытекла, не смешалась — потекла в разные стороны.

— Мы хотели женить брата на сестре, — говорят, — а Чандо такого не любит. Гляньте-ка, кровь в одну канаву стекла, а нигде не смешалась — так и идет двумя ручейками. И дым² тоже, смотрите, двумя столбами идет, не мешается.

Отсюда и видно, что нельзя брата женить на сестре. С тех пор никто братьев на сестрах не женит.

Вот и все. Конец сказке.

57. Плавильная печь

Жили-были семь братьев. У них была одна сестра — младше их всех. В семье она была любимица. Все братья были женатые, только младшего еще не женили. Младший брат был тоже любимый. Он никогда не работал в хозяйстве. Раз шатался он по лесу и встретил сестру. Бросилась ему в глаза ее красота, и стал он думать о ней: «Почему бы братьям меня на ней не женить?» В тот раз он ее оставил в покое, пошел один бродить дальше по лесу и нашел большой гриб невиданной красоты. Он сорвал его и назад повернул. Принес гриб домой и положил на видное место, где всегда огонь зажигали.

Как пришли его шесть невесток, он им этот гриб показал и говорит:

— Запомните, невестки. Та, кто съест этот гриб, станет моей женой. Будь она мне матерью или невесткой, будь она нашей касты или чужой, я на ней женюсь все равно.

Немного спустя — он уж ушел — входит его сестра. Она только что в ближнем озерке искупалась. Увидала гриб, сразу взяла его и говорит:

— Сестрицы, я его съем.

Шесть невесток всполошились, стали ее уговаривать не есть этот гриб. Обещали они принести ей грибов сколько захочет, только бы она этот не ела. А девушка говорит, что он ей приглянулся — уж так он с виду хорош — и она его съест непременно. Тут они ей сказали, что это ее брат здесь положил да еще и сказал, что женится на любой, кто его съест. Девушка засмеялась — так чудно это ей показалось — и говорит:

— Что? Мой брат? Да ему и на ум не придет на мне жеваться.

Сказала еще, что они, видно, вздумали над ней посмеяться, и съела гриб. Тем временем приехал брат. Привязал лошадь в стойле, вошел в дом и видит — гриба нет на месте. Стал он кричать и всех спрашивать, кто съел его гриб. А его в доме любили, и всегда его слово было последним. Вот и тут он потребовал, чтобы его послушали, и велел родителям и старшим братьям готовить ему свадьбу.

Приготовили всё, что надо, хоть и было всем тяжело и все говорили: «Вот вам Калиюга». Готовить-то пришлось все равно. Никто слова не имел в этом деле, каждый рот себе рукою закрыл и молчал — так они все любили младшего.

А просо почистить дали соседке-вдове. Она была женщина бедная, держала кур, яйцами торговала — тем и жила. Увидели куры просо, стали клевать, а вдова им говорит:

— Не ешьте это просо Калиюги. Это просо полно греха — оно пойдет на грешную свадьбу брата с сестрой.

Девушка, бедняжка, случайно это услышала, и стало ей горько. Вот, как забили в барабаны и начали всё куркумой красить, она убежала из дому прямо в лес. Там росло высокое дерево. Она говорит ему:

— О благородное дерево! Если ты настоящее дерево, опусти свои ветви к земле.

Только она это сказала, дерево опустило к земле свои ветви. Девушка влезла на них и говорит:

— Если ты настоящее дерево, подними меня к небу.

Той порой брат догадался, что сестра убежала, и пошел ее искать. На дороге он нашел ее разбитый браслет и узнал по нему, куда она побежала. Подошел к дереву, взглянул вверх и увидел сестру на самой вершине. Стал он говорить дереву те же слова, что сестра говорила. Да дерево его не послушало. Тут он пригрозил, что его срубят. Дерево испугалось и опустило ветви к земле. Как осталось до земли совсем мало, девушка спрыгнула — и бежать со всех ног. А брата веткой зацепило и на ее место под самое небо подняло. Да он слез и побежал сестру догонять.

Девушка бежала и бежала, пока не прибежала в деревню, где у плавильной печи работал агария. Она говорит:

— О агария! Если ты настоящий агария, сунь меня к себе в печь и сожги.

Гот удивился и, понятно, отказался так сделать. А когда она рассказала ему все, как было, он согласился исполнить, что она просит. Сунул он ее в печь и стал мехами огонь раздувать. Той порой и брат туда прибежал. Стал просить агарию, чтобы он его тоже в печь бросил, и агария сделал это.

Вошел брат в огонь и видит — сестра его в пламени еще краше стала. А самого его печь скоро спалила, и превратился он в уголь. Время прошло, и агария перестал мехами огонь раздувать и девушку из печи вынул. Как золото после плавки только чище и красивее становится, так и она вышла из огня еще краше и ярче, чем была раньше. А от брата ее и следа не осталось.

Девушка вернулась в родную деревню, и, как приспела пора, устроили ей счастливую свадьбу.

58. Балосундри

Жили в деревне старик со старухой. У них было семь сыновей и одна дочь. Как подросли сыновья, женились все семеро, а дочка осталась незамужней. Звали ее Балосундри.

Раз старший брат говорит:

— Я хочу сам жениться на Балосундри.

Услыхала сестра, рассердилась и убежала из дому. Пришла она на берег бескрайнего моря и стала себе строить лодку. Как построила лодку, села в нее и выплыла на самую середину моря.

Вскоре до семьи дошла весть, что Балосундри живет посреди моря. Старики родители вместе с семьей сыновьями побежали на берег. Встали там старик со старухой у самой воды и запели:

Вернись, вернись, Балосундри!
Козу привели тебе к свадьбе —
Вот уже ее режут.
Вот уже тебе гирлянду плетут —
Она завянет, если ты не придешь.
Вот уже к твоей свадьбе ставят шатер —
Он упадет, если ты не придешь.

Вот уже сходятся гости на свадьбу —
Они ведь уйдут, если ты не придешь.
Вернись, вернись, Балосундри!

А с лодки с середины моря дочка запела в ответ:

Были вы мне отцом с матерью,
А теперь вы мне свекор и свекровь.
Лодка, погрузись в море! Тони скорей, лодка!

Тогда вышли шесть братьев с женами. Стали парами на берегу бескрайнего моря и запели:

Вернись, вернись, Балосундри!..

Всё то и спели, что родители пели. А Балосундри им отвечает:

Братья мои и невестки!
Были вы мне родные братья,
Были вы мне и вправду невестки,
А теперь стали вы мне деверьями,
Стали мне женами деверей.
Посмотрел бы на вас Джаора-баора.
О лодка, погрузись в море! Тони скорей, лодка!

После всех пришел старший брат с женой, встал на берегу и запел:

Вернись, вернись, Балосундри!..

А сестра поет:

Был ты мне старший брат,
А теперь ты мне муж-владыка.
Посмотрел бы на тебя Джаора-баора.
О лодка, тони скорей в море!

Пропела она эти слова, а они стоят на морском берегу, смотрят и видят: ушла тихо лодка под воду.

Так утонула Балосундри. А родители-старики вместе со старшим сыном и его женой и с другими шестью сыновьями и их женами пошли себе домой и плакали всю дорогу.

59. Откуда взялась трава бачком

В одной стране, кто его знает, в какой, жили, говорят, семеро братьев. У них была одна сестра. Вот раз, говорят, эта сестра нарвала невесть где каких-то овощей и стала их резать. Стала резать и порезала себе мизинец. Кровь потекла прямо на овощи. Сготовила она их и подала братьям. Они съели. Потом говорят между собой:

— Слушай, какие сегодня овощи вкусные были, ты приметил?

Стали они допытываться, почему это так, и дознались, что сестра порезала мизинец и залила овощи своей кровью. Вот почему они такие вкусные вышли.

Принялись они о том толковать.

— Слушайте-ка,— рассуждают,— а мясо у нашей сестры, верно, еще вкуснее.

Тут старший брат возьми да скажи:

— Ладно. Раз так, надо нам ее съесть.

И придумали, как им это устроить.

У братьев было кукурузное поле, и кукуруза уже созрела. Вот они и говорят сестре:

— Слушай, сестра, посторожи кукурузу, что у нас на верхнем поле.

Поставили вышку¹. Девушка на нее забралась и стала ворон и скворцов, собак и шакалов прочь отгонять. А семеро братьев взяли луки и стрелы и, спрятавшись в укромном месте, принялись в нее стрелять. Стреляли, стреляли, пока не устали. Младший-то брат не хотел ее убивать, так он не в нее стрелял, а все в сторону. Долго они так старались. Наконец старший брат попал в нее. Она упала на землю и умерла.

Взяли они ее все вместе и понесли на берег реки, чтобы там ее съесть. Стали они к тому всё готовить — кто волос палит, кто мясо рубит,— а младший брат вызвался воды принести и ушел оттуда подальше, так ему ее было жалко. «Она ведь наша сестра,— говорит он сам себе.— Как я ее стану есть?» Подумал он так и ушел прочь, к реке. Наловил там крабов и испек себе.

А пока он ходил, остальные сготовили мясо, поделили его на семь кусков и всё разобрали — каждому по куску. Только

младший не стал есть ее мясо. Он крабов ел, а мясо сестры тайком кинул в дыру в термитнике. Потом говорит:

— Я кончил.

Съели всё и домой пошли.

До тех пор они жили богато, а как убили сестру, сразу и обеднели. То ли судьба их была с сестрой так увязана, то ли еще что, только стали они сразу нищими, словно факиры.

В скором времени на том месте, куда младший брат мясо сестры бросил, вышел из земли побег бамбука невиданной красоты. Случилось идти там одному человеку. Увидел он этот бамбук и думает: «Сделаю-ка я из него скрипочку»². Вот с какой мыслью он оттуда ушел.

Наутро приходит с топором — и прямо к бамбуку. «Как бы мне лучше его срубить?» — думает. А потом говорит:

— Пропади всё, срублю я его где-нибудь повыше.— И как рубанет топором высоко от земли.

Только ударил, слышит голос из дерева. Говорит ему голос:

— Стой, стой! Не руби высоко, руби низко!

Снова ударил он топором — у самого корня. Опять, слышит, голос просит его со слезами:

— Стой, стой! Не руби низко, руби высоко!

Начал он рубить выше, опять тот же голос:

— Стой, стой! Не руби высоко, руби низко!

Да только тут он его так рубанул, что стебель упал. Взял он его с собой и сделал скрипочку. Обтянул ее кожей игуаны, и запела скрипочка так, что заслушаешься. Как молодая девушка песню поет, точно так и эта скрипочка пела — ведь в ней внутри была девушка. Ну а музыкант-то не знал, что там человек прячется.

Так он играл на скрипке немало дней. А потом раз вышла из скрипки девушка, и так она ему приглянулась, что он взял ее себе в жены. С той поры зажили они богато.

А братья ее, как обеднели, пустились странствовать по чужим краям. И случилось им в этих странствиях забрести в дом к сестре. Они ее не узнали, а сестра всех их узнала и говорит мужу:

— Это мои братья. Надо нам их угостить. Ведь не мило-стыню им подавать.

Вот они им и сказали:

— Отдохните у нас немного. Потом дальше пойдете.

Они очень обрадовались.

— Ну,— говорят,— вернулось к нам наше счастье. Сегодня у нас настоящий пир будет.

Братья давно уже забыли, как натирать тело маслом, и одежды у них никакой не осталось. «Дам-ка я им масла»,— думает зять. Налил им в чашку на целую рупию масла. А они — такие голодные — взяли его да и выпили. «Ну,— говорит себе зять,— ведь они его выпили». Взял он тогда сам масла в чашку и повел их к пруду — искупаться. Там уж, как отмылись они, дал им масло, а до того они, говорят, были грязные, словно коровы.

Искупались они, вернулись к дому и отдохнули немного, а тем временем и еда поспела. Сестра налила им воды — умыться перед едой. Они вымыли руки и вошли в дом. И зять тоже вошел, сел вместе с ними, и все за еду принялись. Кончили первую перемену, сестра вторую им подала. А потом она стала рассказывать, что раньше было, да и спрашивает:

— Братья, узнаете меня?

— Нет,— говорят.— Лучше скажи сама, кто ты.

Тут она им все рассказала:

— Было нас восьмеро — вас семеро братьев и я, ваша сестра. А потом, помните, вы в меня стали стрелять и убили меня на вышке посреди кукурузного поля? Младший брат меня так старался спасти, да уж очень вы своего добивались. И все равно он меня спас, мой младший брат.

Дослушали они до конца, старший брат встал и топнул ногой, и сразу земля под ним раскрылась — как раз, чтобы человеку пройти. И все братья один за другим туда побросались, потому что им было страшно и стыдно — они головы опустили и глаз на сестру поднять не могли.

Ну а младший брат шел последним, и, чтобы его удержать, сестра его за волосы ухватила. Да только не удержала — одни волосы у нее в руках и остались. Отсюда вот, говорят, и пошла трава бачком. Из этих волос. А раньше ее просто не было.

60. Верный пес

У одного агарии было пять сыновей и одна дочь. Как подросли сыновья, он их женил. А дочка оставалась в девицах, и родители ее любили и берегли. Раз все пятеро сыновей вместе с женами пошли в лес. Они нашли павшего вола и притащили его домой. Печенку родители дали съесть дочке. Невестки взревновали и обозлились.

— Ладно,— говорят,— мы у нее у самой печенку съедим¹.

На другой день пятеро братьев пришли домой усталые и просят сестру дать им напиток. А она порезала руку, кровь в воду попала, и вода покраснела. Братьям питье по вкусу пришлось, они спрашивают:

— Что это красное?

Она не ответила — боялась, как бы они ее не убили, да они и сами дознались, в чем дело.

Братья увели сестру в лес, а родители следом пошли и вернули ее домой. Ну, братья и сговорились, как им ее убить. А у нее была собака — отец ей подарил, чтоб было с кем играть. Раз братья уговорили сестру пойти с ними в лес манго рвать и убили ее по дороге. Пес подобрал ее голову и притащил домой. Увидел это отец, подумал, что пес ее и убил, и заколотил его до смерти.

Вскоре потом пришли домой пятеро братьев и мясо сестры с собой принесли, нарубивши помельче. Увидели на полу ее голову, перепугались и убежали. Тут отец и смекнул, кто на самом деле убийцы. Завязали родители в платок головы дочки и пса и отнесли их на Слоновью гору. Там спал садху. Они положили головы рядом с ним и ушли. Садху проснулся, увидел головы, испугался и закричал:

— Прочь! Прочь! Вернитесь в свое обличье и оставьте меня!

Девушка и пес разом ожили и остались жить вместе там, на Слоновой горе. Спустя сколько-то времени пятеро братьев пришли туда поохотиться. Увидела их сестра и говорит псу: «Ату! Ату!» — и пес их прогнал. Они вернулись домой и рассказали родителям, что сестру видели. Те пошли, привели ее домой. Только, когда замуж отдать ее захотели, она сказала:

— Мой муж — этот пес.

Братья так разозлились, что навсегда ушли из деревни. А девушка и пес остались жить счастливо вместе со стариками.

61. Дело к Видате

В одном городе жил купец. Он был очень богатый, а детей у него не было. Раз он и думает: «Если я завяжу дружбу с богатым, мне от того большой чести не будет. Лучше поищу себе в друзья бедняка».

В том городе жил один махара — ткач. Детей у него было семеро, и он сильно бедствовал. К нему и пришел купец. Говорит:

— Я хочу завязать дружбу с тобой. Ты будешь мне другом навеки.

Махара говорит:

— Махапуруб! Как я могу быть твоим другом? Ты же видишь сам мою бедность. Я и кокосового ореха тебе дать не могу¹.

А купец говорит:

— Об этом я позабочусь. Тебе это ничего стоить не будет.

На другой день купец созвал к себе в дом соседей. Он положил поровну подарков на два больших блюда и завязал дружбу с махарой — тот стал теперь его вечным другом. Гости купец напоил вдоволь вином и отпустил. А нового своего друга и его всех детей одел в хорошее платье и устроил им большой пир. Потом махара сказал:

— О друг, теперь нам пора домой.

Купец им доброго пути пожелал и велел слугам отнести в дом к махаре пять мер риса. Махаре с семьей этого риса хватило всего десять раз поесть. Вот махара снова пришел к своему богатому другу и говорит:

— О друг, ты дал мне пять мер риса, да мы его кончили — всего десять раз и сварили. А теперь детишки твоего друга умирают от голода.

Тогда купец послал другу десять мер риса. Махаре с семьей этого риса достало сварить двадцать раз, и махара снова пошел к своему богатому другу.

— Ты дал нам пять мер, и ты дал нам десять мер, да все это кончилось, и теперь дети твоего друга умирают от голода.

Тут уж купец послал своему другу двадцать мер риса. Махара с семьей сварили его сорок раз и все кончили. В этот раз купец уже ждал своего друга. Он взял бутылку из пустой тыквы, набил ее серебром и закрыл горлышко. Махара пришел, говорит:

— Ты дал нам пять мер, и ты дал нам десять мер, и ты дал нам двадцать мер, и все это кончилось, а теперь дети твоего друга умирают от голода.

А купец отвечает:

— На этот раз я дам тебе тыкву.

Он велел слугам отнести бутылъ в дом к его другу. Они ее притащили на палке и отдали махаре. Махара говорит:

— Вот достану хоть малость риса и сготовлю к нему эту тыкву.

Ему ведь и невдомек, что тыква была полна серебра.

В тот день праздновали Дивали, и мурии шли по городу с танцами. Махара им кричит:

— Не ходите, братцы, сюда! Тут плясать нету толку — мне вам нечего дать.

А они говорят:

— Нынче праздник. Мы везде пляшем.

Кончили мурии танец, махара вынес им тыкву. Один паренек ее попытался поднять, да не сумел. Подошли два мужчины, да и они не управились. Наконец подвязали ее к палке и унесли.

На другой день махара пошел к своему другу и говорит:

— О друг, мы съели все, что ты дал нам. Мне пришлось отдать тыкву танцорам, что на Дивали плясали.

— Дата дал, Видата забрал! — воскликнул купец².

— Ну, разыщу я этого Видату, — говорит махара, — а как найду, места живого на нем не оставлю.

Сказал он так, схватил большую палку и в ярости зашагал прочь. Спустя сколько-то времени он пришел в лес Конари и увидел там отца с сыном — они поле пахали. Они его спрашивают:

— Брат, куда ты идешь?

— Искать Видату, — говорит он.

— Как увидишь его, — говорят, — передай ему вот что от нас. Спроси, почему термиты не едят наши одеяла³, когда мы кладем их на термитник, и почему тигры не приходят сюда сожрать нас.

Махара пошел дальше и увидел труп у дороги. Он лежал тут двенадцать лет. Махара его закопал, и тогда ноги, руки и тело у покойника сразу рассыпались, а голова высунулась из могилы, словно живая. Спрашивает его:

— Братец, куда ты идешь?

— Видату искать,— говорит махара.

— Как увидишь его,— сказал покойник,— передай от меня ему вот что. Скажи, что уж двенадцать лет как я умер и меня закопали. Скажи ему, что я сгнил, а в голове жизнь осталась. Спроси, почему голова не сгнила тоже.

Пошел махара дальше и вскоре увидел еще один труп. Этому тоже было двенадцать лет, и он сгнил весь, кроме головы, груди и правой руки. Покойник спрашивает:

— Братец, куда ты идешь?

Махара отвечает:

— Искать Видату.

Покойник ему говорит:

— Как увидишь его, передай от меня ему вот что. Спроси его, почему я не весь сгнил.

Махара пошел дальше и пришел наконец в чужое царство. Тамошний раджа послал весь народ строить стену вдоль моря. Стена постояла немного, а потом море ее сокрушило, и воды его хлынули на поля. Раджа и его рани оба ослепли. Как пришел туда махара, советник раджи его спрашивает:

— Брат, куда ты идешь?

— Видату искать,— отвечает махара.

Советник говорит:

— Как увидишь его, передай от меня ему вот что. Спроси его, прозреют когда-нибудь снова раджа и рани и будет стена, что мы строим, стоять против моря?

Пошел махара дальше.

Тут Махапуруб и думает: «Этот глупый махара все ищет и ищет меня, а сам уж совсем из сил выбился. Выйду-ка я ему навстречу». Подумал так Махапуруб, принял вид байраги и встал у дороги. Увидел махару и говорит:

— Брат, куда ты идешь?

— Искать Видату,— отвечает махара.

Тогда Махапуруб спрашивает:

— А какое у тебя дело к Видате?

— Дата дал мне, а Видата забрал,— говорит махара.— Вот я и хочу пять раз его стукнуть палкой.

— Ну ладно, иди,— говорит Махапуруб.

Тут Махапуруб зашел поскорее вперед, стал у дороги и спросил махару снова о том же. И в третий раз опять так же сделал. Как увидел его махара в третий раз, Махапуруб ему говорит:

— Я Видата.

— Ну так отвечай! — кричит ткач. — Ты зачем отнял, когда Дата мне дал? Отвечай, а то я тебя стукну палкой пять раз.

Тут Махапуруб ему говорит:

— Твой друг дал тебе пять мер зерна, и десять, и двадцать; а ты все съел, потому что ты дурак. Потом он дал тебе тыкву, полную денег, а ты ее отдал, потому что ты дурак. Это не друг твой, это я тебе все давал. Да у тебя не нашлось ни капли рас-судка — ты все это бросил.

Ткач разозлился, поднял палку и стукнул Махапуруба пять раз подряд.

— Слушай! — кричит. — У меня есть еще, что тебе сказать.

И он рассказал ему все про отца и сына в лесу Конари, про двух покойников у дороги, про слепых раджу и рани и про стену около моря.

Говорит еще Махапуруб:

— Что до отца и сына в лесу Конари, так тигр уже съел их, а термиты источили их одеяла.

Говорит еще Махапуруб:

— Что до покойника, который лежал у дороги, так это был человек очень богатый. Он зарыл все свои деньги в землю и никогда не говорил сыну, где он их спрятал. Все эти двенадцать лет сын мучился в бедности. Вот почему жизнь еще держится у него в голове. Когда он скажет, где деньги, тогда он умрет и найдет покой.

Говорит еще Махапуруб:

— Что до другого покойника, так он был великий волшебник и никогда никому не открывал своих заклинаний. Вот почему смерть его не берет. Когда он кому-нибудь свои тайны откроет, он умрет и получит покой.

Говорит еще Махапуруб:

— Раджа и рани ослепли, потому что они свою дочь не выдают замуж. Как выдадут, сразу прозреют, а воды моря отступят.

Тут махара узнал Махапуруба и упал ему в ноги. Поднялся и говорит:

— Ладно, пойду.

Он пошел сперва в царство к слепому радже и открыл советнику, что сказал Махапуруб. Советник привел его к радже, и раджа подумал: «Это, видно, очень большой человек, раз он с самим Видатой беседовал. Надо его женить на моей до-

чери». Выдал он свою дочку замуж за махару, и сразу они с рани оба прозрели, а море отступило с полей. Раджа дал махаре много подарков, денег, коней и слонов, и вскоре тот с целой свитой двинулся дальше.

Как¹ дошли до места, где покойник лежал, махара велел лагерем становиться. Сам он пошел к покойнику. Тот его спрашивает, как дело с Видатой. Махара ему передал, что сказал Махапуруб.

— Кому ж мне открыть мои заклинания? — говорит тот. — Тут никого нет.

Вот и открыл все их махаре. Только досказал последнее заклинание, глаза у него закрылись, а голова и рука рассыпались в прах.

Пришел махара к другому покойнику, поведал ему, что Махапуруб сказал, и велел открыть сыну, где деньги лежат.

— Где нынче мой сын? — говорит тот. — Я лучше тебе скажу.

И рассказал он ему, что пять горшков с деньгами зарыты под очагом, три под порогом и четыре под кроватью. Только он это сказал, глаза у него закрылись, и голова рассыпалась в прах.

Махара скорей пошел в ту деревню и нашел дом богача. Сын его жил в нищете. Махара ему рассказал, где деньги лежат. Они их откопали, и сын богача дал махаре пять горшков денег. Махара взял деньги и пошел домой. Стал он теперь прямо раджей.

Услыхала жена, что он возвращается, вышла с барабаном и с музыкой ввести его в дом. Только они приблизились к дому, их хижина вдруг сама собой стала дворцом.

А купец, что был другом махары, той порой впал в нищету и жил теперь в жалкой хибарке. Махара о нем и не вспомнил, а зажил себе весело у себя во дворце.

62. Благословение джуги

Когда-то в стародавние времена жила одна женщина. Редкой праведности была. За тем или за другим, кто их знает, много людей собиралось к ее дому. Заходили туда и такие, кто

просто язык чесать любит. Только все — и санталы и кошки-деко — называли ее доброй женщиной. А у женщины той было правило: сперва покормит тех, кто пришел за подаянием, потом уж сама ест и пьет. Каждый день она сначала кормила нищих и неимущих, только потом сама есть принималась.

Время шло. Кто его знает, сколько прошло времени, только, говорят, настал такой день, когда никто не пришел с сумой к ее дому. Она уж и ждать устала и есть давно хочется; смотрит туда, смотрит сюда — нигде никого. Как дошло до полудня, — а у нее был рис сварен в горшке, — она, говорят, отсыпала горсти два риса в полу, взяла палочку, чем зубы чистят¹, сунула под мышку кувшин для воды и говорит сама себе: «Пойду-ка на гхат, там отдам кому-нибудь рис. Потом вычищу зубы и сама тоже поем. Как мне еще сделать, чтобы поесть?»

Подумала так и пошла на гхат. Только поставила кувшин на землю, видит вдруг, идет к ней джуги госаин, и очень обрадовалась. Подошел он к ней, она говорит:

— Давно я тебя жду, госаин. Долго ты шел.

— Что до меня, — отвечает госаин, — мне веление было пойти сегодня к тебе. Вот я с утра и пустился в путь. Раньше дойти до тебя я не мог.

— Хорошо, — говорит она. — Я очень рада, что ты пришел. Смотри, я принесла для тебя рису. Вот, бери.

Он разостлал свое покрывало, и она высыпала туда рис. Потом джуги госаин, говорят, сказал так:

— Матушка, я пришел тебя благословить. Вот мы и встретились, проси, о чем хочешь. Чего попросишь, то тебе и дам. Только помни: проси одного, тысячу вещей не проси.

— Благослови меня вот чем, — попросила она. — Дай мне видеть, куда идут наши души, когда мы умираем, как душа выходит из тела — через нос или через рот — и куда она летит, сразу как освободится, — вот чем меня благослови. И еще скажи мне, когда я умру и куда пойдет моя душа. Вот моя просьба. Больше я ничего не хочу.

— Ты меня попросила, и я тебя этим благословлю, — сказал джуги. — Только помни: никому о том не рассказывай. Если расскажешь, лишишься благословения.

— Я никому не скажу, — сказала она.

Джуги вынул из сумки перо — такое перо, что и не скажешь, какой оно птицы, вот какое это было перо, — провел им

женщине по глазам и велел промыть их водой. И глаза у нее открылись заново, и стали ей видны все: и бонги, и бхуты, и даны, и чурины, и души умерших.

— Теперь ты видишь их,— сказал джуги.— Но не бойся их и не говори с ними, а то люди догадаются о твоей тайне. Если ты начнешь с ними разговаривать, подумают, что ты сумасшедшая, и все тебе испортят. Вот что мне надо было тебе сказать. Помни об этом. А теперь нам пора расстаться.

— Подожди, останься сегодня у нас,— попросила она.— Дай нам тебя угостить, прежде чем ты уйдешь.

— Нет,— сказал джуги,— я ухожу. Мне вышло веление пойти сегодня еще к одному человеку, поэтому к тебе сегодня я зайти не могу. Как-нибудь в другой раз я обязательно приду к тебе в гости.

Поговорили они так и разошлись. Женщина зачерпнула воды и вернулась домой. А у нее дети были — трое, а то и четверо. Всякого скарба и припасов было в избытке. И народу в доме тоже хватало — все братья с семьями жили вместе, не разделившись; свекор и свекровь тоже были живы.

Прошло сколько-то времени, кто его знает сколько, уж я-то никак не скажу, только пришел вот какой день. Жил в той деревне бедняк. Они с женой все поденщиной на хлеб зарабатывали. Им у кого-нибудь всегда находилась работа, и они ни от какого дела не отказывались — сразу брались за все, что им предложат. И работали они хорошо, никому хлопот с ними не было. Вот их и приглашали с охотой, а они ни на кого зла в душе не держали. Вот почему им то и дело платили больше, чем следовало, а бывало, и отсыпали рис прямо из решета², не меряя. Тем эти двое и жили.

Пришел такой день, что невесть как схватила этого бедного старика лихорадка, и он скончался. Вот эта женщина и видит: идут за его душой какие-то люди с паланкином, и провожают они его душу пышно и с музыкой. Увидела она, как унесли его душу, и очень обрадовалась. «Верно,— думает,— все наши души, когда мы умираем, с таким же почетом несут». Очень ее эта мысль утешала. Только того, как с его душой обошлись, никто не видал, кроме этой женщины, что благословение получила. Больше никто не знал и не слышал об этом, а она видела все, как оно приключилось.

Прошло еще сколько-то времени, кто его знает сколько, и скончался ее свекор. И по этому случаю увидела она, говорят,

как оно с ним обошлось. Пришли вдруг четыре солдата. Принесли они железный прут. А были у них длинные бороды, и вида они были страшного. Два из них, говорят, сразу в дом зашли. Схватили ее свекра за шею и вытолкали наружу. Как во двор выгнали, стали тыкать в него железным прутом и тыкали снова и снова, а потом связали и били без жалости. А женщина все это видит; идет за ними поодаль и смотрит. Дошли до конца поля, а его от битья уже ноги не держат. Тогда те накинули ему на ноги петлю и поволокли его ногами вперед.

Увидела она, как с ним обошлись, и перепугалась до смерти. Принялась кричать, как коршун или ворона,— ну совсем будто ее кто-нибудь бьет. «Зачем,— говорит,— зачем я взяла такое благословение? Вот сегодня я увидела его, и мне стало так плохо, как никогда не бывало». Так она говорила и плакала.

Домашние страх как осерчали.

— Где покойник лежит, там она плакать не хочет,— говорят.— С чего она пошла на край поля и там ревет? Это она отца извела.

Вышла у братьев добрая ссора. Наконец тот, что на ней был женат, сказал остальным:

— Слушайте, вы. Хватит меня сегодня ругать. Мне довольно того, что вы сказали,— я понял. Давайте сперва с покойником сделаем все, что положено. А когда с этим кончим, займемся моими делами. Все равно здесь нет ни отца ее, ни ее братьев³. Будь они здесь, можно бы сразу все и решить. Поговорить бы мне с ними, так я бы ей разом голову снес. А раз их тут нет, опять говорю, надо нам пока успокоиться. Как ни поверни, оживить-то отца мы не можем.

Сказал он им так, и они успокоились. Созвали соседей, вынесли тело отца, отнесли его туда, где сжигают покойников, и на костре положили. Там они тоже принялись толковать о той женщине и о том, как ее муж их уверил и успокоил.

Вечером все вернулись домой и стали допрашивать женщину. Соседи тоже на помощь пришли.

— Ты зачем,— спрашивают,— убежала от покойника на конец поля и там ревела? Говори, а то мы тебя за ведьму будем считать. Это ты его извела?

Ну она им и рассказала, что ей джуги сказал и как благословил он ее,— все начистоту. Ну а когда рассказала, как

душу отца уносили, тут ей поверили и отстали. Только с тех пор благословение свое она потеряла, и духов больше не видела.

Конец сказке.

63. Перо грифа

Жил в одной деревне богатый брахман. Детей у него не было, а с женой шли вечные раздоры да ссоры, и всегда начинала она. Надоело это ему, и раз в гневе он ушел в чужие края. Шел он, шел и в одном месте вдруг видит: навалена целая куча покойников — всё, видно, люди важные, родовитые, — а рядом тело сапожника брошено.

Смотрит, стая грифов заметила мертвецов и спустилась к ним. Только чудно: не едят они чистых гладких покойников — все клюют тело сапожника. Увидел брахман, что делают грифы, диву дался, понять ничего не может.

— Ну и дурные же эти грифы, — говорит. — Ели бы вперед тех, гладких. Что им за охота клевать сапожника? ¹

Случись так, что услышал его гриф-старшой.

— Послушай, брахман, — зовет. — Иди-ка сюда. Я тебе скажу, если хочешь, где причина того, что тебе чудным кажется.

Подошел брахман к старому грифу и говорит:

— Хорошо. Я бы послушал, что ты мне можешь сказать.

Старый гриф вырвал маховое перо из крыла и дает его брахману:

— Возьми и приставь его к глазам, вроде очков, — говорит, — а потом посмотри на этих покойников — увидишь, на что они похожи.

Поглядел на них брахман через перо и видит — все эти важные люди вовсе не люди, а разные твари: псы, кошки и прочее. Поглядел он, гриф его спрашивает:

— Ну, теперь ты их разглядел?

— Да, разглядел, — отвечает.

Тогда гриф ему говорит:

— Ну хорошо, теперь иди домой и взгляни на свою жену. Увидишь, кто она такая.

Вернулся брахман домой, жене и не показался, только взглянул тайком на нее и увидел, что она вовсе не человек, а сука. Стал он в уме раскидывать: «Какой же мне прок жить с собакой? Выходит, хорошо, что я отсюда ушел». И он отправился снова в чужие края. .

Перо грифа он взял с собой. Шел, шел и пришел в одно место, а там в доме у сапожника собралось много народу. Увидел он столько людей, подошел и взглянул на них через перо. Видит — все звери. Сами сапожник с женой — собака и кошка. Одна дочка у них человеком оказалась.

Говорит брахман сапожнику и его жене:

— Покормите меня сегодня. Дайте чего найдется. У меня уже давно крошки во рту не было.

— Ты брахман, а мы сапожники — со шкурами павшей скотины дело имеем, — отвечают они оба сразу. — Разве мы смеем что-нибудь тебе предложить? ²

— Все равно, — говорит брахман. — Сегодня я буду есть все, что дадите.

— Хорошо, — отвечают. — Будешь есть — мы дадим.

Дали ему, что у них было. Он приготовил себе рис с подливой и поел. Как отдохнули после еды, брахман завел разговор.

— Есть у меня к вам одно дело, — говорит он сапожнику и его жене. — Хотите услышать?

— Хорошо, — отвечают они. — Скажи, сделай милость. Иначе как нам узнать, что у тебя на уме. Подойдет нам, скажем «да», не подойдет — не скажем «да».

— Дело вот какое, — говорит он. — Не отдадите вы за меня вашу дочку? Вот о чем я думаю.

Услыхали такое сапожник и его жена, дивятся. «Чудно, — думают. — Он ведь брахманской касты, а говорит, что хочет взять нашу дочку ³. Непонятное дело. Полоумный он, что ли? Надо нам разузнать хорошенько, всерьез он этого хочет или пустое говорит». А брахман говорит:

— Нет, я всерьез. Это не выдумка и не обман. Я хочу на вашей дочке жениться.

— Хорошо, — отвечают. — Только ты брахман, а она из касты сапожников — как же ты на ней женишься?

— Такая уж моя воля, почтенные, — говорит он.

Ну они и отдали дочку, только сказали:

— Не забывай, ты берешь ее знаячи.

Вот он и повел ее к себе домой.

Пришел с ней домой, а старую жену прибил и прочь выгнал, потому что она вправду была не человек. Просто Чандо дал ей такое тело, чтобы людей в обман вводить.

Вот и конец.

64. Как умер раджа и как умер байраги

Жил-был раджа. Любил он людей одаривать, а все для того, чтобы на том свете ему было уготовано счастье. И жил-был байраги. Кормился он подаванием и никому ничего не дарил.

У раджи родни не было — одна только дочка, и жила она у него во дворе в верхних покоях.

Пришла радже пора умирать. Явилось, говорят, множество Джомраджей¹. Вошли они, чтобы взять его с собой, и стали его жестоко бить. И бичевали его железными бичами. А дочка все видела из своих верхних покоев.

А байраги достался высокий почет. Они посадили его в паланкин и понесли. Увидела это дочка раджи и горько заплакала: ее-то отца солдаты Джомраджи жестоко мучили, когда уносили. Стала ее томить печаль и не оставляла ни днем ни ночью. Вот ее кто-то и спрашивает:

— Послушай, дочка раджи, я у тебя что-то спросить хочу. Есть у меня о чем поговорить.

А у нее все лицо слезами залито.

— Причина такая,— она говорит.— Отец мой занемог и умер. Джомраджи его потащили, а он идти не хотел, так они его жестоко побили железной палкой. Вот почему я каждый день плачу — мне его жалко. А байраги из вон той деревни достался высокий почет: они уложили его на кровать и понесли. Сам пойми: отец у меня был раджа, а байраги — нищий. Как же вышло, что Джомраджи ничуть не пожалели отца, когда его уносили?

— Отец у тебя, дочка, неправедный был,— ответил тот.— Он, слышь-ка, был раджа, и были у него подданные, а держал он их в бедности. Вот почему Джомраджи его били железом. А байраги никому ничего не сделал.

65. Как молодой муж увидел покойницу жену

В одной деревне, говорят, жили молодые муж с женой. Потом жена умерла. Она умерла, а муж утешиться не может. Дни и ночи проводит в тоске и слезах. Все ходит туда, где жену сожгли¹, и плачет там день и ночь напролет.

Услышал, говорят, его плач то ли Исор, то ли другой кто, явился к нему и спрашивает:

— Послушай, сынок, ты о чем плачешь?

— Исор отнял у меня мою супругу,— отвечает он,— Здесь мы ее сожгли. С тоски по ней я и плачу.

— Не плачь,— говорит тот.

А парень ему отвечает:

— Нет, батюшка, не перестану я плакать.

— Ладно,— говорит тот.— А увидеть ее ты хочешь?

— Да,— отвечает.— Я бы хотел ее увидеть, если ты мне ее покажешь.

Тогда тот сказал:

— Пойдем, я ее тебе покажу.

И тогда он повел его далеко-далеко, прямо в тот мир.

— Сядь здесь,— говорит.— Сейчас ты ее увидишь.

Тут, говорят, он и вправду увидел: пляшут какие-то люди.

— Узнаешь жену? — тот его спрашивает.

— Да,— отвечает парень,— узнаю. Только рот у нее черный.

— Верно,— говорит тот.— Вспомни сам: вы огонь ей ко рту подносили², потому и рот у нее почернел.

Подбежал муж к жене, обнял ее, и так они встретились. Только ушел-то он отсюда не умерши, потому с ним там обходились не как со своим.

— Вернись назад,— сказала ему жена.— Я закопала браслет за очагом. Принеси его сюда.

Пришел парень домой, начал шарить за очагом, тут его змея в руку ужалила, и он умер. Так они снова встретились.

Вот и конец.

66. Как рождаются дети

Хемесири-кания жила в джунглях. Она раскачивалась на качелях, что висели на большом баньяне. Бхимсен пришел к ней в обличье ребенка.

— Раскачай меня посильней! — кричит Хемесири-кания.

— Где мне? Я ведь маленький.

— Тогда покачай тихонько, — говорит Хемесири-кания.

Бхимсен толкнул качели, и они стали раскачиваться все сильней и сильней. Хемесири-кания испугалась. «Ой, я падаю», — думает. Но Бхимсен поймал ее. Страсть охватила ее, и она попросила его прийти к ней.

— Я несу двенадцатилетний обет воздержания, — ответил он.

Но желание у нее было так велико, что от одной его силы родилось дитя. Только родилось, сразу же встало и пошло прямо к отцу, волоча за собой послед и пуповину. Бхимсен говорит:

— Иди назад к матери. Кто ты мне такой?

Так на земле стали рождаться дети.

Хемесири-кания пошла к Бхагавану и сказала ему, что женщинам плохо придется, если дети будут рождаться от одного только желания. Тогда Бхагаван и установил: чтобы родился ребенок, сперва надо сойтись мужчине и женщине.

67. Грех брахмана

Шел брахман из деревни в деревню. Идет он и видит: парни теленка зарезали и пекут на углях мясо. Брахман им говорит:

— Позор вам, убийцы! Вы убили священное животное и хотите его есть¹. Бросьте мясо и омойте тела ваши в реке. Тогда вы от скверны очиститесь.

Парни засмеялись в ответ и говорят:

— Нет, мы лучше съедим это мясо.

Рассердился брахман, говорит:

— Тогда я расскажу все народу у вас в деревне. Вас там накажут.

Приходит брахман в деревню, народ его встречает с почтением, место спать ему предлагают. А он всех обругал. Говорит:

— Парни из вашей деревни великие грешники. Они едят говядину.

Настала ночь. Брахман набил себе брюхо всяческой снедью, какую ему деревенские поднесли, и лег спать. А пока спал, выросли у него изо рта две телячьи ножки. Утром пришли деревенские гости будить и диву дались — у него изо рта телячьи ножки торчат. Брахман проснулся, и ножки пропали — в нутро к нему спрятались. А народ говорит:

— Махарадж, ты, видно, великий грех совершил, раз у тебя изо рта телячьи ножки торчат.

— Нет,— говорит брахман,— я не грешил. Это все нечестивцы парни из вашей деревни.

А староста не испугался и говорит:

— Нет, это не парни наши согрешили, а ты. Они — народ неумущий, голодный, ели, что им подвернулось. А ты — мудрый человек. И ты захотел их ославить! Нет, ты от своего греха не избавишься, пока не поешь вместе с ними.

Пришлось брахману снова идти туда, где парни мясо пекли. А там уж одни кости остались, и парни их в землю закапывали.

— Дайте мне кость погрызть, сделайте милость,— просит их брахман.

А они засмеялись над ним и обругали. Тогда он им в ноги упал, стал молить:

— Дайте мне кость, а то я умру.

Ну, они и откопали кости. Брахман нашел на них остатки мяса, поел и снял с себя грех.

68. Находчивая жена

Одна крестьянка так сходила с ума по любовнику, что отдала ему весь рис из закрома, а чтобы муж не заметил, что она сделала, пришлось ей туда насыпать половы. Стала подходить пора сева, и она поняла, что недолго ей остается держать мужа в неведении.

Раз муж пошел пахать свое поле, что лежало возле пруда.

На другое утро пораньше жена ушла на пруд, разделась там донага и вымазала все тело грязью. Потом села на траву и стала ждать мужа. Только он показался, она сразу встала да как закричит во весь голос:

— Я пришла за твоими волами. А если их тебе жалко, отдай мне зерно из закрома — я вместо него туда тебе половы насыплю. Что-нибудь одно я непременно возьму — я голодная.

Муж сразу сказал, чтобы божество — он ведь принял ее за водяную богиню — брало зерно. Он знал, что без волов ему пропадать.

— Ладно, — отвечает жена. — Иди домой и увидишь, что зерно я взяла, а на его место положила полову.

Сказала так и бросилась в пруд.

Муж побежал домой и вправду увидел, что зерна нет, а загром полон половы.

А жена вымылась поскорей, оделась и пошла домой дальней дорогой, мимо колодца. Там она еще соседкам похвасталась, как ловко свое дело устроить сумела.

69. Умный муж

Жил пастух с женой. Детей у них не было. Пошла раз жена в храм Махадео просить, чтобы он ей сына послал. Ходит она туда раз за разом. Приметили деревенские и донесли мужу — мол, она что ни день ходит в храм.

И вот раз пастух пошел сам вперед нее и спрятался в храме. Пришла жена, он и слышит — она говорит:

— О Махадео! О Махадео! Пошли мне, о чем я прошу. Пусть мой муж будет слепой и хромой, чтобы я могла пойти к другому, кто даст мне сына.

Пастух возьми да ответь ей из храма голосом Махадео:

— О женщина! А ты какой дар мне принесешь? Принеси мне жертву, и я дам тебе, что ты просишь.

Услышала это жена, побежала домой, схватила деньги — на базар. Накупила сладостей, бананов, молока, масла, кокосовых орехов, бетеля. На другой день рано утром совершила она омовение и понесла дары в храм. А муж туда еще раньше ушел и там спрятался. Жена снова взывает:

— О Махадео! О Махадео! Пошли мне, о чем я прошу. Пусть мой муж будет слепой и хромой, чтобы я могла оставить его и уйти к другому, кто даст мне сына.

Тут муж говорит:

— Что ты мне принесла?

Жена выложила все добро перед Махадео, зажгла огонь и воскурила благовония.

— Будь по-твоему,— говорит муж.— Твой муж будет слепой и хромой, и ты будешь свободна.

Жена пошла домой счастливая, а муж съел чуть не все угощение, а что осталось, завязал в узелок и спрятал на дереве.

Пришел он домой, созвал соседей, рассказал им, как дело было, и тут же при них убил жену.

70. Любовник рани

Жил-был раджа с женой. С тех пор как раджа женился, он ни разу не пустил рани проведать родителей. За это она на него очень сердилась и много дней ничего в рот брать не хотела. Наконец месяца через два или три раджа уступил и велел ей собираться — идти в отчий дом.

По пути зашли они в такие места, где не было воды. На три коса назад воды не было, и на три коса вперед воды не было. Вдруг под манговым деревом они увидели деревянный колодец, полный воды. Там сидел факир и играл на скрипке. Рани говорит:

— Дни стоят жаркие, а воды нет ни сзади ни впереди. Давай здесь сготовим обед, поедим и отдохнем.

Раджа пошел умыться, а рани сготовила ему еду. Он поел и уснул. А у рани и у факира очи встретились, и пришла к ним любовь.

— Я пойду с тобой куда хочешь,— говорит рани.— Я хочу быть с тобой, потому что люблю.

А он говорит:

— Как я могу уйти с женой раджи? Он меня непременно убьет.

Потом еще говорит:

— Что я тебе ни скажу, ты должна сделать не прекословя. Тогда ты пойдешь со мной.

— Скажи мне что, — отвечает рани, — и я все сделаю.

— Пойди скажи мужу, что тебе хочется пить. Он пойдет с тобой к колодцу, а ты его туда толкни.

Вот рани разбудила раджу и говорит:

— Раджа, меня мучит жажда. Проводи меня к колодцу.

Раджа встал и пошел с ней к колодцу — воды взять. Только нагнулся с ведром над колодцем, рани его толкнула туда и побежала к факиру.

Вот любовники и сбежали вдвоем и стали жить тем, что по деревьям плясали и пели.

А раджа не умер. Он ухватился за камень и держался на воде. Утонуть он не утонул, но и выкарабкаться наружу не мог. Немного спустя пришел туда ламана — он гнал быков, навьюченных мешками с пшеницей и кунжутом. Этот ламана подошел к колодцу и опустил ведро — воды достать. Раджа за него уцепился. Ламана тянет ведро, а оно не идет. Заглянул он вниз и видит — чьи-то руки схватили веревку. Кликнул он на помощь попутчиков. Они прибежали и вытащили раджу, а тот от воды ослеп и оглох. Положили его на солнце, и через два дня он оправился. Стал он плакать и рассказал ламане, что с ним приключилось. Ламана ему говорит, чтобы он в свое царство вернулся, а раджа ему отвечает:

— Нет, ты мне жизнь спас. Я останусь и буду тебе служить.

Так и шел раджа с ламаной, пока к тому дому не пришли. И как раз в тот самый город забрели факир и рани петь и плясать на улицах. Горожанам танцы рани очень по вкусу пришлись и тамошнему радже тоже. А муж рани увидел жену и узнал ее, и она его тоже узнала. Очень она испугалась — ведь она думала, что утопила его в колодце. И ни он, ни она ничего не сказали, оба промолчали.

Факир с рани плясали и пели всю ночь напролет, а наутро собрались двинуться дальше. Тамошний раджа спросил, чем их наградить. Рани говорит:

— У тебя в городе есть ламана, а у него есть слуга. Вели того слугу повесить — вот нам и будет награда.

Послал раджа стражников схватить слугу ламаны. Раджа-слуга испугался, а ламана пошел с ним — помочь, если надо. Тамошний раджа ему говорит:

— Я хочу тебя повесить.

Раджа-слуга встал перед тамошним раджей, руки сложил и говорит:

— Выслушай меня, а потом вешай.

И раджа-слуга стал рассказывать: «Я ведь по правде раджа из чужих краев. У меня была рани. Я ее не пускал пойти мать проведать». И он рассказал все, что с ним приключилось. Тамошний раджа спросил у ламаны, правда то или нет, и ламана подтвердил, что он и впрямь спас радже жизнь — вытащил его из колодца.

У того раджи был железный столб. Он велел поставить факира к столбу с одной стороны, а вероломную рани — с другой и прибить их к столбу железными гвоздями. Тут они и умерли.

Тамошний раджа отдал радже-слуге свою дочку в жены и с почетом проводил его назад в его царство.

71. Ловкий котвар

Жили в деревне гонд с женой. И был там котвар. Раз он говорит жене гонда:

— Давай встретимся.

— Ладно, — отвечает она, а сама пошла и мужу сказала: — Пойди к такому вот дереву, заберись на него и спрячься как следует. Я его туда приведу.

Потом она говорит котвару:

— Иди жди меня под тем деревом. Я возьму горшок и сделаю вид, будто пошла по нужде.

Котвар и пошел и стал ждать под деревом. Скоро пришла жена гонда. Легла и говорит:

— Делай так, как мой муж всегда делает. Он меня сначала всю исцелует, а потом уж все прочее.

Котвар раздел ее и принялся целовать. А муж с дерева как закричит:

— Оставь и мне малость. Не ешь ее всю, котвар!

Услышал котвар такое — и бежать. А гонд с женой досыта посмеялись и вернулись домой. Ну а котвар затаил злобу.

Дней через десять он говорит гонду:

— Пойдем проведаем твою дочку с зятем.

Приходят они, зять вымыл им ноги и всячески их ублажал. Он заколол свинью, а дочка сготовила жаркое.

Тут котвар подошел к ней и говорит тихонько:

— Твой отец нынче мяса не ест, он только подливу хлебает.

Вот сели они за еду, дочка наливает отцу пустую подливу, а котвару положила большой кусок мяса. Поели молча и встали. Много мяса осталось.

Ночью котвар говорит:

— Чудная у тебя дочка — дала тебе одной подливы, а мясо оставила. Я научу тебя, что надо сделать. Как уснут они все, пойди принеси сюда мясо, и мы еще раз поедим.

Вот среди ночи гонд встал и принес мясо. А воды у них не было. Котвар и говорит, что лучше бы мясо до утра сохранить и съесть его по дороге домой. Заснули они за полночь и проспали допоздна. Встали, гонд спрашивает:

— Как же мне теперь мясо нести?

— А ты завяжи его спереди в дхоти и согнись,— говорит котвар.— Скажешь, живот у тебя болит.

Потом котвар пошел к дочке гонда и говорит ей:

— У твоего отца дхоти грязное. Сними ты с него и постирай.

Дочка подошла к отцу сзади и потянула за дхоти. Мясо шлеп на землю. Старику стало так стыдно, что он пустился бежать.

А котвар подобрал мясо и унес к себе.

Гонд так обозлился, что поджег котвара, и у того дом сгорел. Котвар взял двадцать рупий, принес к гонду и говорит:

— Я золу от моего дома — он так удачно сгорел — купцу продал на ярмарке.

Услышал гонд такое и думает: «У него дом куда меньше, чем у меня, а он столько выручил за золу. Сожгу-ка я свой дом — больше, чем он, заработаю». Он спалил дом, ссыпал золу в мешки и повез на базар.

Там все над ним посмеялись, и пришлось ему бегом убежать.

72. Два плута

Семью-плут и просто-плут были большие друзья. Только раз кто-то сказал семью-плуту:

— Ты просто-плуту не пара.

Стал семью-плут в уме прикидывать. «Матушки,— думает,— что они говорят? Я, семью-плут, не пара просто-плуту? Ну, я это дело проверю. Посмотрим, правду они говорят или нет».

Забрал он себе это в голову и пошел в гости к просто-плуту. А просто-плут в ту пору привел к себе в дом смазливую девчонку и спрятал ее в бхитаре. Вот он велит жене: «Поставь рис вариться». А приятелю говорит: «Послушай, семью-плут, посиди немного, пообедаешь с нами, прежде чем дальше идти» — и оставил его у себя.

Жена просто-плута принесла им воды, они вымыли руки и пошли в дом. А там, где просто-плут сидел, лежала деревянная колотушка. Стали они есть, просто-плут как начнет вдруг бранить жену: «Ах ты, пустая башка, рис не посолила. Я тебя этой колотушкой так стукну, что молоденькой станешь!» Затолкал ее тут же в бхитар, а оттуда выводит смазливую девчонку. Увидел семью-плут девчонку и говорит сам себе: «Надо мне унести колотушку да стукнуть жену, чтобы она снова молоденькой стала». Взял и потихоньку уволок колотушку.

Сел он дома за еду и колотушку рядом с собой положил. Как попробовал рис, начал жену бранить: «Ах ты, пустая башка, еду не посолила. Я тебя этой колотушкой так стукну, что молоденькой станешь!» Встал он, как даст жене колотушкой и затолкал ее в бхитар. Вытаскивает ее оттуда, глядит — перед ним та же старуха.

Спрашивает он сам себя: «Как это вышло, приятель, что она не помолодела? Может, ты ее ударил не так? Надо будет еще раз попробовать. Может, я сегодня ее слабовато ударил, вот на нее и не подействовало. Ладно, попробую стукнуть ее хорошенько, тогда она у меня, может, помолодеет». Надумал он так и на другой день стукнул ее со всей силы. Ну и разбил ей голову с одного раза.

Как-то раз после пошел он снова к просто-плуту. Тот говорит:

— Слушай, семью-плут, пойдем со мной. Давай сходим сегодня в лес поохотиться.

Вот и пошли. А до того как уйти, просто-плут велел жене: — Купи зайца и закрой его дома.

Ну и, правду сказать, жена купила зайца и посадила его дома, пока они возвратятся.

А те двое, что пошли на охоту, увидели зайца. У просто-

плута была собака, и была эта собака донельзя труслива. Эту собаку они тоже взяли с собой на охоту. Увидел просто-плут зайца, как закричит:

— Ату! Ату! Гони его прямо во двор! — и выпустил пса. Этот трус на зайца и не взглянул, от страха брюхом к земле припал и ползком прямо к дому. А просто-плут кричит, будто жене:

— Эй ты! Открывай дверь! Пес зайца домой гонит!

Потом говорит семью-плуту:

— Послушай, семью-плут, пойдем домой, пора. Мой знатный пес, верно, уже пригнал зайца.

Пошли они домой. Приходят, просто-плут спрашивает жену:

— Пес зайца пригнал?

— Да, я его в доме закрыла, — та отвечает.

Семью-плут говорит сам себе «Видно, это собака, какой не бывало». И решил: «Уведу я ее».

И вправду пришел он раз ночью и украл собаку. На другой день пошел с ней на охоту. Только вошел в лес, сразу увидел зайца. Стал он собаку науськивать, как просто-плут делал.

— Гони его мигом на двор! — кричит, — и отпустил. Ну а та со страху прямо домой. Он ей вслед:

— Эй вы, пес зайца гонит!

Вскоре и сам пришел домой, первым делом спрашивает:

— Пригнал пес зайца?

— Что? — дивится жена. — Какой заяц? Пес тут. Один прибежал.

— Ну, — говорит семью-плут. — Видно, он его сожрал.

В другой раз он снова взял собаку. Пришел с ней в лес, стал зайцев искать. Вскоре и вправду заметил зайца. Опять стал по-старому собаку натравливать и опять домашним кричит, как в тот раз. Только теперь он сам побежал за собакой. Заяц в одну сторону, а они оба прямо домой.

Соседи ему говорят:

— Такого дурня, как ты, на свете нету. С чего это ты зайца бросил и собаку домой погнал?

С той поры он охотиться больше не стал.

Вот раз опять пошел он в гости к просто-плуту. Тот говорит:

— Слушай, семью-плут, пойдем со мной. Рыбки половим.

А жене сказал, до того как уйти:

— Купи-ка рыбы и поддержи ее живой, пока мы придем.
Потом оба пошли ловить рыбу.

Пришли на пруд, он забросил удочку, и сразу ему попалась хорошая рыба. Он тут же удочку вытащил, кинул в сторону дома и говорит:

— Слушай, семью-плут, пойдём-ка домой. Они, видно, все уж туда пошли.

Приходят домой. Как вошли, просто-плут спрашивает жену:

— Я сюда рыбу послал. Пришла она или нет?

— Пришла,— отвечает жена.— Гляди, я ее в корзинку сложила.

Просто-плут зашел в дом и выносит полную корзинку рыбы.

Увидел семью-плут рыбу и думает: «Какая у него хорошая удочка. Видно, она ему каждый день так рыбу ловит». И сказал сам себе: «Сегодня попозже я ее унесу».

Вечером он вернулся и утащил удочку. Наутро пошел рыбу ловить. Пришел к пруду, забросил удочку и сразу вытащил хорошую рыбу. Тут он всю снасть швырнул в сторону дома и говорит: «Верно, они все туда пошли». Приходит домой, спрашивает:

— Я сюда рыбу послал. Пришла она или нет?

Домашние говорят:

— Пришел с пустыми руками и у нас рыбы просит! Ну и дурак!

Тут он сказал сам себе: «И вправду не пара я просто-плуту». И с той поры перестал с ним водиться.

Вот и конец.

73. Свадьба за каури

Жили в одной деревне мать с сыном. Мать что ни день ходила по соседям — чего-нибудь заработать искала, а сын ничего не делал. Наконец мать сказала:

— Все ребята в деревне работают, один ты ничего делать не хочешь. Ты ведь тем не прокормишься, что целый день будешь сиднем сидеть. Пойди добудь хоть несколько каури, чтобы я тебя женить-то могла.

Выслушал ее сын и спрашивает:

— Матушка, ты и впрямь меня женишь, если я каури до-
стану?

— Непременно,— говорит мать.

Паренек взял лопату и пошел за деревню на свалку. Копал,
копал, выкопал разбитую каури и принес домой с гордостью.

— Вот, матушка, каури,— говорит.— А невеста мне где?

А мать ему отвечает:

— На одну каури, сынок, не женишься. Добудь еще хоть
две.

Вернулся паренек обратно на свалку и откопал еще каури.
Теперь у него было их две, а мать опять говорит:

— Надо еще поискать. Меньше чем на пять не женишься.

В третий раз пошел парень на свалку и нашел еще три. Те-
перь у него стало целых пять каури. Прибежал он домой к ма-
тери радостный, а мать говорит:

— Сынок, как я тебя женю на эти каури? Добудь еще пять,
тогда уж непременно свадьбу устроим.

Тут сын говорит сам себе: «Эта старуха меня так и будет
за нос водить. Не стану я с ней больше жить». Завязал свои
пять каури в уголок дхоти и ушел из дому.

В дороге он думает: «Теперь у меня есть целых пять каури.
Что-нибудь-то я могу на них сделать?» Он сел, смастерил из
листьев корзинку, наложил в нее доверху голышей, а в крышке
оставил дырочку и сунул туда свои каури — вид такой, будто
в корзинку доверху каури насыпаны. Поставил он корзинку на
голову и пошел на базар. Идет по дороге и видит — женщина
несет продавать полную корзину лепешек. Она его тоже уви-
дела и спрашивает:

— У тебя что в корзинке?

— Полно каури,— говорит паренек.

— А что ты с ними делать будешь?

— Да это мать моя накопила, а теперь послала меня на ба-
зар закупить к свадьбе побольше лепешек.

Женщина говорит:

— А я как раз за каури иду, затем и несу эти лепешки. Да-
вай меняться. У тебя будут лепешки, а у меня каури.

— Нет,— говорит паренек.— Ты меня обманешь. Матушка
мне говорила: на эти каури можно столько лепешек взять, что
двоим еле снести. А у тебя ноша на одного.

— Что ты? — она говорит.— Здесь ведь много.

Ну, он и поставил ей на голову свою корзинку, взамен взял ее, и они разошлись. Паренек-то был рад, что ему столько лепешек досталось, и пошел не оглядываясь, только бы убраться подальше. А женщина пришла домой, зовет мужа:

— Иди-ка скорей, я добыла полную корзинку каури.

Он бросил соху, открыл корзинку и высыпал все камушки на пол. Долго бил он жену, а потом послал ее искать парня.

Пошла она с плачем парня искать, а тот уже ушел далеко. Довелось ему идти мимо пруда, куда прачка раджи притащила гору одежды стирать. С ней был сынишка — он ее на берегу дожидался. Парень корзину с лепешками под деревом бросил, а сам подошел к прачкину сыну и давай его дразнить: покажет кусок лепешки и съест, покажет и съест — пока тот не заплакал. Прачка увидела, говорит:

— Дай лепешки ребенку.

А тот говорит:

— Нет, я сам голодный. Зачем я твоему сынишке буду давать? Вон там под деревом я видел корзину лепешек. Пойди сама там возьми.

— Далеко это? — спрашивает она.

— Нет, у самой дороги.

Прачка подхватила ребенка и пошла с ним к дороге за лепешками. А парень повыбирал из одежды все, что получше, и бежать со всех ног.

Прачка села под деревом и принялась кормить сына лепешками, да и сама тоже съела. Вернулась на пруд, видит, самая хорошая одежда пропала. Ну а она наперед у парня спросила, как его звать, он и сказал:

— Меня зовут Ветер.

Вот приходит она вся в слезах жаловаться в участок и говорит:

— Махапуруб, Ветер унес у меня всю одежду.

— Кто унес? — спрашивает полицейский.

— Ветер унес, — повторяет она.

Полицейский засмеялся и говорит:

— Ну, раз ее ветер унес, не нам ее искать.

А парень все шел с большим узлом одежды на голове, пока в лес не пришел. У дороги там росло хлопковое дерево. Парень взял и поразвесил одежду по его сучьям — на каждый сук что-нибудь. Под деревом он площадку расчистил, на нее цветы и листья принес и курения зажег¹.

В скором времени довелось проходить там купцу. Он с собой взял много денег — закупить нарядов к свадьбе сына. Увидел он парня и спрашивает, что он тут делает.

— Это одежное дерево,— говорит парень.— Я человек бедный, мне надо жениться. Я пришел помолиться этому дереву, и оно уже плоды давать начинает.

И он показал на одежду, что на сучьях висела.

— А свадьба у тебя скоро? — спрашивает купец.

— Лучше сперва ты мне скажи, когда у твоего сына свадьба,— отвечает парень.

— Через полгода,— говорит купец.— Слушай, уступи мне одежду, что тут растет, а я тебе деньги отдам. Мне хоть дальше идти не придется.

А парень говорит:

— У твоего сына свадьба через полгода, а у меня нынче. Как же я тебе эту одежду отдам? Не могу я тебе одежду отдать, а вот дерево, хочешь, продам. Одежду свою я соберу, а тебе к свадьбе сына новая вырастет.

— Хорошо,— согласился купец.

Парень поснимал одежду с дерева и увязал ее в узел. Взял у купца деньги и показал, как надо дереву цветы и листья подносить.

— Для меня это большая потеря,— говорит.— Только ради твоего сына я на это пошел. Никому это дерево не доверяй и не пускай скворцов садиться поблизости. Если хоть один сядет, все прахом пойдет. Дерево сперва зацветет, а потом уж одежда будет расти.

Сказал парень так и унес одежду и деньги.

А купец сел под деревом. Вскоре он увидел скворца и побегал его отгонять. Так он и бегал взад да вперед — птиц гонял. Вечером поднес дереву цветы и листья и курения зажег. Через несколько дней дерево зацвело, и купец обрадовался. «Скоро я получу мои наряды»,— думает. Еще через сколько-то дней появились плоды, а потом они открылись, и полетела во все стороны белая вата. Увидел это купец и сильно расстроился. «Не иначе, скворец сел где-нибудь здесь, а я и не видел,— думает.— Вот моя одежда вся по кускам и разлетелась». Пришлось ему домой возвращаться ни с чем.

А парень, как дальше пошел, встретил байраги верхом на коне. Тот его спрашивает:

— Где ты достал столько одежды?

— О байраги,— говорит парень,— там, на один кос отсюда, живет раджа. Он раздаёт одежду охапками всем неимущим, кто ни придет. Вот где я ее взял.

— Мне тоже надо туда пойти,— говорит байраги.— Ночевать-то ты где будешь?

— Я очень устал,— отвечает парень.— Я остановлюсь вон там, у озера.

— Тогда я оставлю коня у тебя,— говорит байраги.— Присмотри за ним, пока я к радже схожу, подарок у него получу. А то вдруг он и дать ничего не захочет, если приехать на лошади.

— И верно,— говорит парень.— Я у озера подожду, пока ты вернешься.

Пожелал он байраги удачи, а сам вскочил на лошадь и был таков. Вот и приехал он на берег широкой реки. Здесь он себе построил хижину.

Байраги прошел кос, прошел два, а никакого раджи не видно. Вернулся назад — лошади нет. Стал он искать там и сям, да ничего не нашёл.

А парень построил себе хорошую лодку и стал возить народ через реку. Раз много народу прошло на базар. А потом была сильная буря, и река разлилась. Народ напугался — как бы потопа не вышло,— и все побежали с базара. Парень их через реку возил. А последними шли старуха с дочкой-красавицей. Крикнули парню, чтобы он их перевез. Увидел он девушку, сложил все добро к себе в лодку и поплыл к ним. Приплыл и говорит старухе:

— Лодке обеих вас не поднять. Я сперва тебя отвезу, а потом за твоей дочкой вернусь.

Вот и взял он сначала старуху. Она спрашивает, как его звать. Он говорит:

— Меня зовут Ее Муж.

— Вези дочку, да поскорей,— говорит она.— А я тебе дам лишнюю пайсу, а то и две.

Да только парень, как посадил девушку в лодку, сразу повернул и поплыл вниз по течению. Старуха на берегу мечется, плачет, а он ей кричит:

— Мне не справиться! Нас течением несет!

Отплыли они подальше, парень пристал к берегу, вытащил свое добро, вывел коня и девушку, и там они прожили сколько-то дней.

Старуха пришла в полицейский участок и жалуется со слезами:

— У меня была дочка, а Ее Муж ее увез.

— Кто, говоришь, ее увез? — спрашивает полицейский.

— Ее Муж увез.

Полицейский засмеялся и говорит:

— Если ее увез ее муж, нам тут делать нечего.

И велел ей уйти.

Через сколько-то дней парень посадил девушку на коня, погрузил все добро, и поехали они к нему домой. Увидела его мать и не узнала. Он рассказал ей все, как у него получилось. Обрадовалась она, какой он у нее умный, и говорит:

— Теперь и свадьбу устроим.

Парня с девушкой поженили, и жили они все втроем очень счастливо.

74. Шутник

Один мариа взял у ростовщика двадцать рупий. Настал день платить, приходит ростовщик к мариин, а того дома нет, и жены его нет, и дочки. Все в поле ушли. Дома один младший сынишка остался. Спрашивает его ростовщик, где все взрослые, а он отвечает:

— Отец ушел прикрывать колючки колючками, мать пошла малое большим делать, а сестра — два из одного получать.

Ростовщик был не великого ума человек — только и знал деньги из людей выжимать, — вот он и просит мальчика объяснить. А тот не хочет. Тут ростовщик не только долг простить согласился, а еще и подарок ему посулил — пусть только ему загадку откроет. Тогда мальчик ему говорит:

— Отец ушел огораживать колючие баклажаны колючими ветками, мать пошла чесать хлопок, а сестра — горох лущить.

Ростовщик дал мальчику двадцать рупий и ушел. Приходят домой мариин с женой и дочкой, а мальчик, гордый такой, им рассказывает, как он ростовщика вокруг пальца обвел. А те не то чтоб обрадоваться — только и думают, как бы им у него эти двадцать рупий забрать. Просят их у него опять и опять, а он не дает. Вот и задумали они его убить.

На другой день взяли они его с собой на реку за рыбой. Бросили в воду ядовитое снадобье и, как поплыла рыба кверху брюхом, велели сыну ее доставать. Только он вошел в речку, они столкнули его на глубокое место, и там огромная рыба его проглотила. Только та рыба сама яду хлебнула, и ее вынесло на мель.

Как раз в ту пору пришел на реку тигр — напиться. Слышит он, говорит рыба: тар-тир. Тигр рассердился и закричал, кто, мол, покой его нарушает, когда он воду пьет. А мальчик из рыбьего брюха ему отвечает:

— Это я — тот, кто чистит зубы метелкой пальмы и кормится тигриными хвостами.

Тигр весь затрясся от страха и стал просить мальчика, чтобы тот его не трогал.

— Вспори брюхо той большой рыбе, что увидишь от себя слева, да только вспори осторожно, — говорит ему мальчик. — Потом иди на тот берег, найди там оленя. Убей его, сам съешь, сколько захочешь, а заднюю ногу оставь для меня — положи ее вон в том месте и беги без оглядки. Тогда я тебя пощажу.

Тигр распорол рыбе брюхо, и, как ушел он за реку, мальчик вылез наружу и в кустах притаился. Скоро тигр вернулся с оленьей ногой, положил ее на то место, что мальчик ему указал, и убежал. Мальчик взял ногу и пошел вдоль по берегу, пока не дошел до хижины, где увидел старуху.

— Бабушка, где же дедушка? — спрашивает. — Я принес вам мяса.

Сказал он так и все мясо срезал, чуть только оставил, чтобы кость прикрыть. Отдал он кость старухе и говорит:

— Это очень хорошее мясо. Свари его и оставь деду.

Потом подсунул ей мякоть и говорит:

— Тут одни кости. Съедем их сами, пока его нет.

Вернулся старик домой, и жена дала ему кости, а сама говорит — это мягкое мясо. Кость ему стала поперек горла, и начал он задыхаться. Старуха-то не разобрала, что там кость, стала ее ему дальше в горло толкать, он и помер. Тут мальчик ей говорит:

— Ты убила моего деда. Я пойду в полицию донесу.

Старуха так напугалась, что голову совсем потеряла. Показала мальчишке горшок, полный рупий, что у нее во дворе был зарыт, и стала молить, чтобы он ее пожалел и не выдавал.

— Ладно,— говорит он.— Я покойника сбуду, а потом за деньгами приду.

Взвалил он труп на плечи и понес его через лес, пока не пришел на чье-то поле, где росли кукуруза и огурцы. Посредине поля был колодец. Посадил он покойника на край колодца, а на плечи ему положил коромысло — на чем грузы носят.

Немного спустя проходил мимо хозяин поля. Увидел он покойника, и пришло ему в голову, что это вор — хочет его урожай унести. Запустил он в него тяжелой палкой, и тело свалилось в колодец.

Тут выскочил мальчик — он рядом прятался.

— Ты моего деда убил. Пойду в полицию донесу.

Бедняга стал просить мальчика, чтобы он его простил, и дал ему горшок серебра. Потом мальчик пошел к старухе, взял у нее еще горшок денег и, довольный собой, отправился дальше счастья искать.

Идет он и видит: ковыляет впереди вдоль дороги медведь. Он подкрался к нему и схватил его за задние лапы. В зад ему рупию сунул да еще горсть или две серебра наземь под ноги бросил. Вскоре едет мимо верхом мусульманин-купец¹. Увидел такое необычное дело и спрашивает мальчика, как ему повезло медведя поймать.

— Ты что мне мешаешь, когда я свое счастье ловлю? Медведь этот рупии сыплет. Я хочу их набрать сколько смогу.

Мусульманин как подъехал поближе, разглядел рупии на земле и монету в зад у медведя, сразу стал упрашивать мальчика поделиться с ним счастьем. Мальчик сперва отказывался, потом говорит:

— Ладно уж, собери с земли рупии, сложи их в мешок и к седлу у себя привяжи. Я отвезу деньги домой и сразу вернусь — мне еще собрать не мешает. А ты себе можешь взять все, что медведь без меня тут навалит.

Мусульманин все сделал, тогда мальчик велел ему держать медведя за задние лапы покрепче — он, мол, сейчас непременно начнет валить рупии. Сказал так, сел на его лошадь и уехал. Мусульманин ждал, ждал, что деньги посыплются, да напрасно. Наконец медведь сделал кучу — а там всего одна рупия. Понял мусульманин, что его провели, и вернулся домой в досаде и гневе.

А мальчик, едучи дальше, увидел прачку — она одежду раджи стирала. Он ей кричит:

— Ты что столько времени возишься! Раджа свое платье требует, чистое или грязное — все равно. Он меня за ним послал.

Девушка перепугалась и отдала ему платье раджи. Он отъехал немного и надел его на себя.

Дальше он встретил старуху — она вела свою внучку к реке искупаться. Кричит он ей:

— Не можешь идти побыстрей? Дед зовет внучку назад, он послал меня на своей лошади — ее привезти.

Поднял он девушку к себе на седло и поскакал что было мочи. Скакал, пока не приехал в деревню, где выдавали замуж дочку калара. Мальчик слез с лошади и вызвал народ с ним потягаться.

— Кто из вас, — говорит, — сможет съесть в одиночку козу и котел риса?

Все засмеялись и отвечают:

— Мы такого не можем. А сам-то ты сможешь?

— Да, могу, — говорит. — Если сделаю это, отдавайте мне дочку калара, а не сделаю, я отдам вам свою невесту.

И показывает на девушку, что с собою привез. Обрадовались они — развлечение будет — и согласились. А мальчик тайком выкопал в земле ямку и сел на нее. Закололи козу, сварили котел риса и ему подали. Наложат ему тарелку горой, он делает вид, будто рот набивает, а сам еду в ямку спускает — никому и невдомек. Даже еще запросил; говорит, ему служат лениво. Перевел он рису больше котла и другой козы половину.

Пришлось им отдать ему дочку калара. Он посадил ее — и девушку мариа тоже — к себе на коня и поехал далеко в лес. Там пустую хижину отыскал. Прежние жильцы ее бросили, потому что завелся там злой дух и стал их беспокоить.

Ну а мусульманин, и прачка, и старуха, чью он внучку увез, и калар с женой — они ямку с едой-то нашли, — все искали этого парня. И так получилось, что они встретились у самой той хижины, где он укрылся со своими обеими женами. Стали они под дверь просить дать им кров на ночь. А он издали еще увидел, кто идет, и дверь запер покрепче. Он сперва гнал их прочь, а потом говорит:

— Ладно, я вас пушу ночевать, только помните: ночью по нужде не ходите. Сделаете что — я вас убью.

Надо им было где-то на ночь укрыться, а голос его они не узнали. Думают, это дух говорит, и согласились не ходить по

нужде, а сами решили всю ночь не спать, чтобы невзначай во сне с ними греха не случилось. Да только они сильно устали, и к полуночи все захрапели. Слышит мальчик их храп, справил нужду и у всех у них калом одежду обмазал. Как проснулись они, сразу почуяли вонь. Пощупали у себя платье и видят — обпачкались. В ужасе бросились они оттуда бежать, пока не рассвело.

Парень видит, больше ему никто не грозит, построил себе большой дворец и назвал себя раджей здешних мест. Созвал он народ из ближних деревень и велел людям жить рядом с ним.

75. Джхорэ и Баджун

Давным-давно, говорят, жили два брата, Джхорэ и Баджун. Баджун был старший, а Джхорэ — младший. В год, когда Баджуна женили, их родители умерли. Так что Баджуну пришлось и за плугом ходить и всякую другую работу делать.

Время шло, и случилось, что жена у Баджуна занемогла. День ей было чуть лучше, другой день похуже, только лихорадка не унималась, и она все больше слабела. Вот Баджун и говорит:

— Глянь-ка, Джхорэ, невестка у тебя совсем расхворалась, ей и сесть-то невмочь. А мне идти пахать надо. Придется тебе сегодня сготовить обед, пока я в поле буду. Человек с работы приходит голодный, где уж ему самому обед готовить. Вот я тебе и говорю: приготовь поесть к моему возвращению. Положи в горшок три чашки¹.

И вправду сказать, научил так Баджун младшего брата, положил соху на ярмо² и пошел с волами в поле.

А Джхорэ развел огонь, налил воды в горшок и поставил греться. Дров он навалил столько, что в очаге костер запылал. Как вода закипела, он принялся искать чашки. Нашел наконец ту единственную, что у них в хозяйстве была. «Чудно что-то, — думает. — У нас всего одна чашка, а он велел три положить. Если я ее одну положу, он меня бранить станет. Надо пойти занять еще две у кого-нибудь».

Подумал он так, пошел к соседям, попросил еще две чашки и бросил все три в горшок. А сам все дров подбрасывает

и в горшке мешает. Так и трудился до полудня. Тем временем Баджун кончил свой дневной урок в поле и пригнал волов с сохой. У двора он их распряг и поставил под навес. Тут и Джхорэ выходит из дому.

— Ну как дела, Джхорэ? — спрашивает старший. — Обед сготовил?

— Варится, — тот отвечает.

— Ладно, — говорит старший. — Видать, скоро будет готов. Поди брось-ка соломы волам. А невестка твоя как?

— Я ей поставил кровать на солнышке у дерева мунга, — ответил Джхорэ.

Старший брат пошел к жене.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спрашивает. — Скажи, где болит-то? Хворать в рабочую пору неладно; всем от этого неудобство — работа стоит. Вот и я не знаю, что делать: ты больная лежишь, а в доме рук не хватает. Поправляйся скорей.

— Нагнись и потри мне руки и ноги, — попросила жена. — Меня всю разломало.

Он начал растирать ей руки и ноги, а она просит:

— Возьми маленько масла. Мне больно, когда ты трешь сухими руками.

Джхорэ тем временем задал волам соломы и опять в дом — дров подбрасывать да огонь раздувать. Старший брат зашел масла взять и спрашивает:

— Как там у тебя? Скоро готово?

Тот ни слова в ответ. Старший ему:

— Дай-ка ложку. Я сам попробую, как получилось.

Взял он ложку, начал мешать и слышит — звякает что-то.

— Эй ты, что там гремит? — спрашивает.

Наклонил горшок, смотрит: там три чашки лежат. Как начал тут Баджун браниться:

— Зачем ты туда чашки-то бросил?! Дурак ты непроходимый, ума у тебя и на волос нету.

— Что ты, брат? — говорит Джхорэ. — Ты сам мне велел три чашки положить. Вот я и положил ровно три. Сам гляди — ни больше ни меньше.

Отругал его старший брат на чем свет стоит. Потом спрашивает:

— Ты что, не знаешь, что рис надо класть? Зачем чашки-то туда бросил?

А тот опять:

— Да ты сам, брат, велел мне три чашки положить. Про рис речи не было, это уж точно. Вот я чашки и положил.

Вынули они чашки, засыпали в горшок рису, и старший сказал: «Теперь за огнем присмотри». С этим тот справился. Как рис сварился, старший брат слил воду, ложкой рис разложил, и все поели.

После обеда старший говорит младшему:

— Сведи-ка волов попасться. Да не давай им ложиться. Будут лежать — не наедятся.

Джхорэ погнал быков, а старший брат достал масло и сделал растирание жене. Потом сам стал ужин готовить.

На другой день он говорит младшему брату:

— Слушай, Джхорэ, иди-ка ты сегодня пахать. Возьми с собой топор. Если соха за корень зацепит, пускай его в дело. Ты даже обед сготовить не можешь: вчера вместо риса чашки в горшок положил. Вот я и говорю: сегодня запрягай волов и иди пахать.

Правду сказать, Джхорэ запряг волов и пошел в поле. И топор с собой взял. Начал пахать. А там вдруг соха зацепилась, вот он и принялся бить волов топором по ногам. Волам больно, они попятились — соха и освободилась. И так каждый раз: стоит сохе зацепиться — он волов топором. Оба и охромели.

В полдень он повесил соху на ярмо и погнал волов домой. Старший брат смотрит на волов — оба хромают.

— Слушай, ты, — спрашивает, — что это они захромали?

— Я топор в дело пускал, — тот говорит.

— Ноги-то им зачем порубил?

— Ты, брат, сам мне велел: как зацепится, пускай топор в дело. Вот я так и делал — бил их топором.

Обругал его старший брат на чем свет стоит:

— Ну и дурень же ты! Я тебе корни рубить велел, а ты волам ноги рубил. Такого дурака свет не видел. Как ты будешь жить с твоим-то умом?

Так он его выбранил, а потом говорит:

— Завтра, прежде чем уйти, я сам тебе отмерю риса, а ты только сготовь. Вскипяти воду, как в тот раз. Как закипит — сыпь туда рис. Потом пробуй на ощупь: станет рис мягкий — слей воду. Горшок с огня сними, а рис выложи на три тарел-

ки³. Запомни, что я тебе говорю, и не забудь. Нынче вечером я сам тебе покажу; может, научишься.

Вечером, как стали ужин готовить, он все ему показал и рассказал. С той поры младший брат стал готовить.

Прошло сколько-то дней, и старший брат говорит младшему:

— Слушай, Джхорэ, готовить ты научился, так смотри не забывай. Теперь я тебе еще вот что скажу. Сваришь рис, налей в горшок воды и поставь на огонь, а как станет тепленькой, вымой свою невестку.

Сказал он так, запряг волов и ушел. А Джхорэ сготовил обед, потом, как брат велел, поставил греться воду, да развел такой огонь, что она ключом закипела. Невестка его на кровати лежала. Джхорэ взял горшок и отнес его к кровати. Потом зачерпнул чашкой кипятку и давай лить на нее. Ее жжет, она просит:

— Не лей на меня! Не лей!

А он только смеется и знай себе льет.

Так вот он, правду сказать, и доконал ее, кипятком обливая. Видит, она уж не движется, перестал кипятком лить, растер ее хорошенько и завернул в чистое покрывало. Потом выложил рис на тарелку, подошел к ней и спрашивает:

— Невестушка, есть-то будешь?

Она мертвая — что она может сказать? Лежит, не говорит ничего. Ну а раз не говорит, он пошел и поел сам, а что на двоих осталось, прикрыл.

Скоро пришел старший брат.

— Ну как, ты ее вымыл? — спрашивает.

— Да, — говорит. — Я ее вымыл и чистым покрывалом накрыл.

Старший брат отвел волов под навес и пошел к жене. Снял покрывало, глядит — она мертвая. «Ясное дело, — думает. — Он ее кипятком до смерти ошпарил». И заплакал. Потом как заркочит:

— Ты зачем ее кипятком шпарил? Зачем убил? Сейчас я тебя прикончу! — И бросился за боевым топором.

Джхорэ пустился бежать. Старший брат схватил топор и за ним, не отстает ни на шаг. Наконец загнал его в лес и там потерял из виду. А Джхорэ в лесу повезло наткнуться на козий желудок. Он давай кричать:

— Куда ты, брат, подевался? Я мясо нашел.

А Баджун в ответ:

— Пока я тебя не убью, не успокоюсь.

Услыхал это Джхорэ, схватил козий желудок и снова бегать. А брат гнался за ним и гнался, пока не загнал в большое дупло. Тогда он срубил длинный кол и принялся пихать им в дупло и колоть Джхорэ. А у того в руках был козий желудок. Стало ему невозможно от тычков, он разжал руки, и желудок шлеп на землю.

Баджун увидел и говорит:

— Наконец-то я его прикончил. Я его, черт возьми, так обработал колом, что у него желудок наружу вылез. Неужто же он не помер? Помер, конечно, негодник.

На том он его и оставил, а сам вернулся домой, задал волам соломы и пошел звать народ на похороны. Отнесли его жену на костер, тело сожгли, кости собрали и разошлись по домам.

Через несколько дней, говорят, Баджун решил помянуть обоих покойников ⁴. В этот день, говорят, он вымел пол в доме и обмазал его свежим коровьим навозом, а вечером заколот козу и зарезал петуха во имя умерших. Ну а Джхорэ в тот самый день, рассказывают, вернулся домой, забрался наверх под крышу, сел на балку и принялся смотреть, что делает брат.

Баджун опалил козу и петуха, нарубил мясо и стал готовить рис и подливу. Приготовил он целую корзинку рису и целый горшок острой мясной подливы, а головы сварил в горшке вместе с рисом. Потом начал предлагать покойникам рис с мясом.

— Ты, что из моего дома ⁵,— говорил он,— тебе для очищения даю я это. Подаю тебе этот никудышный рис, эту никудышную еду. Пусть бы она тебе понравилась, пусть бы пришлась по вкусу.

С такими словами он горстями рассыпал по полу рис.

Кончил с женой, перешел к Джхорэ. Только стал говорить: «Вот, Джхорэ, мой младший брат, я даю тебе для очищения, я подаю...» — Джхорэ как закричит:

— Так давай сюда! Раз ты мне это даешь, я не откажусь.

«Чудно,— думает Баджун.— Бонги у меня заговорили, что ли? Черт возьми, пойду-ка я спрошу у людей, говорят бонги или нет». Подумал он так и пошел на улицу людей поспросить.

— Скажите мне,— спрашивает,— бонги у вас говорят или нет? Мои бонги, пропасть мне, заговорили.

А все отвечают:

— Наши бонги не говорят.

Пока Баджун ходил да расспрашивал, Джхорэ схватил корзинку с рисом и горшок с мясом, поставил на голову и пошел. Отошел подальше и принялся за еду. Как наелся досыта, начал кричать:

— Эй, путники! Эй, жители лесные! Кто хочет рису из корзинки и мяса из горшка?

Так он кричал опять и опять. А тем временем мимо шли вору. Услышали, как он кричит, подошли и спрашивают:

— Зачем ты кричишь?

— Я кричу, чтоб те, кто хочет есть, шли сюда. Возьмите меня с собой, я вас накормлю.

— Ладно,— говорят.— Пойдем с нами.

Вот он дал им поесть и пошел с ними на кражу.

Пробили они дыру в стене богатого дома⁶ и забрались внутрь. Вору пошли искать медных тарелок да чашек и риса, а Джхорэ шарил в потемках да и наткнулся на барабан. Как начнет по нему колотить! Все в доме всполошились и прогнали их прочь.

Отошли вору подальше и давай его ругать.

— Вот дурак, вот мошенник,— говорят.— Это из-за него нас оттуда выперли. Больше этого дурака и мошенника с собой не возьмем.

— Ну тогда,— говорит Джхорэ,— отдавайте мою корзинку, полную риса, отдавайте мой горшок, полный мяса.

— Ладно уж,— отвечают те,— возьмем тебя.

Забрались они в хижину, где жил дом. Пока вору искали чего-нибудь съестного, Джхорэ нашел большой барабан и принялся в него колотить. Ну и отсюда воров погнали. Те снова начали его честить:

— Вот дурак, вот мошенник! Это из-за него нас поперли. Больше этого дурака и мошенника с собой не возьмем.

— Ну тогда,— говорит он,— отдавайте мою корзинку, полную риса, и мой горшок, полный мяса.

— Ладно,— говорят,— тогда возьмем тебя.

В этот раз они забрались в дом к богатому индуисту — у него в коровнике полно было коров, а в конюшне лошадок⁷.

— Возьмем лошадей,— говорят.— Мы на них сядем и быстро уедем.

Решили так и вправду полезли через заднюю стену в конюшню. А там в сторонке тигр притаился — ждал, как бы лошадку уволочь. Так вот, воры повыбрали лучших лошадок, а Джхорэ, так говорят, взнуздal тигра. Воры друг дружку спрашивают:

— Ну как ты? Нашел себе?

— Нашел,— все отвечают.

— Ну пошли,— говорят.— Выводи и поехали.

Тогда, правду сказать, вывели они лошадей, вскочили на них — и в галоп. А Джхорэ тоже взобрался на лошадь, вернее, на то, что он думал — лошадь. Как пустил своего «коня» в галоп, тот и понес его прямо в лес.

— Знай дорогу, эй ты, индусская лошадь! — орет Джхорэ.— Знай дорогу, индусская лошадь!

А тот несет его прямо в лес, в колючие заросли. Там его и прикончил.

Тут и сказке конец.

76. Умный сын

Жила в одной деревне старуха вдова с единственным сыном. Парень никакого дела не делал, и старой матери приходилось на двоих зарабатывать. Раз говорит она сыну:

— Сынок, ты совсем дела не знаешь. Как нам жить-то? Пошел бы ты хоть уму поучился.

На другой день парень пошел в деревню. Там девушки веселились, играли — щелкали пальцами и припевали: «Хари-балори, хари-балори!» Парень подошел к ним и научился так же самое делать. Вернулся домой и просит:

— Матушка, дай мне поесть.

— Сынок,— говорит мать,— возьми сам и поешь.

А парень щелкает пальцами и спрашивает:

— А это мне куда положить?

— Положи на балку под крышу,— говорит мать.

Парень и сунул руку под крышу. Стоит и кричит:

— Мать, дай мне поесть.

Мать подошла, вытащила его руку и дала ему ужинать. Парень сел, одной рукой пальцами щелкает, а другой ест. Кончил и говорит:

— Матушка, я пойду на реку купаться.

Пошел он к реке, а там дочка раджи купалась одна. Увидал ее парень, сел на берегу и швырнул в нее камушком. Она и не обернулась. Кинул он камень побольше — девушка вскрикнула. Кинул третий — и она упала мертвая. Парень подбежал к ней, снял с нее украшения, принес домой и отдал матери. Услышала мать про такое дело, перепугалась и стала умом раскидывать, как бы ей сына уберечь. «Он ведь пойдет и всем разнесет, что он натворил», — думает. И вот она как решила.

— Ложись спать, сынок, — говорит.

Заснул он, она заколола козу, стащила ее туда, где мертвое тело лежало, а само тело в колодец бросила. Потом напекла побольше печенья из гороховой муки и позвала двух соседских мальчишек. Она дала им печенья и велела на крышу залезть.

— Как выйдет мой сын, — говорит, — кидайте печенье во двор.

Разбудила сына и велит ему выйти.

— Иди, сынок, погляди — печенье сыплется с неба.

Парень выскочил, тут вокруг него дождем печенье посыпалось. Он обрадовался, побежал собирать. Наконец мать схватила его и увела в дом, а мальчишкам велела уходить с крыши.

Дошло до раджи, что дочка домой не вернулась, и он послал искать ее по всему царству. Созвал всех своих подданных и стал их опрашивать, не видел ли ее кто. Все говорят — не видали. Тогда раджа спросил, все пришли или нет. Стражник ему говорит:

— Есть еще один вдовый сын.

Позвали парня, он и говорит:

— Да, я ее видел. Я бросил в нее камень, а она ничего не сказала. Я бросил другой — она закричала. Я бросил третий — она упала и умерла.

— Когда это было? — спрашивает раджа.

— В тот день, как печенье с неба дождем сыпалось, — говорит парень.

Раджу смех разобрал:

— Когда это печенье сыпалось с неба? Кто когда слышал про такой дождь? Этот парень просто дурак.

Отпустили парня домой. Пришел он к матери, взял украшения и напрямик в чужие края — их продавать. Дошел до города и начал кричать по улицам:

— Купите мои украшения! Купите мои украшения!

Женщины спрашивают, почему они, а парень им говорит:

— Нипочем. Пусть только та, что их возьмет, спит со мною неделю и всю неделю кормит меня хорошенько. А если хоть раз найду в еде муху, украшения назад заберу.

Женщины стали смеяться. Говорят:

— Нет, ты дорого хочешь. За такую цену не надо нам твоих украшений.

Пошел парень дальше и пришел в другой город. Здесь жил богатый купец. Жена у него была дома, а сам он ушел торговать в чужой город. Жене очень хотелось новеньких украшений — она была молодая и замужем совсем недолго. Проходит мимо парень, кричит: «Купите мои украшения!» Она его позвала, стала смотреть украшения. Узнала цену и говорит:

— Есть будешь со мной, что сама ем, а что до другого — так мой муж уехал на месяц.

Всю неделю парень спал с ней, а кормила она его всем самым лучшим. В последний день парень ей говорит:

— Принеси мне молока.

Она за молоком, а он поймал муху и положил ее в рис. Вернулась она, стала молоком рис поливать — муха и всплыла. Тут парень как раскритичится:

— Смотри, мне в еду муха попала! Конец разговору!

Взял украшения и ушел.

Шел он по дороге и встретил того самого купца — он домой возвращался, к жене. Купец поздоровался с ним и спрашивает:

— Откуда, братец, идешь?

— У меня есть украшения. Иду их продавать, — говорит парень. — А ты сам откуда идешь?

Купец ему все сказал, и паренек скоро понял, чей это муж.

— Я недавно женат, — говорит купец. — Моя жена ждет украшений, а мне не довелось ничего ей купить. Покажи мне твои и скажи, что они стоят.

— Ничего они не стоят,— отвечает парень.— Дай только выдернуть щепотку волос у тебя из усов. Если глаза у тебя слеза не замочит, я отдам тебе украшения.

Купец думает: «Парень-то полоумный» — а сам говорит:

— Ладно, братец, сделай, что тебе хочется, и давай украшения.

Парень его уложил и поставил ему на грудь ногу. Потом схватил его за ус и дернул, да так, что у того из глаз слезы брызнули.

— Нет,— говорит,— у тебя глаза мокрые. Не отдам я тебе мои украшения.

Пошел парень дальше. Видит, лежит у дороги большой олень — мертвый. Нарезал он вдоволь мяса, спек его, съел сколько мог, а остальное полосками высушил. Положил мясо на плечо и пошел еще в один город. Здесь тоже жил богатый купец. У него детей не было, жили они вдвоем с женой. Он недавно сильно болел, а теперь поправлялся, и порой его мучил голод. Парень зашел к нему в дом и сел рядом с ним — тот у огня согнувшись сидел, руки грел. Парень вытащил кусок сушеного мяса, подержал над огнем и стал есть. Купец запах почуял и тоже есть захотел.

— Дай мне,— кричит.— Что ты ешь?

— Это оленина,— говорит парень.

Вот и дал он немного купцу. Мясо-то пересохло и стало твердое, а жена купца готовила в спешке — не разварила. Стал купец есть, и кусок у него в горле застрял. Жена кричит парню:

— Что нам делать? Он помрет, если ему не помочь!

— Неси скалку,— говорит парень,— стукни его пару раз по спине, и все будет в порядке.

Жена так и сделала, как он сказал. Только стукнула мужа во второй раз, он и умер. Парень ей говорит:

— Вот, ты мужа убила. Что будешь делать?

— Научи,— просит она.

— Дай мне лошадь, деньгами ее нагрузи, тогда я тебя научу, а о том, что тут было, никому не скажу.

Привела она лошадь, нагрузила ее деньгами, и парень сказал:

— Не бойся. Запри в доме дверь, а ночью начни плакать по мужу, да погромче. Соседи подумают, что он от своего недуга скончался, и никто тебя не тронет.

Сказал так и уехал, а соседи похоронили купца и жену ни о чем не спросили.

А парень вернулся домой к своей матери. Он построил хороший дом, нашел красавицу девушку и взял себе в жены. А потом они жили счастливо всю свою жизнь,

77. Как два брата ссорились

Когда-то давным-давно, говорят, жили в одной деревне два брата. Оба они были женатые, и, как пошли у них дети, они разделились — стали жить каждый своим домом.

Время шло — кто его знает, сколько прошло с той поры времени, — и случилось так или иначе, что принялись они спорить и ссориться. Ссориться они стали всерьез — все, что когда-нибудь было, припоминали. Дело даже до кулаков доходило. Младший брат раз рассердился и созвал односельчан¹. Те пришли, обо всем рассудили и их помирили.

— Смотрите, — говорят, — с нынешнего дня больше не сорьтесь. Нынче мы вас помирили. А начнете опять враждовать, как раньше, мы вас штрафом накажем. Смотрите, не забывайте об этом.

Сказали они так и разошлись.

Прошло еще сколько-то времени, кто его знает, сколько, они снова начали спорить и ссориться, совсем как прежде, и опять перешли все границы. Младший и говорит:

— Что ты меня так ругаешь? Вот соберу народ, и на тебя штраф наложат.

И вправду от гнева он не помнил себя и сразу побежал народ созывать. Всех подряд стал звать, ни одного дома не пропускает, а ему везде говорят:

— Поздно уже, ночь на дворе. Не пойдем мы сегодня твой спор решать. Приходи завтра утром, снова нас позови.

Ну, раз ему так ответили, он вернулся домой. А соседи толкуют:

— Надо нам этих парней, пропади они пропадом, наказать хорошенько. Мы это так не оставим.

Как пропел петух, старший брат пришел к младшему, позвал его и говорит:

— Слушай, ты. Поспорили мы с тобой двое, а ты это вынес на суд всей деревни. Думаешь, они нас обоих не оштрафуют? Увидишь, на меня штраф наложат и с тебя возьмут половину того. И рассуди, нам придется свое добро другим отдавать. Подумай как следует, верно я говорю или нет. Если мы сами промеж себя все уладим, разве нам же не будет лучше? Зачем, чтоб им пропасть, нам свое добро другим отдавать? Лучше те деньги, что им пришлось бы отдать, мы сложим да и купим кабана, а после устроим пир для обеих наших семей, для всех нас. Плохо разве так сделать? Ну а теперь отвечай, хорошо я придумал или нехорошо.

— Это все хорошо, что ты сказал,— говорит ему младший,— только я вчера с соседями уже говорил. Что они скажут мне? Разве не скажут: «Вчера ты нам так горячо говорил, что же сегодня ты нас не зовешь? Если ты нас не позовешь, мы больше никогда тебя и слушать не станем». Разве они мне так не скажут?

— Это-то верно,— отвечает ему старший брат.— А ты говори с ними так, как я тебя научу. Вот как говори. Созови их всех вместе, а как соберутся, они тебя сразу спросят: «Ну ты, такой-то, зачем ты нас созвал? Расскажи». Ты им скажи: «Да, почтенные, вчера у нас, братьев, вышла большая ссора, вот я вас и позвал. Так что теперь разберитесь вы с нами». Тогда они скажут: «Расскажи нам подробно, с самого начала, как вы повздорили. Только так мы сможем разобраться и решить ваше дело. Ну, рассказывай». А ты им скажи: «Да, почтенные. Это верно, что я говорю. Вчера у нас была ссора». Они тебе скажут: «Расскажи с самого начала, как у вас началось и что вы говорили друг другу. Вот что расскажи». А ты им: «Да, почтенные. Разберитесь вы, пятеро, какие слова мы говорили, и решение скажите. Я для того вас и созвал, чтоб вы решили. Вот и решите, какие слова мы говорили. Если ты станешь так говорить, они ничегошеньки не смогут сделать. Отругают тебя и уйдут. А мы с тобой потом заколем свинью, и все вместе ее будем есть. Вот что, я говорю, тебе надо сделать. Запомни это и ничего лишнего им не говори. Вот и все. Иди, скажи им, пусть собираются.

И вправду младший брат пошел в то утро собирать односельчан. Всем он сказал. Вскоре затем собрался народ, целая толпа. Он вынес стулья и кровати и пригласил их садиться.

Потом люди его и спрашивают — того, значит, кто их позвал:

— Слушай, ты, такой-то. Зачем ты нас позвал? Скажи нам это до всего прочего. Тогда мы будем знать и поймем, где тут загвоздка. Только когда ты скажешь, когда сообщишь это, мы сможем понять, в чем суть дела.

Младший брат им говорит:

— Да, почтенные пятеро. Я вас позвал, чтобы дело решить. Вот и решите его нам. Нам с братом одним его не решить как следует. Вот и пришлось мне вам пожаловаться.

— Ну ладно,— говорят.— Скажи, како^о у тебя дело. Вот когда мы это услышим, мы сможем тебе сказать что-нибудь.

— Да, почтенные,— отвечает он.— Вчера у нас, братьев, вышла здоровая ссора. Решите, кто прав. Для этого я вас и позвал.

— Ладно,— говорят ему.— Скажи, как оно у вас получилось. Скажи, как он с тобой обошелся. Разве мы можем решать наобум?

— Да, почтенные,— твердит он.— Об этом я вам и толкую. Мы, двое братьев, повздорили. Что тут рассказывать?

Они ему:

— Вот, вот. У вас вышла ссора...

А он опять:

— Почтенные, поразмыслите. Разве вам не понятно, как мы повздорили? Вот потому, сами видите, я и позвал вас сюда. Ежели я опять вам стану рассказывать, как вы тогда нас рассудите?

И снова и снова так твердили они одно и то же.

Наконец односельчане обозлились и изругали его на все корки.

— Ты,— говорят,— такой-сякой! Если не хочешь нам рассказать все дело с начала, чего ради тогда ты нас всех сюда созвал?

— Рассудите нас,— говорит.

— Как мы будем судить наобум, пропади ты? Вот когда услышим все от начала, тогда мы тебе что-нибудь скажем. Вон сколько мы у тебя просидели. Корми нас за это обедом. Так просто ты от нас не отделаешься. Ты нас позвал — мы пришли. Неужто других дел у нас не было? Хватит. За это с тебя обед причитается, и придется тебе нам его дать.

Он тогда спрашивает:

— Зачем я, почтенные, стану вас обедом кормить? Вы мне ничего не решили. С чего это мне давать что-нибудь за ничто? Решили бы вы мое дело, я, конечно, бы дал все, что вам причитается. А так, за ничто, я вам ничего и не дам — говорите вы что хотите.

Отругали они его на чем свет стоит. Наругались, встали и пошли кто куда. Как они ушли, братья зарезали кабана и накормили своих домашних рисом с мясной приправой. И все ели и пили с охотой и радостью. А старший брат сказал:

— Видел, брат? Я тебя научил, как себя держать, худо ли вышло? А не то мы бы сейчас чужих кормили.

Сказке конец. Все тут.

78. Вдова ростовщика

Жил-был богатый ростовщик. Жил он счастливо с женой и сыном. В деревне у него был приятель — калар. Ростовщик умер, и похоронили его, как положено. А вдова только и думала, как бы ей уберечь богатство, что от мужа осталось. Все боялась, придут в дом грабители и ничего у нее не окажется, когда надо будет сына женить. В конце концов сложила она все серебро в два горшка и отнесла их к калару на сохранение. Говорит ему:

— Махапрасад! Храни эти горшки до свадьбы моего сына. Тогда я их у тебя заберу и богатую свадьбу устрою, чтобы имя покойника не уронить.

Наступило время сына женить. Вдова пошла к калару забрать горшки с рупиями. А калар отказывается — он, мол, о них знать не знает. Бедная вдова вовсе отчаялась. Наконец позвала она пятерых стариков. Те, как услышали, стали калара усовещивать и велели ему вернуть чужое добро. А калар все отказывался — ничего, мол, ему не давали.

— Пусть,— говорит,— она поклянется, что дала мне два горшка рупий. Пусть сыном своим поклянется.

Ну, вдова поклялась. Говорит:

— Если я не дала тебе два горшка денег, пусть у меня сын умрет.

И тут же юноша упал мертвым. Все, кто здесь был, сразу подумали, что вдова наврала. Отругали ее, как могли, и даже покойника сына не захотели помочь ей убрать. Положила она тело сына в телегу, волов запрягла и повезла хоронить. Идет, а сама горько плачет. Услышал ее плач прохожий и спрашивает, что приключилось. Выслушал, что она ему рассказала, и велел ей назад поворачивать и везти покойника прямо к дому калара. Там опять позвать пятерых и на этот раз так поклясться: «Если я дала тебе горшки, пусть мой сын встанет».

— Не говори слово «не», — сказал он.

Она так и сделала. Говорит при пятерых и при каларе:

— В тот раз я ошиблась. Я дала нашему другу не два горшка, а четыре. Если я дала тебе горшки с деньгами, пусть мой сын оживет.

Только вымолвила она эти слова, как юноша ожил. Теперь старики отругали калара, что он хотел старуху вдову обобрать. Вот и пришлось ему отдать ей четыре горшка рупий, и он лишился тех денег, что копил многие годы.

Вдова унесла деньги домой, устроила сыну богатую свадьбу, и с той поры они жили себе поживали.

79. Удачливый прорицатель

Жили в деревне старик со старухой. Каждый день старик шел в поле работать, а старуха сидела дома. Она готовила рис с гороховой подливой, пышные лепешки и всякие прочие яства и все съедала сама, прежде чем муж с поля придет. А вечером разведет огонь в очаге и начнет ему кашу варить. Надоело старику обедать так поздно, он и спрашивает жену, почему она принимается стряпать, когда он домой уж придет. Она говорит:

— Я днем хожу на базар.

Раз старик отвел быков в поле, оставил их там, а сам вернулся тайком, и пока жена за водой ходила, спрятался в ларе для зерна. Вот он и увидел, как жена на саму себя стряпала. Пошла она опять за водой, а он вылез и сходил за быками. Пригнал их домой, а она как раз снова огонь разжигает. Сел он и стал себе на ладошку глядеть, пристально так.

— Ты,— говорит,— на базар не ходила. Ты была дома. Ты себе рис с гороховой подливой и лепешки готовила.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает жена.

— Моя рука это мне говорит,— отвечает старик.— Смотри! Здесь сказано «рис», здесь — «горох», а здесь — «лепешки».

На другое утро старуха разнесла по всей деревне, какой у нее муж ясновидец. И пошел слух о том дальше.

Раз дочка раджи пошла купаться на озеро и потеряла свое ожерелье. Она забыла его на берегу, а ворона унесла и под деревом бросила. Раджа повсюду разослал своих слуг искать ожерелье. Потом позвал всех своих прорицателей, а с ними и того старика. Говорит им:

— Ожерелье у моей дочки пропало. Посмотрите все в свои книги и скажите, найдет она его или нет.

Все стали смотреть свои книги, а старик так испугался, что у него схватило живот, и он побежал в кусты облегчиться. Бежит, а живот у него урчит: «Гурур». Старик говорит:

— Эх ты, мое боти (нутро, значит), чего ты «гурур» говоришь? Не долго тебе ждать осталось — тебя скоро забьют до смерти манговой палкой.

А там как раз девушка шла, и ее звали Боти. Услыхала она, что старик сказал, подумала, будто он это про нее говорит, и испугалась.

— За что раджа будет меня палкой бить? — спрашивает.— Я нашла ожерелье под деревом, продать его думала. А как тебя увидела, я его кинула там, в углу сада.

Услышал это старик и так обрадовался, что у него и живот сразу прошел. Вернулся к радже, глядит себе на ладонь и вещает, что ожерелье подобрала девушка — ее зовут Боти — и бросила его там, в саду, в самом углу. Потом добавил:

— Кто его знает, правда то или нет, только мне так моя рука говорит.

Раджа сразу послал солдат. Они схватили Боти, и та отдала ожерелье. Раджа был очень доволен, дал старику много денег и домой его отпустил.

Через несколько лет в том царстве случилась великая засуха, и начался в стране голод. Опять позвал раджа всех своих прорицателей, а с ними и старика. Ну а старик испугался, понятное дело. Думает: «Нынче он меня непременно убьет». Собрались прорицатели во дворце, стали смотреть в свои книги, а у старика опять схватило живот, и он побежал к речке.

Сел на берегу и начал умом раскидывать, что ему теперь делать. А под берегом там жила в норе крыса. Вот и слышит старик, как она крысятам своим говорит:

— Детки, смирно сидите. Мне надо лодку кончать. В понедельник дождик пойдет, а во вторник ливнем польет.

Услыхал это старик, так обрадовался, что про живот свой забыл, а побежал назад к радже. Раджа ему говорит:

— Я всех уже слышал. Что ты теперь скажешь?

Старик стал в ладошку вглядываться. Долго смотрел, потом говорит:

— В понедельник дождик пойдет, а во вторник ливнем польет. Кто его знает, правда оно или нет. Только мне так моя рука говорит.

— Если правда,— говорит раджа,— я тебе дам деревню и кучу денег. А неправда — казню.

Старик весь затрясся от страха и побрел к себе домой. Да в понедельник начал дождь моросить, а во вторник он ливнем полил, и все пошло хорошо. Раджа позвал старика во дворец, дал ему деревню без налогов и кучу денег. И кончил старик свои дни в полном достатке.

Вот и сказке конец, пир — делу венец.

80. Как сын раджи ума купил

В давние времена, говорят, жил один раджа. И был у него сын, один-единственный. Раджа все ему говорит:

— О мой сын, учись читать и писать.

А сыну хоть бы что. Каждый день раджа ему повторяет:

— Учись, мой сын, учись писать. Не ленись. Придет день, и меня не станет. Как тогда будешь жить?

День ото дня он так его наставлял, а сыну все нипочем.

Так они жили, и кто его знает, сколько дней так протекло, только пришла такая пора, что сын вырос взрослым. Желу-то ему высватали, когда он еще маленький был. Сами ведь знаете, царских детей в малом возрасте женят, не так ли? ¹ Вот и его ребенком женили, совсем еще маленьким был. А тут вырос он взрослым, а отец все равно что ни день его уговаривает учиться читать и писать.

Вот раз отец и сказал ему поостроже.

— Слушай, сын мой,— говорит.— Я тебе говорю, чтобы ты учился читать и писать, а ты меня и слушать не хочешь. Смотри, какую большую страну я приобрел. А ты, такой неуч, как сможешь ты править страной, когда время наступит? Ты ведь сын раджи. Вот придут к тебе по делу староста из деревни, или все старосты вместе, или паргана, или его помощник, или кто-нибудь из твоих простых подданных², что ты станешь делать? Ты и говорить-то не учишься, как ты будешь разговаривать с ними? А случись, придут к тебе с каким-нибудь спором, как ты рассудишь? Как не станет меня, тебе придется столкнуться с такими делами. Если ты сейчас мне не веришь, потом сам поймешь, что это значит.

Сказать правду, эти слова глубоко запали юноше в душу. «Это все правда, что батюшка говорит,— подумал он.— Надо мне, не откладывая дела дальше, пуститься в чужие края — ума поискать». Надумал он так, набил свой вязаный кошелек³ дополна деньгами да еще три куска золота туда положил и пустился в чужие края — ума искать. На прощание же не сказал, что уходит.

Шел он, шел и ушел далеко, да только, говорят, никого не нашел. И все равно он шел дальше. Раз почувствовал он, что сильно устал. И как раз в это время, говорят, попался ему на глаза человек — поле пахал. «Возьму-ка я,— говорит себе сын раджи,— попрошу табачку с известью⁴ у этого человека, прежде чем что-нибудь делать». Сказал он так и пошел к нему. Пожевали они табаку с известью, и начался у них разговор. Он и говорит:

— Послушай-ка, хотел бы я знать, нет ли в ваших краях мастера говорить.

— А на что тебе такой мастер? — спрашивает тот.

— Я сын раджи из такой-то страны. Ничегошеньки я не знаю — вот и пришел в эти края чему-нибудь поучиться. Потому я и ищу мастера говорить. А если ты сам дело знаешь, поучи меня ты.

— Да я-то знаю,— говорит тот.— Была бы у тебя охота, я бы дал тебе два-три совета. Я говорю, была бы охота учиться.

— Конечно, я учиться хочу. Затем я, сам видишь, и пошел так далеко. Так что ты мне скажешь? Поучишь ты меня даром или плату за это возьмешь? Скажи.

— Уж даром-то учить я не стану. Ты мне заплати.

— Ладно. Раз надо платить, я заплачу. Сколько дашь мне советов, за каждый получишь по куску золота.

— Ладно. Тогда я тебя поучу. Только помни: слушай и запоминай хорошенько, ничего не забывай, все держи в памяти. А совет мой такой. Ты сын раджи. Случится тебе пойти в гости к кому-нибудь — к старосте из одной деревни или другой, к паргана или к кому-нибудь из простых твоих подданных. Как поставят перед тобой стул⁵, или кровать, или деревянную плаху или расстелят циновку или ковер и сесть попросят, ты не сразу садись. Отодвинь сиденье в сторону от того места, куда усадить тебя хотели, тогда и сядешь. Вот и все. Теперь давай золото.

Он дал ему.

— Ладно,— говорит тот.— Дам я тебе еще совет. Ты сын раджи. Пойдешь ты купаться. Купайся где хочешь: в запруде, в пруду, в реке и где тебе вздумается — только не купайся на гхате, в стороне от гхата купайся. Вот весь совет. Теперь давай золото.

Он ему дал.

— Еще я тебя научу,— говорит тот опять.— Ты сын раджи. Придут к тебе люди с каким-нибудь спором или с вопросом. Сами они придут к тебе со своим делом или ты к ним пойдешь, тебе придется решать. Так вот, что бы пятеро или десятеро⁶ ни решили, ты с тем соглашайся. Не старайся по-своему сделать, не спорь с их решением, следуй ему. Вот и все. Теперь давай золото.

Сын раджи дал. Потом говорит:

— Слушай, кончилось мое золото. Чем я теперь тебе буду платить?

— Как же ты хочешь дальше учиться, если истратил все, что имел? — отвечает тот человек.— Ну уж ладно, дам тебе один совет даром.

— Давай,— говорит.

— Слушай. Ты сын раджи. Я тебе вот что скажу. Никогда не спеши гневаться. Умей гнев свой обуздывать. Как увидишь, или с чужих слов узнаешь, или сам в разговоре услышишь такое, что тебя в гнев введет, руки в ход не пускай. Обуздай на время свой гнев, сперва все стороны выслушай да подумай сам хорошенько, а тогда и говори, что захочешь, и пускай руки в ход. Найдешь вину — накажи; не найдешь — оставь без внимания и не тревожься. Люди не спешат действовать в гневе.

они его стараются сдерживать. Стерпи раз, другой, третий, а уж если никак нельзя дело миром решить, тогда пускай руки в ход. Вот мой совет. Этот я дал тебе даром, раз у тебя больше золота не осталось. А не то я бы тебя и дальше учил.

На том они и расстались.

Пораздумал сын раджи над тем, что услышал, и говорит сам себе: «Ишь ты! Ну и одурачил же он меня. За такую малость выманил все мое золото. Да и верно ли, что он сказал?» А потом решил: «Ладно, надо мне это проверить».

Повернул он оттуда назад. Шел, шел, и кончилась у него вся еда. «Надо мне,— думает,— прежде чем дальше идти, купить поесть в этом городе». Вошел он в город, а там ему со всех сторон — и отсюда и оттуда — кричат:

— Заходи сюда! Заходи сюда! Купи здесь!

А другие говорят:

— Ладно, не хочешь купить, иди сюда — хукку покуришь. Так его со всех сторон зазывали.

Подошел он к одной лавке. Приглашают его сесть на ковер. Он и в лавку поднялся, чтоб сесть. Совсем уж садился, да вспомнил вдруг, что учитель его говорил, и потянул ковер в сторону. Смотрит — под ним открылся колодец. «Вот те на! — думает.— Что я за дурак. Не взял бы урок у него, слететь бы мне в этот колодец и быть бы сегодня убитому. Да, хороший мне попался учитель, дельные дал мне советы». Потом купил он еды, а как дальше пошел, все над этим раздумывал да припоминал.

Прошел он, кто его знает, как далеко, и увидел пруд. «Искупаюсь я в этом пруду,— думает,— и поем, прежде чем дальше идти». Подошел он к пруду и тут вспомнил: «Мой учитель мне говорил: не купайся на гхате, в стороне от гхата купайся». Вспомнил он это и отошел в сторону. Сложил он там одежду и все свои вещи, искупался, а после поел и дальше пошел.

Да только он там позабыл свой кошелек с деньгами. Прошел немного и вспомнил: «Я оставил там деньги в кошельке». Потом думает: «Я ведь их клал в стороне от гхата. Может, никто их и не взял. Надо мне сразу вернуться — вдруг они там». Вернулся обратно и вправду видит: лежит кошелек. Он очень обрадовался и сказал сам себе: «Ну и хороший у меня был учитель. Пойди я купаться на гхате, не видать бы мне моих денег».

Пошел он прочь оттуда и шел, пока не настал вечер. Тогда

он свернул в деревню и стал просить, чтобы его пустили переночевать. Все ему говорят:

— Иди вон туда, к старосте. Там тебя получше устроят. У них веранды просторные.

Тут он и вправду пошел к старосте и спрашивает его домашних:

— Послушайте, почтенные. Не дадите ли мне местечка переночевать?

— Конечно, почтенный,— говорят ему.— Только смотри, где-нибудь здесь, на веранде, где тебе приглянется.

— Хорошо,— отвечает.— Мне подойдет и веранда.

Тогда они говорят:

— Вон на той веранде заночевал путник вроде тебя. Ложись и ты там.

Поднялся он на веранду. Видит, человек, что пришел до него, подстелил себе соломы. Он попросил у него немного соломы и сам лег тоже. А тот человек был джуги, и пока они спали, этот джуги, бедняк, взял и помер.

Утром хозяева видят, что джуги мертвый. Стали говорить сыну раджи:

— Подожди, не уходи. Разговор будет.

Созвал староста всех деревенских и говорит:

— Разобраться надо, что делать будем. Вчера я пустил сюда ночевать этих двух путников. И случись невесть как, что вот этот, сами видите, помер. Что с ним будем делать?

— Надо его выбросить прочь,— говорят деревенские.— Что еще станешь с ним делать?

— А кто его выбрасывать будет? — спрашивает один.

— Кому еще его выбросить,— отвечает другой,— как не тому, кто с ним ночевал.

Тут все подхватили:

— Верно, пусть он его выбросит. А не захочет, мы ему покажем.

Он говорит:

— Я сын раджи. Не стану я его выносить.

Только он это сказал, все принялись его бранить. Тут он и вспомнил: «Учитель мне говорил: не спорь с решением совета»,— и согласился.

— Ладно,— говорит.— Не ругайтесь. Я его унесу.

И вправду взял он его и стащил к реке. Там еще одно вспомнил: «Старые люди говорят: „Совлекают они одежды с их

тел“». Догадался он, что это значит, и снял у покойника с бедер повязку. Смотрит: у него на поясе деньги. Снял он пояс, забрал себе деньги и еще раз подумал: «Спорить не станешь, редкий человек мой учитель — таким вещам меня научил». Тем временем наступил полдень. Искупался он и дальше пошел.

Шел он, шел, и застала его ночь. А он в этот день уже достиг отцовских земель. И домой ему хочется, и заночевать бы пора — не знает, на что решиться. Собрался он с мыслями и говорит себе: «Нет, не останусь я здесь. Как-нибудь до дому доберусь».

И, правду сказать, пошел он дальше, хоть совсем темно стало. Приходит домой, все уже давно легли и крепко спят. Он не стал никого звать и шум поднимать, взял и тихонько вошел. Подходит к дверям покоя, где они всегда с женой спали, и видит: стоят у дверей пара башмаков и сабля. Схватил он саблю, выдернул ее из ножен да как закричит:

— Эй, кто посмел в мой дом войти?

А спать там легли его жена с его сестрой. Как закричал он, обе проснулись и зажгли лампу. Сестра и говорит:

— Ну, невестка. Брат мой вернулся. Пойду я в другое место.

Сказала и хотела уж выйти. Вдруг видит: он саблю из ножен вытащил и занес — вот-вот ударит. Подалась она обратно и думает: «Если я выйду, он меня зарубит». Взяла и крикнула:

— Брат, это я. Пока тебя не было, я ходила к ней ночевать. А чтоб чужие сюда не совались, мы поставили у дверей саблю и башмаки. Я не чужой, я твоя сестра.

Только брат ей не поверил, как она его ни молила. Он снова свое:

— Выходи! Брат или сват, мне дела нет!

Тут сестра поняла: «Он меня и впрямь зарубит. Он от гнева голову потерял». Сняла она свое платье и выбросила ему, только тогда он поверил.

Тут и вспомнились ему слова учителя, и он горько заплакал. Опечалился, говорит сам себе: «Учитель мне верно сказал, что людям надо сдерживать гнев. И впрямь я здесь чуть было кровь не пролил». Долго он плакал, вспоминая, что ему учитель сказал.

Вот почему мы, санталы, когда нас есть приглашают и

плаху кладут, чтобы мы сели, всегда ее немного сдвигаем, совсем немного, в сторонку.

Вот и сказке конец. Все тут.

81. Мотилал и жемчужины

Было у раджи четыре сына. Раз играли они у дороги, а мимо проходил мантри. Он их спрашивает, чьей милостью они кормятся. Три старших брата ответили, что своей собственной, только младший сказал, что отцовской. Мантри пошел к радже и все ему рассказал, а когда раджа сыновей начал про это спрашивать, младший вдруг говорит:

— Мантри тебя обманул. Это мои трое братьев сказали, что они кормятся твоей милостью, я один сказал — своей собственной.

Услыхал это раджа, сильно разгневался и велел отправить младшего сына в изгнание. Мантри ему говорит:

— Сначала надо его поженить, а потом уж прочь гнать.

Раджа послал слуг найти девушку поглупее да побезобразнее — его сыну невесту. Была там одна девчонка из чамаров, она все на дороге сидела, грязью играла. Нрав у нее был такой, что всего ей хотелось, стоило только увидеть; а как в руки ту вещь получит — сразу и бросит. Слуги думают: самая подходящая будет невеста для парня. Пошли к ее отцу, дали ему пятьдесят рупий и забрали девчонку во дворец. Раджа позвал несколько нищих и при них женил своего младшего сына на дурочке. Потом сына раджи посадили на черного коня, его жену — на белого и выпроводили их прочь из царства.

Так они и ехали, пока не доехали наконец до большого города. Под его стеной они построили себе из тростника хижину. Юноша пошел к горшечнику за горшками, а тот говорит:

— Горшков у меня нет. Вон два обломка. Возьми их, если хочешь.

Юноша принес их домой, отдал жене и говорит:

— В этом воду носи, а в этом будешь готовить. Только из дому не выходи.

— А продукты кто принесет? — спрашивает она.

— Я сам о том позабочусь, — сказал он.

Проезжал мимо верхом раджа из этого города, а с ним двенадцать солдат. Он заметил оленя и гнался за ним. Юноша вскочил на коня и поехал следом. Раджа и юноша скакали так быстро, что солдаты отстали и потерялись из виду. А раджа и юноша скакали во весь опор, пока не достигли горы Каджлибан. Здесь раджа убил оленя и оглянулся назад: где его солдаты — надо оленя нести. А там никого, один юноша. Раджа говорит:

— Пить очень хочется.

Ну а у юноши было два кусочка сластей — один от жажды, другой от голода¹. Он и подал радже тот, что от жажды.

— Если я это съем, мне только больше захочется пить, — говорит раджа.

Он все-таки взял и, как съел, в тот же миг перестал мучиться жаждой. Потом говорит:

— Я очень голоден.

Юноша дал ему второй кусочек, и раджа перестал чувствовать голод.

Тут раджа спрашивает:

— Кто понесет оленя домой?

— Об этом я позабочусь, — говорит юноша.

Вскинул он тушу оленя к себе на коня и поехал следом за раджей. Раджа думает: «Мои двенадцать слуг не делают ничего, а этот юноша все за них делает» — и спрашивает его, пойдет он к нему в слуги или не пойдет. Юноша согласился. Раджа спрашивает, какую ему надо плату. Он говорит:

— Меня зовут Мотилал. Плати мне каждый день по жемчужине².

Так Мотилал стал жить во дворце. Заработал он столько жемчужин, что достало на ожерелье, отнес их к бани и договорился, чтобы тот каждый день посылал его жене припасы — пищу готовить. Бания жемчуг взял и стал день за днем слать им продукты. Раз слуга раджи ошибся и отдал жемчужину не юноше, а жене. Она ее взяла и бросила в мусор, говорит:

— Я такое не ем.

Подобрал эту жемчужину вор и своим друзьям рассказал, что там, видно, спрятано много сокровищ. Ночью четыре вора забрались в хижину, да нашли только два битых горшка. Всю землю вокруг перекопали, так ничего им и не попало. Тогда пошли они к бани. Ну а бания умел считать деньги. В этот день он забыл записать одну пайсу — он ее нищему-саду по-

дал. Воры пришли, а он как раз эту пайсу искал. Жену бил, пока она чувств не лишилась. Видят воры такое и говорят один другому:

— Раз он жену за одну пайсу так бьет, что же он с нами за жемчуг-то сделает!

Ночью воры украли жену у бани и отнесли ее в хижину к Мотилалу, а его жену-дурочку снесли к бани. Увидел баня дурочку, кричать принялся:

— Бедная моя жена, это я виноват! Это я у тебя весь ум выбил.

Он ее вымыл теплой водой, в голове у нее поискал и обещал никогда больше не бить.

Той порой жена бани сидела в маленькой хижине и горько плакала. Потом написала письмо своему мужу, будто от Мотилала: «Пришли мне мою долю жемчуга». Баня жемчуг прислал, она его продала и на те деньги выстроила большой дом. Пришли туда слуги раджи, а она их и спрашивает:

— Сколько у вашей рани мужей?

Они говорят:

— Известно, один.

А она говорит:

— Нет, двое.

Слуги донесли рани, что жена Мотилала говорит такое. Рани разгневалась и велела отослать Мотилала домой. Видит он вместо своей маленькой хижины большой дом — и оробел, а как выбежала оттуда жена бани и схватила его за руки, совсем перепугался. А она говорит:

— Давай устроим большой пир и всех на него позовем.

Как начался пир, баня вскочил и закричал:

— Да это моя жена!

— Если твоя, почему она не живет в твоём доме? — говорит ему народ.

Она тоже сказала:

— Я не его жена. Я жена Мотилала.

Пошли они к радже, и раджа так сказал бани:

— Ты, низкий человек, сам виноват, что отвадил жену, а вместо нее дурочку получил. Такая твоя судьба, переменить не в моей власти.

82. Лентяй

Давным-давно жил в одной деревне один человек. Было у него три дочери и три сына. Как женил он двух сыновей, так и умер.

Женатые сыновья были работники, а неженатый — лентяй. Что ему ни скажут сделать, ничего он не хочет: говорят ему, а он и ухом не ведет. А вот как есть садиться, так тут он раньше всех. Бóльшие — его старшие братья, значит, — все время его корили.

— Слушай, никчемный ты человек, — говорили они. — Ни к какому делу у тебя душа не лежит. Как кормиться-то думаешь? Кто за тебя замуж пойдет? Вырос такой здоровый, а пальцем не хочешь пошевелить. Вот отделим тебя и живи как угодно, сам себе зарабатывай.

Сколько его ни бранили, ему все нипочем — он и ухом повести не желает. А за этой бранью да за попреками братья сами дело забывать стали. Хозяйство у них пошатнулось, они обеднели, а женить младшего и не пробовали — так на него были сердиты.

Наконец он и сам осерчал и ушел прочь из дому. С собой ничего он не взял, даже платья, и шел совсем не одетый — одна повязка на бедрах¹. Шел он так, шел и зашел, кто его знает, как далеко. Стало вечереть. Он увидел деревню и думает: «Пойду-ка я прямо в эту деревню. В деревне ночь проведу». А дело было в месяце пус, по ночам холодало сильно, без одежды-то парню пришлось невесело.

Не успел он дойти до деревни, а уж стемнело. Видит, за околицей пастухи собрались, костер развели, крыс в листьях пекут и едят. Холод его уже всюю донимал, вот он и думает: «Пойду-ка я погреюсь сперва у костра». Подумавши так, пошел к костру и говорит пастухам:

— Пустите, ребята, у вас тут погреться. Холод совсем одолел.

Сказал так и сел рядом с ними, потом спрашивает:

— Слушайте, ребята, какая это деревня?

Они ему сказали. А как крысы спеклись и их делить стали, ему тоже дали немного. Поели и все разошлись по домам, а его оставили.

Сидит парень, греется у костра, дровишки, что от пастухов

остались, в огонь подбрасывает. Надоело ему так сидеть, он и думает: «Все уже спать улеглись; без дела теперь к кому я посмею зайти? Может, там и веранд-то нету, так где я лягу? Неужто от дома к дому ходить и проситься? Нет уж, лучше я туда не пойду. Лягу я лучше и потерплю до зари здесь, у костра».

Сказал он так сам себе, пододвинулся поближе к огню и растянулся около костра. А чтоб накрыться, он решил снять повязку с бедер. Стал развязывать и нащупал в уголке моток ниток — сам его туда завязал когда-то. «Ого! — подумал он. — Одежду-то из ниток делают, значит, это тоже одежда. Укроюсь-ка я этим». Порешил он на том, привязал конец нитки к пальцу на ноге, потом за ухо зацепил; так и повел от ног к ушам и обратно, пока нитки не кончились и он не остался лежать, вытянувшись во весь рост. Костер еще погорел сколько-то времени, только он за огнем уже не смотрел. Ночью пришел откуда-то пес, видно тоже бродячий, и лег на кострище, свернулся калачиком на теплой золе.

Ну а в деревне той староста был очень богатый; было у него много работников и работниц. В тот день рано поутру он сам погнал своих буйволов и волов рис молотить². У околицы буйволы и волю заметили спящих — человека и пса — и стали их стороной обходить. «Матушки,— думает староста,— что они там увидали, чего испугались?» Скот прошел, он глядит: лежат у дороги человек и собака и спят.

— Эй вы, чего разлеглись! — закричал он на них.

Парень через силу продрал глаза и говорит:

— Ой-ой-ой, что за пропасть, как это рассвело так скоро? Никогда бы не подумал.

Услыхал это староста, диву дался и спрашивает:

— Слушай-ка, юноша, неужто ты не замерз?

— Нет, почтенный,— говорит тот— Мне не холодно. Я ведь, гляди-ка, укрылся.

Тот смотрит: парень совсем не одетый, только ниток немного протянуто сверху.

— Вот что, юноша,— говорит староста.— Я сам весь застыл, а ты, гляжу, не одет. Я и спросил, холодно тебе или нет.

— Весь холод, какой может дойти до меня, почтенный, ест на лету этот пес,— ответил парень.— Он может съесть пятьдесят лакхов³ холода. Вот почему мне не холодно.

Услыхал это староста, удивился еще больше и стал в уме

раскидывать: «Сколько денег,— думает,— трачу я каждый год, чтобы одевать моих работников и работниц, и все равно от холода нам не избавиться — всегда он до нас добирается. Будь что будет, куплю-ка я этого пса — он будет весь холод есть, какой на нас причитается». Надумал такое и вправду говорит парню:

— Слушай, юноша, отдай мне этого пса.

— Нет, почтенный,— не соглашается парень.— Никому этого пса не отдам. Он ведь меня от холода избавляет.

— Если не хочешь мне его просто так подарить,— говорит староста,— я тебе заплачу. Все равно тебе его придется отдать. Лучше сразу скажи, что он стоит, сколько возьмешь.

— Послушай, почтенный,— отвечает парень,— если ты его у меня заберешь, мне потом будет не обобратиться хлопот. Я бы тебе и сказал, сколько он стоит, и не хочется говорить. Пожалуй, если я цену назначу, ты навряд ли захочешь столько отдать.

— Ладно уж, назначай,— говорит староста.— Сколько скажешь, столько и дам.

— Что до меня, так знай, я сразу скажу последнюю цену,— отвечает парень.— Заплатишь — отдам пса, а нет — не отдам.

— Говори,— торопит староста.— Разве у меня чего не хватает тебе заплатить? Только это и помешало бы мне купить пса. Ну, говори.

Тогда парень сказал:

— Этот пес много стоит, почтенный,— он ведь пятьдесят лакхов холода ест — вот и цена пусть ему будет пятьдесят лакхов рупий. За столько отдам, а меньше — нет. Подходит это тебе — хорошо, а не подходит — нам говорить больше не о чем. Хочешь брать собаку, выкладывай денежки, и я ее отдам; не хочешь — будь уверен, никогда ты ее не получишь. Ну, что скажешь? А то я пойду.

— Хорошо, я возьму,— согласился староста.— Пойдем ко мне, я дома тебе заплачу. И собаку с собой веди.

Вот и вправду взял парень пса, пошел с ним к старосте и привязал его там. А староста отсчитал ему пятьдесят лакхов рупий.

Забрал парень деньги и пошел обратным путем. Приходит домой и говорит братьям:

— Ну, пора мне жену искать.

А они ему в ответ:

— Ах ты лентяй! Кто за тебя замуж пойдет? У нас на это и денег-то нет. Ищи себе сам невесту и женись, коли хочешь.

Лентяй им и говорит:

— Эх вы, дурачье. Столько работаете, а что вы наработали, где ваши деньги? Нет их! Сколько помню, всегда вы меня корили без отдыха, лентяем ругали. Лучше пойдите высватайте мне невесту, а что до расходов на свадьбу, я их беру на себя, вам тратиться не придется.

— Послушай-ка,— спрашивают те,— ты что, денег раздобыл?

— Да, дурачье,— говорит.— Глядите, сколько. Что надо будет, за все заплачу.

Старшие братья глядят, дивятся. Как увидели столько денег, сразу стали с ним ласковые, а то ведь только и знали бранить. С этих пор ругать его совсем перестали. Подыскали ему невесту, женили и стали все вместе жить.

Ну а староста, что собаку купил, был очень рад. Пса накормил до отвала. Как стало темнеть, он и говорит работникам:

— Слушайте, такие-сякие. Возьмите этого пса с собой на гумно, привяжите его там у входа в сторожку. С утра пригоните волов и начнете молотить. Вперед собаку обведите вокруг гумна да сами всю лишнюю одежду снимите — пес весь холод съест, вы его и не почувуете. Хозяин пса мне сказал, он пятьдесят лакхов холода ест. Вот я его и купил и вам говорю: начнете волов гонять, все лишнее с себя снимайте — проверим, как он холод ест.

И вправду сказать, они сделали, как им хозяин велел: повели пса с собой на гумно и, как сказано было, привязали его у входа в сторожку. Только все равно холод их всюду донимал.

— Гляньте-ка,— говорят одни,— где же он холод ест? Как было холодно, так и осталось.

— Ну и собака, такая-сякая, слов не найти! — кричат другие.— Поддать бы ей хорошенько.

— Не надо, хозяин заругается,— говорят третьи.— Лучше ее не трогать.

Как пропели петухи, начали молотить. Тут кто-то вспомнил:

— Хозяин велел: молотить начнете, снимайте одежду и пса ведите по кругу вслед за волами. Надо попробовать, съест он холод или не съест.

Он и вправду разделся, взял пса и пошел с ним волов по кругу гонять. Холод его донимает — терпеть невозможно. Он и закричал:

— Эй вы, я устал эту собаку по кругу таскать. Идите кто-нибудь, меня подмените.

Стал другой работник водить пса, только тоже скоро устал. Третий работник повел пса — и тот тоже устал.

— Стану я эту поганую собаку таскать! — говорит. — Ну ее к черту, я весь заоченел. Вон она, ребята. Водите ее, кто хочет, а то я ее, подлюю, привяжу.

— Привяжи ее, подлюю, — отвечают другие. — Она, чтоб ей пропасть, холоду нисколько не ест. Чего ее зря по кругу таскать.

— Ну, я привяжу, — говорит работник.

— Кто ее знает, — ему отвечают. — Хочешь водить, так води ее сам, пока сил хватит; не хочешь — привяжи. А что до нас — мы водить не станем.

Ну, раз такой разговор, он ее, подлюю, привязал опять у сторожки.

Попозже и сам богатей, что собаку купил, нежданно пришел на гумно.

— Смотрите, — говорит, — что за народ! Я вам что велел? Вокруг собаку водить. А вы ее привязали. Почему водить не хотите?

— Эта собака, такая-сякая, — ему отвечают, — мы ее нипочем не станем водить. Она, чтоб ей пропасть, холоду нисколько не ест. И чего нам ее впустую водить? Ты ее сам купил, ты ее, подлюю, и води. Мы ее таскали вокруг с самых петухов, из сил выбились. Больше не потащим.

— Приведите ее, — велел хозяин. — Отвяжите и приведите ко мне. Я ее, такую-сякую, купил за пятьдесят лакхов рупий. Неужто такие деньги ни за что отдал?

Отвязали собаку, привели ее к хозяину, а он и впрямь сразу разделся и пошел волов погонять и собаку рядом ведет. Прошел два круга, а может быть три, — смотрят: он весь трясется от холода.

— Возьмите ее, поведите, — просит.

— Нет уж, — ему отвечают, — мы давно наводились, больше ее не поведем. Хочешь таскать ее по кругу, таскай сам; а нет — гони ее прочь.

Повел хозяин пса снова, ну а пес холода, конечно, не ест.

Обозлился хозяин и тут же посередине гумна, прямо на разложенном рисе, как примется пса лупить. Бил хозяин без жалости, куда попало. Пес выл, визжал, весь обгадился. А хозяин знай бьет пса смертным боем. Работники помирают со смеху. На собачий вой народ с деревни сбежался. Работники им рассказывают, как дело было, те тоже над старостой потешаются. Прикончил он пса. Работники говорят:

— Ты так бил собаку, что она весь рис тут обгадила. Не станем мы собирать эту солому, сам ее убирай.

Хозяин им на это ничего не сказал. Тут и другие принялись жаловаться. Ну а солому убирать хозяину не пришлось, работники сами убрали.

На том и сказка кончается. Вот и все.

83. Пьяный и раджа

Давным-давно, говорят, это случилось. Один сантал на празднике Сохрэ¹ так напился пива, что свалился без памяти на пустой улице, прямо у себя под забором. А за полночь по улице ехал на слоне раджа, куда-то по своим делам направлялся. Сантал слышал, что кто-то едет; встать было ему не под силу, так он лежа принялся похвалиться.

— Чей это слон? — кричит. — Продай, я куплю. Сколько спросишь, за столько слона и возьму. Уж очень мне надо слона купить.

Радже эти слова ой как понравились: «Кто же из моих здешних подданных такой богатый? — думает. — Надо мне на него посмотреть».

Он-то собирался куда-то дальше ехать, кто его знает, как далеко. А как услышал эти слова, удивился и у погонщика своего, что слоном правил, спрашивает:

— Кто это здесь, в деревне, такой богатый, что слона моего может купить?

— Кто его знает, — отвечает погонщик.

— Дальше мы не поедим, — говорит раджа. — Станем лагерем здесь, у околицы. Если он купит слона, чего же лучше — я на эти деньги новых куплю.

Сказал так, и стали лагерем становиться.

Сантал-то не знал, что он с раджей разговаривал и что слон был раджи, тоже не знал. Не слышал он и о чем раджа с погонщиком говорили. Ну а соседи все это слышали. Слышали они и как он сам хвалился.

Наутро видят, лагерь стоит у околицы, и при нем слон. Догадались, в чем дело, пошли к тому санталу и рассказали, какой вышел у него разговор. Стал сантал размышлять, как тут быть. Солнышко поднялось, подъезжает раджа и спрашивает:

— Где тот человек, что ночью хотел у меня слона купить? Пусть выйдет, надо о цене сговориться.

— А как его звать-то? — спрашивает сантал.

— Я не спросил, как его звать, — говорит раджа. — Только он из этого дома. Голос прямо отсюда шел, от ворот.

— Ну да, — отвечает сантал. — Был тут один проезжий, у нас ночевал. Это он про слона спрашивал. Только он уже ушел. Кто его знает, куда. Рано утром ушел, с первыми петухами. Нет его здесь. Ты ему сразу-то про слона ничего не сказал, вот он и ушел, как проснулся.

Так он раджу провел, и тот уехал.

84. Как за деньги в суде показывали

Это сказка про сантала и деко. Ростовщик-деко подал на сантала в суд за долги. Сантал-то был не большого ума. Все долги свои он уж давно заплатил целиком. Да только, когда он ходил долги отдавать, свидетелей с собой он не брал — вот где ему ума не хватило.

Долг давно уж уплачен, а ростовщик все к нему пристаёт:

— Мне с тебя столько вот причитается. Плати, а то в суд подам.

Много они на этот счёт разных слов друг другу ска-зали.

Под конец ростовщик спрашивает:

— Ну ладно. Если ты со мной рассчитался, где твои сви-детели? Кто видел, что ты тогда принес мне столько, а тогда столько? Веди своих свидетелей. Я их спрошу при тебе.

Раз свидетелей не было, так санталу и спорить не о чем. Сказать ему нечего: деньги-то плачены один на один.

Набрался он смелости и решил: «Ладно, он говорит, что я ему должен, хоть я ему столько денег отдал. Пускай в суд подает, чтоб ему пропасть. Хоть кончится наконец это поганое дело». А поля у сантала были обширные, земли хватало пахать пятью сохами. Надумал он, как было сказано, и разругался с ростовщиком в пух и прах.

Вот ростовщик и подал на него в суд. Пришла санталу повестка. Явился он в суд в назначенный день и час, но без свидетелей. А ростовщик заплатил и достал трех свидетелей. Все им сказал, как говорить. Вы, мол, говорите — про ростовщика, значит: «Он при нас дал тому санталу столько и столько».

А один из тех трех был придурковатый. Потому ростовщик не переставал их наставлять и, как шли по дороге, все повторял: «Говорите точно, как я сказал. Ничего другого не говорите. А я уж вас угощу и протоквашей и рисом и пива дам выпить». Так он их улещал всю дорогу. Ну а санталу брат с собой было некого, он шел один. И там, у суда, он ждал один, совсем будто потерянный.

Подходит к нему человек:

— Слушай, почтенный, ты по какому делу?

— Ростовщик на меня за долги подал в суд,— отвечает сантал.— Я ему все заплатил, а он все равно на меня подал в суд.

— А свидетели у тебя есть? — спрашивает тот.

— Нету,— отвечает сантал.

— Ну тогда дай мне две рупии,— говорит тот,— и расскажи все в подробностях с самого начала, а потом веди за свидетеля — тебя оправдают вчистую.

Сантал согласился:

— Ладно, я тебе дам. Только смотри, пусть меня оправдают.

Рассказал он ему все с самого начала. Не забыл и про свои пять сох помянуть.

Выслушал тот человек все до конца, взял у него две рупии и говорит:

— Покажи мне своего ростовщика и его свидетелей.

Сантал так и сделал.

Тогда он пошел к тем свидетелям и принялся их расспрашивать. Назадал им всяких смешных вопросов и повыве-

дал, что у них на уме. Больше всего он спрашивал придурковатого. Ростовщик как увидел, что вокруг него толпа собралась, сразу подумал: «Этого свидетеля они сейчас мне испортят, это уж точно». Подошел к нему и говорит:

— Вот что я тебе скажу. Что бы тебе люди ни говорили, ты их не слушай. Что сахиб скажет, то и говори, а с другими ни с кем не разговаривай. Говори только, что сахиб скажет.

Так он опять наставлял своего придурковатого свидетеля.

Скоро дошел черед до их дела. Сперва судья расспросил ростовщика и сантала, потом вызвали свидетеля сантала.

Привели его к присяге, и судья спрашивает:

— Что ты знаешь насчет слов этих двоих? Правду говори, правду; что знаешь насчет их слов?

Тот отвечает:

— Хузур, насчет сох я не знаю¹. Кому знать, из сала они у него, или из асона, или из дхао². Что пять сох он запрягает, это я знаю. А из какого дерева сохи сделаны, того я не знаю.

Как понес он такое, его и выставили. Потом спрашивают сантала:

— Есть у тебя другие свидетели?

— Нет, других нету,— говорит он.— Этот один.

Тогда стали вызывать свидетелей ростовщика. Первых двух спросили о чем-то, а потом им и сказать больше нечего.

Вызвали придурковатого. Вошел он, встал перед судьей, а чапраси его к присяге приводит, говорит ему:

— Говори правду.

А тот, рассказывают, ни слова в ответ, стоит и молчит. Опять ему то же самое:

— Говори правду.

Он все молчит.

Судья спрашивает:

— Ты что, полоумный?

А он, говорят, сразу в ответ:

— Ты что, полоумный?

Судья велит:

— Ардали, выведи его!

А тот руку протянул, как судья, и повторяет:

— Ардали, выведи его!

Ну, когда он так сказал, все, кто был в суде, расхохотались. Судья сам громче всех смеялся. Выставили их прочь и дело закрыли.

Вышли они из суда, сантал и спрашивает своего свидетеля:

— Ты о чем говорил? Я чего-то не понял.

— Ох! — тот отвечает.— Я хотел говорить об одном, а судья вдруг спросил меня совсем про другое, про сохи спросил: «Что насчет сох знаешь?» А ты мне про сохи ничего не сказал, из какого ты их дерева делаешь. Вот я ответил: «Из сала они, или из асона, или из дхао, я того не знаю. Знаю, что он пять сох запрягает». Вспомни, о чем мы с тобой говорили и как судья меня вдруг прервал. Я только хотел все про дело сказать, тут меня и прочь выгнали.

А две рупии он прикарманил, негодник.

И ростовщик, говорят, тоже стал корить своего придурковатого свидетеля:

— Слушай, я тебя спрашиваю, ты почему не отвечал?

Тот говорит:

— Да ты сам мне сказал: «Что судья скажет, то и говори». Вот я и говорил точно так, как судья. Чапраси мне говорил: «Говори правду». Провалиться мне, если я ему что сказал. Чего мне его слушать? Ты сам мне утром велел ни с кем не разговаривать. А что судья говорил, то и я говорил.

Так ростовщик проиграл свое дело, и пришлось ему выслушать такое решение: «Иск отклоняется».

Вот как сантал был оправдан.

85. Сирота

В прежние времена, говорят, жил один человек. Как отделился он от родни и зажил своим домом¹, у него родился ребенок — девочка. Так они и жили дальше, и девочка уже начала бегать.

Раз вечером сидел он с женой. Толковали о том, о сем и о прочем. Вот жена и говорит:

— Кто-то опять поселился у меня под сердцем.

— Откуда ты знаешь? — спросил муж.

— Оттуда, что я уж два месяца не вижу следов,— сказала она.

И вот не прошло и недели после того разговора, как муж

нежданно-негаданно умер — змея его укусила. Долго убивалась жена: причитать и поминать покойника не уставала, целыми днями не касалась еды. Днем и ночью ее томила тоска. То и дело она принималась взывать ко всевышнему.

— Ах, Чандо-бонга, — говорила она, — чем мы с ним согрели? За что ты нас разлучил и увел его от меня? Ах, Чандо, как мало дней ты нам дал побыть вместе! Ах, Чандо, какое горе ты мне послал! Ах, Чандо-бонга, где теперь тот, кто был мне защитой? Неужели я больше его не увижу?

И так она плакала и изливала тоску и еще говорила:

— О Чандо-бонга, ты увел от меня мужа. Пошли мне хоть сына, чтобы он заменил мне его². Тот, кто поселился под моим сердцем, пусть станет мне сыном! Погляжу я на него и смогу совладать с моим горем.

Так каждый день она молила Чандо о сыне.

Как пошел шестой месяц или седьмой, стало видно, что она не порожняя. Вот один из ее деверей и говорит:

— Эта мать нашей племянницы³, видно, живет с кем-то, кто ее знает с кем. Вспомните-ка: пока отец нашей племянницы жив был, она была ведь в порядке. Он давно умер, кто же ее обрюхатил? Верное слово, она живет с кем-то, а с кем, кто ее знает. Значит, она сама извела нашего брата; из-за нее он и помер. Чтоб ей пропасть! Надо отобрать у нее все добро, и землю, и скот. Ее дочку мы тоже возьмем и сами будем растить.

На том и решили. Обругали ее почем зря и силой забрали добро, и землю, и скот. Вдова их молила, как только могла.

— Нет, почтенные, нет! — уверяла она. — Чужие тут ни при чем. Когда отец моей дочки был еще жив, я почувяла себя на третьем месяце. А вы говорите, что это от кого-то другого. Никого другого не было и в помине. Если вы у меня хозяйство отнимете, что я буду делать? Пусть нас тогда Чандо рассудит.

Но они все равно не стали ее слушать и силой взяли все, что у нее было. Ладно, хоть хижину не разрушили и оставили вдове жить на старом месте.

Тогда, говорят, Чандо обратил свой взор на ее печаль и тоску и страдания и исполнил, о чем она просила. Как пришел срок, у нее и впрямь родился сын, и она очень обрадовалась. «Чандо услышал мою молитву, — говорила она. — Он сделал, как я просила. Слава тебе, Чандо! Ты утешил меня! А теперь, Чандо, дай ему вырасти мне на радость».

Время шло, и ребенок рос. Раз он и спрашивает:

— Матушка, а где мой отец?

Мать в слезы и говорит:

— Когда я тебя носила под сердцем, сынок, его укусила змея, и он умер.

— Не плачь, матушка,— ответил сын.— Я буду тебе помогать. Что еще станешь делать, раз отца нет на свете. Помни, у тебя есть я, и крепись.

Увидела мать, какой разумный у нее растет сын, и изумилась. «Это Чандо дал столько ума моему сыну»,— сказала она.

Что ни день она не уставала взывать к Чандо, зато стоило ей наняться к кому-нибудь подработать, платили ей щедро. А когда она вслед за жнецами подбирала колосья на рисовом поле, те нарочно оставляли побольше. И даже когда она просто так шла просить подаяния, ей никто не отказывал, и она никогда не возвращалась с пустыми руками. Так что голода ни она, ни дети не знали. Ведь как родился у вдовы сын, к ней вернулась и дочка. Мать ходила искать пропитания, а дети вдвоем дома сидели. Жизнь у них текла ровно, и они не знали тревог. Мало-помалу обзавелись домашней птицей и поросятами, откормили их, продали и купили коз и овец. Развели много кур и мелкого скота тоже; стали откармливать каплунов, холостили боровков; и баранов и козлов тоже холостили, а как те подрастали, они их продавали. Так они подкопили малую толику денег, и мать сказала:

— Слушай, сынок. Давай купим на эти деньги корову. Пойди купи телку.

Это она так сказала, когда сын уже порядком подрос. Сын ее спрашивает:

— Скажи, матушка, какую телку мне выбирать?

— Сынок,— говорит мать,— знающие люди считают, что надо смотреть, не опорожнится ли телка или слюну не уронит ли в ту пору, когда продавец показывает ее покупателю. Это счастливый знак. Такую надо брать, не постояв перед ценой. Такая будет оберегать дом и хозяйство⁴. И приплод она, говорят, скоро приносит. А если она не опорожнится и ничего не уронит, надо ей в зубы смотреть. У которой девять зубов, та тоже хорошая — это корова той же породы. И пока не найдешь такую, не бери никакой. Другой породы корову и брать не надо.

— Ладно, матушка,— отвечает сын.— Я пойду и куплю корову. Пока не найду такой, как ты сказала, я не вернусь. Приду домой не раньше, как найду и куплю подходящую.

— Нет, сынок, зачем так? — говорит мать.— Лучше мы пождем и после купим корову здесь, по соседству.

А сын ей:

— Нет, матушка, я пойду и найду такую корову.

Стал он настаивать на своем, и она согласилась:

— Ну хорошо, сынок, пойди поищи.

Начал сын спрашивать односельчан:

— Кто со мной пойдет, поможет мне корову купить?

Только никто не захотел с ним идти. Все отказываются: каждому не то, так другое мешает. Пошел он тогда к своим дядьям и говорит всем по очереди:

— Пойди со мной, батюшка⁵, помоги мне выбрать корову. Мы надумали корову купить.

Да никто из них тоже не согласился пойти.

Жил в деревне кузнец. Парень к нему.

— Пойдем со мной,— говорит.— Помоги мне корову купить. Я звал всех сельчан, пропади они пропадом, да никто не хочет со мной пойти. Просил я дядьев — тоже отказываются. Я и угощение обещался поставить — все равно не хотят, чтоб им пропасть. Нынче они меня за человека считать не желают, а небось как разбогатею, так от друзей отбою не будет. А пока никому до меня дела нет.

Сказал он так кузнецу и спрашивает:

— Ну как, поможешь мне или нет?

Кузнец говорит:

— Ладно, раз больше никто не хочет помочь, я помогу.

— Вот хорошо! — обрадовался парень.— Тогда завтра я запасу еды нам с тобой на дорогу, а послезавтра, утром пораньше, тронемся в путь. Согласен?

— Согласен,— говорит тот.— Готовь, что надо.

— Смотри не обмани.

— Не обману,— говорит.

В назначенный день пустились в путь за коровой, только подходящей долго не попадалось. Шли они и смотрели продажных коров и зашли очень далеко. Только когда все царство соседнего раджи насквозь прошли, им подходящая корова попалась. Опорожниться-то она не опорожнилась, пока смотрели, зато как взгляделись получше, насчитали у нее девять зубов, и

с виду она была как очень крупная нетель. Тут парень и говорит:

— Возьмем ее.

— Нет,— спорит кузнец.— Не стоит ее брать. Видишь, у нее все зубы выросли, а она еще не телилась ни разу. Она, похоже, неплодная.

— Все равно,— сказал парень.— Неплодная она или какая другая, мы ее возьмем.

Спросили хозяина насчет цены.

— Корова нам приглянулась,— говорят.— Только скажи сперва, сколько ты за нее хочешь. Тогда будет видно, возьмем мы ее или не возьмем.

Хозяин попросил девять рупий. Парень на это ему говорит:

— Нет уж, ты скажи настоящую цену.

— Ладно,— отвечает хозяин.— Если и впрямь берете, так восемь рупий.

— Столько просишь за бесплодную телку? — вмешался кузнец.— Сколько бы ты запросил, будь она и вправду молочная?

— Нет, сынок, она не бесплодная,— отвечает хозяин.— Не телилась еще, это верно. Зато нынче у нее была течка.

— Гляди сам,— говорит кузнец.— У нее все зубы на месте, а она еще не телилась. Положено, чтобы течка у коровы была, как выйдут два зуба, а телится она, как выйдут четыре. Слушается, верно, течка и после второй пары зубов, а отел после третьей. Да у этой-то, глянь, все зубы на месте, а она еще не телилась. Бесплодная она, не иначе.

— Ладно,— отвечает хозяин,— назовите свою цену сами.

— Отдашь за четыре рупии, мы возьмем,— предлагает кузнец.

— Нет, шесть давайте,— спорит хозяин.

— Не шесть и не четыре,— сказал тут парень.— Гляди, я кладу пять рупий.

— Нет, сынки, так не пойдет,— отвечает хозяин.— Мне это в убыток.

— Хочешь, бери, что даем. А то мы можем поискать корову и в другом месте,— говорит ему парень.

— Ну уж ладно,— смирился хозяин.— Давай.

Расплатились они, обвязали корове шею веревкой и двинулись в обратный путь. В дороге застигла их ночь. Идут они через большую деревню — там даже базар был — и размышляют: «Где бы на ночь остановиться? Хорошо бы заночевать

здесь, у кого-нибудь на веранде». С такими мыслями шли они вдоль по улице и, как увидели дом с верандой, зашли и попросили:

— Послушай, хозяин. Пусти-ка ты нас переночевать где-нибудь здесь у тебя на веранде.

— Ну что ж,— отвечает тот.— Почему бы не дать вам заночевать?

Вот они здесь и остановились. Поужинали вареным рисом, привязали корову и легли на веранде. Только заснули, хозяева отвязали корову, а на ее место свою, совсем старую, привязали и тоже легли. Утром, как рассвело, парень и кузнец увидели, что корова не та, и к хозяину:

— Слушай, отец, ты не подменил нашу корову? Эта корова — не наша. Ты нашу взял, а вместо нее поставил другую.

— Да нет, это ваша корова,— заспорил хозяин.— Я сам видел, вы ее вчера тут привязали.

— Ну нет,— говорят.— Вон наша корова. Ты ее к себе в хлев поставил.

— Нет, эта корова моя. С чего мне ее вам отдавать? Заберите вашу корову и идите своей дорогой. Чего ради должен я вам мою отдавать?

Так они спорили и спорили, наконец хозяин им говорит:

— Нет, мы так ни на чем не столкнемся. Давайте, я народ соберу, и пусть нас рассудят.

Пошел он прямо к старосте, а потом туда собрались другие почтенные люди, и он им сказал:

— Мне приглянулась корова одного прохожего. Я ее взял себе, а взамен подсунил ему свою, старую. Я вам это напрямик говорю. Решите в мою пользу — я вас отблагодарю.

— А ты сколько нам дашь? — спросил один.

— Поможете мне выиграть дело, пять рупий дам.

— Ладно,— сказали они.— Значит, мы поможем тебе выиграть дело.

И когда он их так подкупил и уговорил решить в его пользу, они все пошли к нему в дом. Начавши судить, стали винить парня и кузнеца и говорили, что корова у них была старая, и пусть ее-то они и берут. Тогда сирота им сказал:

— Что ж, почтенные. Что ж, староста, и ты, помощник старосты, и вы, пятеро⁶. Мы не согласны с вашим судом. Мы видим, что суд ваш несправедливый. Подождите, дайте нам кого-нибудь привести, кто бы правду сказал.

— Ладно, ведите, — говорят те.

А про себя они, конечно, подумали так: «Эти двое здесь чужаки. Пусть они даже найдут человека, кто покажет в их пользу; так это будет кто-то из здешних, не иначе, а уж ему-то мы вправим мозги». Вот поэтому они и сказали: «Ладно, ведите».

Тогда сирота обернулся к своему спутнику.

— Послушай-ка, друг, — говорит. — Ты пока останься здесь и последи за нашим добром, а я схожу в ту деревню и позову сюда человека или двоих. Если уж и они подтвердят, что это наша корова, значит, придется нам ее взять.

С такими словами он встал и ушел. Дорогу искать он не стал, а пошел напрямик — туда, где вдаль виднелась деревня. Только вскоре он потерял деревню из виду. Вокруг росли густые кусты, и в этом кустарнике он совсем заплутался. Вдруг видит он сквозь кусты двух шакалов — они куда-то по своему делу бежали.

— Эй вы! Подождите! Пойдите! — кричит. — Вас-то я и ищу.

Остановились шакалы и спрашивают:

— Зачем ты нас ищешь?

Парень им все рассказал.

— Я сирота, — говорит. — Отец мой умер, когда я был еще во чреве у матери. А все добро, какое он нажил, забрали дядья — старший и младший. Да они еще мать мою почем зря изругали. И землю они у нас отняли. А теперь, когда мы поденной работой и сбором колосьев скопили малость деньжат, я купил телку и уже вел ее домой, да только пришлось заночевать по пути на веранде у одного человека — вон в той деревне, где базар. Пока мы с приятелем спали, хозяин увел мою телку, а на ее место привязал свою старую корову. Утром я увидал, что это не та корова; гляжу, а моя корова — та, что я привел, — стоит у него в хлеву. Тогда я сказал ему: «Слушай, батюшка, не моя это корова. Вон та вот — моя». А он говорит: «Да нет, это та самая, что ты вчера привел. С чего я тебе стану отдавать?» Тут мы крепко поспорили, и тогда он созвал своих деревенских. Те стали судить да рядить и порешили с пристрастием — в его пользу. А я с этим судом не согласился. Я сказал пятерым: «Ладно, почтенные, я не согласен с вашим судом. Подождите, дайте я приведу кого-нибудь, кто за меня скажет». Вот я и пошел искать кого-нибудь и встретил вас. Пойдите со мной, рассудите нас.

Шакалы его спрашивают:

— А что, не брали ли деревенские взятку?

— Не знаю,— говорит парень.— Сам я этого не видал.

— Ну ладно,— сказали шакалы.— Пойдем. Мы попробуем решить твое дело. Раз ты нам доверился, мы вас рассудим.

А по дороге шакалы говорят парню:

— В деревню мы не пойдем — собаки нас загрызут. Давай встретимся где-нибудь за деревней под большим деревом. Приведи с собой коров — ту и другую — и, пока суд да дело, мы их привяжем где-нибудь поблизости.

Так они дошли до баньяна⁷, что рос за околицей у самой дороги. Тут шакалы сказали:

— Веди их сюда, к этому дереву. Здесь мы все и рассудим.

Шакалы остались под деревом, а парень пошел в деревню. Позвал он старосту, и помощника старосты, и народ из деревни, и вчерашнего своего хозяина — всех их прийти к баньяну. Обаих коров привели тоже. Вот все собрались под деревом и спрашивают у парня:

— А где твои свидетели? Кто будет говорить за тебя?

Шакалы-то сидели в сторонке. Показал на них парень.

— Вот они сидят,— говорит.

— Так это шакалы,— ему отвечают.

— Ну и что же? Я их привел,— говорит.

— Ну ладно,— сказали те.

Все расселись под деревом. Шакалы подошли поближе и тоже сели сбоку. Все сидят и молчат, никто слова не молвит. Староста говорит:

— Что же все замолчали? Рассказывайте, как дело было.

— Кому говорить-то? — кто-то спрашивает.— Пока тот, кто нас позвал, не расскажет, в чем дело, что мы сможем сказать?

— Значит, тебе начинать,— обратились все к парню.— Расскажи, что приключилось, зачем ты нас позвал. Расскажешь — мы будем знать, что тебе надо.

— Хорошо, почтенные,— говорит тот.— Это верно. Раньше, чем услышишь про дело, его не поймешь. Вот, почтенные, дело такое. Сегодня утром мы о нем толковали, так надо бы разобраться.

— Что? — удивились они.— Мы утром и рассудили. Чего тебе еще надо? Бери корову, какую сказано, и уходи.

— Я ведь не согласился с тем, как вы решили,— возразил парень.— Я ее и не взял. И от меня в вашем суде никого тогда

не было. А теперь я привел двоих, так разберитесь при них еще раз. Присудите мне опять ту корову — придется мне ее взять.

Пока шел такой разговор, шакалы тихо сидели и головы свесили. Тут все принялись толковать между собой:

— Вот это свидетели! Видно, всю ночь пробегали за крабами да за кузнечиками, а теперь их сон сморил. Будь они в состоянии говорить толком, разве б они так сидели. Они и слова не вымолвили.

Вдруг шакал-самец говорит:

— Да, почтенные, мы свидетели. Вы говорите: «Их сморила дремота». Это неправда — нас не клонит ко сну. Мы тут поспорили промеж себя. Мы пришли сюда по делу этого парня. Верно, нам надо помочь разобрать его дело. Об этом мы не забудем. Только раз уж выпала нам такая удача встретить здесь весь ваш совет, рассудите сперва нас самих. Вы в таких делах поднаторели — рассудили же вы дело этого парня. Это хорошо, мы считаем. Так вот, вы сначала нас рассудите, тогда мы вам скажем, что и дело этого парня решено верно. А если вы наш спор не решите, значит, вы судьи нестоящие.

Тут пятеро говорят:

— Ладно, рассказывайте, в чем у вас дело.

— Дело вот в чем, — сказал шакал. — Мы с ней, с моей самкой, повсюду бегаем вместе, едим одну пищу, пьем одну воду, так почему же она испражняется дважды? Я хожу только раз в день, а она — два. Рассудите, сделайте милость, почему это так.

— Кто же может сказать, с чего так получается, что она ходит в день дважды? — удивились они.

— Тогда, сделайте милость, вы у нее у самой про это спросите: зачем она ходит дважды, — просит шакал.

Ну, они ее и вправду спросили:

— Верно, что ты ходишь дважды, или он врёт?

Спросили так, а сами смеются.

— Ну-ну, не смейтесь, — отвечает самка шакала. — Смеяться тут нечему. В старину говорили: «Коли сидишь с почтенными людьми в совете, не пересмешничай». Вот потому, я вам говорю, смеяться тут нечему. Вы и не смейтесь.

Тогда они перестали смеяться и просят:

— Скажи, почему ты ходишь дважды? Вы оба бегаеете вместе, едите и пьете вместе, так почему ты ходишь дважды?

Она говорит:

— Это все верно. Мы бегаем вместе, мы едим и пьем одно и то же, только в самом деле я хожу дважды. Такое мне вышло веление: один раз я хожу как все, и кал мой падает на землю и на ней остается; а еще раз я хожу для того, чтобы этот мой кал падал в рот потомкам тех неправедных судей, кто берет взятки и за то обижает вдов и сирот, бедняков и неимущих, и уста всех их потомков, из колена в колено, во веки вечные не очистятся от этого кала. А если тот, кто взял взятку, признается перед советом и обратится ко мне за прощением, с него это проклятие может быть снято; но если он не признается, тогда его потомков ждет та судьба, о какой было сказано. Вот зачем мне вышло веление ходить дважды в день. Вы это, сделайте милость, запомните.

Самец-шакал тоже сказал:

— Сделайте милость вы, почтенные пятеро, запомните это. И если с кем-то из вас случалось такое, лучше признайтесь в том сразу перед советом. Ведь вы теперь знаете, какая судьба вам уготована.

Тут те, кто уже принял взятку или только собрался ею попользоваться, сами начали сознаваться и рассказали все, как оно было. Парню присудили его корову, а все дело повернули против обидчика и наказали его штрафом в пять рупий. Парень ушел и увел с собой корову, разошлись и остальные, каждый своим путем. Шакалы пошли вслед за парнем и дошли с ним до лесной опушки. Здесь они сказали ему:

— Ну, сынок, веди корову домой. А нам надо сюда.

На том они и расстались.

Парень с кузнецом привели корову домой и привязали ее в хлеву, а может и просто под навесом. Мать парня начистила и намыла чашки и наполнила их свежей водой. Путники утолили жажду и смыли пыль с ног. Мать налила еще воды в чашку, обмыла у коровы копыта и принесла ей соломы. Потом она стала спрашивать, что приключилось в пути хорошего и дурного и сколько пришлось отдать за корову. Они ей все это сказали и рассказали, как у них корову хотели украсть и как они ее получили обратно — обо всем этом во всех подробностях, все до конца они ей рассказали. Кузнец еще сказал:

— Я диву дался, как увидел тех шакалов и услышал их слова. Они ведь, подумать только, шакальего племени — откуда им знать наш, сантальский, язык? Да еще говорили как чисто! Я диву дался, как услышал. А речь их, сами судите, луч-

ше и не придумаешь: все толки словно обрезало, никто ничего больше не стал на нас наговаривать, разом все со всем согласились и корову нам отдали без промедления, а хобяина того наказали на пять рупий.

Кузнец говорил, и вы себе представить не можете, как замечательно все это звучало. Послушать его собралось очень много народу, и вы себе не представляете, как хорошо он рассказывал — он прямо-таки всех зачаровал. А мать парня сказала:

— Послушай, сынок, не шакалы то были. То был сам Чандо. Вот почему они говорили так удивительно.

— Да, видно так,— согласились другие.

Кузнец дальше сказал:

— Его дядья — младший брат и старший брат его отца — забрали у него все имущество. Придет день, он все получит обратно. Потому что отняли это у него не по справедливости.

— Да,— согласился народ.— Точно так. Ты правильно говоришь. Мы теперь это сами уразумели. Да что тут поделаешь? Первым делом пусть начнет сам истец. Посудите еще: хоть дядья обобрали их начисто, Чандо их пожалел.— не дал с голоду помереть.

Поговорили они так, и кузнец сказал:

— Ну и хорошо. Судите тут сами, а я домой пойду. Поесть захотелось.

Как он это сказал, мать парня зашла в дом, вынесла две чашки⁸ риса, а может и три, дала кузнецу и говорит:

— На, возьми, завяжи в полу⁹. Детишки-то дома, верно, заждались.

Он завязал рис в полу, потом она дала ему вареной чечевицы и соли. Кузнец завязал это все и ушел. Остальные пожевали табаку с известью¹⁰ и разошлись тоже.

Денька через два до дядьев дошел слух, что парень разузнаёт про отцовскую землю.

— Ладно,— говорят,— надо нам со знающими людьми здесь в округе потолковать: не лучше ли нам отдать ему землю самим, без тяжбы.

Так они и вправду сделали — пошли просить совета туда да сюда по соседним деревням. Кому ни расскажут, как рассудили шакалы с их племянником, когда тот за коровой ходил, все им говорят:

— Отдайте ему его добро миром. Если вы так сейчас сами не сделаете, потом стыда не оберетесь. Гляньте, за него и звери лесные стоят. Мы-то, люди, можем промеж себя сговориться и народ обвести. А что, если Чандо сам за это возьмется и парень докажет, что вы забрали его добро не по чести? Тут всё обернется непросто.

Походили они так, посоветовались и решили: «Ладно, давайте отдадим ему то, что его. Ведь в ту пору, как мы забирали это добро, мать-то его говорила, что она была на третьем месяце, когда умер муж. А вдруг кто докажет, что это правда? Что мы тогда найдем сказать? Думай не думай, как тут уйдешь от позора? Раз уж на то пошло, давайте отдадим ему все, что его. Так и промеж себя мир сохраним. А не отдадим, как бы и такой день не пришел, что сами заспорим, а не то рано или поздно дети наши заспорят».

Пораздумали они так и принялись варить пиво¹¹. Как поспело пиво, позвали парня и его мать и народ из деревни и все обсудили как следует. А потом отдали ему коров, и поля, и всякое другое добро.

Тут и конец. Так парень вернул свое добро. Правда это или неправда, не знаю — так люди рассказывают.

86. Глупый зять

В давние времена, говорят, был в одной деревне у одного человека зять. Раз, говорят, пришел он в гости к тестю и теще. Теща рис и приправу готовит и с зятем разговор ведет. Так и вечер настал.

Ну а приправу старуха готовила из свежих побегов бамбука. Сготовила, воды принесла — зятю руки помыть перед едой — и стул¹ ему поставила около двери. Вымыл он руки, назад в дом вошел и сел на стул, а теща подала ему рис с приправой. Ест зять и думает — приправа мясная; дивится только, что кусков мяса не попадается. Вот он и спрашивает у тещи:

— Послушай, матушка, из чего это ты приправу сготовила? Мне что-то не разобрать.

Ну а за спиной у него была дверь из бамбука.

Теща и говорит:

— Оглянись-ка, сынок, увидишь, из чего я тебе приправу готовила.

Повернулся он назад, видит бамбуковую дверь. Взглянул на нее и ничего не сказал. Старуха тоже ничего не добавила.

А зять думает: «Приправа-то нежная, лучше и не бывает. Подожду-ка я, пока все уснут, да и унесу дверь с собой». Вот что он надумал.

И вправду поели и спать улеглись. Он подождал, чтобы все заснули, тихонько встал, отвязал дверь² и, не дожидаясь утра, взвалил ее на спину и зашагал прочь. И все это так, что никто и не заметил.

Поутру с петухами проснулись домашние тества, глядят: двери-то не видать. Стали звать зятя, он не отзывается.

— Взгляните, где зять,— говорят.— Что он не откликается?

Посмотрели везде — зятя нет. Тут старуха как захочет. Дочки спрашивают:

— Что это, матушка, ты так смеешься?

Старуха им говорит:

— А ведь верней всего, дочки, это муженек вашей сестры удрал с нашей дверью. Вчера я дала ему рис с подливой из бамбуковых ростков. Он меня спросил: «Слушай, матушка, из чего это ты приправу готовила? Мне что-то не разобрать». А я возьми да и скажи: «Оглянись-ка, сынок. Увидишь, из чего я тебе приправу готовила». Потому-то, наверно, он дверь и уволок.

Услышали они это, сами долго смеялись и говорили:

— Наш зять-то страх какой глупый.

И вправду этот дурень, как пришел домой с дверью, сразу ее разломал, порубил палки в мелкие щепки и говорит жене:

— Стговь мне из этого сегодня подливу.

— Какую подливу сготовишь из этого? — удивилась жена.— Неужто сухой бамбук можно есть? Мыслимое ли дело? Ну и глупый же ты.

— Вообще нет, он очень вкусный,— говорит муж.— Вчера я ходил к твоей родне. Твоя матушка угостила меня подливой из этого. Хочешь верь хочешь нет, только я говорю, мне показалось, будто это мясная подлива. Вот почему я незаметно унес эту дверь; сами они мне ее не дали бы.

— Кто будет есть эти сухие щепки, если ты заставишь меня приготовить из них подливу? — спрашивает жена.

— Хорошо,— говорит он.— Если ты и другие не захотите, готовь для меня одного.

Раз он никак не хотел ее слушать, она и вправду сделала из этих щепок подливу и подала ему к вареному рису. Вот он налил на рис соусу, перемешал пальцами хорошенько и набил полный рот, а жена стоит, смотрит. Рис с этой водой ему не очень пришелся по вкусу, так он выудил кусок бамбука и принялся его кусать. Видит жена, как он деревяшку разгрызть старается, не удержалась и ну хохотать. Тут и он сам рассмеялся.

— Ну и подливу ты приготовила,— говорит.— Не умеешь ты ее готовить, невкусно у тебя получается. Как тебя угораздило куски недоварить? Матушка твоя в своей подливе, чем меня угощала, их так разварила, что я и кусочка найти не мог. А ты мне даешь одни куски неразваренные. Какие я нарубил, такие они и остались. Ты их нисколько не разварила.

— Не знаю я, как такую подливу готовить,— отвечает жена.— Лучше сам себе приготовь.

Он и вправду сам стал варить, только разварить не сумел. Зато уж все посмеялись над ним. С той поры прозвали его дурачком и немало этим дразнили.

Вот и сказке конец. Вся она тут.

87. Как козу съели

Давным-давно, говорят, было дело. Раз чья-то коза забрела в чужой двор. Только вошла, хозяин хватъ ее и убил, хоть и знал, что коза-то чужая. Заколел и в дом снес.

Как солнце стало садиться и сумерки наступили, пришли хозяйка козы, спрашивают:

— Посмотрите, не забрела ли к вам случаем наша коза?

— Кто ее знает,— им отвечают,— забрела она или нет. Мы не видали. Взгляните сами в козьем загоне, может, она и впрямь там.

Вынесли светильню, осветили в козьем загоне, да ведь козы-то там не бывало, и соседи ни с чем ушли восвояси.

В полночь козу освежевали, тушу порубили помельче, часть мяса тут же съели тайком, а часть отложили. Потом отец сказал детям:

— Послушайте, ребятки. Вы знаете, мы козлятину ели. Утром, как погоните скот пастись, не подходите к чужим ребятишкам. Сами знаете, как вкусно пахнет козлятина. Как бы они ее в вас не учуяли.

Дети выслушали и ничего не сказали.

Наутро хозяйский сын выгнал со двора коров, коз и овец и погнал их пастись туда, где пасли свой скот другие ребятишки из их деревни. Как подойдут к нему чужие ребята, он от них сразу в сторону бежит, а они снова к нему. Он возьми да и крикни:

— Берегитесь, ребята, не подходите, а то учуете.

— Что учует? — те спрашивают.

— Козлятину, вот что, — он говорит. — Вчера ввечеру я наелся козлятины. И на сегодня малость осталось.

Ребята, конечно, о том по домам рассказали. Как стало это известно, пришли к тому человеку, поискали у него в доме и мясо нашли. Тогда положили ему штраф в пять сика и заставили свою козу отдать вместо съеденной.

Вот и сказке конец.

88. Два брата

Жили два брата. И было у них на двоих всего одно одеяло¹. Один носил его днем, а другой укрывался им ночью. Брат, что днем одеяло носил, ходил в такие места, где было много колючих репьев; ночью эти колючки другому брату спать не давали.

Была у них еще и корова. Корову они пополам поделили: одному досталась задняя половина, где вымя, а другому — передняя с головой. За коровой они смотрели, и она у них отелилась. Теленок, конечно, достался тому, кто владел задней частью. Начал он корову доить. Тут подходит хозяин передней половины коровы. Видит: брат доит. Он говорит:

— Кончай это дело, я свою долю коровы отсюда прочь уведу, — да как начал бить корову по морде. Корова побежала, где тут ее подоишь.

Второй брат говорит:

— Слушай, бездельник. Что ты корову-то бьешь?

— А что? — тот отвечает. — Я твою корову не бью. Я бью свою.

Так ни тому ни другому молока не досталось.

89. Позор раджи

Раджа пошел на охоту, и, когда он охотился, захотелось ему выпустить ветры. Вместе с ним был цирюльник. Вот раджа и думает: если он при цирюльнике себе позволит такое, все об этом узнают. Зашел он за дерево кхамер и выпустил ветры, а дерево попросил никому о том не рассказывать.

Вернулся раджа домой, послал сразу за плотником и велел ему изготовить два барабана — табла и дугги — и скрипку чиккара. Плотник отправился в лес, и надо же было случиться, что срубил он тот самый кхамер. Притащил его домой и вырезал барабаны и скрипку из этого дерева.

Как исполнил плотник заказ, раджа позвал танцоров и музыкантов, и все друзья раджи пришли танцами полюбоваться. Вдруг среди танца барабан табла говорит:

— Раджа пукнул. Раджа пукнул.

Барабан дугги вторит:

— Я знаю, я знаю.

А чиккара пищит:

— Он велел не рассказывать. Он велел не рассказывать.

Тут все засмеялись, а радже стало так стыдно, что он сбросил свое царское платье, осыпал тело золой и пошел куда глаза глядят, как простой садху.

Рани долго плакала — никак она в толк взять не могла, из-за чего ее раджа покинул. Позвала она плотника, стала расспрашивать, что могло приключиться. А как узнала, в чем дело, послала плотника и цирюльника разыскать раджу и привести его обратно домой.

Спустя сколько-то дней радже надоело быть садху, и он решил вернуться в свой город. В пути ему встретились плотник с цирюльником, и все они пошли домой вместе. К городу подошли на закате. Раджа сказал:

— Я пойду во дворец, когда совсем темно станет. А вы идите по домам и никому не рассказывайте, что я вернулся.

В полночь он пошел во дворец, а слуги подумали, что это вор лезет, и зарубили его. Тело к реке стащили и бросили там.

Наутро плотник и цирюльник хватились: где раджа? Тут все и узнали, что получилось. Рани побежала к реке и, как увидела тело мужа, бросилась в воду и утонула.

90. Тели и его слуга

В стародавние времена, говорят, случилось однажды, что тели нес кувшин масла в неглубокой бамбуковой корзинке. Шел он в деревню — маслом торговать. В дороге он встретил сантала и спрашивает:

— Слушай-ка, хочешь пойти ко мне в услужение?

— Да,— говорит тот.— Если возьмешь, я пойду.

— Ну раз так,— обрадовался тели,— возьми понеси мою корзинку с маслом. За это я дам тебе сразу две аны медной монетой.

— Хорошо,— согласился сантал.— Я понесу.

И вправду поставил он корзинку на голову и понес. Идет и сам с собой рассуждает: «Он даст мне сразу две аны медной монетой. На одну ану я куплю поесть. Эту я проем, а вторая останется. На нее я куплю кур. Куры яиц снесут и цыплят высидают. Как подрастут цыплята, курочек я сохраню — пусть несутся, а петушков оскоплю. Откормлю их как следует и продам по четыре аны за штуку. На эти деньги куплю себе коз. Как будут козлята, козочек оставлю на племя, а козчиков оскоплю. Потом их продам, а на выручку куплю коров. Коровы отелятся, так телочек себе на стадо оставлю, а бычков выхолощу. Одних волов я продам — деньги за них получу, а на других — буйволиц выменяю. Буйволицы отелятся, телочек в стадо пушу, а бычки пусть подрастут, тогда их охолощу. Потом куплю много земли — и под рис, и под просо, и соху. Как земля начнет давать урожай, я женюсь, и детишки пойдут у меня. Подрастут, бегать начнут, баловаться. Я приду после работы домой, сяду на кровать, а жена принесет мне воды и палочек — зубы чистить. Почищу я зубы и буду ждать. Тут ребяташки прибегут, скажут: „Батюшка, вымой руки и иди есть“. А я головой покачаю и скажу: „Нет, нет! Я есть не буду“».

Тут он и впрямь закричал: «Нет, нет!» — и замотал головой. Корзинка с головы соскользнула, и горшок разлетелся в куски. Тели стал браниться:

— Ой-ой-ой! — говорит.— Как же ты его нес, уважаемый? Все мое масло пропало, ни на пайсу продать не успели. Загубил все мое масло. Я тебе теперь ни пайсы не дам, сам с тебя требовать стану, сколько стоит кувшин свежего масла.

— Ничего ты с меня не получишь за свежее масло,— ответил сантал.— Ты говоришь, я тебе убыток принес. Сам-то я потерял куда больше.

Тели совсем разъярился, и вышла у них добрая перепалка. Под конец сантал говорит:

— Брось, не ругайся. Давай сначала убытки сочтем. Если ты потерял больше моего, я тебе за все заплачу, а если у меня убытки больше, ты мне заплатишь. Согласен?

Сказать правду, тели согласился:

— Хорошо,— говорит.— Давай подсчитаем.

Тели-то не знал, чего себе сантал понавыдумал. Он так рассудил: «Шел этот сантал с пустыми руками, ничегошеньки при нем не было. Что же он там насчитает?» Вот он и сказал:

— У меня было масла на две рупии, да горшок стоит ану. Вот какой ты нанес мне убыток. Выкладывай-ка две рупии и одну ану.

Сантал ему в ответ:

— Хорошо, теперь я скажу, что я потерял. А ты подсчитай-ка.

И пошел сантал считать убытки. Начал с денег, что с тели ему причитались, от них к курам, от кур к козам и пошел рассказывать дальше и дальше все, что он понавыдумал: и как у него доходы росли, и как он есть отказался и корзинку с головы уронил, отчего кувшин с маслом разбился.

Рассказывает сантал, а тели от смеха удержаться не может, так его и разбирает.

Рассказал сантал все до самого конца и спрашивает:

— Ну, скажи-ка теперь, у кого из нас убытки больше?

Тели и говорит:

— По моим подсчетам выходит, потеряли мы поровну. У нас у обоих большие убытки. Что же нам делать? Ты нам обоим убытки нанес. Как теперь дело поправить? Примем все, как оно есть.

Так и расстались со смехом.

Вот и сказке конец. А санталы и посейчас говорят: «Не заглядывай так далеко, как вол при масличном прессе¹, — останешься с пустыми руками».

91. Мечтатель

Жила-была в деревне старуха, и был у нее сын. Раз пришел в деревню купец. Он купил здесь два горшка топленого масла, а нести их некому было. Вот и пришел он к дому старухи, говорит ее сыну:

— Иди, паренек, снеси мне масло, а я тебе дам две аны.

Парень согласился с охотой и пошел впереди купца — горшки понес. Идет он и размышляет, как бы ему получше употребить эти две аны. «Куплю-ка курицу, — думает. — Она мне много-много яиц нанесет. Я продам цыплят и куплю козу. Коза мне козлят принесет, я их продам, вот и сам когда-нибудь стану важным купцом». Так он рассуждал, и вдруг из-под самых ног у него вспорхнула куропатка. Парень отпрянул, споткнулся. Горшки с маслом хлоп оземь и разлетелись. Подбежал купец, стал ругаться:

— Ты погубил все мое масло. Придется тебе отдать мне, что оно стоит.

А парень ему отвечает:

— Ты потерял масла на двадцать рупий или на тридцать, а я лишился не одной тысячи. Я бы купил курицу на те две аны, а потом я купил бы козу, а когда-нибудь стал бы большим человеком. Это с тебя мне причитается.

Услыхал такое купец и дал парню сто рупий. Парень побежал с деньгами домой и матери своей показал. В базарный день он говорит:

— Матушка, я пойду на базар, куплю чего-нибудь получше.

Пришел он на базар, сел там в сторонке и смотрит, что вокруг делается. Как стал народ расходиться, он завязал свою сотню рупий в тряпицу и узелок повесил на палку. Был там один старый тощий вол — хозяин его продать не сумел. Парень к нему подошел и хозяину говорит:

— Братец, возьми мои деньги, а мне дай вола.

Тот говорит:

— Брат, моему волу красная цена десять рупий, а ты мне сто даешь.

— Ничего,— говорит парень.— Давай поменяемся.

Отдал он ему деньги и увел с собою вола.

Шли они медленно — вол еле ноги тащил, такой он был старый,— и застигла их ночь. У дороги был муравейник, а на нем стоял шакал. Увидел он парня и думает: «Этот парень меня убьет». А парень, как увидел шакала, подумал: «Похоже, этому шакалу мой вол по душе пришелся». Вот он и крикнул шакалу:

— Братец, я знаю, мой вол тебе по душе. Вот я и думаю его здесь оставить тебе. Только, когда я опять пойду на базар, ты его мне отдай.

Сказал это парень, оставил вола, а сам пошел домой.

Волу идти дальше было не под силу, и он лег. Корма тут не было, воды тоже, он и издох. Пришел шакал и сожрал его с превеликой охотой.

Шел парень опять на базар и говорит:

— Шакала не видно. Похоже, он в муравейнике спрятался.

Начал парень муравейник копать и нашел под ним два горшка, полные денег. Принес он их домой, и с той поры они с матерью зажили счастливо.

92. Женщине ничего не рассказывай

Давным-давно, говорят, жил один сантал. Раз собрался он куда-то на дарбар. Случилось так, что в ту пору, как он шел межой вдоль своего огорода, его батрачка¹ выбрасывала на огород коровий навоз. Брызги навоза в стороны полетели и попали ему прямо на набедренную повязку. Увидел он это и говорит: «Фу ты, как нехорошо оно выглядит. Мне идти так нелъзя. Надо мной сразу смеяться начнут. Лучше мне, пожалуй, вернуться и оставить дома эту повязку, а надеть другую, почище». С такими мыслями он вернулся и сменил набедренную повязку. Ту, что была испачкана коровьим навозом, он сунул в горшок, накрыл горшок сверху тарелкой из листьев² и повесил его повыше в том самом углу, где они с женой имели обыкновение спать. А потом пошел на дарбар.

Денька через два жена его спрашивает:

— Слушай, что это ты тут повесил, в этом горшке?

— Да ничего,— отвечает.— Какой тебе прок, если ты и узнаешь?

В тот день он ей ничего не сказал. Прошло несколько дней, и вышло так, что она, лежа в постели, опять остановила взгляд на горшке.

Вот и принялась она снова допытывать мужа распросами:

— Что же это такое ты там повесил? Скажи, сделай милость.

— Нет,— говорит муж.— Ни за что не скажу. Если вам, женщинам, что-нибудь скажешь, вы на весь свет разнесете. Вы ведь не стерпите, чтобы секрет сгнил у вас в брюхе. Нет, я тебе не скажу.

— Никому я не расскажу. Скажи, сделай милость,— просит жена.— Послушай, если не мне, так кому же ты скажешь? Скажи, я никогда никому не сболтну.

— Ну смотри,— говорит муж.— Я скажу. Только ты помни: никому не рассказывать!

— Чего ради я стану рассказывать? — отвечает жена.— Если разболтаю, так неужто самой не придется краснеть со стыда? Зачем мне про то рассказывать, что только самих нас касается? Будь уверен, не расскажу.

— Так вот дело какое,— говорит муж.— В том горшке... Словом, я убил одного человека. А чтобы концов не нашли, я отрубил ему голову и положил ее в этот горшок.

— Это правда, что ты ее спрятал в горшок? — не верит жена.— Или ты меня просто дурачишь?

— Истинная правда,— говорит муж.— Но берегись, даже под страхом смерти не смей никому говорить. А скажешь — будь спокойна, я тебя сам прикончу, своими руками.

Поговорили они так, и жена успокоилась.

Прошло еще сколько-то дней, и вот муж с женой сильно повздорили и принялись колошматить друг друга. Тут жена возьми да скажи:

— Ах, ты меня бьешь! А сам человека убил. Вот я пойду и донесу — получишь тогда по заслугам!

Так она и сделала: пошла и донесла. Староста созвал народ, мужа связали и стащили в участок. Из участка полицейских прислали в деревню. Они сняли горшок, открыли его, гля-

дят — а там тряпка. Отругали старосту на чем свет стоит, заставили штраф заплатить и ушли.

Тут муж и говорит:

— Послушайте-ка, что я вам скажу. Если у вас есть какой-то секрет или вы знаете что-нибудь важное, никогда с этих пор не говорите о том своим женам, даже не поминайте при них о таком. А то ведь не раньше, так позже, подвернись только случай, они все разболтают. Так что будьте поосторожней, когда с женщиной говорите, и помните: рано или поздно она может на вас же самих донести.

С той поры мы знаем эту историю, и разошлась она широко. И правда, когда ты о чем-то рассказываешь женщине, можешь быть уверен — скоро все об этом узнают.

Вот и конец. Этого хватит.

93. Лентяйка

Рассказывают, жил где-то парень. Женили его. Стали молодые жить в мире и согласии, только жена оказалась очень ленивая. Как случится работа потяжелее, так она сразу больная, подняться не может с постели. Больше всего она охала в месяцы асар и сан¹. Дождется, пока все на работу уйдут, сразу поднимется, выскребет весь рис, какой есть в горшке, и давай его уписывать. А если вареного не осталось, сама себе приготовит.

Вот раз свекор и говорит:

— Приведу-ка я знахарей, пусть они ей руки пощупают². Непонятная немочь у нашей невестки. Пусть они натолкут ей лекарства, а если она не поправится, отошлем ее назад в отчий дом да там и оставим.

Он и вправду пошел за знахарями. Привел их и просит:

— Пощупайте руки у нашей невестки и скажите, какой недуг ее мучит. Сами мы ума не приложим, что с ней. А то ведь люди скажут, да и сват тоже: «Глядите, они ей и помочь не хотят».

Один знахарь взял ее за руку, подержал и улыбнулся. Потом другой взял и тоже усмехнулся легонько. Сели и не говорят ничего.

Хозяин их спрашивает:

— Что с ней, почтенные? Что вы нашли? Скажите, сделайте милость. Лечить-то чем ее будем?

— Недуг у нее тяжкий и застарелый,— говорят знахари.— Постарайтесь найти целебных корней, растолките их и дайте ей выпить.

— Я не понимаю в целебных корнях,— отвечает хозяин.— Я вас прошу: принесите лекарство, чтобы ее поставить на ноги. А если лекарство надо купить и самим ей давать, объясните, как это делать. Назовите мне все, что может помочь, а то нам ее не вылечить.

А разговор-то идет рядом с больной, и она все слышит. Вот знахари и говорят:

— Все так, почтенный. Раз ты нас позвал, мы дадим лекарство. Только мы вот что хотим сказать: чтобы лекарство помогло, нам надо сперва заклинания прочесть, а то оно пользы не принесет.

— Ладно,— отвечает хозяин.— Делайте все, что нужно, чтобы ее вылечить. Если начать, так надо и кончить.

— Хорошо, договорились,— говорят знахари.— Мы пойдем за лекарством, а как достанем, мы ее заговорим, а потом уж дадим ей лекарства.

— Поторопитесь, сделайте милость,— просит хозяин.— Принесите лекарство сегодня или завтра. Пора-то рабочая, а больную одну оставлять тоже нехорошо. Нужно бы к ней приставить кого-нибудь, да у нас и так рук не хватает. Сделайте милость, достаньте лекарство поскорее, не медлите.

— Хорошо,— говорят,— мы его найдем и доставим сегодня. А завтра дадим ей.

Сказали так знахари и пошли вон из дома. На улице они задержались и объяснили хозяину, что его невестка страдает ленивой лихорадкой.

— Как же нам тогда ее вылечить? — всполошился тот.

— Подожди,— говорят.— Не говори никому ничего. У нас есть подходящее лекарство на этот случай. А ты будь спокоен.

И вот, правду сказать, оба знахаря пошли в лес, выкопали два клубня тирры³, больших, словно тыквы, и принесли их с собой. Вечером они пришли в дом к больной и сказали:

— Мы достали лекарство. Сегодня давать мы его не будем. Завтра пораньше утром, едва светать начнет, мы его ей дадим. Только имейте в виду, прежде всего мы вон там, в даль-

нем конце улицы у перекрестка, заговорим вас всех, и большую тоже, а уж потом лекарство дадим. Мы вам это сейчас для того говорим, чтобы завтра утром никто из вас никуда не ушел.

— Ладно, — те говорят. — Это годится.

— Значит, все ясно, — сказали знахари. — Ждите, мы завтра рано придем.

Тут знахарям поужинать дали. Они поели и ушли.

На другой день они поднялись с петухами. Первым делом взяли клубни тирры, отнесли в конец улицы и там оставили. Потом пошли в дом к больной и всех там подняли на ноги. Попросили медную чашку с водой, щепотку синдура и старое решето. Собрали, что нужно, и повели всех в конец улицы к перекрестку. Там усадили больную на решето и помазали ее свиным пометом. Потом взяли оба клубня тирры, повесили её на шею и сказали:

— Ты, невестка, пройди три раза вверх и три раза вниз по улице, а мы тебя тут будем ждать. Три раза пройдешь и тем снимешь помехи, что творят нам злые темные силы, тогда и мы сможем с этого места сойти. Ты уж не медли и иди поскорей три раза в оба конца.

Сказать по правде, эта невестка так и пошла вдоль по улице утром, и народ весь глазел на нее и громко смеялся, а ребяташки толпой бежали следом, били в ладоши⁴, хлопали себя по ягодицам, подпрыгивали и визжали от радости. Даже родные, что остались стоять в конце улицы, надрывались от смеха. Прошла она раз, знахари ей говорят:

— Запомни, носи на себе это средство, пока не поправишься. Ну а как будешь совсем здорова, отвяжешь и выбросишь.

Пошла невестка во второй раз по улице, а народ над ней так смеется, что она стыда не стерпела, сорвала с себя клубни и бегом домой. Смеху вслед еще больше.

Как она убежала, вся семья тоже вернулась домой, и знахари ее спросили:

— Скажи-ка, невестка, ты не потому ль отвязала и бросила наше лекарство, что сразу поправилась?

Тут она сама над собой рассмеялась, а знахари ей говорят:

— Смотри, никогда больше так не болей, а то мы опять принесем это лекарство. Мы ведь любой недуг распознаем.

С того дня невестка стала здорова, никогда больше боль-

ной не прикидывалась и прилежно работала. Так ленивая невестка исправилась — отучили ее лениться.

Вот и сказке конец. Вся она тут.

94. Мачеха

Жил когда-то, рассказывают, один человек. Взял он себе жену, и жена попалась ему работающая, так что скоро они зажили в достатке. Детей у них был всего один сын. И муж и жена работники были хорошие: за какое бы дело ни взялись, оно у них спорилось. Уму непостижимо, как быстро они с ним справлялись. Только вдруг то ли от сглазу, то ли по какой другой причине жена умерла. Дня три помучилась — все на голову жаловалась — и умерла.

Муж очень горевал. Целый год он вдовел¹. Да только одному ему с хозяйством не управиться было, и на другой год он снова женился. Прошло сколько-то времени, и стало видно, что живут они не дружно, то и дело вздорят попустому, а жена ходит мрачнее тучи. Вот раз муж и спрашивает жену:

— Да что же это такое? Как ни взгляну на тебя, ты все злишься, с утра и до вечера.

— Не знаю уж почему, только я этого мальчишку твоего не могу видеть спокойно, — отвечает она.

— Чего это ты его спокойно видеть не можешь? — говорит муж. — Ходить-то за ним тебе не придется. Никаких забот тебе от него нету. Чем он тебе досадил?

— Чем? — говорит она. — Меня злит, что он торчит перед носом. Если он тут останется, я не останусь.

— Так что мне с ним делать? — спрашивает ее муж.

— Хочешь — убей, а нет — заведи в лес подальше, чтобы он дороги домой не нашел.

— Куда я его поведу? — говорит муж. — Ведь это мой сын. Мне его жалко, неужто не можешь понять? А ты говоришь: возьми да убей. Да как я смогу на него руку поднять?

— Великое ль дело — мальчишку прикончить, — отвечает жена. — Будь то мое чадо, я бы и не задумалась.

— Ну ладно. Ты и убей, — предложил муж.

— Нет,— отказалась жена.— Не стану я поднимать руку на твое чадо. Будь он мой — дело другое. А раз твой — сам и убей.

— Как мне его убить? — говорит муж.— Неужто зарезать? О таком и подумать-то страшно.

— Ничего,— отвечает жена.— Я тебя научу, как убить. Как пойдешь с ним пахать, пусти его класть борозду первым, а сам иди сзади. Да наперед заостри у своей сохи дышло, будто иголку². А как пахать станете, разгони быков что есть мочи и проткни ему дышлом спину.

Муж и вправду послушался и сделал, как велела жена: заострил дышло у сохи. Вот пошли они вместе пахать. Сам он остался сзади, а сын со своими быками уходит все дальше вперед. Так отец и не смог его догнать ни в тот день, ни в другой. А жена все говорит:

— Да что это? Когда ты его прикончишь? Видно, ты просто хочешь меня провести.

Наконец муж сказал:

— Ладно, я убью его завтра. Только ты приготовь ему утром поесть горячего, повкуснее чего-нибудь.

— Что же, ладно,— согласилась она.

Наутро и вправду она постаралась приготовить вкусного рису с подливой.

— Дай ему поесть досыта,— говорит муж.— Я его сегодня убью. Пусть поест вкусно и сытно, раз он уходит от нас.

Потом он ее еще спрашивает:

— Куда нам идти сегодня пахать? Мы вспахали все, что было нужно. Куда нам идти сегодня?

— На верхнем поле,— сказала жена,— мы посеяли просо. Идите перепашите то просо. Быки там не пойдут быстро, они проса пощипать захотят. Ты иди со своей сохой сзади. А как займутся его быки просом, не зевай и гони свою упряжку. Тут уж ты нагонишь его и проткнешь своим дышлом.

Так и вправду в то утро, договорясь с мужем и научив его, как быть дальше, она дала пасынку поесть горячего вкусного риса. Отец с сыном поели, запрягли быков, и тут сын спросил:

— Послушай, батюшка, куда мы пойдём сегодня пахать?

— Видишь то верхнее поле? — сказал отец.— Туда мы пойдем пахать.

И пока быки тащили вверх по склону повешенные на ярмо сохи, отец сказал сыну:

— Послушай, сынок, мы распашем здесь просо и посеем подсолнух.

— Гляди-ка, отец,— сказал сын.— Разве просо не хорошо удалось? Скоро оно совсем созреет. Чего ради нам его распахивать? Подумай сам, здесь у нас готов урожай. Ни к чему нам губить его и засеивать поле снова. Кто его знает, уродится тут что-нибудь еще раз или нет. Зря мы будем губить то, что есть.

Выслушал отец эти слова и, правду сказать, по-своему понял их смысл. «Мальчик-то прав,— подумал он.— Он говорит сущую правду. А ведь что первый урожай, то и первые дети. Парень-то уже работник. Убью я его нынче, кто будет мне помощником в старости? Вторая жена, как второй урожай. Кто скажет, принесет она детей или нет. Кому это известно заранее? Нет, мне не след убивать моего сына. А что до нее, пусть остается или прочь уходит с досады». Рассудил он так, выпряг быков и вместе с сыном вернулся домой. Дома он сказал жене:

— Ты мне велела убить его, а я не убил и не убью, не глядя на то, останешься ты у меня в доме или с досады уйдешь. Он мой единственный сын, и все-таки ты старалась заставить меня с ним покончить. А кто мне может сказать, дождусь я от тебя сына или не дождусь?

А потом он ее начал ругать и, когда вошел в раж, задал ей хорошую трепку. Она разобиделась и убежала из дому, но он звать назад ее не пошел.

День-другой ее не было, а потом отец и братья ее привели. Тут муж при них рассказал, как было дело, и ей досталось еще от отца и от братьев. Больше она не убегала.

Вот и сказке конец.

95. Тели и его сыновья

Жил-был старик тели. Было у него пять сыновей. Всех их он женил, и жили они все вместе одним хозяйством. Времени уж много прошло, а старик и старуха о том, чтобы сыновей отделить, ни словом не обмолвятся.

Так, одним домом живя, сыновья и детей завели. Тут-то невестки и потеряли покой, стали мужьям досаждать.

— Подите,— говорят,— к отцу-матери. Спросите, доколе они вас будут в одном доме держать. Неужто не отделят, неужто нам так вместе и жить? Подите, потолкуйте об этом с отцом и с матерью.

Братья спрашивают:

— Что, вам вместе жить надоело, раз говорите такое?

— Да,— отвечают.— И надоело и не надоело. Вечно мы, что ли, одним домом жить будем?

— Ладно, мы с ними поговорим,— сказали братья.

И вправду вечером, как все собрались, братья это дело и вспомнили. Говорят отцу:

— Батюшка, нас одно дело заботит. Надо бы нам тебе про это сказать. Выслушай нас.

— Какое у вас дело, сынки? — спрашивает отец.— Скажите мне.

Сыновья отвечают:

— Может, это дело хорошее, может — плохое. Надо тебе сперва об этом услышать.

— Я слушаю,— говорит.— Вы скажите.

— Да это безделица,— говорят сыновья.— Просто мы хотим отделиться. Доколе нам вместе жить? Отделишь нас? Тогда они смогут готовить отдельно — каждая для своих ребятшек. Вот что нас заботит. Дело невесть какое. Подумай об этом.

Отец их и спрашивает:

— А что, сынки, досыта вы едите у матери или нет?

— Конечно,— говорят.— Мы всем довольны.

— А зачем вы тогда такие речи ведете?

— Значит, не надо было нам говорить? — спрашивают они.— Ты ведь сам и не думаешь, чтобы нас отделить, вот нам и пришлось о том речь завести. Неужто мы порознь себе не добудем, что надо в хозяйстве? Потому мы об этом и речь завели. Хотим мы услышать, что ты нам скажешь.

— Да, сынки, мне все понятно,— отвечает отец.— Женам вашим, сынки, не все достается, чего им хочется. А все равно не стану я вас отделять.

Сказал он им так, на том и кончился разговор.

Прошло пять дней или шесть, и снова они завели речь о том, чтобы им отделиться. Старик им говорит:

— Ладно, сынки. Думаете, радость большая отделиться жить. Тащите-ка мне сюда хороший чурбан, высотой локтя в

два и в полный обхват толщиной. Я сперва вас на нем испытаю, тогда и отделяйтесь. А не выдержите пробу — я вас не отделею.

Тут они и вправду притащили такой чурбан.

— Вот,— говорят,— мы принесли.

— Ну,— говорит отец.— Посмотрю я, сколько у вас силы, у каждого. Сумеете сломать пополам этот чурбан — я вас разделю, не сумеете сломать — не стану делить.

— Эй, ребята! — кричат они.— Надо топор принести. Мы его живо разделаем.

— Нет,— говорит им отец.— Вы сперва так, руками, его сломать попробуйте: гните, крутите, бейте, стучите — что хотите с ним делайте. Не выйдет, тогда я вам сам велю топор в дело пустить.

Тут и впрямь они, один за другим, начали со всех сил стараться его разломать. Только, как ни силились, ни одному не удалось с ним управиться. Помучились и отступились — что им еще оставалось?

— Ну, сынки,— спрашивает отец.— Вышло у вас или нет?

— Нам с этим не справиться,— отвечают.

Тогда отец им говорит:

— Вас ведь пятеро, а если меня сосчитать, нас шестеро будет. Вот вы теперь и расколите его на шесть плах.

Сказать правду, раскололи они чурбан на шесть плах, и он разделил промеж них эти плахи — каждому дал по одной, а одну взял себе,— а потом говорит:

— Теперь — за них. Попробуйте их сломать. Как думаете, сломаете их или нет?

— Ишь,— отвечают,— чего там ломать-то? Поначалу ты нам чурбан сломать приказал, так разве такую здоровую штуку сломаете? А с этим мы мигом справимся.

— Ну вот,— говорит он.— Ломайте.

Тут они разом каждый свою плаху переломили. Тогда отец им говорит:

— Ну, сынки, я велел вам сломать этот чурбан. Что-нибудь вы уразумели?

— Чего-то нам не понять, что ты показывал,— отвечают они.— К чему бы все это? Куда бы ни шло, отдели нас. Ничего мы не знаем: ни толку, ни смысла. Неучи мы, дураки, олухи деревенские. Мы хотим, чтобы ты нас отделил,— вот и все, что мы знаем.

— Сынки,— говорит им отец,— раз вы сами не поняли, какой смысл в этом чурбане, я вам скажу. Вот что поймите: сами видели, пока вы его не раскололи, никому из вас его не сломать было, а как раскололи на плахи, тут вы их без труда поломали. Так и мы вроде такого чурбана, пока живем вместе — и добра у нас много. А если мы нынче разделимся, все добро промеж нас разойдется; вы его спустите и останетесь голыми. Поглядите, по счастливой судьбе, достаток нынче гостит в нашем доме — вот чего вы не хотите понять. И смотрите еще: когда все мы, отец и сыновья, держимся вместе, пусть наши недруги и недоброжелатели ссорятся с нами — мы их всегда одолеем. А если разделимся, разве мы сможем их одолеть? Они сгубят нас одного за другим. Поразмыслите хорошенько над этим, правильно я говорю или нет.

— Это верно, все, что ты говоришь,— отвечают они.— Мы верим, попусту ты не скажешь. Только дай нам жить своими домами. Ведь все равно мы все останемся здесь. А если не выделишь нам доли в хозяйстве, подели хоть горшки — мы себе сами будем готовить зелень и овощи.

Огорчился отец и сказал сам себе: «Что за напасть. Эти мальчишки совсем одурели. Сколько значения в том, что я им рассказывал, а им не понять. Ладно, я их отделю. Если дать им только горшки, что люди скажут! Начнут говорить про меня: „Этот старик — скупердяй. Столько добра накопил, а сыновей пустил хозяйничать с пустыми руками. Ну и скаредный же старикан“. Вот что все начнут говорить. Ладно, будь что будет. Захотят они брать или нет, а я все, что у меня есть, порвну поделю и дам каждому его долю».

Решил он так, разделил все свое добро на равные доли и отдал им, а они, все до единого, взяли, что им пришлось.

Жили они так сколько-то лет,— а сколько, кто его знает,— и обеднели. Не стало у них ни пища в достатке, ни одежды, зато заботы хватало. И у стариков, отца с матерью, не стало достатка, чтобы себя прокормить.

Вот раз отец позвал своих сыновей и их жен — всех их вместе — и говорит:

— Ну, сынки, уразумели вы, какое дело? Каково нам нынче приходится? Плохо, когда не слушают стариков. Глядите, вы слушали, что жены вам говорили, вот мы и дошли до такой жизни. Пораскиньте теперь умом и поймите, что это значит. А я дам вам загадку, вы мне ее разгадайте.

И задал он им такую загадку:

— Вот загадка, коршун, коршун¹. Четыре колодца — три пустых, один с водой. Налей из него воды в три других — и все полные будут. А если этот пустой, а другие полные, сколько из них в него ни лей — не наполнишь. Ну, что это значит? Скажите.

Задумались сыновья, втупик стали. Сидят и головы опустили. Отец им говорит:

— Ну скорей. Отвечайте.

Потом сказал:

— Раз не говорите, так слушайте. Я вам скажу, что это значит, какие это колодцы. Было у человека три сына². Покуда они не отделились, отец всем в семье помогал. А как отделил их старик, дал каждому свое хозяйство, сам в жестокой нужде оказался, хоть и было у него трое сыновей. Пока росли сыновья, он им животы наполнял — совсем как те колодцы. А сыновья, как отделились, так отца одного прокормить не смогли. Дело-то в чем: ни один сын отцу и кашицы не принес, вот и пришлось ему горькие слова говорить. Точно так, смотрите, и я: худо ли, хорошо, а вас вырастил. Голода знать вам не давал. А как выделил я вам хозяйство, никто из вас мне и кашицы не дал. Поняли теперь, что это значит?

Стыдно стало тогда сыновьям. Соединились они снова в одно хозяйство и сказали:

— Покуда живы мать и отец, никто из нас не отделится. Как не станет их, так и посмотрим, а пока они живы, будем жить вместе.

Вот такая сказка. Пришел ей конец. Все тут.

96. Муравей и уголек

Муравей с угольком пошли странствовать. Подошли к реке, остановились и стали решать, кому ее первому перейти. Наконец первым пошел уголек, а муравей — за ним. Муравей говорит:

— Вот и стали друзьями угольно-черный муравей и уголек.

Перешли они реку, и вода в ней почернела. Приходит к реке олень и спрашивает воду:

— С чего ты так почернела, вода? Раньше ты была ведь прозрачная.

— Слушай меня, олень,— отвечает вода.— Муравей и уголек сделали меня черной, а я теперь сделаю тебя хромым.

Олень попил воды и заковылял на гору — поискать плодов дерева махуа. Подошел к дереву, оно спрашивает:

— Что с тобой? Час назад ты так хотел есть, а теперь ничего в рот не берешь.

— Ты из рода деревьев, а я из рода зверей,— говорит ему олень.— Разве ты меня поймешь? Да уж раз я стал хромым, ты станешь маленьким.

И дерево махуа, которое было очень большое, стало вдруг маленьким. А олень заковылял к себе домой. Вскоре на дерево уселась птица и принялась клевать плоды.

— Что стряслось? — спрашивает она.— Вчера мне хватило одного плода. А сегодня я съела четыре, а то и пять и все равно не наелась.

Махуа ей отвечает:

— Слушай сказку про угольно-черную воду, хромого оленя и дерево-карлика:

Услышала это птица и запищала: «Чи-пий, чий-пий». Она улетела и села поесть на лесную сливу. Только она ничего там не съела. Все порхала взад да вперед и пищала: «Чи-пий, чий-пий».

— Что с тобой? — спрашивает ее слива.— До сих пор ты прилетала молча поесть. А теперь ты не ешь ничего, только пищешь без конца.

Птица говорит:

— Слушай сказку про угольно-черную воду, хромого оленя, дерево-карлика и маленькую бедную птичку, что лишилась обеда,— и на тебе будут расти горькие ягоды.

Рано поутру крестьянки пошли за водой. И была между ними одна — из тех, что всегда все жуют без разбору. Сорвала она горстку ягод и стала есть.

— Что стряслось? — говорит она дереву.— Отчего у тебя такие горькие ягоды стали?

Слива ей отвечает:

— Слушай сказку про угольно-черную воду, хромого оленя и дерево-карлика, про птицу, что пищит «чий-пий», и про горькие ягоды. А теперь ты сама станешь коротышкой.

Женщина та была высокая, а теперь вдруг стала низень-

кой. Пошла она домой, кончила там всю работу, потом взяла горшок с кашей и понесла в поле мужчинам.

— Идите есть, братья,— говорит она им и выкладывает еду из горшка.

А они спрашивают:

— Это кто? Наша была высокая, а эта чья коротышка?

— Садитесь есть,— она отвечает,— и я вам все расскажу.

Рассказала и говорит:

— Ну а вы горбатыми станете.

И у всех пахарей спины согнулись. Весь день они пахали, а вечером пошли к своей рани. Увидела их рани и говорит:

— Рам! Рам! Рам! Рам! Что стряслось? Расскажите мне все. Ведь вы мне помощники и защитники.

— Ладно,— отвечают они.— Слушай сказку про угольно-черную воду, хромого оленя и дерево-карлика, про птицу, что пищит «чии-пии», про горькие ягоды, про девушку-коротышку и трех горбатых пахарей. А ты теперь будешь пердунья.

Услышала это рани и издала громкий звук. И сразу пахари распрямились, девушка снова стала высокой, птица, что пищала «чии-пии», начала есть, дерево махуа опять выросло, олень избавился от хромоты, вода потекла прозрачная, уголь сгорел в кузнице у агарии, а муравей добрался до своей кучи.

97. Сон и Богатство

Сон и Богатство поспорили, кто сильнее. Никак они не могли согласиться, ну и договорились в прятки сыграть: кто другого найдет, а сам так схоронится, что его не найти,— тот и выиграл. Первым Богатство пряталось. Обернулось оно горшком с деньгами и в муравейник зарылось. А Сон пошел к бедному пареньку, что лежал себе, спал, и позвал его душу выйти. Вышла душа, Сон послал ее в муравейник. Вернулась она назад, и паренек, как проснулся, сразу пошел к муравейнику и выкопал Богатство — горшок с деньгами. А Сон спрятался в ветре и летал с ним по всему свету. Не смогло его Богатство найти, и, как встретились они снова, пришлось ему согласиться, что Сон сильнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Птичий раджа

Сказка мурии из Палли, Бастар (Elwin, XXIII, 11).
По типу примыкает к АТ 221; у TR как тип не отмечена.

2. Лягушка-неудачница

Гондская сказка из Мотиналы, Мандла (Elwin, XXIII, 7).
Как тип у АТ и TR не отмечена (ср. АТ 278).

¹ Обычная норма индийского гостеприимства требовала, чтобы, принимая гостя, совершившего далекий путь, хозяин или кто-либо из членов его семьи прежде всего смыл пыль с его ног. Тот же знак внимания домохозяицы должны были оказывать вернувшемуся домой главе семейства.

3. Шакал и кабан

Сказка лохара из Сапоса, Райпур (Elwin, XXIII, 13).
Тип АТ 59*.

4. Шакал-пройдоха

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму из Мохулпахари (Boding, 12).

Как тип в целом у АТ и TR не отмечена. Включает элементы различных типов: неудачная охота за цыплятами — ср. АТ 176 I d; спасение цыпленка — АТ 122 G + 122 H; заплатка на задку — Bdk 969; поимка шакала — АТ 175.

¹ Заключение вечной дружбы у санталов представляет собою обряд, сходный с братанием. Стороны, вступающие в дружбу, вставляют друг другу в волосы цветок и обмениваются подарками. С этих пор они называют друг друга «пхул» (хинди *phul* — «цветок»), ходят друг к другу в гости и в случае нужды каждый помогает другому. Сходный обряд, но без цветка, зато с использованием кокосового ореха, имеется и у народов Центральной Индии.

² Ниши, устраиваемые в глинобитной стене дома, выполняют роль шкафов и полок.

³ Обычный очаг для приготовления пищи сооружается самой хозяйкой из глины. Пустой внутри, он имеет 20—30 см в высоту, до 30 см в ширину, а длина его зависит от числа верхних отверстий — конфорок, которых

чаще всего бывает два. По краям каждого отверстия имеется три выступа — на них ставят горшок, в котором готовят пищу. В передней стенке — полукруглое отверстие для топлива.

⁴ Санталы широко используют деревянистую оболочку некоторых сортов тыков, имеющих разный размер и форму, в качестве самой разнообразной посуды.

⁵ В сантальском земледелии различаются два основных типа пахотных земель: нижние поля, обладающие достаточным увлажнением для выращивания риса, и верхние, на которых сеются менее влаголюбивые культуры, например просо. Первые ценятся в четыре-пять раз выше, чем вторые. Низко расположенные рисовые поля в дождливый сезон заливаются водой, и туда проникает мелкая рыба и крабы. Эту рыбу ловят голыми руками, предварительно вычерпав часть воды с обнесенного земляной валками участка.

⁶ Кавалерия средневековых мусульманских правителей Индии первоначально состояла в значительной части из тюрков, и соответствующее наименование надолго сохранилось за солдатами-мусульманами правивших в Дели династий вплоть до Великих Моголов.

⁷ Коэнда — крепостца, служившая согласно сантальским преданиям столицей одного из сантальских царских родов.

5. Шакал и сантал

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 8).

Тип АТ — TR 176 Ia, b, c, d, II, III.

¹ Санталы брезгливы к чужим объедкам. Если женщина может доест остатки пищи после мужа или детей, то мужчина себе этого не позволяет. Он не станет пить из чужой чашки, не вымыв ее перед этим.

² Деревянный сантальский плуг состоит из трех частей: длинного дышла, сочлененного с ним клинообразного лемеха (в лемех может быть вставлена узкая полоска железа до 30 см длиной) и отходящей сзади от них рукояти. В целом плуг похож на однозубую соху. Влечет его пара волов или буйволов, впряженная в деревянное ярмо. По пути в поле и обратно соха вешается лемехом на ярмо. Обычно она настолько легка, что ее без особого труда может нести на плече или на голове один человек.

³ В рабочий сезон, который приходится на жаркую и влажную пору года, санталы выходят в поле в одной неширокой набедренной повязке. Мужчины и женщины повязывают ее неодинаково. У женщин к тому же обычно имеется второй клочок ткани, прикрывающий плечи и грудь.

⁴ У санталов принято, чтобы мужчины клали ношу на плечо, а женщины на голову.

⁵ Из сухих веток колючих кустарников в Индии часто устраивают ограждения вокруг полей, огородов, молодых насаждений. Такая изгородь с торчащими во все стороны длинными загнутыми, словно крючки, шипами труднопреодолима как для животных, так и для людей.

⁶ Санталы обычно не имеют специальных птичников. Для домашней птицы они отводят один из углов своего жилья.

⁷ Санталы заимствовали у индустов обычай сожжения мертвых (раньше они своих покойников хоронили). Несгоревшие кости собираются и спускаются в священную реку Дамодар, после чего в доме покойника устраиваются своего рода поминки — подношение пищи духу покойника

и угощение для его родственников и друзей. Цель этих церемоний — знаменовать переход души усопшего в загробный мир и приобщение ее к ряду бонг (духов-покровителей очага, которым приносится жертва в бхитаре).

⁸ Индийские женщины носят воду на голове в глиняных или металлических горшках.

6. Вор, тигр, медведь и шакал

Сказка старого сантальского гуру, записана в 1891 г. (Bodding, 39).
Тип АТ — TR 177 с, f + 151.

¹ Санталы жгут известь, добавляемую к жевательному табаку, из ракушек. Ракушки вперемишку с кусками сухого дерева увязываются в узел, и этот узел при обжиге, чтобы стимулировать горение, раскручивается на веревке в руке или подвешивается на сук дерева и раскачивается.

7. Тигр и краб

Дханварская сказка, Биласпур (Elwin, XXIII, 4).
Тип АТ — TR 181 I с, II, III + 312A I d.

8. Тигр и заяц

Сантальская сказка. Записана из уст школьника лет 17 в 1891 г. (Bodding, 43).
Тип АТ — TR 181 I, II, III a.

9. Тигриный обет

Сказка агарии из заминдарства Чхури (Elwin, XIX, 3).
Завязка — сознательное пленение тигра — у АТ и TR как тип не отмечена (ср., однако, 177). Добавочные элементы: зеркало — АТ 1168A b; падение с дерева на хищников — АТ 1154 I b.

10. Ленивый байга

Гондская сказка из Сарайпани, Мандла (Elwin, XIX, 2).
Завязка — неосторожное заявление байги — и заключение — «откорм попугаев» — у АТ и TR не отмечены. Середина по типам: АТ — TR 122F + TR 1149 II.

¹ Как у дравидских народностей Центральной Индии, так и у санталов земледелие до недавнего времени в значительной мере носило подсечно-огневой характер, что заключается в следующем. В конце зимнего сезона (февраль) вырубается потребный участок в лесу. В апреле — мае подсохшие стволы и сучья сжигаются. И сама рубка леса и последующие операции требуют немало времени и труда. В частности, при выжиге вырубки крестьяне подвязывают к босым ступням куски коры, чтобы не обжечь ноги, и длинной бамбуковой палкой шевелят и сгребают в костры головешки. Такое поле эксплуатируется не более двух-трех лет подряд, затем оно забрасывается, и выжигается новый участок. Лес, пригодный

для вырубки, восстанавливается на брошенном поле в течение десяти-пятнадцати лет. Во второй половине прошлого века в связи с заметным оскудением лесов в этой зоне британская администрация запретила подсечное земледелие почти на всех подчиняющихся ее юрисдикции территориях. Тем не менее оно продолжало нелегально практиковаться, особенно в княжествах. В Центральной Индии различаются три основных типа подсечно-огневого земледелия:

1) пенда (penda), или бевар (bewar), — поля вырубаются на крутых склонах холмов, посев ведется прямо по золе без ее предварительного разравнивания и без вспашки;

2) диппа (dipra) — выбирается сравнительно ровный участок, зола разгребается по нему равномерным слоем и с началом дождей запахи-вается в грунт;

3) парка (parka), или дахи (dahi), — предусматривает наличие постоянного поля, на которое стаскивается откуда возможно рубленый лес и кустарник, сжигаемый там на месте; зола разравнивается и запахи-вается.

Наиболее упорно держатся за подсечное земледелие байга, признающие только первый тип, поскольку, согласно их верованиям, грешно врать плугом грудь матери-земли.

11. Сумерки

Курукская сказка из Какнара, Бастар (Elwin, XIX, 1).

Тип АТ — TR 177 а, с, е, f + 181 II, III + 155 II б + 1149 II.

Сказка построена на широко распространенном в разговорных формах индийских языков использовании так называемых слов-эхо, когда значащее слово для большей экспрессии сопровождается созвучным ему бессмысленным (обычно отличается от первого только начальным согласным — ср. русское «шалаяй-валаяй»). Такое «эхо» к слову «сумерки» не было понято глупым тигром. Сохранить прием подлинника в переводе не представилось возможным.

12. Заяц и сантал

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 45).

Как тип у TR не отмечена; см., однако Bdk 1065, ср. АТ 115.

13. Две змеи

Сказка мурии из Качоры, Бастар (Elwin, XXII, 4).

Завязка — змея, в поисках прохлады заползающая к человеку в жемчужок, — как тип у АТ и TR не отмечена. История дочки раджи — тип 923В I а, II а.

¹ Характерно, что раджа здесь отнесен не к воинской касте, что наиболее соответствовало бы индуистской традиции, а к земледельческой. Любопытно также предъявляемое женой требование практически приобщиться к предписанному ему кастой труду.

² Очевидно, здесь нашла отражение индуистская концепция, запрещающая вдовам повторное замужество, что фактически исторгает их из общества и обрекает на достаточно жалкое существование. У племен

Центральной Индии и санталов, где брак вообще обладает значительно большей свободой, чем у индустов, вторичное замужество вдовы не только не возбраняется, но представляется вполне закономерным. Вдову может «унаследовать» младший брат покойного, а в случае его или ее отказа от этого она идет замуж по своему выбору, причем новому мужу иногда приходится платить «отступные» брату покойника (ср. также № 94, прим. 1).

14. Благодарные звери

Сказка мурин из Кхатгаона, Бастар (Elwin, XVIII, 2).

Тип АТ — TR 160 (ср. 554 I (b), II a, d).

¹ Живую воду здесь едва ли возможно отождествлять с мифической древнеиндийской амритой, добытой богами и демонами при пахтании океана. По-видимому, эта субстанция имеет здесь более общий характер, соответствуя живой воде в фольклоре других народов. Как там, так и здесь она способна не только оживлять мертвых, но и возвращать молодость старикам.

Другими средствами оживления покойников служат, как будет видно из последующих сказок, волшебная палочка, а также ткань (ср., например, волшебное дхоти в № 22), особенно ткань, сложенная семикратно.

15. Милосердный агария

Сказка агарии из Умария, Мандла (Elwin, XVIII, 3).

Тип АТ — TR 554 I b, (c), II a, c.

16. Рыба-помощница

Сказка агарии из Дхумаркачара, заминдарство Лапха (Elwin, XVIII, 5).

Основной сюжет как тип у АТ и TR не отмечен. По мотиву помощи со стороны рыбы перекликается с АТ 554 и 555. Встреча с дочкой раджи см. АТ — TR 856 II (b), c.

Шуточный зачин, построенный на парадоксах, в индийских сказках встречается неоднократно (ср., например, № 22).

¹ Поджаренный рис употребляется индийцами в качестве закуски, которую, в частности, удобно брать с собой в дорогу. Приготавливается он по-разному. Например, вареный рис очищают, сушат, а затем поджаривают, помешивая, на глиняной сковородке. Едят его с патокой или размоленным в чае.

² См. № 4, прим. 1.

17. Как сосватали леопарда

Сантальская сказка, записал Саграм Мурму (Bodding, 84).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, 156 с вариантами).

В оригинале тексту сказки предпослано длинное вступление, где подробно излагается концепция сочетания детей браком как последней ступени искупления лежащего на родителях греха зачатия, и далее во всех

деталей описывается процедура свадьбы. Из-за весьма технического характера оно здесь опущено.

¹ В роли свах у санталов выступают не только женщины (преимущественно пожилые вдовы), но и мужчины.

18. Шакал и молодые супруги

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 1).

Тип АТ — TR 926A I b, II.

¹ См. № 16, прим. 1.

² Основной частью традиционного костюма санталов, как и вообще сельского населения Индии, является прямой кусок ткани четырех-пяти метров длины, оборачиваемый вокруг поясницы или охватывающий весь торс (см. словарь: дхоти, сари). В качестве своеобразного «кармана» для самого различного содержимого служит свободный конец такой одежды, завязываемый узлом.

³ Растительное масло (горчичное или какое-либо иное) употребляется для умощения кожи после купания.

⁴ У санталов более принято, чтобы в пути жена шла впереди мужа.

19. Мщение сына

Курукская сказка из Читракота, Бастар (Elwin, I, 11).

Тип АТ — TR 369 I a, b, III a, IV a.

20. Двенадцать братьев

Сказка байги, Кавардха (Elwin, V, 1).

Как тип у АТ и TR не отмечена. Отдаленно перекликается с типами 550 и 551, где также действуют неблагодарные старшие братья, но отличается отсутствием целевого задания и рядом непоследовательностей в развитии сюжета. Обращает на себя внимание бездействие сестры, лишь упомянутой во вступлении, и нечеткое различие других женских персонажей (дочка сокола и невестка ракшаса).

¹ Очевидно, юноша совершал таким образом приношения духам и лесным божествам, ожидая от них благодарности и помощи. У гонд, в частности, было принято в сентябрьское новолуние бросать за порог рис и горох, предназначая его душам умерших членов семьи.

² У гондов и других народностей Центральной Индии зерно часто хранится в доме в высоких корзинах, выставляемых в ряд и образующих подобие невысокой перегородки в жилище.

³ Невысокая вышка в виде платформы на четырех колыях (иногда с крышей) устанавливается посреди поля в пору созревания урожая. Сидящий на ней сторож охраняет поле от поправки птицами и дикими животными.

⁴ Здесь названы божества — покровители ремесла, связанного с обработкой металла: лохасуры — братья-кузнецы, божества железа; тамесуры — божества меди; агьасуры — божества огня.

⁵ Лающий олень — индийский мунтжак, названный так за свой характерный гóлос.

21. Дворец у ручья

Сказка байги из Пандпура, Мандла (Elwin, V, 6).
Разновидность предшествующего типа.

22. Блестящий козел

Сказка мурин из Конгера, Бастар (Elwin, I, 1).

Тип АТ — TR 551 I b, III (b), IV a, (c) + 1061 + 301A II c, V a +
+ 306A II b, III a.

Шуточный зачин построен на парадоксах (ср. № 16).

¹ Индийский базар представляет собой улицу, по обеим сторонам которой сплошным рядом тянутся лавки. Размещение базара посредине улицы кажется рассказчику столь же противоестественным, как и все, о чем говорится в зачине.

² В деревнях Индии принята «двадцатиричная» система счета. Возникновение ее объясняют тем, что счетным инструментом неграмотным крестьянам служили пальцы не только рук, но и постоянно босых ног.

³ Для приема гостей во дворе дома, где устраивается свадьба, нередко ставят большой шатер или тент.

⁴ Имя «Пхулмалин» буквально означает цветочницу, которая занимается плетением венков и цветочных гирлянд.

⁵ Посуда для индивидуального употребления, такая, как чашки и тарелки, часто изготавливается из древесных листьев. Если листья недостаточно велики, их берут несколько штук и сшивают внахлест травинкой. После использования такая посуда выбрасывается. Для больших угощений, например свадебных, изготовление такой посуды может заказываться постороннему. Таким лицом, обладающим свободным временем и вместе с тем стоящим достаточно высоко на кастовой лестнице, чтобы предметы, к которым он прикасался, могли использоваться другими членами общества, у индуистов оказывается обычно деревенский цирюльник (см. о нем № 41, прим.).

23. Золотая птица

Гондская сказка из Каранджия, Мандла (Elwin, I, 2).

Тип АТ — TR 550 I, III b + 554.

24. Краб-попутчик

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 63).

Тип АТ — TR 300 III d, IV h, V c, d, VI f, VII c + TR 507C I a.

Завязка — реальная коллизия сантальского быта. Собственно сказочный сюжет вступает в силу там, где младший брат уходит из дому и берет себе краба в попутчики.

Соперником героя, желающим присвоить его заслуги, здесь выступает деревенский стражник. Как и его собрат котвар (см. словарь), он представляет собой дежурный шутовской персонаж сказок (ср. аналогичный конфликт в № 25).

¹ Женщины у санталов и дравидских народностей Центральной Индии обладают значительно большей независимостью, чем при весьма жестком

индуистском семейном укладе домостроевского типа. Об этом, в частности, говорит сравнительная свобода выбора девушками мужа (во всяком случае предполагается их доброе согласие) и допустимость развода по инициативе как той, так и другой стороны. Здесь признается обычным, что молодая жена, поссорившись с мужем, убегает к родителям, куда мужу приходится идти и вести ее назад с уговорами (ср. сказку № 27).

² Поскольку юноша фактически батрачил на родственников, он не мог их покинуть до конца сезона сельскохозяйственных работ (в конце прошлого века обычный срок найма составлял год).

25. Гунджхира

Гондская сказка из Патангарха, Мандла (Elwin, V, 7).

Завязка по типу АТ 659А¹ I с (рождение героя из яйца), далее тип АТ — TR 300 III d, V d, VI f, VII e.

¹ См. № 22, прим. 2.

² Ритуальное действие, предпринимаемое для отворачивания злых сил.

³ По индуистской традиции перед заключением свадьбы составляются гороскопы жениха и невесты и устраиваются гадания, чтобы предсказать судьбу брачующихся и определить благоприятный день и час свадьбы.

⁴ Любопытная контаминация: на фоне типично сказочной, хотя и достаточно реальной ситуации появляется полицейский чин колониальной администрации (ср. также автомобиль в № 39).

⁵ Бхай-баху (букв. «жена брата») — младшая невестка; бхауджи — старшая невестка (жена старшего из братьев).

⁶ Пятеро (хинди «панчат») — деревенский совет или третейский суд, состоящий из уважаемых пожилых членов общины и возглавляемый старостой. Он регулирует отношения между членами общины и собирается для разрешения споров и наказания провинившихся. Практически в заседаниях совета может участвовать все взрослое мужское население деревни, входящее в общину.

26. Кара и Гуджа

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 48).

Тип, как таковой, у АТ и TR не отмечен. Представляет собой сочетание героического сюжета (ср. АТ — TR 300) с юмористическим по схеме «удачливый дурак» (см. АТ — TR 1653E).

¹ Хансдак — родовое подразделение племени санталов, считающееся старейшим. По местной традиции его члены возводят себя к старшему сыну прародителей санталов — Пильчу-харам и Пильчу-бурхи — благочестивой пары, спасшейся от потопа.

² Родник, из которого, по сантальским поверьям, берет исток священная река Дамодар.

27. Сын плотника

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 22).

Собственно сказкой здесь является история с волшебной кроватью (тип АТ — TR 622). Ей предпослано обширное введение, ярко воспроизво-

лящее картины повседневной жизни сантальского крестьянина и деревенского ремесленника. Особенно интересны здесь коллизия, касающаяся воспитания сына, и описание брачной процедуры, связанной с принятием зятя в хозяйство.

¹ Упоминаемая здесь веранда, представляет собой невысокую платформу, тянущуюся вдоль одной или нескольких стен дома. Над нею нависает скат крыши, опирающейся по наружному краю на столбики. Такая веранда особенно необходима, когда хозяину по роду его занятий (старосте, ростовщику, ремесленнику) требуется постоянно принимать посетителей.

² Дружественное обращение санталов к малознакомому или незнакомому соплеменнику часто включает слово «пэра», что значит «родич» или «друг».

³ Обычная индийская кровать состоит из прямоугольной деревянной рамы с натянутой на ней веревочной сеткой и четырех ножек. На день ее ставят на бок к стене, а когда приходят гости, ее выносят во двор или под навес, где она служит сиденьем. Женщинам сидеть и спать на кровати не полагается.

⁴ Почтительное обращение к женщине независимо от ее возраста. Оно привносит оттенок доверительности.

⁵ Племя санталов состоит из двенадцати родовых подразделений. По сантальским обычаям, брак следует заключать внутри племени, но нельзя жениться на девушке из своего подразделения (другими словами, племя эндогамно, а роды экзогамны).

⁶ См. № 25, прим. 6.

⁷ Сантальский хлев представляет собой навес, открытый по меньшей мере с одной стороны, а иногда и вообще не имеющий стен. Здесь, в тени и прохладе, нередко принимают гостей в дневную пору, когда скот на пастбище.

⁸ Санталы мало курят табак. Чаще они употребляют его для жевания, измельчив лист и смешав его с небольшим количеством извести, которая выжигается из ракушек (ср. № 6, прим. 1).

⁹ Имеется в виду кремация тела и связанные с нею церемонии (см. № 5, прим. 7).

¹⁰ По обычаю, инициатива в сватовстве формально должна быть проявлена стороной жениха. Это, естественно, не исключает возможности предварительных шагов со стороны родителей невесты.

¹¹ В подлиннике игра слов, опирающаяся на созвучие индоарийского «кали джуг» (см. словарь: Калиюга) и сантальского «кули джуг» (букв. «спрашивающий век»).

¹² Раджа Дасарат (Дашаратха) — отец героя-божества Рамы, воспето в эпической поэме «Рамаяна» и почитаемого крестьянским населением Северной Индии как образец борца за справедливость. В песне, сложенной на бенгальском языке, говорится о налоговом обложении пахотных земель, введенном англичанами в середине прошлого века.

¹³ Принятому в дом зятю выделяется доля имущества в личную собственность (обычно корова), которую он может забрать с собой, если обстоительства вынудят его покинуть семью.

¹⁴ Невестин наряд — кусок ткани до пяти метров длиной, выкрашенный куркумой в желтый цвет. Невеста надевает его непосредственно перед цере-

монией нанесения женихом сурикового пятнышка ей на лоб, чем и знаменуется заключение брака.

¹⁵ Турбан для дружка делается из куска желтой ткани, длиной более двух метров. Жених надевает его на голову дружку (обычно младшему брату невесты) перед наложением сурика.

¹⁶ Одна из процедур сантальской свадебной церемонии заключается в том, что невесту сажают в большую плоскую бамбуковую корзину. Юноши из свиты жениха поднимают корзину на плечи и идут с нею навстречу жениху, который едет на плечах у своего старшего шурина или другого родственника невесты. Когда брачующиеся сближаются, жених пятью последовательными касаниями мизинца накладывает сурик (синдур) на лоб невесты.

¹⁷ Девушки-растиральщицы — подружки невесты, на которых возлагается задача умастить тела жениха и невесты растительным маслом и натереть их порошком куркумы.

¹⁸ Ввиду того что здесь берут зятя в дом, все бремя подготовки к свадьбе ложится на семью невесты.

¹⁹ Жители Индии чистят зубы палочками из дерева сал (*Shorea robusta*). Палочка разжевывается с конца, и получающейся щеточкой очищаются зубы, а затем рот прополаскивается. Выделяющийся при жевании древесный сок действует освежающе.

²⁰ Речь идет о поливном рисовом поле, для которого требуется ровная горизонтальная поверхность.

28. Нерассказанные сказки

Сказка байги из Бохи, заминдарство Пандария (Elwin, XIII, 1).

Ср. тип АТ — TR 516 III а⁶, а⁴, а¹, IV а, b, d, V а, с (ср. также 670—670А).

29. Каджал-рыба

Гондская сказка из Марьям Тола, Мандла (Elwin, XVII, 3).

Как тип у АТ и TR не отмечена. Мотив убийства рыбы, любимицы брата, его сестрой встречается и в сантальском фольклоре, где более отчетливо выступают как волшебный характер рыбы, являющейся воплощением девушки-духа, так и матримониальные планы брата, определенно желающего на ней жениться.

Каннибалистская месть брата находит параллель в общем для центральноиндийского и сантальского фольклора мотиве убийства и съедения братьями родной сестры (см. № 59). Реальные истоки этого мотива не вполне ясны. Имеются упоминания о сохранявшемся чуть ли не до начала прошлого века в наименее доступных уголках Центральной Индии обычас своего рода «санитарного» каннибализма (съедение старых и слабых). Однако достоверность таких свидетельств сомнительна.

30. Жена-обезьяна

Сказка дхобы из Сарайгани, Мандла (Elwin, IV, 3).

Тип TR 402A Ind I, II а, b, III (с).

31. Краб-царевич

Сказка мурии из Маркабера, Бастар (Elwin, IV, 2).
Ср. тип TR 441.

¹ Помимо постоянного налога, уплачиваемого землевладельцу в виде доли от урожая, на крестьян в индийских феодальных владениях налагались и различные формы дополнительной трудовой повинности, носившие общее наименование бегар и достаточно близко напоминавшие барщину, хотя они и отличались от нее менее регулярным характером.

² В качестве «концов света» здесь названы районы, граничащие с бывшим княжеством Бастар, т. е. территорией, где была записана сказка.

32. Лангур

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 79).
Как тип у AT и TR не отмечена.

¹ Лангур, хануман, или гульман,— одна из распространеннейших в Индии разновидностей тонкотелых обезьян. Эти обезьяны обитают не только в лесах, но и в населенных пунктах. Население в большинстве случаев относится к ним покровительственно, а для многих религиозных групп индуистов они являются священными животными. Согласно «Рамаяне» обезьяна Хануман была одним из сподвижников божественного героя Рамы.

² См. № 10, прим. 1.

³ Речь идет о высохшей тыкве, предназначенной для изготовления какого-либо сосуда. В свежем виде такая тыква идет на приготовление приправы к рису.

⁴ Прежде чем собирать урожай и особенно перед тем, как употреблять плоды его в пищу, санталы приносят жертву духам предков и божествам — покровителям очага. Деревенский жрец выходит в поле и сжигает столько хлеба, сколько он может достать, не сдвигаясь с места. Затем он относит сжатый сноп в священную рощу, где на очищенной от травы и вымазанной свежим коровьим пометом площадке совершается жертвоприношение.

⁵ Перед жертвоприношением жертвующий совершает ритуальное омовение.

⁶ Вымыть руки и прополоскать рот.

⁷ См. № 22, прим. 5.

⁸ Заключение брака у санталов предусматривает выкуп за невесту, вносимый женихом или его отцом. Уплата выкупа символизирует переход прав на женщину из ее рода в род мужа. Денежный выкуп, сумма которого в прошлом веке колебалась обычно в пределах трех-семи рупий, сопровождался вещественными подарками родственникам невесты.

⁹ О сравнительной ценности первого и последующих браков у санталов см. № 94, прим. 1.

¹⁰ Сантальские женщины носят платье типа сари. Это — прямой кусок ткани длиной в 4—5 м, с зорчатой каймой по одному краю.

¹¹ Присутствие родственников и односельчан на свадебном торжестве и их согласие принять угощение, предложенное лангуром, означает практическое признание последнего членом деревенского общества.

33. Жена обезьяны

Сказка марин из Бара Хармаунда (Elwin, XXI, 1).
Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, TR 441).

¹ Геронья следует здесь средневековому обычаю исполнения долга сати, т. е. истинно верной жены, и сжигает себя на погребальном костре мужа. Несмотря на то что решение вступить на путь сати, с одной стороны, всячески поощрялось ортодоксальным брахманством (ей обещалось столько лет райского блаженства, сколько волос на человеческом теле, а предкам ее самой и ее мужа отпускались самые тяжкие грехи), а с другой — стимулировалось тягостным положением вдовы в обществе (вторичное замужество исключалось), число женщин, решавшихся на самоожжение, практически было невелико. В 1829 г. этот обычай был официально запрещен. Тем не менее у народов Центральной Индии наблюдаются некоторые его пережитки: бхилы иногда имитируют сожжение вдовы вместе с мужем; у мариа вдова бросается наземь около костра; вдовы обычно ломают и бросают в костер свои лаковые браслеты. Характерно, что героиня сказки бросается в костер тайком от братьев. В аналогичной ситуации Дасмотин-кания (см. № 35) хитростью отвлекает внимание братьев.

34. Зять-обезьяна

Сказка горных мариа из Хикула, Бастар (Elwin, XXI, 2).

Как тип у АТ и TR не отмечена. В основе сюжета лежит центрально-индийский обычай брать в дом ламсену (см. словарь).

35. Дасмотин-кания

Гондская сказка из Маркам Тола, Мандла (Elwin, XXII, 1).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, TR 441).

36. Басук Наг и байга

Сказка байги из Салпири, Мандла (Elwin, XXII, 2).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, TR 441).

Басук Наг (букв. «змея Басук», от санскритского «Васуки») — один из членов триады богов-змей. Ему посвящен ряд храмов, жрецами в которых служат представители низших каст, что свидетельствует о неарийском происхождении культа.

37. Тигринный выкормыш

Сказка байги из Бохи, заминдарство Пандария (Elwin, XX, 3).

Тип АТ — TR 535 I a, b, c, II a, c, e, f.

¹ По-видимому, подобное намерение отца связано с существующим у центральноиндийских племен обычаем платить выкуп за невесту, что возлагает на семью жениха большее финансовое бремя, чем на семью невесты. Это решение коренным образом противоречит традиционному индустскому отношению к потомству, согласно которому сын является покупателем грехов отца.

38. Как паренек играл в шарик

Сказка мурии из Чандаберы, Бастар (Elwin, XX, 4).

Тип АТ — TR 534 I a, II (c), III a + 535 I d, II a, b, e, f.

¹ Пест, которым толкут зерно в большой деревянной ступе, представляет собой увесистую дубинку длиной в рост человека.

39. Железная телега

Сказка лохара год-дхука, Райпур (Elwin, V, 4).

Тип АТ — TR 534 I a, d, II e, III b.

40. Сын оленихи

Сказка мурии из Кервахи, Бастар (Elwin, XVI, 3).

Как тип у АТ и TR не отмечена. По ряду мотивов переключается с АТ — TR 403.

41. Непризнанный сын

Гондская сказка из Каранджия, Мандла (Elwin, VI, 2).

Тип АТ — TR 462 I b, II b, (c), III b, c, IV.

Связующим звеном между коварной рани и преследуемым ею наследником престола служит цирюльник («наи»). Этот персонаж, неоднократно выступающий и в других сказках, занимает в индийской деревне своеобразное положение. Помимо своих прямых обязанностей — бритья, стрижки, подрезания ногтей и отворения крови (в чем он вполне соответствует своим коллегам из средневековой Европы и России), массажа и прислуживания на свадьбах — он исполняет широкий круг деликатных поручений и является главным разносчиком слухов и сплетен. По касте он имеет доступ практически всюду, и ни одно сколько-нибудь заметное дело в деревне его не минует. Болтливость и непоседливость цирюльника, его хитрость и предприимчивость вошли в пословицу.

42. Сын лесной рани

Сказка байги из Талияпани, Мандла (Elwin, VI, 5).

Тип TR 707 II d, a², g, f, j, IV d, f, g, h.

43. Ревнивые рани

Курукская сказка из Какнара, Бастар (Elwin, XVII, 7).

Тип TR 707 I f, II d, e, a², h, f, III e, f, IV h.

Вступление — бегство сестер в лес от брата, желающего на них жениться (ср. АТ 313Е*).

44. Раджжумари

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 87).

Тип АТ — TR 897 I c, a¹, a, e, II.

¹ Выкопав новый водоем, санталы устраивают церемонию открытия его, которую называют «свадьбой».

² Как сажень здесь переводится «арпа» — мера длины по горизонтали, равная полному размаху человеческих рук.

³ Человеческий рост («пурус») — мера длины по вертикали, равная длине человека с вытянутыми вверх руками.

⁴ Благословение или благопожелание выражается в простирании рук над благословляемым лицом или предметом.

45. Невестка

Пардханская сказка из Патангарха, Мандла (Elwin, XIV, 12).
Как тип у АТ и TR не отмечена.

46. Раджа Лохабандха

Пардханская сказка из тахсила Байхар, Балагхат (Elwin, II, 4).

Как тип у АТ и TR не отмечена. По существу это героико-романтическая баллада из круга тех, которые исполняются гондскими бардами — дасондхи — и в которых воспеваются великие доблести героев прошлых времен. По своему месту в фольклоре эти баллады могут быть соотнесены с русскими былинами. Приводимые в тексте географические названия идентификации не поддаются.

¹ По традиционной индийской системе отсчета времени сутки делятся на шестьдесят равных промежутков — «гхари» (ныне этим же термином обозначается час), из которых складываются восемь «пахар»¹ов, или страж, — четыре дневных и четыре ночных. Стражи эти не равны между собой: продолжительность их может колебаться от шести до девяти гхари в зависимости от времени суток и времени года. В летнее время увеличиваются дневные пахары за счет ночных, в зимнее — наоборот. Так, если в равноденствие первые и последние пахары дня и ночи состоят каждый из восьми гхари (24 минуты $\times$ 8 = 3 часа 12 минут), а средние — каждый из семи гхари (2 часа 48 минут), то летом первый и последний дневные пахары делятся по девять гхари и средние два — по восемь, а ночные сокращаются до семи гхари (первый и последний) и шести (средние). Соответственно, на день приходится 34 гхари (13 часов 36 минут), а на ночь 24 гхари (10 часов 24 минуты). Зимой происходит как раз наоборот. Таким образом, при отсчете времени по стражам четко фиксированными в течение года остаются два момента суток — полдень и полночь, на которые всегда приходится граница между вторым и третьим пахарами (так называемый допахар). Момент, о котором говорится в тексте — начало второй стражи дня, — падает в зависимости от времени года на промежуток между 8 часами 48 минутами и 9 часами 36 минутами.

² Раджу на дарбаре окружают феодальная знать и религиозные подвизники. Лодхи — представители земледельческой касты, занимавшей весьма сильные позиции в средневековом центральноиндийском землевладении. Некоторые из них обладали частичной независимостью и получали от своих сюзеренов титулы раджей или диванов (советник, министр). Курми, как и лодхи, представляют собой земледельческую касту, но обла-

дают менее высоким социальным статусом; под этим же именем известно одно из подразделений гондской племенной группы пардханов, члены которой исполняют у гондов функции жрецов и бардов. Баба, или госаин (см.), байраги (см.) и саньяси (см.) — члены различных групп религиозных подвижников, пользовавшихся авторитетом не только у рядового сельского населения, но и у феодалов.

³ Слово «лоха» означает «железо».

⁴ Акт родов признается нечистым, поэтому для роженицы с младенцем предусмотрены определенные очистительные церемонии. Ритуал может разниться у представителей разных каст и племен, но в основных моментах он более или менее сходен. На шестой день после родов (предполагается, что в этот день особая богиня приходит начертать на челе младенца его судьбу) устраивается чхати: весь дом тщательно чистится, роженице и новорожденному устраивают омовение, ребенку нарекают имя, а с матерью снимают ограничения в пище. Бархи — на двенадцатый день — предусматривает еще одно омовение для матери, а также и для отца, и оба родителя совершают поклонение домашнему божеству, затем члены семьи обмениваются подарками. На этом очищение считается законченным, и роженице разрешается выходить из дому. Если же роды происходили вне дома (у некоторых групп населения это обязательно, и для роженицы строится специальная хижина или шалаш), она получает доступ в дом.

⁵ При выборе жениха для дочери многие группы населения Центральной Индии отдают предпочтение сыну сестры отца невесты. Это рассматривается как пережиток матриархата, согласно которому право наследования имущества принадлежало не сыну, а племяннику (сыну сестры), что и побуждало владельца имущества стремиться связать будущего наследника узами брака со своей дочерью.

⁶ Браки между малолетними детьми, достаточно обычные в прошлом для некоторых групп индуистского общества, в целом несвойственны народностям Центральной Индии и санталам, у которых было более принято заключать браки хотя и в достаточно юном возрасте, но все же по достижении брачавшимися половой зрелости. Любопытно, что в самих сказках (см., например, № 49) содержатся указания на то, что ранние браки подпадают лишь раджам. По-видимому, такие браки диктовались здесь либо династическими соображениями, либо подражанием индуистам. Детский брак заключался по обычному для данной социально-этнической группы ритуалу, но заключительный его акт — ввод невесты в дом жениха — откладывался до достижения ею надлежащего возраста.

⁷ Следует помнить, что основной компонент индийской одежды — оборачиваемый вокруг пояса прямой кусок ткани безо всяких застежек.

47. Сингхисурва

Пардханская сказка, Сеони (Elwin, II, 5).

Как тип у AT и TR не отмечена. По жанру совпадает с предшествующей.

Герой, как показывают его окружение и само имя Сингхисурва, связан с потусторонними силами. Возможно, он является правителем и предводителем сингхи (см.). В ряде произведений гондского фольклора под этим именем фигурирует великан.

¹ Очевидно, здесь имеется в виду крепость Чанда на берегу реки Вардха, служившая до 1751 г. столицей одноименного гондского княжества.

48. Женитьба на Бэл-кании

Сказка мурин из Бандопала, Северный Бастар (Elwin, I, 5).

Тип АТ — TR 301A II b, III b, IV b, V a, c + 408 II (d), e, f + 302 II a, g, b, III + 1121B Ind a.

¹ Джал-кания в буквальном переводе означает «водяная девушка», а Бэл-кания — «девушка с дерева бэл». Это дерево (*Aegle marmelos*), как и многие другие деревья, служит объектом религиозного почитания индийцев. Благодаря трехпалым листьям, напоминающим трезубец Шивы и обладающим лекарственными свойствами, дерево бэл связывают с культом этого бога. Плод бэл, именуемый также «шрипхала» («плод Шри»), считается созданным из молока Шри, или Лакшми, — богини счастья и богатства.

² Согласно индуистским верованиям, вселенная делится на три мира: верхний, средний и нижний. Поскольку средний мир соотносится с земной жизнью, верхний и нижний могут быть определены как Небесное и Подземное царства. Небесное царство — место, где обитают боги; там находится резиденция всевышнего (Бхагавана, или Махапуруба), и туда, на суд к нему, являются души усопших. Подземное царство населено rakшасами и прочей нечистой силой. отождествлять эти царства с христианскими понятиями рая и ада тем не менее никак нельзя, поскольку ни то ни другое не являются теми местами, куда переселяются после смерти души и где им воздается за земные дела. Оба они имеют пути связи с земным миром, и сказочные герои нередко их посещают. Чаще герои отправляются в Подземное царство, где господствуют всяческие ужасы и где, соответственно, открывается широкое поле для демонстрации храбрости.

49. Как сына раджи жена спасла

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 93).

Тип TR 155 I b, II b.

¹ См. № 46, прим. 6.

² Тростник служит санталам обычным кровельным материалом. Хотя растение это дикорастущее, санталы заботятся о сохранности его полей: оберегают молодую поросль от погубы скотом и выжигают стерню после заготовок.

³ Имеется в виду широко распространенное в Индии поклонение змеям, принимающее во многих местах формы специфических культов со своими храмами, святынями и празднествами.

⁴ Баньян (*Ficus religiosa*) — один из замечательнейших представителей растительного мира Индии. Это — огромное раскидистое дерево с целым лесом стволов, развивающихся из воздушных корней. Баньяны нередко растут у околицы индийских деревень и служат обычным местом сходок. Баньян обычно считается обиталищем различных божеств и духов и сам является объектом религиозного поклонения.

⁵ См. № 32, прим. 8.

50. Гордый раджа

Пардханская сказка из Патангарха, Мандла (Elwin, XIV, 13).

Как тип у АТ и TR не отмечена. По мотивам спасения от ракшаса отчасти перекликается с разновидностями типа 313, но завязка совершенно иная.

51. Слепой раджа

Сказка байги из Бохи, заминдарство Пандария (Elwin, XV, 4).

Тип АТ — TR 516A I c, b, II, III f.

¹ Хлопковое дерево (*Bombax heptaphyllum*) является объектом поклонения у дравидских народов Центральной Индии и у санталов, считающих его прибежищем местных божеств (ср. здесь Деоваса — букв. «обиталище богов»). Свадебные шатры обычно ставят на кольях из этого дерева. В сказках его наделяют способностью раскрывать свой полый ствол и прятать в нем человека.

52. Невеста ракшаса

Сказка мурии из Наянара, Бастар (Elwin, IV, 6).

Тип TR 510B I e, III d

Оригинальны завязка — сватовство ракшаса — и развязка — гибель от его пепла.

53. Привереда

Сказка мурии из Джхакри, Бастар (Elwin, XV, 5).

Как тип у АТ и TR не отмечена.

54. Кукла-невеста

Сказка мурии из Пхундеры, Бастар (Elwin, XV, 6).

Как тип у АТ и TR не отмечена.

Мотив смещения куклы и живой девушки сближает ее с разновидностями типа АТ 1319. Осложнена характерным для региона мотивом магических успехов в подсечном земледелии.

55. Дочери дано

Сказка байги из Пандпура, Мандла (Elwin, XV, 9).

Тип АТ — TR 327B I (e), II c, III.

56. Как брата на сестре женить хотели

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 92).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, АТ 313E*).

Мотив попользования брата жениться на родной сестре неоднократно встречается в фольклоре как у санталов, так и у дравидских племен Центральной Индии (ср., например, №№ 43, 57 и 58). И у тех и у других по-

добные браки запрещены, поскольку эндогамное племя у них делится на экзогамные родовые подразделения.

¹ Дрова нужны для погребального костра.

² Имеется в виду дым погребального костра.

57. Плавильная печь

Пардханская сказка из Патангарха, Мандла (Elwin, XVII, 8).

По типу сходна с предшествующей.

58. Балосундри

Сказка мурии из Капси, Бастар (Elwin, XVII, 4).

По типу сходна с предшествующими.

59. Откуда взялась трава бачком

Сантальская сказка. Рассказал Бхуджу Мурму из Дхопахара (Boddling, 85).

Тип. TR 780A I, II b, III b, d, e, f.

¹ См. № 20, прим. 3.

² Местная сантальская скрипка представляет собой однострунный инструмент с корпусом из полого куска дерева, обтянутого кожей.

60. Верный пес

Сказка агарии из Мотиналы, Мандла (Elwin, XVII, 2).

Тип AT — TR 780A (I) + 178. Далее оживление девушки и пса.

¹ Печень у индийцев считается магически важной частью тела, заключающей в себе особую силу. В фольклоре региона печень человека — лакомая добыча для ведьм. При жертвоприношениях у ряда лесных племен жертвенник окропляется кровью жертвенного животного и на него возлагается кусок печени, а остальная ее часть отдается жрецу.

61. Дело к Видате

Сказка мурии из Наянара, Бастар (Elwin, XI, 1).

Тип AT — TR 841 + AT 461A (= TR 461B) I, II j, e, h, f, III.

¹ См. № 4, прим. 1.

² Купец произносит поговорку, соответствующую нашей «Бог дал, бог и взял», где «дата» означает «податель», а «видата» — «творец», «устроитель». Неграмотный ткач принял это слово за собственное имя.

³ Грубошерстное, шершавое, как терка, темно-бурое одеяло местного производства служит крестьянам универсальным предметом обихода. Холодной ночью в него заворачиваются целиком, утром накидывают на голову и на плечи, как плед, а в дождь оно служит плащом. Сложенное, оно будет подушкой для сидения или прокладкой для ношения тяжестей на голове.

62. Благословение джуги

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 71).
По типу смыкается с АТ — TR 759 (ср. также 670 и 670А).

¹ См. № 27, прим. 19.

² Решетом здесь переводится обычная индийская веялка — плоская плетенка круглой или эллиптической формы с невысокими краями. С ее помощью провеивают зерно на ветру, она же служит самой грубой меркой.

³ По сантальским обычаям, обвинения, возводимые на замужнюю женщину, должны разбираться в присутствии кого-либо из ее кровных родственников-мужчин.

63. Перо грифа

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 74).
Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, 670).

¹ Изумление брахмана вызвано низким социальным положением кожевников, в большинстве своем неприкасаемых, а внешне обычно отличающихся от представителей более высоких каст своей темной кожей. Правда, в этой сказке речь не о собственно кожевниках — чамарах, а о сапожниках — мочи, представляющих отвлечение от первоначально единой касты, достигшее более высокого социального статуса. В частности, мочи не считаются неприкасаемыми, как чамары, и им разрешается посещать храмы и участвовать в религиозных процессиях. В своих обрядах они подражают высшим кастам и могут приглашать брахманов для совершения церемоний, причем брахман не подвергается от этого осквернению.

² Брахман не должен принимать пищу из рук сапожника. Он берет продукты и готовит их сам.

³ Индуистская традиция рекомендует заключать браки внутри каст. Отступления — брак с представительницей более низкой касты — иногда допускаются для мужчин, но не для женщин, которые в этом случае исторгаются из общины.

64. Как умер раджа и как умер байраги

Сантальская сказка. Рассказал Бхуджу Мурму (Bodding, 75).
Тип АТ — TR 759.

¹ Имя индуистского владыки царства мертвых (сантальское «Джомраджа» из санскритского «Ямараджа») распространено здесь и на его посланцев, приходящих за душой усопшего.

65. Как молодой муж увидел покойницу жену

Сантальская сказка. Рассказал Бхуджу Мурму (Bodding, 78).
Как тип у АТ и TR не отмечена.

¹ Покойников обычно сжигают в специально отведенном для этого месте, чаще всего на берегу реки.

² Огонь к костру при кремации подносится со стороны лица покойного.

66. Как родятся дети

Сказка пандо из заминдарства Упрора (Elwip, XVI, 5).
Как тип у АТ и TR не отмечена.

67. Грех брахмана

Сказка савары, Сарангарх (Elwip, XXV, 3).
Как тип у АТ и TR не отмечена.

¹ Индустам запрещается есть говядину, поскольку корова у них является священным животным. Ортодоксальные же брахманы вообще воздерживаются от мяса.

68. Находчивая жена

Пардханская сказка из Патангарха, Мандла (Elwip, XIV, 5).
Ср. тип АТ — TR 1532 (и 1380 — стороны меняются местами).

69. Умный муж

Курукская сказка из Читракота, Бастар (Elwip, XIV, 4).
Тип АТ — TR 1380.

70. Любовник рани

Сказка мурин из Баянара, Бастар (Elwip, XIV, 6).
Тип АТ — TR 612A III a, b, c, d, (e).
Завязка — предательство жены и ее бегство с факиром,

71. Ловкий котвар

Гондская сказка из тахсила Нивас (Elwip, VIII, 11).
Как тип у АТ и TR не отмечена.
Завязка (голос с дерева) перекликается с АТ 1380 и 1532 (однако здесь муж действует по уговору с женой). Далее см. 1685A (I) (ср. 1691, 1775) + + 1535 II a, (b).

72. Два плута

Сантальская сказка. Записал в 1902 г. Лотхро Мурму, почтмейстер из Мохулпахари (Bodding, 60).
Тип TR 1539 d, h, j.

73. Свадьба за каури

Сказка мурин из Урсибеды, Бастар (Elwip, VIII, 2).
Завязка — поиски каури и жульнический обмен (ср. АТ 1525N I = = TR 1525M I, но здесь обмен односторонний). Далее тип АТ — TR 1541 + + (1525B) + 1539f + 1541.

¹ Герой устроил подобие жертвенного алтаря. Для воскурений обычно используются тоненькие лучинки благовонной древесины (например, сандала).

74. Шутник

Сказка Мури из Бара Хармамунда, Бастар (Elwin, VIII, 12).
Тип АТ — TR 921 c, d, (e) + 1537A Ind + 1539 e + 1088.

¹ Значительная часть населения Индии исповедует ислам (число мусульман в стране было особенно велико до выделения в 1947 г. мусульманского государства Пакистан). Аборигены Центральной Индии относятся к мусульманам с антипатией, как к иноверцам, и нередко выставляют их в комической роли (ср. аналогичное отношение к индуйстам у санталов).

75. Джхорэ и Баджун

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 25).
Тип АТ — TR 1681B + 1692 II b + 177 c.

¹ Имеется в виду мерная чашка, употребляемая санталами. Стандартная мерка такого рода обладает емкостью несколько больше 0,5 л и должна вмещать 40 тола (ок. 0,5 кг) сухого риса. Практически же ее объем варьируется в зависимости от местности. Изготавливаются такие чашки из дерева и нередко имеют медный или железный ободок по верхнему краю, встречаются и целиком металлические.

² См. № 5, прим. 2.

³ См. № 22, прим. 5.

⁴ См. № 5, прим. 7.

⁵ У санталов, как и у многих других народов Индии, принято, чтобы муж именовал жену эвфемистически. Чаще всего для этого используются выражения со значением «человек из дома».

⁶ Обычным путем воровского проникновения в дом, использовавшимся в Индии с древности, служил пролом в стене. Поскольку дома в деревне, если это не бамбуковая или тростниковая хижина, кладутся из сырцового кирпича, продыривать стену оказывается нетрудно.

⁷ Имеются в виду низкорослые местные лошади, немногим крупнее пони.

76. Умный сын

Гондская сказка из Санхрвачапары, Мандла (Elwin, IX, 1).
Тип АТ — TR 1600 + 1381 I a, II a, (b).

77. Как два брата ссорились

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 89).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср. АТ 1684B *, однако здесь бестолковость не природная, а притворная).

¹ Т. е. обратился к деревенскому общинному суду — пятерым (ср. № 25, прим. 6).

78. Вдова ростовщика

Сказка мурин из Кокори, Бастар (Elwin, XXVI, 1).

79. Удачливый прорицатель

Курукская сказка из Читракота, Бастар (Elwin, XXVI, 5).
Тип TR 1641 I b, II a (III).

80. Как сын раджи ума купил

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 88).
Тип TR 1641 I b, II a (III).

¹ См. № 49, прим. 1.

² Здесь перечислены различные должностные лица местной сантальской администрации: деревенский староста (манджхи), он же глава общинного совета деревни; паргана (или парганайт), возглавляющий одноименную территориальную единицу, которая охватывает несколько деревень; помощник последнего (дес-манджхи — букв. «староста края»), стоящий над деревенскими старостами. Простые подданные (райоты) имеют статус арендаторов — они платят подать радже, выступающему как владелец земли.

³ Кишкообразный вязаный сетчатый кошелек предназначен для ношения вокруг пояса.

⁴ См. № 27, прим. 8.

⁵ Упомянутый здесь стул представляет собой подобие табурета с сиденьем из вероховной сетки. На него садятся женщины, которым не разрешается в присутствии мужчин сидеть на кроватях (ср. № 27, прим. 3).

⁶ Десятеро — то же самое, что и пятеро (см. № 25, прим. 6).

81. Мотилал и жемчужины

Сказка лохара год-дхука, Райпур (Elwin, V, 5).
Тип AT — TR 923 I c, a, II c.

¹ Волшебные сласти (обычно это своего рода сладкие мучные катышки, варенные в масле) или лепешки, способные разом утолить голод или жажду или же поднять в человеке силы, неоднократно встречаются в индийском фольклоре.

² Игра слов, основанная на звучании слова «моти» (букв. «жемчужина»).

82. Лентяй

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 49).
Тип TR 1539 g.

¹ Обычная набедренная повязка сантала состоит из шнурка, обвязанного вокруг поясницы, и неширокой полосы ткани, пропущенной между ногами и концами заправленной под этот шнурок. Человек в такой повязке считается «неодетым» в отличие от «обнаженного», т. е. совершенно голого.

² Обмолот в Индии нередко осуществляется с помощью скота. Сжатый

хлеб расстилается по гумну — глинобитной площадке, — и по нему кругами гоняют связанных в ряд волов. Потом скот отводят в сторону, солому тщательно встряхивают и относят прочь, а зерно сметают в кучу и провеивают.

³ Единицы измерения холода здесь не названы. Очевидно, рассказчик хочет сказать: столько холода, сколько хватит на 50 лакхов (т. е. 5 миллионов) человек.

83. Пьяный и раджа

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 53).

Как тип у АТ и TR не отмечена.

¹ Сохрэ — праздник зимнего урожая. Празднуется санталами в течение пяти дней в первой половине января.

84. Как за деньги в суде показывали

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 54).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, АТ 1684В* — бестолковые свидетели).

¹ Непереводимая игра слов. Судья обращается к свидетелю на урду, служившем в конце прошлого и начале нынешнего века основным языком судопроизводства в Британской Индии. Свидетель путает заимствованный из арабского языка термин, имеющий значение «обстоятельство», с созвучным ему словом хинди, обозначающим соху.

² Сал (*Shorea robusta*), асон (*Terminalia tomentosa*) и дхао (*Anogeissus latifolia*) — распространенные в Индии древесные породы, используемые на различные поделки.

85. Сирота

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 11).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср. АТ 563; однако подменен не волшебный, а обычный предмет, и возвращен он не с помощью нового волшебства, а по суду, хотя и не без вмешательства нечеловеческих сил). Интересно на ярком изображении семейных отношений у санталов и детальным воспроизведением процедуры деревенского третейского суда (панчаята).

¹ Санталы придерживаются патриархальных обычаев, и часто при жизни отца, а иногда и после его кончины взрослые сыновья продолжают жить одним домом и вести общее хозяйство. Вместе с тем нередки и случаи выделения сына после женитьбы в самостоятельное хозяйство. В этом случае он получает свою долю земли, скота и прочего имущества, пропорциональную числу мужчин в семье (он сам, его братья, отец).

² Сын как представитель мужского пола, обладающий определенными общественными правами, с самых малых лет может служить матери моральной опорой.

³ В Индии в семьях, следующих традиционным обычаям, не принято называть взрослых членов семьи по имени. При обращении к ним используются имена родства, а лиц, имеющих детей, нередко называют, используя имя ребенка, например говорят: «мать такого-то».

⁴ Корова у большинства населения Индии почитается священным животным. Все, связанное с ней, включая продукты естественных отпавлений, признается благодетельным. Сама корова нередко рассматривается как хранительница домашнего очага.

⁵ Форма почтительного обращения к старшему, особенно к родственнику.

⁶ См. № 25, прим. 6.

⁷ См. № 49, прим. 4.

⁸ См. № 75, прим. 1.

⁹ См. № 18, прим. 2.

¹⁰ См. № 27, прим. 8.

¹¹ Пиво у санталов изготавливается из рисового солода или из проса. Оно служит непременной принадлежностью праздничного стола.

86. Глупый зять

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 27).
Как тип у АТ и TR не отмечена (ср. 1675 след.).

¹ В качестве стульев санталы нередко используют деревянные плахи толщиной до 10 см.

² Дверь в сантальских хижинах держится на веревочных или лубяных петлях.

87. Как козу съели

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 35).
Как тип у АТ и TR не отмечена (ср., однако, АТ 1696).

88. Два брата

Сантальская сказка. Рассказал Бхуджу Мурму из Дхопахара (Bodding, 41).

Тип АТ — TR 1633 b, a.

¹ См. № 61, прим. 2.

89. Позор раджи

Пардханская сказка из Джханки, Мандла (Elwin, III, 5).

По типу смыкается с АТ — TR 782. Озорная завязка и трагический исход.

90. Тели и его слуга

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 34).

Тип АТ — TR 1430A, весьма обычный для Индии. Данный вариант привлекает живостью фантазии растяпы-носильщика и непосредственностью реакций обоих действующих лиц.

¹ Растительное масло в индийской деревне давят обычно тяжелым деревянным прессом с приводом от воловьей упряжки.

91. Мечтатель

Гондская сказка из Каранджи, Мандла (Elwin, X, 1).
Тип АТ — TR 1430А + TR 1643А Ind.

92. Женщине ничего не рассказывай

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 18).
Тип АТ — TR 1381С.

¹ Имеется в виду девушка, нанимаемая на целый год для работы в хозяйстве. Такую работницу кормили, одевали и, кроме того, ей давали небольшую долю с урожая.

² См. № 22, прим. 5.

93. Лентяйка

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 32).
По типу сходна с АТ 902*.

¹ Месяцы асар (асарх) и сан (саван) охватывают период с середины июня до середины августа. В эту пору начинается сезон дождей и ведутся основные полевые работы.

² Т. е. сосчитают пульс. Сантальский знахарь («оджха») занимается врачеванием, изгоняет бесов, помогает от глазу и т. д.

³ Тирра, именуемая также земляной тыквой, — лесное вьющееся растение (*Ruegaria tuberosa*). Оно имеет громадные клубни, которые могут употребляться в пищу.

⁴ Хлопки в ладоши у санталов выражают неодобрение и насмешку.

94. Мачеха

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 21).

Как тип у АТ и TR не отмечена (ср. АТ 765). Отражает реальную бытовую ситуацию.

¹ Крестьянин-сантал после смерти жены не может долго вдоветь, так как одному ему крайне трудно управляться с хозяйством. Обычно он женится вторично к началу следующего сельскохозяйственного сезона, т. е. менее чем через полгода (таких сезонов в году два). На этот раз женится он, как правило, на вдове, и вторая свадьба празднуется значительно скромнее, чем первая. По верованиям санталов, второй брак носит чисто земной характер и прекращается со смертью одной из сторон, тогда как узы первого сохраняются и в загробном мире, независимо от жизненных перипетий. Поэтому девицы редко соглашаются выходить за вдовцов.

² О конструкции сантальской сохи см. № 5, прим. 2.

95. Тели и его сыновья

Сантальская сказка. Записал Саграм Мурму (Bodding, 90).
Как тип у АТ и TR не отмечена.

¹ Обычный зачин сантальских загадок, смысл которого не ясен. Возможно, это поощрение отгадчикам не медлить с ответом.

² В оригинале здесь и ниже упоминаются четыре сына, хотя по смыслу их явно должно быть три.

96. Муравей и уголек

Сказка байги из Талияпани, заминдарство Пандария (Elwin, XXIV, 2). По типу смыкается с разновидностями АТ 2030. Цепная реакция; связь событий не мотивирована.

97. Сон и богатство

Сказка мурин из Атургаона, Бастар (Elwin, VII, 3). По типу смыкается с АТ 298.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АТ — The Types of the Folktale, A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen, Translated and Enlarged by Stith Thompson, 2nd revision, Helsinki, 1964.
- Bodding — Santal Folk Tales, Edited by P. O. Bodding, vol. I—III, Oslo, 1925—1929.
- Bdk — Indian Animal Tales, A Preliminary Survey, by Laurits Bøker, Helsinki, 1957.
- Elwin — Verrier Elwin, Folk-tales of Mahakoshal, Oxford University Press, Bombay, 1944.
- TR — Types of India Oral Tales; India, Pakistan and Ceylon, by Stith Thompson and Warren E. Roberts, Helsinki, 1960.

СЛОВАРЬ

В словарь вынесены индийские слова, оставленные в тексте без перевода и встречающиеся в сказках более одного раза. Однократно употребленные слова такого рода толкуются в примечаниях.

Агария — профессиональная (кастового характера) группа гондских кузнецов и углежогов, занимающихся кустарной выплавкой железа и изготовлением из него различных изделий сельского обихода.

Ана — мелкая монета стоимостью в $\frac{1}{16}$ рупии.

Ардали (из английского *orderly*) — сторож или вестовой при официальной администрации.

Байга — одна из небольших дравидских народностей Центральной Индии. До недавнего времени байги вели преимущественно кочевой образ жизни в лесах, занимаясь охотой и подсечно-огневым земледелием. Как самая древняя группа местного населения, к тому же тесно связанная с природой по своему образу жизни, байги пользуются репутацией колдунов и нередко выступают в роли деревенских жрецов.

Байраги — общее наименование для членов различных вишнуитских сект, занимающихся религиозным подвижничеством и ведущих образ жизни нищенствующих проповедников. В обычном понимании это аскет, отказавшийся от мирских привязанностей.

Баня — член касты (иногда эта социальная группа трактуется как конгломерат ряда каст), занимающейся торговлей и ростовщичеством. С малых лет банию приучают считать и добывать деньги, что накладывает специфический отпечаток на его характер.

Бачком — нитевидное травянистое растение (*Pollinia gloriosa*), известное также под названием травы «сабаи». Используется для вития веревок и поставляется в качестве сырья на бумажные фабрики.

Бигха — основная земельная мера в Северной и Центральной Индии (ок. $\frac{1}{4}$ га).

Бонга — дух, божество у санталов. Из духов в число бонг включаются в первую очередь те, которым санталы поклоняются как божествам. Круг их ограничен не вполне четко. Сюда входят луна и солнце, а иногда соответственно и всевышний (см. Чандо); к ним относят и души умерших, но не всех, а только тех, кто жил и умер, подвергшись необходимым процедурам ритуального очищения (ср., напротив, бхуг, чурин и др.).

- Брахман — представитель высшей (жреческой) касты. С древности брахманы в Индии были носителями учености и толкователями священных книг. Впоследствии они стали обращаться к самым различным профессиям, предпочитая по возможности почтенные.
- Бхагаван — всевышний. Приводимая в сказках характеристика его пышного двора, где происходят танцы красавиц, весьма схожа со средневековым представлением о резиденции Индры — главы ведического пантеона.
- Бхадон, бхадор — шестой месяц индийского года. Он длится с середины августа до середины сентября, и на него приходится конец сезона дождей.
- Бхатра — родственное гондам дравидское племя, живущее в Бастаре. Члены его занимаются земледелием или несут наемную службу в деревнях.
- Бхитар — внутренний угол однокомнатного санталского дома, который отделен от остального помещения невысокой (обычно не выше человеческого роста) стенкой, образующей подобие стойла. Это — своего рода домашний алтарь, где совершаются подношения пищи духам предков. Посторонние женщины, включая замужних дочерей хозяина, не должны иметь доступа в бхитар.
- Бхут — злой дух (в широком смысле). Более узко, по общим индийским поверьям, бхуты — души людей, умерших насильственной смертью, а у санталов — души мертворожденных младенцев или младенцев, скончавшихся до совершения очистительной церемонии чхати и вследствие этого не подвергшихся кремации. Бхуты живут в полях, лесах, реках, колодцах. Они любят пугать людей, и, чтобы умилостивить их, им совершают приношения риса. Характерно, что бхуты не могут опускаться на землю, которая персонифицируется как богиня, отвращающая всякую нечисть. Поэтому у могил, а иногда и у домов для бхутов ставятся колья или подвешиваются шест вроде насеста.
- Гайта — староста или жрец в гондской деревне.
- Ганда — одна из низших каст в районе плато Чхота Нагпур. Члены ее занимающейся ткачеством (выделяют грубые ткани), а также поют и танцуют на деревенских праздниках. Танцевать обычно выходят два юноши, одетых под женщин и пестро украшенных: на правом плече у них укрепляется метелка павлиньих перьев, с рук и спины свисают цветные ленты, развевающиеся при танце. Касту ганда относили к числу нечистых. Ее члены жили отдельно от основного населения деревни, они не имели доступа в деревенский храм и к общественному колодцу, прямое соприкосновение с ними запрещалось.
- Гонд — крупнейшая и наиболее развитая из дравидских народностей Центральной Индии. До XVIII в. гонды владели обширными территориями на равнинах, где имели ряд независимых или полунезависимых княжеств, управлявшихся гондскими раджами. Впоследствии были частью покорены маратхами, частью оттеснены в труднодоступные горные и лесные районы. Первые в большинстве своем перешли в разряд наемных сельскохозяйственных рабочих, вторые занимались охотой, рыболовством и подсечным земледелием.
- Госани — в широком понимании, праведник, святой. Слово это служит общим наименованием для членов целого ряда сект религиозных под-

вижников (в Центральной Индии, как правило, шивантского толка), ведущих аскетический образ жизни и странствующих с проповедью по деревням.

Гуру — наставник, учитель. У индуистов — духовный руководитель, избираемый на всю жизнь.

Гхат — спуск к реке или пруду — к месту, где берут воду, умываются и стирают.

Дан — ведьма (у санталов).

Дано — разновидность ракшаса (см.).

Дарбар — прием (главным образом при дворе раджи), собрание, совет. Так же может называться приемный зал во дворце.

Девар — колдун у байга (см.).

Деко — так санталы именуют индуистов (кроме тех, кто относится к низким кастам). Кошки-деко — презрительное прозвище индусов-розовщиков и торговцев.

Джог-манджи — одно из ответственных лиц санталской деревенской администрации. Его обязанностью является наблюдение за нравами молодежи. Он же руководит церемониалом на свадьбах и других празднествах.

Джуги, джоги — йог. Странствующий подвижник, овладевший, в соответствии с философским учением йога, контролем над своим телом и духом. Простое сельское население верит, что джуги наделены чудодейственной силой и им открыты потусторонние тайны.

Дивали — праздник огней в честь Лакшми, богини счастья и богатства, устраиваемый в новолуние месяца картик. В эту ночь из каждого дома на улицу выставляется хоть одна зажженная лампа.

Диван — советник при радже, министр.

Дом — одна из низших индуистских каст. Члены ее выступают музыкантами и танцорами на свадьбах и других празднествах (ср. Ганда).

Дон — одна из наиболее популярных санталских плясок, в которой может участвовать все население деревни, независимо от пола и возраста. Пляшут дон на свадьбах и на праздниках по случаю признания ребенка членом племени.

Дхоти — мужская набедренная повязка из длинной (4—5 м) и широкой полосы ткани.

Дхуби, или дуб (Synodon dactylon) — трава, растущая повсеместно в области расселения санталов. Ключки этой травы, которыми обмениваются стороны, договариваясь о чем-либо, символизируют взаимное признание правильности сделки.

Исор (из санскритского «ишвара») — бог, всевышний.

Йоджаи — мера расстояния (ок. 15 км).

Кавар — немногочисленная дравидская народность, живущая в горных районах Чхаттисгарха. Кавары считают своим призванием военную службу, но практически заняты больше в сельском хозяйстве.

Калар — индуистская каста виноделов и торговцев вином.

Калиюга — согласно индуистской космологии «железный век» — последний из четырех великих периодов, на которые распадается история мира с момента его возникновения до грядущей гибели. Он характеризуется как век беззакония и зла.

Кания — девушка.

- Картик** — восьмой месяц индийского года. Он приходится на сентябрь — октябрь и считается концом осени.
- Каури** — небольшая ракушка. Такие ракушки широко использовались в деревнях вместо самой мелкой разменной монеты.
- Кахар** — каста носильщиков паланкинов и водоносов.
- Кеват** — каста рыбаков и лодочников в Чхаттисгархе. Члены ее занимаются и земледелием.
- Кос** — мера расстояния, весьма приблизительная и варьирующаяся в разных местах (в среднем около 4—5 км).
- Котвар** («котвал» — так именовался начальник стражи средневекового индийского города) — деревенский стражник, состоящий на службе у общины. Обычно относится к какой-либо из низких (нечистых) каст, чаще всего ткаческой — панка или ганда. Котвар — непременный комический персонаж народных сказок.
- Лагрэн** — обычная сантальская пляска, в которой девушки идут хороводом, а юноши выплясывают перед ними с барабанами или другими музыкальными инструментами.
- Лакх** — сто тысяч.
- Ламана** — каста погонщиков вьючных быков.
- Ламсена** — претендент на руку девушки, не имеющий средств на выкуп невесты и вместо выкупа бесплатно отработавший обусловленный срок (от трех до шести лет) в хозяйстве будущего тестя.
- Лохар** — каста кузнецов. Ее члены обычно состоят на службе у деревни, за что им платят небольшую долю зерна с урожая. Доход их, как правило, весьма невелик, и кузнецы относятся к беднейшим группам сельского населения.
- Ман** — мера веса (ок. 40 кг).
- Мантри** — см. Диван.
- Масан** — злой дух, обитающий на месте сожжения трупов. Черные, ужасного вида масаны прячутся в золе погребальных костров и подстерегают случайных прохожих.
- Мачкунда** (*Pterospermum acerifolium*) — дерево с ароматными цветами, которыми сантальские девушки любят украшать свои волосы. Эти цветы считаются также средством от головной боли.
- Махадео** (букв. «великий бог») — эпитет Шивы, бога-разрушителя, одного из членов великой индуистской триады: Брахма — Вишну — Шива. Культ Шивы весьма распространен в Центральной и Южной Индии. В сказках Шива выступает обычно в обществе своей супруги Парвати, побуждающей его делать добро страждущим.
- Махапуруб** — 1) всевышний (см. Бхагаван); 2) форма обращения к предателям некоторых социальных групп.
- Махара** — индуистская каста ткачей. В Мандле они в большинстве своем входят в секту Кабирпантх и не считаются неприкасаемыми.
- Махарадж** (букв. «великий раджа») — форма почтительного обращения.
- Махлэ** — близкородственное санталам племя, сходное с последним как по своей родовой организации, так и по языку. Наряду с земледелием махлэ занимаются изготовлением плетеных изделий. Санталы относятся к махлэ свысока и считают их не заслуживающими доверия.
- Махуа** (*Bassia latifolia*) — дерево с красивыми цветами, из которых гонят вино. У санталов и у ряда народностей Центральной Индии оно

служит также свадебным деревом — в свадебной церемонии используются его цветы, ветки или изготовленный из него шест.

Мурия — одна из небольших групп гондов, живущая в Бастаре.

Нахарни — особого рода инструмент, включающий щипчики, иглу и ножевое лезвие. Им пользуются для извлечения заноз и подстригания ногтей.

Пайса — мелкая медная монета ($\frac{1}{4}$ ана); грош.

Парвати — супруга бога Шивы (см.), выступающая под этим именем в милостивой своей ипостаси.

Паргана — территориальная единица, охватывающая несколько деревень. У санталов так же именуется и представитель местной власти, главенствующий на этой территории.

Патсал (из санскритского «патхашала») — здесь деревенская школа традиционного индуистского типа.

Прет — призрак. Душа недавно умершего, по поверьям не находящая покоя до завершения погребальных обрядов. Иногда в этот разряд относят души уродов и людей, получивших увечье.

Пус — десятый месяц индийского года; длится с середины декабря до середины января.

Раджа — индийский феодальный владетель. Вплоть до завоевания Индией в 1947 г. независимости раджи возглавляли формально самостоятельные, но находившиеся под британским контролем государства-княжества, число которых в последний период превышало 500. Некоторые из этих княжеств представляли собой подлинные царства. Наряду с этим владения многих раджей, особенно тех, которые не пользовались официальным признанием, ограничивались несколькими деревушками. Таковы, как правило, раджи, изображаемые в сказках сборника. Могучими среди них выглядят те, чья резиденцией служит городок или крепостца.

Раджжумари — дочка раджи, царевна.

Ракшас — злой демон, выступающий в самых разнообразных чудовищных обликах: великанов, всяческих уродов, сверхъестественных животных и пр. Ракшасы — жестокие, кровожадные людоеды, и тем не менее сказочных героев постоянно влекут к ним их богатства и разные чудесные вещи, которыми они владеют; к тому же у ракшасов редко нет хорошеньких дочек.

Рам — легендарный герой, в средние века обожествленный и широко почитаемый индуистами. Его имя служит формой приветствия при встрече и расставании, а также используется как восклицание, выражающее сильные чувства.

Рани — супруга раджи, царица.

Рупия — серебряная монета, основная единица индийской денежной системы. Под рупиями могут подразумеваться и серебряные деньги вообще.

Руси (из санскритского «рши») — мудрец, благочестивым созерцанием достигший святости.

Садху — отшельник, святой (см. также Байраги). Отношение сельского населения к такому рода подвижникам двоякое. Религиозное почтение нередко смешивается с подозрением, поскольку немало садху на поверку оказывается шарлатанами или садистами (последнее выте-

кает из ряда жестоких черт шивантского культа). Не случайно садху в сказке «Женитьба на Бэл-канин» мало отличается от ракшаса.

Саньяси — см. Госаин.

Сари — широко распространенное в Индии женское платье из прямого широкого куска цветной, иногда богато вышитой ткани. Сари оборачивается вокруг торса, а концом его нередко прикрывают голову.

Сахиб — господин. Чаще всего так называли чиновников-европейцев и так же к ним обращались. Кроме того, это слово добавляют к личным именам и формам титулования.

Сика — четверть рупии. В конце прошлого века пять сика были у санталов обычной суммой штрафа, накладываемого на провинившегося деревенским советом.

Сингхи — по гондским поверьям, сверхъестественные помощники гондских раджей, содействовавшие им в ратных делах.

Синдур — красная краска (сурьма, киноварь). Ею наносятся на тело ритуальные знаки, например, во время заключения брака, а также декоративные узоры.

Тели — каста маслоделов. Ее члены занимаются выжимкой растительного масла (кунжутного, горчичного и др.) и торгуют им, бродя по деревням. Социальный статус их невысок.

Тика — ритуальная метка, наносимая на лоб краской (см. Синдур), порошком куркумы, простоквашей и др. в знак благословения или при совершении какого-либо обряда. Так же именуется свадебный обряд, связанный с нанесением на чело брачащихся этого знака и поднесением подарков.

Факир — нищенствующий подвижник-мусульманин.

Хукка — курительная трубка типа кальяна. Конструкция и форма ее бывает различна.

Чандо — всевышний у санталов. Это же имя у них носят солнце и луна.

Чапраси — служитель, рассыльный в конторе.

Чурелин, чурин — ведьма. По поверьям, это дух женщины, умершей во время беременности или вскоре после родов, т. е. ритуально нечистой. Индуисты таких покойниц сжигают после извлечения плода, а санталы предпочитают хоронить их в земле. Считают, что они становятся вампирами, которые подстерегают одиноких путников. Особенно страшны они для молодых мужчин. Одни представляют их страшилищами с огромной головой и торчащими во все стороны волосами, по мнению других, чтобы завлекать юношей, они принимают облик красавиц.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Г. А. Зограф. Предисловие	5
-------------------------------------	---

СКАЗКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНДИИ

1. Птичий раджа. Перевод З. Е. Самойловой	29
2. Лягушка-неудачница. Перевод З. Е. Самойловой	29
3. Шакал и кабан. Перевод З. Е. Самойловой	30
4. Шакал-пройдоха. Перевод Г. А. Зографа	32
5. Шакал и сантал. Перевод Г. А. Зографа	39
6. Вор, тигр, медведь и шакал. Перевод Г. А. Зографа	44
7. Тигр и краб. Перевод З. Е. Самойловой	45
8. Тигр и заяц. Перевод Г. А. Зографа	47
9. Тигриный обет. Перевод З. Е. Самойловой	48
10. Ленивый байга. Перевод З. Е. Самойловой	50
11. Сумерки. Перевод З. Е. Самойловой	52
12. Заяц и сантал. Перевод Г. А. Зографа	54
13. Две змеи. Перевод З. Е. Самойловой	55
14. Благодарные звери. Перевод З. Е. Самойловой	57
15. Милосердный агария. Перевод З. Е. Самойловой	59
16. Рыба-помощница. Перевод З. Е. Самойловой	60
17. Как сосватали леопарда. Перевод Г. А. Зографа	62
18. Шакал и молодые супруги. Перевод Г. А. Зографа	64
19. Мщение сына. Перевод З. Е. Самойловой	66
20. Двенадцать братьев. Перевод З. Е. Самойловой	67
21. Дворец у ручья. Перевод З. Е. Самойловой	73
22. Блестящий козел. Перевод З. Е. Самойловой	75
23. Золотая птица. Перевод З. Е. Самойловой	85
24. Краб-попутчик. Перевод Г. А. Зографа	90
25. Гунджхира. Перевод З. Е. Самойловой	99
26. Кара и Гуджа. Перевод Г. А. Зографа	105
27. Сын плотника. Перевод Г. А. Зографа	108
28. Нерассказанные сказки. Перевод З. Е. Самойловой	128
29. Каджал-рыба. Перевод З. Е. Самойловой	130
30. Жена-обезьяна. Перевод З. Е. Самойловой	134
31. Краб-царевич. Перевод З. Е. Самойловой	135
32. Лангур. Перевод Г. А. Зографа	138
33. Жена обезьяны. Перевод З. Е. Самойловой	151

34. Зять-обезьяна. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	153
35. Дасмотин-кания. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	154
36. Басук Наг и байга. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	158
37. Тигринный выкормыш. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	160
38. Как паренек играл в шарики. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	162
39. Железная телега. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	167
40. Сын оленихи. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	169
41. Непризнанный сын. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	170
42. Сын Лесной рани. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	175
43. Ревнивые рани. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	178
44. Раджкумари. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	182
45. Невестка. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	188
46. Раджа Лохабандха. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	192
47. Сингхисурва. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	200
48. Женитьба на Бэл-кании. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	205
49. Как сына раджи жена спасла. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	209
50. Гордый раджа. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	218
51. Слепой раджа. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	220
52. Невеста ракшаса. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	223
53. Привереда. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	225
54. Кукла-невеста. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	226
55. Дочери дано. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	228
56. Как брата на сестре женить хотели. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	230
57. Плавильная печь. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	237
58. Баласундри. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	239
59. Откуда взялась трава бачком. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	241
60. Верный пес. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	244
61. Дело к Видате. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	245
62. Благословение джуги. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	249
63. Перо грифа. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	253
64. Как умер раджа и как умер байраги. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	255
65. Как молодой муж увидел покойницу жену. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	256
66. Как родятся дети. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	257
67. Грех брахмана. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	257
68. Находчивая жена. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	258
69. Умный муж. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	259
70. Любовник рани. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	260
71. Ловкий котвар. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	262
72. Два плута. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	263
73. Свадьба за каури. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	266
74. Шутник. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	271
75. Джхорэ и Баджун. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	275
76. Умный сын. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	281
77. Как два брата ссорились. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	285
78. Вдова ростовщика. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	288
79. Удачливый прорицатель. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	289
80. Как сын раджи ума купил. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	291
81. Мотилал и жемчужины. <i>Перевод З. Е. Самойловой</i>	297
82. Лентяй. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	300
83. Пьяный и раджа. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	305
84. Как за деньги в суде показывали. <i>Перевод Г. А. Зографа</i>	306

85. Сирота. Перевод Г. А. Зографа	309
86. Глупый зять. Перевод Г. А. Зографа	320
87. Как козу съели. Перевод Г. А. Зографа	322
88. Два брата. Перевод Г. А. Зографа	323
89. Позор раджи. Перевод З. Е. Самойловой	324
90. Тели и его слуга. Перевод Г. А. Зографа	325
91. Мечтатель. Перевод З. Е. Самойловой	327
92. Женщине ничего не рассказывай. Перевод Г. А. Зографа	328
93. Лентяйка. Перевод Г. А. Зографа	330
94. Мачеха. Перевод Г. А. Зографа	333
95. Тели и его сыновья. Перевод Г. А. Зографа	335
96. Муравей и уголек. Перевод З. Е. Самойловой	339
97. Сон и Богатство. Перевод З. Е. Самойловой	341
Примечания	342
Библиографические сокращения	367
Словарь	368

СКАЗКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНДИИ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *И. Л. Елевич*. Художник *Л. Ф. Гарин*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *С. В. Цветкова*. Корректоры *М. К. Киселева*, *В. М. Кочеткова* и *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 2/Х 1970 г. Подписано к печати 23/ХI 1970 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Бум. № 2. Печ. л. 23,5. Усл. п. л. 21,855. Уч.-изд. л. 21,41. Тираж 90 000 экз. Изд. № 2257. Зак. № 3841. Цена 1 р. 27 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

